

ПИСЬМА НЕПОКОРНОГО

«И последний враг,
который будет
уничтожен — Смерть».

Св. Павел
(I Кор XV, 26)

*Матери,
открывшей мне дверь
последнего и решающего бунта.*

Сатпрем

Письма
непокорного

том 2

1954-1982

*Институт Эволюционных Исследований
Робер Лаффон*

Издательство Робера Лаффона, S.A., Париж, 1994
Институт Эволюционных Исследований, Париж, 1994
ISBN 2-221-07894-2

После долгих путешествий по Индии, по Франции, по Южной Америке и Африке Сатпрем, будучи в Париже, в конечном счёте сталкивается с тем же отчаянным вопросом, на который не смогла дать ответа его жизнь путешественника и искателя приключений (см. Письма Непокорного, том 1).

В конце 1953, в возрасте почти тридцати лет Сатпрем снова обращается к Индии, к Шри Ауробиндо и Матери и решает испытать путешествие сознания, единственное, которое, как ему кажется, даёт окончательный смысл нашей жизни, в которой столь мало человеческого. В начале декабря 1953 он прибыл в Индию, а в конце февраля 1954 в Пондичерри, после краткого пребывания в Алморе в Гималаях.

1954

Алмора, 11 февраля [1954]
Клари

Подруга, я получил ваше письмо и глубоко огорчён, что нечаянно «манкировал» вас именно в тот момент, когда весьма рад был бы хоть немного помочь вам своей дружбой — воистину, это абсурдно, что письмо потерялось. Я сохранил копию этого письма, которое я тогда считал важным, и хочу снова переписать его вам, прежде чем непосредственно ответить на ваше письмо:

Алмора, декабрь [1953]

«...Я уехал от вас с печалью в сердце, потому что мне кажется, что вы покинуты в великом одиночестве, дающем вам, скорее, удовольствия, чем истинные Радости; мне казалось, что ваш «компромисс» не был выходом, ибо я сомневался, что вы безоговорочно принимаете вашу нынешнюю жизнь; вы не тот человек, который довольствуется тем, что есть, за неимением лучшего. И я с тревогой наблюдал, как вас затягивает в худшее; я опасался — возможно, напрасно — что вы отказываетесь от самой себя в этой мелкой ежедневной мясорубке, где всё идёт «лишь бы как», где время, скорее, подтачивает, чем закаляет.

Редко встретишь таких, как вы, кто не принимает ничего, кроме самих себя, которые не желают полагаться ни на что другое, кроме самих себя, и зависеть ни от чего другого, кроме самих себя. (...) Я понимаю вашу СДЕРЖАННОСТЬ и эту непоколебимую нужду полагаться только на себя как на вашу единственную обитель на одинокой скале нашей близости. И есть в нас нечто ожесточённое, которое вспучивается, готовое всё разрушить, всё разорить, всё отринуть и от всего отказаться, как только наша свобода оказывается под угрозой или просто слегка качнулась под весом другого; как только возникает хотя бы

малейший риск, что наши внутренние владения будут нарушены теми, кто всегда останутся для нас чужаками. *Noli me tangere*¹!

Но в то время, как вы упорно защищаете свою внутреннюю крепость, в то время как вы претендуете на неприступность, существует часть вас самой, которая конфликтует с Максом², упрекает его в молчании и желает восстановить контакт; и вы страдаете, возможно, оттого, что не можете отдаться ему более полно. С другой стороны, вы, похоже, страдаете и от того, что не можете отдаться Р.— по противоположной причине, из-за его отношения к вам. Таким образом, вы остаётесь в состоянии острой внутренней напряжённости, балансируя на тонкой грани абсолютного противоречия: «Ни с тобой, ни без тебя». Этим самым противоречием вы поймали в силки и саму себя, и вашу неизлечимую уникальность. Это противоречие обнажает вашу неотъемлемую часть — внутреннюю скалу, «чуждость» всему миру и всем существам, вашу непреодолимость никакими средствами, никаким «способом» жизни. Для вас всё, что не является этим ярким противоречием — дезертирство, отказ, отречение от самой себя. Я понимаю ваш отказ от любой «веры», любой «мистики», любой доктрины и любой «предвзятости», которые вы воспринимаете как многочисленные «потолки», какими бы «высокими» они ни были, как бегство из этого яркого мира, которым вы, Клари, являетесь; мира, непримиримого ко всему, неприводимого ни к какому общему знаменателю. Вы приняли только одну сторону — свою. Мне кажется, я воспринимаю вас как брата: есть в вас мужество, которое мне близко.

Но также я верю, что этот способ бытия — просто этап, трудный и поглощающий, но лишь этап, а не желательное состояние. Таким образом, есть «диалектический интеллектуальный этап», когда одни слова зажигаются от других, как сигареты, чтобы в финале получить лишь мутный дым — ибо когда всё уже сказано, остаётся ещё этот непостижимый осадок Правды, которую невозможно привести ни к каким словам, ни к каким символам, ни к какой интеллектуальной категории; кроме того, есть ещё один этап — проживаемый вами прямо сейчас —

---

1 «Не прикасайся ко мне!»

2 Муж Клари.

который можно назвать «этапом концентрационного лагеря», где вы замурованы в самой себе, сконцентрированы на этом маленьком непостижимом осадке правды, вокруг которого вы кружите, как арестант за своей собственной колючей проволокой. И мы думаем, что обходим наши уникальные владения вдоль внешних стен нашей неприступной цитадели, как бдительный охранник — хотя на самом деле мы, фактически, бегаем по кругу внутри первой ограды и, словно кружащиеся дервиши, ошибочно принимаем нашу слепоту за ясность. Мы арестанты, и кажется, что ничего не имеет реальности вне этой урчащей внутренней напряжённости, а со временем само это урчание, кажется, теряет свою реальность, и нас выбрасывает на громадный, пустой «плац», где нас больше никто не зовёт, где нет больше ничего и никого, где мы существуем только в некой разновидности головокружительного спазма нас самих. И против этого забвения нашей собственной реальности, против этого ОПУСТОШЕНИЯ самих себя нам остаётся только последнее убежище: страдание или тревога. Эти страдание и тревога служат нам последним призывом к самим себе, последним принятием самих себя и последней защитной оградой, за которой мы пытаемся удержать пламя жизни, готовое вот-вот рассеяться; где мы пытаемся зацепиться за последний образ самих себя, который лишь благодаря нашей тревоге всё ещё может остаться живым. На этой стадии не остаётся больше ничего реального, кроме страдания или желания страдать, как защиты против нашей собственной пустоты; и мы отклоняем всё, что могло бы лишить нас этого или облегчить это — потому что мы слишком боимся остаться невесомыми; ибо это страдание — последний вибрирующий узел, где мы ещё можем держаться.

Так что я понимаю, почему вы с такой энергией защищаете своё внутреннее напряжение; вы писали мне: «Я ненавижу всё, что позволяет отдохнуть... Всё, что не страдает — это призыв к комфорту... Без страдания нет ни искусства, ни жизни; это потолок, каким бы высоким он ни был, это удовлетворение собой». Однако, я считаю, подруга, что это страдание, сосредоточенное на самом себе, заканчивается, скорее, судорогой, где мы застываем в анестезии, чем истинным напряжением, поддерживающим наше продвижение вперёд. К страданию вас привязывает не столько беспристрастная логика, сколько

витальная реакция, пытающаяся заполнить пустоту, подобная реакции младенца, который кричит в ночи. И как вы можете заранее судить о состоянии, которого вы ещё не достигли??

Речь не о том, чтобы освободиться от страдания или стремиться к отдыху и «Счастью», а, скорее, о том, чтобы стремиться к полному расцвету, к ЧЕЛОВЕЧЕСКОМУ осуществлению, тотализации наших владений. Нужно сделать решительный шаг от этапа «концентрации» к этапу «расширения» — первый является средством достижения второго. Нет, речь не о том, чтобы сбежать от мира — хотя на какое-то время это бывает необходимо, чтобы собраться — и не о том, чтобы приобретать «заслуги» для попадания в «мир лучший»; речь о том, чтобы работать ВНУТРИ самих себя, как упражняют слух, зрение, память или мышцы, чтобы открывать новые человеческие перспективы, сломать эту стену, в которую мы все упёрлись, — и в итоге вернуть человеку полноту его владений *hic et nunc*, здесь и сейчас.

Нелегко стремиться к этому новому этапу «расширения», потому что мы остаёмся привязанными к старой автоматике, к нашим привычным ментальным ассоциациям, рутинным реакциям наших чувств, всегда отвечающих одним и тем же способом на одни и те же возбуждения: рутина мыслей, рутина удовольствий, рутина страданий, инерции и равнодушия.

Мы достойны лучшего — и именно поэтому подсознательно мы защищаем нашу индивидуальность от любых внешних вторжений. Эта индивидуальность — лишь указатель, «знак на пути», но не нужно останавливаться перед первым же забором. Нужно идти в самое сердце своего существа, изгнать из нашего замка все его старые привидения, все ужасы и саму умозрительную идею о том, что мы действуем. Чтобы добраться до этой сердцевины себя, нужно иметь мужество пересечь длинные, пустые, безмолвные залы; нужно принять пустоту без искусственного наполнения её страданиями, без декораций, без трюкачества, без партитуры для восполнения «дыр». Нужно закатать рукава и очистить сцену от всех наших любимых марионеток, даже самых благородных — до тех пор, пока пустота не ЗАПОЛНИТСЯ сама собой, не заполнится нами, нашей интегральной мощью, нашим «супра-ментальным» сознанием. Давайте найдём мужество отказаться от наших старых рутинных

репетиций ради истинной «Премьеры» (о которой как-то говорил Базилио³, не очень хорошо понимая, что он хотел сказать).

Какая ваша часть толкнула вас сказать мне при моём отъезде, что я был для вас «пробным шаром^{*}»?... Что в вас отказывается «попробовать» — если не старые автоматизмы? После многолетних путешествий я уверен, что найду истинную ОТПРАВНУЮ ТОЧКУ. Вы видите, что это новое «Приключение» не является разделением, отрывом от человека, доказательством чего служит моё письмо! Верьте мне, Клари, и не уставайте преодолевать себя; нет «потолка», есть лишь расширение без конца, которое нужно постоянно отвоёвывать у самого себя и *вопреки* самому себе...»

Вот то, что я написал вам два месяца назад. Несколько дней назад я послал вам пару слов, чтобы сообщить о своём отправлении в Ашрам в Пондичерри. Но пока ещё я здесь, застрял в Алморе из-за денег, которые мне должны и которые никак не придут. Весело! Но я надеюсь как-нибудь устроиться. Как я уже сообщал вам в своей последней записке, я провёл эти два месяца в интенсивной работе над длинным «Эссе», которое будет называться *В поисках Супраментала*. Когда оно будет закончено, попытаюсь выслать вам перепечатанную копию, ибо полагаю, что работа эта может вас заинтересовать, либо даже помочь вам практически (?).

Конечно, ваша боль становится и моей тоже, подруга, и мне хотелось бы обнять вас... Не знаю, что вам сказать, так как опасаясь, что со своей стороны вы воспринимаете мои слова как отражение чёрствости, или что мои размышления, как вам кажется, идут «издалека» или «сверху» — это совсем не так. (...) Мне кажется, что ваша жизнь полна этих знаков, полна призывов, но вы упорствуете в том, чтобы их не слышать — ибо вас ничто не удовлетворит, ни Жилле, ни Макс, ни Р., ни Ф.; ничто вам не поможет и не украсит вашу жизнь, пока вы сами себе не поможете, найдя это глубинное *иное* сознание, которое здесь, в вас, которое ждёт вас, ждёт

---

3 Базилио — персонаж незаконченного и исчезнувшего романа, который Сатпрем начал писать в 1947 в Пондичерри.

* *ballon d'essai* также можно перевести как «шар-зонд», «шар-аэростат» (прим. пер.)

проявления вашего мужества. Я не призываю вас «верить» или принимать сторону Шри Ауробиндо или Ашрама; но *испытать* и принять вашу собственную сторону, наиболее глубинную... Всё, что я могу вам сказать — что здесь жизнь, кажется, обретает широту и глубину, и что здесь обнаруживаешь великие РАДОСТИ.

.....

Напишу вам позже из Пондичерри, чтобы немного рассказать о своей новой жизни — это именно приключение... Я даже не предполагаю, куда всё это меня приведёт, но в конечном счёте, почему бы не отважиться целиком рискнуть самим собой с головы до пят.

Обнимаю вас, подруга, и желаю обрести мужество.

Пишите мне; и поверьте, что «я не витаю в облаках», я действительно ощущаю в сердце вашу боль и хотел бы полностью разделить её с вами.

Б.

***

*(16 февраля, за несколько дней до годовщины Матери,
Сатпрем, наконец, прибыл в Пондичерри).*

Пондичерри, 3 марта [1954]
Бернару, д'Онсие

Дорогой старина Бернар, я медлил, прежде чем написать тебе, но мне нужно было немного восстановить дыхание после того, как я нырнул в Ашрам. Конечно, это суровое испытание, и если бы меня привела сюда исключительно гордость, как ты говоришь, то долго бы я здесь не продержался, ибо всё дробится, перетирается, и всем нашим маленьким привычным убежищам здесь суждено исчезнуть без следа. Я пока ещё не могу сказать, что сумею ассимилировать это испытание и одержать победу, но у меня есть внутренняя уверенность, что я нахожусь там, где должен быть, и желание идти до конца, чего бы это ни стоило — а оно того стоит... Несмотря на твои циничные поддразнивания и шутки, твоя глубинная интуиция не позволяет тебе ранить меня, и я часто думаю о том первом разговоре,

который у нас произошёл после моего возвращения из Алморы, утром за завтраком. Ты был прав, и теперь я с мучительной ясностью понимаю, что ВСЁ ТО, что я делал до настоящего момента, было ничем, или почти ничем — я полагал, что войдя в Ашрам, я «заканчиваю» что-то, но на самом деле обнаружил, что лишь начинаю делать первые шаги. Я изучаю элементарные вещи, которые другие люди осуществили без того, чтобы носиться по миру. Видя, что в тебе есть эта интуиция, я спокоен за судьбу нашей дружбы, ибо я слегка опасался, что эта новая жизнь покажется тебе слишком абсурдной или непонятной — теперь убеждаюсь, что именно я был тем, кто ничего не понимал. Вот. Резюмирую в нескольких словах внутреннее обучение, которое я здесь прохожу — учишься забывать о самом себе, ломать свой центр эгоизма. Это не так просто — ломать в себе того, кого считал пупом земли.

Что касается моей внешней жизни здесь, она ещё не налажена регулярно, какое-то время я буду читать лекции по французскому языку в Школе Ашрама, это отразит мой вклад в коллективную жизнь. По поводу коллективной жизни: я был поражён, увидев, насколько жизнь, которую мы ведём здесь, далека от «коллективного духа» — до прибытия сюда этот вопрос весьма меня беспокоил. Фактически, здесь нет ни правил, ни обязанностей, за исключением внутренних или персонально определённых; единственный коллективный принцип ограничивается временем приёма пищи, и на этом всё. Однако, вы свободны в выборе принимать участие в общей деятельности. Впрочем, нет никакой «общей деятельности» вне работы каждого (и курсы французского, которые я буду вести, вряд ли имеют характер совместной работы) и часов, посвящённых «спорту» — но этот спорт также необязателен и, кстати, бесконечно разнообразен, от фехтования и йогических упражнений или «асан» до футбола и маршировки. Лично я нашёл определённое удовольствие в курсе релаксации или «асана». И ещё одна вещь поражает меня в Ашраме — великое одиночество, в котором оказываешься, несмотря на муравейник из учеников: здесь существует негласное правило, что никто не занимается другими, и нет места (да и времени) для индивидуальной дружбы. Каждый поглощён своей внутренней дисциплиной, и вы можете ходить на голове или курить сигары, никто

даже и не посмотрит. Довольно странная атмосфера, особенно когда прибываешь из мира, где привык к осуждениям и критике, где тебя постоянно подстерегают другие. Здешние люди молчаливы и выглядят чрезвычайно счастливыми. Но обучение этому «счастью» длится долго.

Я часто встречаю Репитона⁴ — хотя мы мало общались, — который тоже выглядит счастливым. Однако, он собирается временно покинуть Ашрам в конце марта и вернуться во Францию. Он будет возвращаться сюда время от времени — ибо Ашрам, в конце концов, не монастырь, куда «уходят», но тигель, где мы должны учиться жить, где мы готовимся к тому, чтобы жить качественнее и лучше уже потом, в нормальном мире. Впрочем, ты увидишься с Репитоном, так как он проследует через Дели и Бомбей и намерен обязательно с тобой повидаться. Он также помнит кое-какие случаи твоей интуиции вещей и твоего «понимания» — и поручил мне передать заверения в его дружбе.

Что тебе сказать о внешней стороне моей жизни? Вопрос пищи сведён к наиболее простому выражению: утром чашка молока, кусок хлеба и банан. В полдень овощное рагу, рис и два банана с чашкой йогурта. Вечером хлебные шарики, чашка овощей и чашка йогурта. Наиболее трудное для меня — сигареты. Я ещё не могу бросить курить, хотя значительно уменьшил потребление. Окончательно выделенного жилья я ещё не имею и сейчас живу в большом доме, где селят гостей, приезжающих в Ашрам.

Слишком поглощённый своими лекциями и различными «упражнениями», я временно забросил своё пресловутое «Четвёртое измерение⁵», но вернусь к нему через несколько месяцев, когда моё внутреннее состояние немного окрепнет... Не имею понятия, сколько времени будет длиться это моё испытание Ашрамом, но полагаю, что надобно продержаться тут около трёх лет, чтобы быть уверенным в некотором устойчивом прогрессе. Надеюсь продержаться! Три года истекут в 1957, и по этому поводу тебе, возможно, будет интересно

---

4 Полковник Поль Репитон, весьма дружелюбный выпускник политехнической школы, друг Павитры. Павитра был генеральным секретарём Ашрама и правой рукой Матери.

5 Эссе о Супраментале, начатое Сатпремом в Алморе.

знать, что предполагается, будто до своего ухода Шри Ауробиндо предсказал довольно недвусмысленно серьёзные мировые события, в частности, возможность русско-американской войны 1957. Повод для этого должна была дать Индия⁶.

.....

Вот такие новости, старина. Конечно, я часто вспоминаю о тебе, о Маник и о вечерах под маленькой лампой — меня привлекает не столько наркотик, сколько счастливая и мирная атмосфера рядом с вами. Как друзья вы были очень терпеливы ко всем моим причудам странника и апологета четвёртого измерения и весьма щедры, ибо я был довольно одинок. Пиши, это доставит мне большую радость, если, конечно, ты не разленился окончательно. (...) Когда совершишь поездку на Юг? Заглянешь ли в Понди, дабы слегка подтрунить надо мной? Как дела? Обнимаю моего старого Бернара и Маник и храню счастливые воспоминания о вашем гостеприимстве, даже о твоём сарказме!

Б.

---

6 Шри Ауробиндо, конечно, не делал именно такого «пророчества», но он рассматривал такую возможность в последней главе своего труда *Идеал Человеческого Единства*, написанной в апреле 1950, едва ли за шесть месяцев перед тем, как китайская армия захватила Тибет: «В Азии появление коммунистического Китая создало более опасное положение, резко преградившее путь любой возможности континентального единства между народами этой части света. Там возник гигантский блок, способный легко объединить всю северную Азию в совокупность двух огромных коммунистических Держав, России и Китая, распространить угрозу поглощения на Юго-Западную Азию и Тибет и готовый обрушить свою мощь на все страны, вплоть до границ самой Индии, угрожая безопасности этой страны, как и безопасности западной Азии, и воздействуя на них возможностью вторжения путём проникновения или даже наводнения превосходящими вооружёнными силами, порабощения нежелательной идеологией, нежелательными политическими и социальными установлениями и господством массы воинствующих коммунистов, волна которых вполне может оказаться непреодолимой. В любом случае, континент разделится на два огромных блока, которые, возможно, войдут в активную взаимную оппозицию и поднимут возможность ужасного мирового конфликта, перед которым все наши предшествующие эксперименты в этой области окажутся играми карликов».

***

Пондичерри, 12 марта 54
Клари

Дорогая подруга, на этот раз вы имеете «наглость» говорить, что заставляете меня «терять» время, и сожалеете о том, что «опираетесь» на меня! Вы ведь хорошо знаете, что мне дорого всё, что касается вас, что я отношусь к вам по-братски и рассчитываю, что вы продолжите рассказывать мне свои, по вашим словам, «глупые истории».

Вы спрашиваете, можете ли вы что-нибудь сделать для меня во Франции; спасибо, ничего не нужно, разве что увидеться с моим братом Франсуа, если у вас будет желание познакомиться с молодым и умным существом — я часто говорил ему о вас, и он уже знаком с вами через меня.

В свою очередь, я вряд ли могу что-либо написать о моём опыте здесь. На данный момент всё пока ещё в великом мраке... Лучше хранить молчание; и будьте уверены, даже если мои письма становятся редкими, моё сердце с вами.

Понди всё такой же старомодный с его вечным шумом электрических установок; с последним муссоном половина пирса [насыпи] обрушилась в море. Я встретил старого «Франсуа» (вашего дворецкого), он был весьма растроган — с собакой, которая странным образом походила на Раджу... Но я столь далеко от этого мира, столь далеко от того Бернара пятилетней давности или ещё более давнего. Я был более взволнован, украдкой разглядывая вашу террасу у Бюро Экономических Дел, чем от лицезрения правительственных чинов — но вы не появились с вашей вечной сигаретой и прядью наискосок. Ныне я живу в другом мире, о котором я пока ещё не могу вам ничего рассказать. Я изучаю молчание.

Напишите мне, даже если я буду молчать.

Обнимаю вас

Б.

***

Пондичерри, 18 марта 54
Бернару д'Онсие

Дорогой старина Бернар, твоё последнее письмо глубоко тронуло меня, ибо оно в таком тоне и отражает такое знание глубин, что я почти «успокоился», приободрился в своём одиночестве, которое тебе знакомо. Я должен тебе признаться, к своему стыду, что никогда не подозревал, что ты тоже был «посвящён» — если в том есть нужда, моя дружба к тебе всё также крепка, и я хотел сказать тебе, что моя привязанность стала ещё сильнее оттого, что мы нашли друг друга на более высоком плане.

Да, твоё письмо меня укрепило, ибо кажется, что переживаешь долгую ночь, подобно тем египетским неофитам, которых закрывали в саркофаг до инициации, пока они не умрут в своём прошлом «я» — и второе рождение кажется мне таким далёким... Кажется, что простой факт погружения в эти глубины, которые нам уже не принадлежат, достаточен, чтобы поднять массу сил, сопротивления, инерции и дурных желаний — речь идёт даже не о бунте. Трудно превзойти собственное самомнение и ужасающую тяжесть инерции, приклеивающую нас к земле, к ментальному, витальному и физическому автоматизму. Это почти ежечасная и изнурительная борьба — особенно, когда не знаешь, куда идёшь. Я хочу обрести мужество дойти *до конца*. И я убедился, что если бы здесь не было Силы Матери, я бы не выдержал и сбежал в большой панике. Ибо, похоже, сам факт прихода в этот Ашрам действует как ужасающее провоцирование, поднимающее из меня все глубокие и болезненные потрясения. Здесь есть «нечто» — и это нечто беспощадно... Не хочу пытаться выразить это невыразимое, которое ты, впрочем, понимаешь. Хотел просто сказать, что само твоё существование уже меня успокаивает, и даже если я долго не пишу, моя привязанность не ослабевает. Впрочем, теперь я больше не пишу, не читаю, не говорю... мне кажется, что вся эта деятельность облетает с меня, как сухие листья. Я больше не мыслю иной жизни, кроме как с этой странной внутренней борьбой и временами маленьким обнадеживающим светом. Я лишь надеюсь, что смогу проявить стойкость — ибо нечто

во мне абсолютно уверено, что Путь пролегает здесь. Пиши мне время от времени, даже если я не отвечаю; ты мне весьма этим поможешь. (...) Ещё раз спасибо за твоё столь чудесное письмо. Обнимаю вас с Маник.

Б.

***

*(Последний уцелевший фрагмент
Дневника Сатпрема)*

31 март 54

Сегодня утром я как обычно пошёл в апартаменты Матери, чтобы получить розу. Как суметь передать взгляд Матери в это утро... Никто в мире, даже моя мать, мой брат, женщина, которую я любил, не смотрели на меня так. Я никогда не встречал такой бесконечной мягкости, такого взгляда безбрежной любви и нежности; взгляд, который в высшей степени *знает* и который любит; взгляд, который нисходит от Бога, взгляд близкий, такой близкий, он проникает в глубину грудной клетки и распускается цветком в ночи моего тела. Я не сошёл с ума, не галлюцинирую; сегодня утром Мать показала мне свою божественность или своё божественное участие: Она является этим, Она полностью это реализовала... Её бесконечное сострадание... Сегодня утром Мать меня...

***

Мать даёт Сатпрему цветы (около 1954)

Пондичерри, 19 апреля [1954]
Клари

Подруга, несколько строк, прежде чем вы улетите во Францию. (Надолго ли??) Вы будете отдыхать, и я рад за вас. Карачи — последнее из мест, где вы должны жить!

.....

Я переживаю странное одиночество, и это трудно. Думаю, что никогда не подвергался столь суровому испытанию. Это нелегко — умирать и возрождаться; мы привязаны к стольким вещам, даже когда мы распознали их тщетность и несовершенство. Но я полагаю, что за пределами этого ментального суицида должна открыться другая область. На данный момент это тьма, прерываемая короткими вспышками света, и ежедневные йогические упражнения, имеющие по крайней мере то преимущество, что они сохраняют вас в отличной физической форме.

Напишите мне из Парижа, что угодно; мне ценно всё, что приходит вам в голову. Повидайте моего брата Франсуа, которого вы наверняка полюбите (это человек, объединяющий в себе великие качества, в том числе, конечно же, множество моих дефектов и некоторые мои лучшие черты).

Если вы найдёте в Париже какую-нибудь действительно интересную книгу, пошлите её мне кораблём.

Обнимаю вас, подруга, и желаю счастливого пребывания в нашей милой Франции.

Б.

***

Пондичерри, 30 мая [1954]
Бернару д'Онсие

Дорогой старина Бернар,

Я мало пишу, но это не от забывчивости, ты хорошо это знаешь; это не потому, что всё шло «как по маслу» — но я заметил, что если

говорить о трудностях, это увеличивает их вредоносность; а говорить о своём прогрессе — это призывать «враждебные атаки»: существуют взлёты и падения, и самораскрытие происходит медленно и трудно — но мне кажется, я не могу действовать иначе, кроме как упорствовать на этом пути до конца, я не вижу иного решения, более того, я даже не верю, что от меня зависел какой-то «выбор»...

.....

Обнимаю вас обоих и желаю тебе там, во Франции, не падать духом в схватках. Держи меня в курсе.

С любовью

Б.

***

Пондичерри, 18 июля 54
Бернару д'Онсие

Старина,

Твоё брезгливое письмо по возвращении во Францию меня едва ли удивило — но в отличие от тебя, я хотел бы почти экстремистского решения, или революционного, которое вытащило бы людей из грязи и разбудило бы их — возможно ли такое? В отсутствии такого резкого толчка «мы» обречены. Говоря «мы» я имею ввиду Францию как здравомыслящую нацию; в противном случае, судьба большинства не так важна — я верю в добрую волю немногочисленных, и эти немногочисленные существуют, они ожидают своего часа...

Касательно «моего опыта»: он продолжается — в данный момент тьма, ибо сейчас я прохожу через грязное и отвратительное. Что тебе ещё сказать? Есть маленький внутренний свет, убеждающий меня «держаться» несмотря ни на какие обстоятельства, так что я держусь — но во всём этом нет ничего яркого и забавного.

Разочарованный и пресыщенный внешним миром, ты советуешь мне остаться в Ашраме и стать его «центральным стержнем». Но нет никакого центрального стержня! как и второстепенного, за исключением Матери. Всё лежит только на её плечах, и в день, когда она исчезнет, всё будет закончено. Это значит, что после её ухода

«Центр Образования Шри Ауробиндо» сможет прозябать ещё несколько лет, но всё это быстро рассыпется; ибо Мать — *единственная связь*, которая держит всех нас здесь. Если бы Матери здесь не было, я не оставался бы здесь больше ни минуты, и то же касается трёх четвертей учеников. Стало быть, не сегодня-завтра я вернусь на «дороги мира», но надеюсь на сей раз быть достаточно «вооружённым» и «просветлённым», чтобы предпринять настоящую работу. Но сейчас всё это пока невозможно предвосхитить.

.....

Обнимаю вас обоих со всей сердечной признательностью.

Б.

P.S. Брюстер в плачевном состоянии и без денег на операцию. С грустью думаю, что этот год будет для него «скверным».

***

Пондичерри, 22 августа [1954]

Клари

Подруга, да, вы мне очень дороги и занимаете большое место в моей жизни; и я укоряю себя, что при встрече в Карачи причинил вам «боль» тем, что наша встреча произошла в торопливой спешке и волнении, и я не рассказал вам ничего из того, что хотел бы рассказать... Ибо когда ещё мы сможем теперь увидеться? Однако, уверяю вас, я протестую против вашего сравнения между моим вступлением в Ашрам и вступлением на «пути закона и порядка». В определённом смысле, я действительно вступил в «закон», которому я принадлежу духовно — но этот закон никогда не нуждался ни в Ашраме, ни во всех его членах, ни в Пондичерри. (Впрочем, подозреваю, что вы являетесь некоторой частью этого «закона» — даже если вы умудряетесь «маскировать» ваши истинные чувства, даже если вы делаете вид, что всё ещё «заняты бесполезными вещами»). Короче, я не намерен прожить всю свою жизнь в Ашраме, даже если мне придётся провести здесь десять лет. Моей целью, даже до прибытия сюда, всегда была реализация — или попытка

реализации — некоего сверх-сознания, дабы ввести и установить это сверх-сознание в обычную жизнь. Я пытаюсь не убежать от жизни, но ТРАНСФОРМИРОВАТЬ её, даже если для этого придётся провести десять лет в одиночестве и молчании. Я хочу преобразовать эту жизнь, осветить её более высоким светом именно потому, что нахожу «невыносимым» притворяться «будто всё как обычно», для меня невыносимо жить в «наглухо приросшей маске» — и я действительно считаю, что однажды вы найдёте этот образ жизни ВОИСТИНУ невыносимым и что вы найдёте мужество сорвать ваши маски и ваши меховые манто, под которыми вы прячетесь (не поймите превратно, я *всё же* хотел бы видеть вас в манто!!!), чтобы пойти навстречу вашей истинной сущности.

Ах, Клари, как бы я хотел сказать вам нежно и с любовью: будьте бдительны, не задохнитесь под вашей маской — так легко задохнуться, не осознавая этого, а когда осознаём, у нас уже нет сил отреагировать. Я предпочёл бы видеть проявления ваших худших эксцессов (наркотики-секс-путешествия-опасности, даже не знаю), чем ваше нынешнее состояние, когда вы сидите улыбающаяся, спрятавшись за дымом вашей сигареты, но с чем-то вроде огромной пустой дыры в сердце (?).

Но кроме того, вы ищете, чем себя *развлечь*! В конечном итоге, никогда не стоит развлекаться со своим истинным существом — а иначе за это приходится очень дорого платить. (...) Разве вам не опротивели все эти люди вокруг вас, которые только и делают, что предают себя?

Поверьте, подруга, что я не хочу обратить вас к «моим» идеям или к Ашраму! Я лишь хочу обратить вас к самой себе и сказать вам: в тот день, когда вы глубоко, *искренне*, интегрально решите быть собой, без масок, без декораций, без партнёра, тогда вы найдёте ВАШ путь, *конкретную деятельность*, для которой вы созданы. А до этого вы даже не сможете представить себе того, чем может быть эта новая жизнь; сначала нужно принять решение, отважиться, и только *после* этого вы найдёте возможности, средства и место вашей новой деятельности.

Я мало что могу сказать вам, кроме того, что с каждым днём обретаю всё большую уверенность в том, что переживаю

единственное и великое подлинное приключение. Это ужасающее приключение, Клари, и восхитительнейшее, о, как бы хотелось рассказать вам о маленьких проблесках света, угадываемых мною.— Увы, сказано, что каждый сам должен найти себя; и все мои объяснения мало что дали бы, фактически, в них не будет никакой пользы, пока вы не почувствуете в себе величайшего отвращения и молчаливого призыва. Могу лишь заявить вам со всей силой моей симпатии, что существует действительно НЕЧТО ИНОЕ.

.....

Пишите, подруга. Хочу выразить вам свою привязанность. Вы, наряду с моим братом и матерью, наиболее ценное для меня существо в этом мире.

Обнимаю

Б.

***

Пондичерри, 1 октября [1954]
Бернару д'Онсие

Старина,

.....

Я в постоянных волнениях — хочу сказать, в качестве объекта для всевозможных «атак», которые иногда вызывают во мне желание сбежать, умчаться сломя голову, но мне кажется, что тогда я сбежал бы от сущностной части моей жизни, что это дезертирство в отношении моей подлинной задачи. Это не слова, а глубинное чувство. Самое странное, что это чувство не связано *ни с чем* объективным, оно противостоит всем атакам, не знаю, почему — как будто в глубинах меня есть некто, знающий лучше меня то, что я должен сделать; и который руководит мной вопреки мне самому. Вне всяких сомнений, существует сила Матери, поддерживающая меня... Как думаешь, долго ли ещё продлится это своего рода «волнение», эти пертурбации, бросающие меня с одного берега на другой? Бывают дни, когда я ощущаю себя совершенно больным. А иногда приходит мирный покой, дающий надежду и мужество, без которых не

выстоять. Хотелось бы, чтобы ты помог мне, сказав, нормально ли всё это и имею ли я основания упорствовать вопреки всему и против всего — главным образом, против себя самого. Во мне целая куча вещей, которые совсем не желают «умирать»!!

Какие у тебя новости? (...) Временами у меня впечатление, что я совершенно изолирован. Часто возникает сильное желание быть рядом с вами, в покое опиума, в этом растительном покое, уничтожающем все «проблемы» и противоречия, в мире ваших улыбок — твоей, немного иронической, и Маник, которая защищает.

А ваш брак? (Надеюсь, ты получил те пару строк, которые я послал в июле?)

Сердечно обнимаю вас обоих.

Б.

***

Пондичерри, 10 октября [1954]
Бернару д'Онсие

Бернар, последний параграф твоего только что полученного письма огорчает меня своими недомолвками, ты пишешь: «Я уже давно имею своё скромное мнение о «твоём случае», и оно подтверждается изо дня в день, но если я его выскажу, будет только хуже».

Мне всегда казалось, что правда и искренняя критика являются частью дружбы, а не эти отговорки. Но я не знаю, много ли ещё дружбы в тебе осталось в отношении меня; думаю, немного.

Я могу представить, каково твоё «скромное мнение». Письмо, что ты послал мне в Африку и некоторые твои иронические мысли позволяют мне получить об этом «a good guess^{*}». Ты полагаешь, что я мелкий буржуа, желающий «форсировать» собственную судьбу и выйти из своего заурядного «закона», призванного сделать из меня маленького доброго администратора Колоний. Ты полагаешь, что меня вела только гордость и чрезмерное самомнение.

---

* «Ясное представление» (англ. прим. пер.)

Хотелось бы тебе напомнить, что в моей жизни было значительное событие, основательно потрясшее её — после этого события больше ничто не могло быть как «раньше», ибо больше не было никакого «раньше», не было больше НИЧЕГО. В двадцать лет я оказался в Бухенвальде. Каждую неделю нас под конвоем отправляли в душ, бывший по совместительству газовой камерой. Мы никогда не знали наверняка, для мытья нас туда отправляют или для чего-то другого. В течение полутора лет я переживал смерть, которая была хуже, чем физическая смерть — из деликатности не стоит говорить здесь о таких вещах.

Когда выходишь оттуда, то есть множество вещей, которые мы уже не можем делать, вещей, которыми мы не можем стать. Тогда переживаешь нечто невозможное — видишь, что всё человеческое в тебе уничтожено. *Невозможно* пережить это и продолжать действовать как вчера, любить, жить, спать, как будто ничего не произошло. Остаётся что-то вроде дыры в сердце — десять лет спустя она всё ещё здесь — и жажда могущества иного порядка, которое пришло бы ИСКУПИТЬ эту неискупимую ошибку, совершённую против нас, против человека. Но можно ли понять это, не пережив?? Одновременно с этим присутствует жажда компенсировать тот образ человека, который был разрушен, а также присутствует жажда — противоположная и одновременная с первой — пойти ещё дальше и разрушить в себе любые следы, напоминающие нам о простом человеческом — ибо не можешь примириться с таким чудовищным «издевательством». Так что в течение зимы, последовавшей за моим освобождением, я действительно жил на грани самоубийства, пока не нашёл опиум. Когда я отказался от опиума, я искал иной род забвения жизни, которую я хотел сделать трудной и опасной — в Гвиане, затем в Бразилии, когда гвианский лес стал для меня слишком привычным, затем в Африке, когда понял, что Бразилия могла предложить мне только эти «вчерашние жесты» «до лагерей», которые я больше не мог повторять. Сложно представить Лазаря, вытасченного из могилы только для того, чтобы жениться на «бабе» и зарабатывать деньги. Нет, остаётся жажда чего-то иного, другого мира — и именно в поисках этого я пришёл в Ашрам. Возможно, ты сможешь меня понять, если попытаешься выйти из пошлости этого мира через

маленькое голубое пламя. (Ты говорил о дезинтоксикации в Швейцарии и о «бессмысленной жизни без голубого дыма»).

Не хочу далее разворачивать эту тему, разве что сказать тебе, что, полагаю, я всё же прошёл наиболее жёсткие испытания Ашрама. Теперь «вещи», как мне кажется, более укоренились, несмотря на рецидивы, падения, разочарования, спазматические бунты, повторения которых, кажется, медленно сокращаются.

По сути, твоё письмо задело меня тем, что в нём не ощущается дружбы. Возможно, в истории с деньгами был свой резон, ведь если верить старой поговорке, лучший способ потерять друзей — одолжить им деньги! Я принял к сведению, что с моей стороны было «мещанством» требовать у тебя деньги с такой настойчивостью (по крайней мере, ты научил меня кое-чему из психологии кредитора — это может мне пригодиться, чёртов проказник!) Но не беспокойся, я не собираюсь тебя запугивать или заставляя продавать «за бесценок» твоё имущество! Больше я не буду говорить тебе о деньгах, какими бы ни были потребности и как бы ни сложились обстоятельства. Поставим *финальную* точку по этой теме. Когда ЕДИНСТВЕННЫЙ раз в своей паскудной жизни я оказался богат, то не могу сказать, что это сделало меня счастливым! Таким образом, я решил более, чем когда-либо, игнорировать деньги.

Ты посылаешь мне свои «лучшие воспоминания», должен ли я в ответ послать тебе свои «лучшие чувства»? О, Бернар!?!?

Б.

***

Пондичерри, 24 октября [1954]
Клари

Подруга, задаюсь вопросом, куда вам писать, если ваше письмо пришло ко мне из Дублина. Как приятно осознавать, что вы там, посреди печальных ландов, вереска и голых камней — не знаю, почему, но я чувствую, что вам там «хорошо», лучше, чем в Карачи или в Париже. Именно там я хотел бы встретиться с вами, совершить вместе долгую прогулку. Подруга, во мне растёт ваше присутствие,

такое ценное и такое милое. Мне важно, чтобы вы жили, и чтобы жили хорошо. Ваша Ирландия столь же трогательна, как и тот маленький остров Уа в Бретани, куда я временами мечтаю «удалиться» на рыбацкой лодке, которая была бы и моим домом; дикий остров из скал и ландов, пахнущих дроком и гвоздикой, со своей маленькой деревней с низкими домами, цепляющимися за землю в попытках противостоять сильным ветрам. И где бы вы ни были, я присоединюсь к вам в этом одиночестве, которое, надеюсь, будет плодотворным для вас — однако, пишите!

В своём последнем парижском письме вы говорите: «...Именно из заурядности труднее всего выпутаться, и именно это мне дано. Я одержу победу — но когда? Я желала компенсировать эту посредственность тотальностью — но эта тотальность искусно скрывала убогость моей цели. Всякий раз я думаю, что достигла, и всякий раз за этим распаивающимся горизонтом возникает другой горизонт, более обширный, и в конце концов я просто лопну, так и не достигнув следующего».

Я глубоко чувствую ваш поиск и так хотел бы разделить вместе с вами тот свет, который я нахожу... Я тоже искал эту «тотальность». Сначала я искал её в опасностях войны, но всякий раз горизонт отступал передо мной, и я достиг точки, где мне уже было недостаточно этой опасности: я собирался вступить в «особый отдел» саботажа и антифашистского терроризма, когда был арестован. Я искал эту тотальность в наркотике, но наркотика требовалось всё больше и больше; в любви — но я никогда не смог бы остановиться на одном-единственном человеке, ведь ко мне, казалось, взывали столько других, неизвестных; в приключении — но Гвиана звала в Бразилию, Бразилия в Африку, а я всё жаждал неизведанных пустынь, и казалось, ничто не насытит этот огонь, горящий внутри. Я искал эту «тотальность» в интеллекте и в книгах, но моё стремление становилось всё более ожесточённым, а мир духа походил на дворец из зеркал, отсылающих в бесконечность, всё более далёкую, но чей лик всегда был столь же недостижим. И я выглядел как Бернар из моего детства, играющий с калейдоскопом целые дни, вертящим и переворачивающим его во все стороны и разглядывающим всё новые цветовые сочетания — пока, утомлённый, не обнаружил, что набор

цветных стёкол всегда один и тот же, несмотря на их новые сочетания. Ибо нет конца этому хороводу, нет ни отдыха, ни удовлетворения — это всегда одна и та же сцена, что в Гвиане, что в Париже, что в Рио; меняется лишь освещение. Ибо эта «тотальность» не снаружи, ни в книгах, ни в любви, ни в приключении, ни в мыслях самих по себе — она также не находится в этом поверхностном «я», которое мы принимаем за самих себя. Я долго вынашивал тот фундаментальный опыт, который получил в немецкой тюрьме в Бордо, когда обнаружил — готовясь умереть — что «я» жил только для других и благодаря другим; что в этом «я» не было ничего *абсолютно личного*. А наша истинная личность не является тем, о ком мы думаем, подруга; она находится как раз в тех более глубоких, безмолвных регионах, где разуму нечего сказать.

В своём последнем парижском письме вы меня слегка упрекаете, что я не рассказываю о своих опытах, и говорите, что это молчание вас «смущает». Но я уже рассказал вам множество вещей, подруга, только громадность этих вещей иногда проходит незамеченной из-за простоты используемых слов. Если бы я вам сказал: вот, я только что отыскал в одном из затерянных уголков Гималаев новую сверхчеловеческую расу; это странные люди с ослепительной светящейся формой могут проходить сквозь стены, перемещаться по желанию в любой конец земли, быть в нескольких местах одновременно, они наделены необыкновенной сверхсознательной властью, и наш человеческий интеллект в сравнении с ними напоминает жесты свихнувшейся обезьяны. Если бы я сказал вам, что исключительной милостью они позволили мне увидеть несколько моментов посредством их третьего глаза, и что я видел другой мир за нашим миром, *реально существующий* другой мир, который дублирует наш, мир необычайного света, более прекрасный, чем полотна Ван Гога, мир тонких мыслей, где всё *понимается* и проясняется... Если бы я сказал вам это, разве не приняли бы вы меня за сумасшедшего, разве поверили бы мне; как бы вы поступили???

Подруга, я просто скажу, что существует другой мир — на этой земле — которому можно открыть наше видение. В нас существует иная мощь сознания, рядом с которой наш интеллект — словно лепечущее дитя. Когда приближаешься — как бы мал, как бы

несовершенен ты ни был — к этому другому миру, сразу же понимаешь истинный *смысл* жизни и всех наших опытов; понимаешь, что все наши трудности, все наши испытания, наши поиски имеют лишь одну цель: привести нас к этому сущностному разоблачению другого «я», нашей истинной личности, нашего подлинного интеллекта. Когда-то мой «Гварнеро⁷» жаловался, что существование похоже на «ежесекундную репетицию истинной Премьеры, которая никогда не начинается». Существует истинная Премьера.

И когда я говорю вам о «другом мире», другом «сознании», о «свете» — это *не образы*, это *физическая реальность*. Также, как в огромном спектре световых волн мы видим только диапазон в несколько сантиметров — от красного до фиолетового, — к которому мы чувствительны и который окрашивает «всю» нашу вселенную, также существует громадный спектр сознания, из которого нам доступен лишь узкий диапазон — и мы претендуем на то, чтобы втиснуть понимание всего мира в наш крохотный сморщенный интеллект, — но если мы будем практиковаться, если мы ЗАХОТИМ открыться более высоким «частотам», тогда...

Подруга, мы воистину слепы, и мы не можем поверить тем, кто говорят нам о свете. Множество болезненных и нелепых маленьких религий деформировали грандиозное видение, которое ожидает нас, и сделали нас недоверчивыми. И потом, так трудно освободиться от всей этой мысленной, сердечной, жизненной автоматике. Как только приближаешься к этим регионам света, возникает великий бунт всей нашей теневой сущности, которая любит свою тень, которая живёт в своей тени. Это первый бунт интеллекта, не желающего терять своё превосходство, бунт чувств, желающих продолжать свои мелкие радости — вы не представляете, до какого бунта может довести простой факт отказа от курения! И до какой степени, временами, мы готовы отказаться от истинного света ради сигареты или gimlet [коктейль из джина]!! Немногие из тех, кто неясно и смутно прозрел этот высший мир, чувствует в себе мужество принять нужные меры, чтобы достичь его. Мы забиты нашей автоматикой и мы обожаем наши тени.

---

7 Персонаж неоконченного романа Сатпрема.

Так что, выходит, я «борюсь против самого себя»— и борьба долгая, временами изнуряющая, она кажется нескончаемой; ибо нужно очистить не только это «сознание», но и весь этот мир подсознательного и бессознательного, на котором основана наша жизнь и который детерминирует нас без нашего ведома. Это гигантский труд. И тогда понимаешь, что представляет собой «гуру», без помощи которого ты бы сдался уже тысячу раз. Но в конечном счёте все эти трудности имеют глубинный смысл. Это там, куда мы должны прибыть; из жизни в жизнь мы заново совершаем одно и то же усилие, чтобы пройти немного дальше к этому сущностному раскрытию нашей истинной личности, наших истинных могуществ, нашей «тотальности», нашему единственному счастью — ибо вне этого всё есть крах и смятение.

Но мы так любим наши мучения...

Насколько проще было бы рассказать вам обо всех этих вещах с меньшим количеством слов и с большими нюансами на прогулке по вересковым полянам Ирландии!

Обнимаю вас, дорогая подруга. Дружеский привет Максу.

1 ноября индийский флаг развернётся над правительственным Отелем⁸.

Б.

***

Пондичерри, 12 декабря 54
Бернару д'Онсие

Старина,

.....

Если я не ответил на твоё последнее письмо, то совсем не потому, что был «разгневан» на тебя, как ты предполагаешь. (...) Нет, я не писал потому (может быть, это результат интенсивной, сконцентрированной йоги?), что я вошёл в период, когда мне очень трудно общаться с другими и ещё труднее говорить о себе. Мне

---

⁸ Франция возвратила Пондичерри Индии.

кажется, что я потерял всю свою «плотность» и что я парю, прозрачный и без консистенции, между двумя мирами — у меня уже нет этой прежней «твёрдости» и уверенности в себе, но я ещё не достиг своего нового центра притяжения и нахожусь в состоянии полного «разъединения» с самим собой и с другими (если ты сумеешь понять этот эллиптический* язык, столь же неоднозначный, как и я сам!). Я больше не знаю, что «я» — этот прежний старый «я» — хочет сказать, и «я» ещё не знаю того, что он захочет сказать, когда найдёт свой новый центр, если, конечно, найдёт... И всё это с сокровенной уверенностью, что во мне происходят очень важные вещи, но без того, чтобы я их ясно осознавал. Это странная тьма, где, как это ни парадоксально, требуется надолго закрыть глаза, чтобы разглядеть немного света. Всё, что я знаю, что есть присутствие Матери, без которого я был бы рассеян на все четыре стороны, как песчаная дюна... Вот всё, на что я способен в своём «литературном» усилии, которое я могу приложить, дабы рассказать тебе, где «я нахожусь». Я также знаю, что не могу — по крайней мере, сейчас — покинуть этот Ашрам, не подвергаясь серьёзным опасностям. Когда я найду новый «центр», внутренний, тогда я смогу отправиться в путь — в этот момент больше ничего не будет иметь значения для меня, больше не будет опасностей, каким бы чёрствым и жестоким ни был этот мир лавочников, в котором мы живём.

Впрочем, сколь бы «неопределённым» ни оказалось моё будущее, мне плевать, ибо если здесь и сейчас я не найду того, что так безнадежно ищю уже много лет, мне не останется ничего другого, как сдаться — я сделаю это скромно и никому не причиняя вреда.

Как прошла твоя поездка в Раджастан? Держи меня в курсе своих действий, ты, с кем ещё «происходят» какие-то внешние вещи — даже если мои письма станут редкими и такими же неопределёнными, как это. Вопреки всему «этому», ты знаешь, что моя привязанность к тебе и к Маник остаётся глубокой, позволяя хорошо чувствовать вашу близость ко мне. Обнимаю вас обоих по-братски.

Б.

---

* Немногословный (прим. пер.)

***

1955

Пондичерри 20 января [1955]
Бернару д'Онсие

Старина,

.....

У меня всё довольно устойчиво, что высокие вещи, что низкие; это долгий, трудный путь, и разрушение «эго» невозможно без того, чтобы не поднялась волна сопротивления. Иногда меня охватывает желание уехать и присоединиться к Репитону в Персии, в пустыне — пустыня всегда меня привлекала⁹. Но есть ли смысл менять «декорацию», ведь я знаю, что здесь или там, но я буду искать одно и то же, стараться реализовать ту же самую внутреннюю трансформацию. Я не вижу иной достойной «цели» существования. Если бы не было этой «вещи», подталкивающей меня изнутри, я бы действовал как и ты, позволив себе безмятежную жизнь под опиумом — я часто вспоминаю вас, тебя и Маник, возле маленькой лампы. Если хочешь, сообщи свои новости, это доставит мне радость, ибо ты мне как брат, дорогой старина Бернар.

Б.

***

Пондичерри, 9 февраля 55
Бернару д'Онсие

Дорогой старина, несколько строк, чтобы сообщить, как я рад за тебя. В течение этих лет я никогда не сомневался, что тебе улыбнётся удача... Воистину, ты поражаешь меня своими лакхами рупий¹⁰! Если

---

9 Как это ни печально, несколькими годами позже Репитон, этот тонко чувствующий человек, покончил жизнь самоубийством...

10 Один «лакх» = сто тысяч. Бернар д'Онсие только что унаследовал часть состояния своего отца, маркиза д'Онсие Шаффардо, Connaught Circus — это большая круглая площадь в центре Дели, Бернар д'Онсие жил там несколько

бы не Шаффардо, ты мог бы носить тюрбан и называться раджей Connaught Circus (а то и махараджей, почему нет). Это смотрелось бы мило — в тюрбане и с белым эгретом*! Мой тебе приказ улыбнуться, старый филин.

.....

Спасибо за твои дружеские предложения. Что тебе ответить? Причины, побудившие меня покинуть Уотсона, существуют всегда — и если я подумывал о Репитоне (идея пока ещё весьма «эфемерная»), то не ради Репитона или поисков работы, а ради пустыни, которая меня влечёт. Как видишь, я неисправим, даже «*at sea level*» [на уровне моря]! Также полагаю, что Уотсон ещё возьмётся за меня, но я пока не достиг конца здешнего эксперимента — если существует «конец». Если быть честным с собой, то я думаю, что должен быть здесь до конца, чего бы это ни стоило — и для меня это то, что стоит труда. Жизнь здесь трудна, и именно поэтому я держусь, несмотря на часы разочарования и бунта. Вопреки всему, я надеюсь, что однажды это старое эго спадёт с меня, как одежда, изъеденная молью. Я не сомневаюсь ни в чём! Как видишь.

Держи меня в курсе своих волшебных сказок, никудышный маг!
Обнимаю по-братски вас обоих,

Б.

***

Пондичерри, 4 апреля 55
Бернару д'Онсие

Дорогой старина Бернар,

Читая твоё письмо, где ты лаконично перечисляешь важные новости, я испытывал ощущение, будто это прощальное письмо, прощание не только с жизнью в кемпинге и семьёю или восемью годами трудностей, без сомнения, проклинаемых тобой, но также и прощание с теми особыми отношениями между тобой и мной,

---

лет.

* Эгрет — украшение для головного убора в форме пера или пучка перьев (прим. пер.)

сотканными в течение этих лет — ибо я тоже переживал, от Рио и Кайенны до Парижа, твои взлёты и падения, твои великие лихорадочные проекты, твою брань в отношении загнивающего социума, твои разочарования и твою бесцеремонность. Хотя это и эгоистично, но я слегка опечален этим отъездом из кемпинга, который символизировал множество вещей. И я спрашиваю себя, каким будет этот новый, с иголки, Бернар, этот богатый, женатый рантье! (...)

Вернётся ли ещё к тебе мысль о том, чтобы оснастить свою большую яхту «Коварный»(!), или снова посетить какое-нибудь орлиное гнездо в Нарканде¹¹??! Я более охотно последовал бы за тобой в такого рода приключение, чем в аббатство Телем.

.....

Говорят, что счастье не нуждается в историях — это не мешает тебе время от времени сообщать последние новости. Также говорят, что богатство — наиболее трудное из испытаний; и я желаю тебе выпутаться из этого с честью!

Ты действительно собираешься жить на свою ренту, без больших проектов, без приключений?

Сердечно обнимаю вас с Маник. От всего сердца я рад за вас обоих, несмотря на свои мелкие эгоистичные сожаления. Я уверен, что наши тени в своих скитаниях ещё посетят Connaught Circus!

Б.

***

1 мая 55
Клари

Подруга, я медлил с ответом на ваше последнее письмо из Ирландии, но я переживал трудный кризис и едва не покинул Ашрам — по крайней мере, на какое-то время — для того, чтобы жить только на лоне природы; были мысли отправиться на Цейлон, куда буддизм принёс простых и дружественных людей, скитающихся в поисках бесконечного, и удалиться куда-нибудь в джунгли рядом с деревней,

---

11 См. Том 1, стр. 140

где я мог бы брать лишь строго необходимое из еды. Да, Йога Шри Ауробиндо трудна, ибо она не ограничивается тем, чтобы заставить выплеснуться наше глубинное сознание или даже заставить спуститься высшее сознание; она также призвана трансформировать наиболее автоматические, наиболее привычные механизмы нашего сознания, ментального, физического и витального — а это, это уже другая история! Когда заходит речь о том, чтобы разрубить наши «логические узлы» и привычные ассоциации нашего ментала, о том, чтобы переубедить и трансформировать сексуальные импульсы, желания власти и обладания, потребностей «играть роль» и быть «кем-то», столь глубоко укоренённые в нашем витальном сознании, когда речь идёт о трансформации вплоть до привычных физиологических реакций нашего физического сознания, тогда сталкиваешься с тёмными, мятежными силами, которые борются за свою жизнь и иногда потрясают нас, как цунами. Именно поэтому все мистики и аскеты мира с начала времён отсекали эту проблему, избегая её решения и запираясь в монастыри или уходя в джунгли или в Гималаи... У меня тоже временами возникает такой соблазн, настолько изнуряющей бывает борьба, настолько она требует бдительности и напряжённой концентрации... Отъезд на Цейлон означал бы, что я всё ещё подчиняюсь лёгким трудностям бродяжничества — это я и говорю себе, когда пытаюсь удержаться от поднимающегося из глубин бунта против стольких вещей, происходящих здесь. В гвианском лесу, на дорогах Бразилии или Африки было легче. Но во мне остаётся, несмотря на ветра и подземные приливы, эта уверенность — подтверждённая несколькими маленькими проблесками опытов, слишком кратких — что есть нечто, что нужно раскрыть, и что это раскрытие является нашей истинной причиной жить, для всех без исключения — и неважно, сколько жизней понадобится для этого раскрытия, но именно ЭТОГО мы должны достичь, сегодня или завтра, после того, как полностью износим, колеся по дорогам в одиночестве и тревоге, все эти мятежные части нашего существа, создающие экран для фундаментального Света. Но этот свет здесь, он существует, я это знаю — и именно в такие моменты мы понимаем, что *не являемся исключительно* и единственно этим телом, зарегистрированным под

именем Бернар Х в какой-то Мэрии, но единым сознанием, более широким, светящимся, которое не нуждается в глазах, чтобы видеть, в деформирующем интеллекте и словах, чтобы проникать в других, в мускулах, чтобы перемещаться... Это то, что я знаю. Это то, чем мы все должны стать. Тогда мы наблюдаем своё тело отдельно от себя, как тело ребёнка, и спрашиваем себя, как же это было возможно идентифицироваться с этим шумным, глупым сгустком, довольным самим собой, убеждённым, что его мелкие органы и его интеллект — последнее слово знания и наслаждения... Именно это высшее сознание нужно *установить* в себе, не фрагментарным образом в течение концентрации, но в повседневной жизни, когда ведёшь урок французского, или чистишь зубы, или пишешь письмо Клари!... И с того момента, когда мы встали на этот путь, мы замечаем, Клари, что нет никакого «потолка», что нет уютного насеста, на котором мы устроились, но есть бесконечное восхождение, с вершины на вершину, без границ. Мы замечаем, что нет границ для прогресса (здесь есть люди, которым больше шестидесяти лет, но они прогрессируют вплоть до самого их физического тела, которое обучается реагировать и вести себя способом, бросающим вызов всей медицине). Нет, не существует границ для прогресса, ибо прогресс начинается только когда мы встали на этот путь; мы замечаем, что всё, что предшествовало — наши книги, наши тревоги, наши поиски, наши путешествия и опыты — было лишь подготовкой, медленным изнашиванием внешней корки, долгим подготовительным этапом, призванным привести нас к этой точке отчаяния и одиночества, откуда в молчании начинается ПУТЬ.

Так что, подруга, ваше письмо меня совсем, ну совсем не удовлетворяет... Я вас плохо понимаю. Когда я читаю это: «Я в том возрасте (!), когда уже не развиваются. Мы ссыхаемся, мы начинаем повторяться; мы имеем ещё немного жажды, зная, что это последнее пламя». Чёрт возьми! Вы что же, ещё не поняли, что ваш «нескончаемый внутренний монолог» никуда не ведёт — что именно это и есть тот самый «потолок», которого вы так боялись. Ведь вы же не собираетесь закончить в шкуре старой-дамы-за-бриджем-слегка-разочарованной-которая-слишком-хорошо-«понимает». Ведь нет??! Посмотрите вокруг себя, на С., на Ж. Вы ведь не собираетесь

закончить как пустой, сдувшийся, сморщенный воздушный шарик. Вы ведь не собираетесь «делать вид», как другие, как Г., И., Б. Нужно идти до конца, подруга, до самого конца. Вы прибыли именно к этому опасному перекрёстку жизни, где нужно сделать *выбор*, выбор между пожилой дамой за бриджем (у которой, тем не менее, будет для успокоения её шуба и маленький внутренний монолог) и той другой неизвестной Клари, дремлющей в ваших глубинах. Ибо там истинное приключение существования — а не во всех этих книгах, пылящихся на полках, и не во всех этих телах, проводящих несколько неистовых ночей в нашей постели. Любой человек в любом своём существовании встречает момент этого фундаментального выбора — за или против самого себя. Выберете ли вы против себя, просто позволив себе скользнуть по той же самой исхоженной и переходной тропе ваших ментальных измышлений, вашего бриджа? Так что гляньте вокруг себя, на всех тех, что предают себя, кто предал себя... Нет, Клари, поверьте, не в «Покой» я вас приглашаю, но в настоящую борьбу за нашу человеческую целостность.

Итак, я не верю ни одному слову из вашего письма и жду от вас новостей! Обнимаю по-братски.

Б.

***

8 июня [1955]
Бернару д'Онсие

Старина, я только что получил твоё письмо и энергично протестую: моё последнее письмо не было «прощальным» — я люблю моих друзей такими, какие они есть, а не за то, что они делают, и даже если ты станешь мещанином (или будешь это утверждать), это НИКАК не изменит моей привязанности. Я глубоко счастлив, зная, что вы с Маник счастливы, и в конце концов, важно лишь это счастье. Впрочем, мог ли ты перестать быть Бернаром, просто уехав в Бангалор из Connaught Circus и обретя деньги вместо безденежья! В определённом смысле, я прощался с неким внешним способом наших отношений, символизируемым кемпингом в Дели, в течение ряда лет

отмеченным несколькими «антициклонами», о которых ты знаешь, когда моменты высокого давления сменялись молниями и великой депрессией — но тем лучше для тебя, и мы будем хранить и то, и другое как замечательные воспоминания. Я прекрасно понимаю, что абсурдно возвращаться назад или заново начинать те же вещи, и что мы не можем провести свою жизнь за исследованием орлиных гнёзд или планированием ограбления махараджей! Через все эти бурные обстоятельства, наши эпистолярные столкновения и твои невозможные подтрунивания, в глубине моего сердца всегда есть место дружбе в отношении тебя и Маник; дружбе, которую ничто не умалит. Чёрт, что за высокопарные слова.

Это эгоистично, но откровенно говоря, единственное, что меня беспокоит, это твоё богатство, ибо всегда муторно иметь богатого друга (но не волнуйся, я смогу быть «на высоте», и если нужно будет дать в долг, то это будет по меньшей мере... десять тысяч рупий, для начала. По месту и почёт).

Думаю, ты собираешься, наконец, осуществить старые мечты: мне представляются большие глиняные кувшины опиума, который медленно, смачно стареет в полутьме погреба под присмотром четырёх чёрных евнухов... Мне представляется ещё множество других вещей!

Я неспособен на счастье, Бернар, и завидую, что у тебя есть сила быть счастливым.

Моё восхождение к Нирване больше похоже на нисхождение. Моя жизнь сложна, очень сложна — но я больше не позволяю себе высокопарных фраз, а лишь надеюсь однажды отыскать немного этого покоя, которого у меня никогда не было. Впрочем, я не вижу, каким образом и каким чудом. Возможно, я был создан для того, чтобы писать. Я больше не считаю, что у меня есть «послание», которое нужно передать, но я знаю, что мог бы сказать о некоторых вещах лучше, чем кто-то другой. Ни Ашрам, ни великая бесконечная дорога, которая лишь и остаётся для меня открытой, не особенно благоприятствуют тому, чтобы две этих мечты воссоединились. Но я также отказался от напыщенных мятежей и хочу попытаться принять себя таким, какой я есть, без причинения неприятностей моим друзьям — говоря «мои друзья», я имею в виду тебя, Брюстера или

мою подругу Клари, вас совсем мало, и оттого вы более ценны.

Так что мне не хочется, чтобы ты думал, что я «буду презирать» — как ты пишешь — «мещанина, которым ты стал». Уж не думаешь ли ты, что я любил в тебе только лишь авантюриста, искателя приключений? Я всегда не доверял твоим авантюрам, но мне всегда нравился твой способ об этом говорить, и они были поводом для более глубинного обмена между нами, который не находится ни на уровне приключений, ни на уровне слов.

Итак, будь счастлив с Маник, желаю тебе этого от всего сердца и обнимаю вас.

Б.

***

[Июнь] 1955

Клари

Подруга, как вы могли столь неправильно меня понять? Я полагал, вы достаточно привыкли к моему образу мыслей, чтобы самостоятельно добавить необходимые нюансы к моему последнему письму — и без того очень длинному. Я думал, это разумелось «само собой», и не было нужды ни в «ораторских предосторожностях», ни в уточнениях.

Тогда я уточняю: моё письмо имело тон уверения и резкие обороты, дабы вас «спровоцировать», заставить реагировать против некоторых тенденций, выраженных в вашем предыдущем письме: «Я в том возрасте, когда уже не развиваются. Мы ссыхаемся, мы повторяемся... Моя жизнь — только нескончаемый внутренний монолог», и т. д.

Напротив, я призывал вас выйти за пределы вашего внутреннего монолога, за пределы интеллектуальных рассуждений, которые никуда не ведут, чтобы вы открылись более глубокой правде вашего существа (не *моей* правде, но *вашей*) и плану сознания, которое выше ментального. Я сразу же уточню, что интеллект необходим, но это инструмент, а не самоцель. Кульминация интеллектуального развития именно в том, чтобы вынудить вас превзойти интеллектуальный план,

дабы проникнуть на уровень высшего сознания. Вы справедливо пишете: «Слова и интеллект, говорите вы, создают экран «Свету»; однако, мне кажется, чтобы захотеть его достичь, необходим некий объём сознания, и эта сумма сознания является степенью утончённости стремлений — и что это такое, если не внутренняя цивилизованность существа?» Конечно, но цивилизации не статичны, они динамичны, они живут только постоянным превышением себя. Цивилизация чистого интеллекта достигла одной из своих вершин, и она умрёт, если будет цепляться только за интеллект (именно поэтому вся современная литература полна тревог, отрицаний, интеллектуальных самоубийств). Желание цепляться только за интеллект кажется мне столь же узким и столь же абсурдным, как цепляться за Физику Ньютона только из-за того, что релятивистская Физика не согласуется с нашей логикой! Наконец, желание создать цивилизацию интеллекта и *остановиться на этом* кажется мне столь же ограниченным, как желание создать цивилизацию мускулов и остановиться на этом. Нужно развивать мускулы и интеллект, добиваться более высокой степени их совершенствования (той высшей степени, когда останется только либо разрушить, либо отринуть) — но лишь для того, чтобы в итоге выйти за их пределы. Ибо в конечном счёте, мускулы нужны не сами по себе, а чтобы поднимать вес, а интеллект не имеет смысла сам по себе, и нужен лишь затем, чтобы стать достаточно интеллектуальным и суметь посмотреть за пределы себя.

Исходя из этого, ввожу другой нюанс: язык, которым я общаюсь с вами, это не язык продавца сыров на углу улицы. Существует иерархия развития сознаний: продавцу сыров я бы даже не рекомендовал чересчур развивать его интеллект, ибо он начал бы ставить под сомнение реальность его яиц и сыров, и куда бы тогда пошли клиенты!!— Но я в высшей степени рекомендовал бы сыну деревенского учителя до упора развивать свой интеллект, дабы преодолеть «первичную» стадию и открыть разум более широким вещам — но не стал бы говорить ему о сверх-сознании, боясь увидеть, как он путает состояние отупения с ментальным молчанием, предваряющим великий внутренний всплеск!! Наконец, достаточно развитой интеллектуально (!) Клари я говорю: кончайте вы с вашим

интеллектом и вашими внутренними монологами, ибо вы созрели для чего-то иного, вы определённо достигли одного из этих «потолков», от которых вы приходите — или приходили — в ужас.

Исходя из этого, ввожу ещё один нюанс: говоря об иерархии в развитии сознаний, я, видит Бог, не имел ввиду, что презираю молочника, учителя или модистку на углу!!! И когда я написал вам в довольно ярком стиле, что у вас есть более важные дела, что вы должны действовать лучше, чем Ж., С., И. или Ж.М., я не имел ввиду, что презираю их! (и это тоже видит Бог!), сие лишь означает, что ваше развитие более чёткое, более глубокое, более законченное, чем у них, и что вы не должны позволять себе идти на поводу их мелких решений — мелких *для вас*, но *не для них*. Все эти люди хороши на своём месте, и я бы не стал говорить им, что они должны действовать лучше. Подруга, как вы могли заподозрить во мне презрение!!! Вы доставляете мне боль, сравнивая меня с евреем, который выбирает христианство и становится антисемитом. И ещё больнее читать такие строки: «Хорошо известно, что добродетельным не хватает снисхождения, но они не должны испытывать нехватку душевности». Чёрт! И где же, по-вашему, моя «добродетель», Мадам Клари, я вас спрашиваю? (и *себя* спрашиваю!) Чёрт, чёрт!

Иерархия сознания не означает «превосходство» рода богатых, которые плюют на бедных! Напротив, я считаю, что никогда раньше не достигал такого *глубинного* понимания человеческих существ, как сейчас, и я стал способен помещать себя в кожу других иногда весьма болезненным способом... Конец лирического отступления.

Таким образом, когда я писал вам (я полагаю), что Ж., И., Ж.М. или другие в некотором смысле «предали» нечто в них самих, то не собирался быть в качестве судьи! снова чёрт! ибо то, что я называю предательством, рассматривая это с определённого плана сознания, не обязательно является предательством на плане сознания Ж., Л., Ж.-М. и др.; я просто хотел сказать вам (не молочнику, не И., не Ж.-М., к которым я не стал бы обращаться на этом языке), что вы достаточно развиты — да, мадам — для того, чтобы быть не в праве предавать ту часть себя, которая превосходит интеллект. Ж. мельком увидел эту большую часть себя и дал ей имя «коммунизм» или социальная справедливость — но его захватили семейные, мещанские

обязательства, и в конечном счёте он отдал им предпочтение (конечно же, пойдя на компромисс между этими двумя). Ж.-М. мельком увидела эту большую часть себя — дав ей имя «Ашрам» — но оказалась захвачена водоворотом парижской жизни, которой в конечном счёте отдала предпочтение (конечно же, войдя в некоторый компромисс со своим духовным стремлением: она читает Шри Ауробиндо между коктейль-вечеринкой и своей картиной, которую она, возможно, никогда не закончит). И. мельком увидела эту большую часть себя — дав ей имя «общественная деятельность в Индии» — но... и т. д. и т. п. Я не хочу, чтобы было «но» и для Клари, ибо мне кажется, что Клари не создана для того, чтобы вот так же удовлетворяться полумерами и компромиссом. Я прекрасно знаю, что вы не являетесь и не будете старой дамой за бриджем (вот, вы довольны?!) и моё последнее письмо имело целью лишь *спровоцировать* эту более великую часть вас, которая ещё не нашла ни самовыражения, ни самоудовлетворения — ибо слепые старушки (да благословит их Бог!) не могут обеспечить вам *полноты* вашего существа. Здесь следовало бы ещё внести нюансы насчёт слепых старушек, а то вы подумаете, что я буду насмехаться с высот своего седьмого неба, где всё — свет!! но тогда это письмо разрастётся до двадцати страниц. И у меня есть и другие «серьёзные» вещи, которые я должен сказать (тем хуже для вас).

Вы пишете: «То, что происходит с каждым верующим в Бога, в Свет, в какой-то Изм — это то, что он считает себя обладателем наилучшей из существующих теорий, остальные же отвергает, сваливая в одну кучу неверующих, плохих, не-достаточно-сильных и свободных от других взглядов. Действительно ли необходимо идти по головам других, чтобы подняться?» Дьявол! Решительно, вы полагаете, что Ашрам превратил меня в полнейшего тупицу и вогнал в слабоумие до срока, или я должен полагать, что туманы Лондона затмили ваше понимание вещей?!!! Или когда я говорю вам сделать «выбор», вы считаете, что я умоляю вас закончить свои дни в Ашраме! Святая кровь! почему не тибетский монастырь, благотворительницы Святой Гудулы или Медрано, где нанимают воздушных гимнасток без сетки! Когда я призываю вас к «выбору», это не выбор между Карачи, Лондоном или Северным Полюсом, но

выбор внутренний, личное усилие к тому, чтобы раскрыть правду, принадлежащую только вам и находящуюся *в вас*, которая превосходит все умственные концепции — хотя они и подготавливают ей путь. Я не являюсь «верующим» чего бы то ни было и не пытаюсь заниматься «прозелитством», это было бы противоположно самому духу внутреннего поиска и внутреннего опыта. Ибо речь идёт о том, чтобы *экспериментировать*, а не о том, чтобы верить, и это экспериментирование невозможно без опасностей, пока вы не дошли до определённой стадии развития сознания. Именно поэтому в противоположность религиям, пытающимся вербовать приверженцев, мистика всегда состояла в *тайне*, в *приобщении*, где бы это ни происходило, в древней Греции, в Египте или в Индии. Но эта тайна необходима, иначе вы рискуете запятнать правду, которую не способен понять весь мир и которая может навредить, если её неправильно понимают; и вы рискуете подвергнуть неподготовленных невежд присутствию сил, столь же ощутимых, как огонь; сил, которые сжигают, если мы не можем их использовать (история об ученике волшебника). Поэтому поверьте, что я не пытаюсь никого «обратить» (тьфу!), даже вас. Я лишь пытаюсь пробудить вас к возможности нового типа *экспериментов* — на себе самой и в себе самой, а не убедить вас в какой-то «теории» или в каком-то «изме». И именно вы заставляете меня говорить о вещах, которых я не говорил, когда пишете мне о «растворении в Едином». Я когда-нибудь говорил вам об этом? как если бы «множественное» не существовало и как если бы множественное не являлось тем же Единым! (Тут снова требуются «нюансы», которые займут много места, так что я отложу их до того момента, когда начну публиковать своё «полное собрание сочинений»! Извините!) Ибо это ещё одна точка зрения, вспомогательная метафизика. Я ищу не растворения, а расширения поля своего сознания. Могу дать практический пример, *грубый* и *внешний*, такого расширения поля сознания: отважная швейцарская девушка, живущая в Ашраме, вчера мне рассказала, что теперь может выходить из своего тела, по желанию посещать Швейцарию и точно знать, что происходит в её семье. Это очень грубый пример такого расширения поля сознания. Есть другие, более тонкие и более замечательные. Всё это для того,

чтобы сказать вам, что интеллект не является для нас единственным инструментом знания и что мы ещё не закончили изучение наших собственных владений. Именно к этому исследованию я вас приглашаю — но для этого нужно сначала поверить, что есть нечто, что можно раскрыть (и как раз эту уверенность я хотел вам дать). Что отличает эту область, так это действительно её Свет и Радость, сопровождающая её открытие. Вы сами имели этот опыт, пусть неясный и полусознательный, подобного расширения поля сознания, когда в ваших снах вы могли присоединиться к моему собственному психическому и быть свидетелем моих кризисов удушья! (Насчёт этого можно не волноваться, сейчас дела намного лучше, и я начинаю дышать более глубоко, чем когда-либо).

Возможно, я совершил ошибку, полагая, что вы созрели для внутреннего опыта, однако, я не верю в это. Тем временем можете позаботиться о ваших слепых, я вас в этом поддерживаю, пока не найдёте своё решение. (Тут можно было бы много сказать о проблеме «помощи другим», но это письмо и без того слишком длинное. В другой раз, если вы меня позовёте).

Ещё вот что. Когда я говорил в прошлом письме о том, что этот внутренний опыт — воистину та вещь, которой должен достичь весь мир без исключения, я не имел в виду, что правда *одновременно* одна и та же для всего мира. Я хотел сказать, что эволюция всех существ склоняется к этой точке различными путями, и что именно к этой точке существа эволюционируют *из жизни в жизнь*. Это значит, что я говорил о правде в космическом масштабе, а не в масштабе этой короткой жизни, и именно к этой правде мы все медленно приближаемся, молочник, учитель, И. или вы, в силу противоречивых и взаимодополняющих опытов, через наши последовательные жизни. Но тем временем, было бы хорошо, чтобы молочник нашёл свою правду молочника, чтобы И. установил свою правду И., и т. д. и чтобы Клари нашла правду за пределами Клари.

Как вы могли подумать, что вы «обязанность» для меня?! Определённо, Лондон действует на вас неблагоприятно.

Обнимаю вас
Б.

P.S. Я едва не написал несколько слов в предыдущем письме в качестве постскриптума, но не успел. В этом постскриптуме я хотел сказать, что каким бы ни был ваш «выбор» и кем бы вы ни стали, вы не сможете ослабить нашу с вами дружбу. Ибо я люблю вас за то, кто вы есть, а не за то, что вы делаете. Хоть это эгоистично, но мне достаточно, чтобы вы были Клари! — но именно для вас самой недостаточно быть просто Клари. *If you see what I mean*^{*}, без нюансов!

Уф! Вы заставляете меня лить чернила.

***

14 июля [1955]
Клари

Подруга, вы ошарашили меня с вашим Ашрамом! Я не считал вас готовой к такого рода сальто-мортале, по крайней мере, до сих пор. И я рад, что у вас была эта идея, даже если она не должна была конкретизироваться полностью — это уже очень важный шаг, возможно, более важный, чем вы себе представляете, иметь хотя бы просто *идею* этого. Теперь не нужно будет вас обескураживать, если этот Ашрам разочарует вас или если вы не найдёте в нём того, что ищете. Простой факт *поиска чего-то иного* уже сам по себе очень важен. И в мире есть не один Ашрам, не один путь для того, чтобы открыть обширный внутренний мир. Я весьма счастлив, Подруга. Вы увидите, что этот путь очень труден — но трудности вас не пугают — и что в дальнейшем вы будете вынуждены постоянно превосходить саму себя. Это постоянное провоцирование реализации лучшего в себе. (Разве Хаксли не говорил о «*razor's edge*» [«лезвие бритвы»]?) Но вы также увидите, что живёте истинным способом.

Надо бы рассказать вам немного о ведантистской философии Рамакришны, прежде чем рассказывать конкретно об этом Ашраме. Ибо не стоит полагать, что все Ашрамы одинаковы — все они ищут реализации Божественного, но Божественное имеет множество аспектов. (И поэтому индийцы часто переходят от одного Ашрама к

---

* «Если вы понимаете, о чём я» англ. (прим. пер.)

другому, прежде чем найдут своего гуру и Ашрам, соответствующий конкретным нуждам их внутреннего стремления). Ученики Рамакришны представляют обширную индийскую *традицию* — то есть они пытаются реализовать статический аспект Божественного, аспект Единого. Они стремятся к реализации этого трансцендентного Я и, следовательно, к уходу из мира, который они рассматривают как невежественную фантасмагорию, обманчивую иллюзию. Для них жизнь в мире — только повод, средство, случай для реализации трансцендентного Я, и чем быстрее мы освободимся от этих невежественных цепей, тем лучше — ибо *сам по себе* этот мир не имеет смысла. Такова индийская традиция с незапамятных времён¹², которая в конце концов ищет освобождения от этого мира. Очевидно, это радикальное решение, полюс, прямо противоположный материалистическому отрицанию, своего рода, духовное отрицание (или высшее утверждение, обнимающее все противоречия, далеко возвышаясь над ними).

Как и все человеческие попытки, оно содержит великую истину — но не всю истину. Фактически, Божественное действительно Едино, но оно также и множественно; оно статично, но оно также и динамично: есть этот мир, который также является ИМ, и который совсем не иллюзия, как того хочет Веданта. Но для того, чтобы мир и мы, живущие в этом мире, действительно стали выражением ЕГО, нужно этот мир трансформировать, нужно освободить божественные возможности, латентно спящие в нём. Таким образом, в отличие от классической Веданты, Шри Ауробиндо пытается создать «Жизнь Божественную» (название его главного философского труда) и представляет новую Йогу, которую он называет «интегральная Йога», стремясь примирить оба аспекта Божественного или духовного опыта, статический и динамический.

Говоря это (очень упрощённо, очень поверхностно, ибо не могу написать на двух страницах то, что другие описали в нескольких томах), я совсем не собираюсь обескуражить вас по поводу классической йоги в её ведантистской форме. И вам не стоит отворачиваться от неё под предлогом того, что она не есть

---

12 За исключением Вед.

абсолютное выражение истины. Напротив, нужно «войти туда» и попытаться пережить истину, которую она представляет, попытаться открыться конкретному внутреннему опыту, который она может вам дать. Ибо Веданта — очень важный *первый этап*, зачастую необходимый (хотя и не всегда), перед достижением других реализаций, более интегральных и более удовлетворительных, так как они примиряют множественность мира и единство, поддерживающее его.

Центр в Грес^{*}, безусловно, может дать вам нечто очень важное, если вы сможете *открыться* без предубеждений областям сознания, которые он представляет. Поскольку, исходя из всего этого, важна конечно же не столько философия, сколько присутствие гуру, духовного Учителя — потому что гуру, это тот, кто имеет силу передавать состояние сознания. Свами Сиддешварананда, возглавляющий центр в Грес, человек серьёзный, достигший определённых реализаций и способный ввести вас в контакт с внутренним Покоем и Тишиной — необходимой прелюдии к любой внутренней реализации.

Какими бы ни были Йоги и Ашрамы, всегда есть долгий (и болезненный) подготовительный этап, во время которого нужно создать внутреннюю пустоту, освободиться от прошлого, от идей, от давних привычек и даже от того, что мы считаем лучшим в себе! (дьявольски непростой труд). За этим следует великое переживание внутренней *пустоты*, не похожей ни на что из того, что мы представляли как пустоту, ибо это не интеллектуальная пустота. Это некая светоносная лёгкость. Это переживание настолько поразительное и захватывающее, что три четверти философий и духовных практик остановились на этом, говоря, что Божественное является ЕДИНЫМ, что это ЕДИНАЯ великая пустота. Но помимо этого, есть следующий этап, на котором пустота *заполняется* — и тогда мы постигаем, что действительно сначала нужно было создать пустоту, чтобы существо могло заполниться *новой* субстанцией (субстанцией, не имеющей ничего общего с тем, что наше обычное сознание может вообразить)... Но давайте не будем перескакивать

---

* Ведантический Центр Рамакришны в Париже (прим. пер.)

через ступеньки. Достаточно знать, что существует *нечто* в конце всего этого, и *НЕУСТААННО* *вдыхать* это «нечто». Свами в Грес, определённо, может помочь вам совершить большой прогресс. Вы увидите сами. Для вас важно *открыться* духовной силе гуру и начать *перемещать центр* вашего сознания. В любом случае, лучшее, что можно сделать, это пойти туда и искренне пережить опыт. И главное — никакого уныния!

.....

Подруга, нежно обнимаю вас.
Вы очень близки моему сердцу.

Б.

***

Пондичерри, 14 сентября [1955]
Бернару д'Онсие

Старина, ты можешь говорить, что поступаешь «красиво»... Без сомнений, это Дьявол собственной персоной — возможно, и не один — продиктовал твоё последнее письмо, ибо с тех пор, как я его получил, у меня всё шиворот-навыворот. Впрочем, ты ведь прекрасно понимал, что делаешь, когда писал это «соблазнительное» письмо, я сильно удивился бы, если это было не так?! Ты, несомненно, был бы рад меня подразнить или, скорее, высмеять, если бы я покинул Ашрам... Я не знаю, осознаёшь ли ты до конца, что это будет значить для меня. Или, скорее, да! ты прекрасно это осознаёшь, но для тебя это развлечение на досуге (?). Так что я не знаю, должен ли я тебя ругать, или говорить тебе, насколько меня это затронуло, или объяснять, что я в полном раздрае и не понимаю, где нахожусь. Пробыв почти два года в этом Ашраме, я пережил большую борьбу, напряжение каждого момента для преодоления того, что называют «низшей природой» и попыток открыться более высоким силам сознания. И твоё письмо явилось раскатом грома на чистом небе.

Но я хочу быть искренним и не обвинять тебя больше, чем ты заслуживаешь. Внутреннее «небо» не было таким «чистым», как я говорю, и на протяжении нескольких недель, даже нескольких

месяцев я переживаю «кризис», который стараюсь победить (поэтому я не ответил на твоё письмо, где ты сообщил о перемене адреса. А чтобы заставить меня не ответить на письмо, требуется действительно хорошая встряска). Таким образом, твоё последнее письмо кристаллизовало большое количество мелких бунтов, мелких внутренних сопротивлений и направило в точку крайнего напряжения все эти маленькие изолированные силы, тянущие меня во все стороны. Вместо того, чтобы иметь дело с маленькими поджогами тут и там, я должен противостоять большому пожару и снова ставить под вопрос всё, от А до Я, как будто все эти два года усилий были бесполезны, как будто ничего не было пройдено, как будто всё безнадежно обречено быть начатым сначала. Я сомневаюсь во всём, сомневаюсь в ценности идеала, который пытаюсь реализовать, я сомневаюсь даже в опытах духовного порядка, пережитых мной, я сомневаюсь в свете, который я, однако, *видел* — как будто всё это было пережито другим «я», которому я больше не доверяю и которого не понимаю. Я спрашиваю себя, не грезил ли я, не было ли это иллюзией, не прав ли ты более, чем я, просто живя по-человечески в поисках незатейливого человеческого счастья. Ох, Бернар, если бы я мог видеть ясно, знать то, что я должен сделать!... Возможно, ты будешь насмехаться надо мной — но мне скорее хочется верить, что ты меня поймёшь и проявишь снисходительность к моему одиночеству, к моему столь отчаянному, столь искреннему поиску того мира, о котором я уже не знаю, иллюзорен он или является единственной реальностью...

Об одиночестве я сказал... Хочу также сказать помимо упрёков, что весьма растроган проявлением дружбы, выраженным в твоём приглашении. Хочу думать, что твоя роль состоит не только в том, чтобы меня дразнить, но и в том, чтобы быть другом, и я тронут, что ты приглашаешь меня на какое-то время разделить с тобой твои удовольствия. Этот знак дружбы меня воистину растрогал, ибо живу я в полном одиночестве — потеряв даже дружбу моего младшего брата, существа, наиболее мне дорогого во всём мире, наравне с моей матерью; уже целый год между нами нет никаких контактов.

Двинуться с места меня заставят отнюдь не твоя «соблазнительная» Англо-Индианка и не прелести Капуа, оставлю их

для тебя (не Англо-Индианку, ибо Маник, возможно, была бы недовольна!). Но у меня стремление узнать, возможно ли действительно жить по-человечески, счастливо; стремление в последний раз поэкспериментировать, смогу ли я жить так, как весь мир, и если это действительно невозможно, закрыть эту тему раз и навсегда или окончательно запереться в какой-нибудь Ашрам. Понимаешь? Так что у меня есть соблазн присоединиться к тебе на несколько недель и получить этот решающий опыт, даже если он приведёт меня к наихудшему. Бернар, я больше не знаю, что мне делать, я чувствую себя совершенно растерянным.

Твой друг
Б.

***

5 октября 1955
Бернару д'Онсие

Старина, я *очень чувствителен* к проявлениям дружбы, которую твоё письмо выражает, это отнюдь не лишне, особенно в данный момент, когда вещи столь трудны.

Даже если ты ошибаешься в своих суждениях обо мне, само усилие, прилагаемое тобой для того, чтобы понять меня, трогательно. Нужны долгие объяснения, а я потерял привычку оправдываться или обсуждать себя: если я— «случай», то это лишь в твоём понимании. (...)

Нет, мои трудности иного порядка. И Мать видела всё очень ясно, когда на днях сказала мне по поводу этого жестокого кризиса, переживаемого мной: «В твоём существе есть перекос, несоответствие между ментальной и витальной частью. Ужасное испытание, пройденное тобой во время войны, внезапно раскрыло в тебе понимание, ментальную реализацию, для получения которой ты в противном случае потратил бы, возможно, несколько жизней. Но твоя витальная сущность остаётся очень молодой. Она не открылась той же реализации. Поэтому в тебе есть разрыв, несоответствие между этим беспокойным, противоречивым, яростным ребёнком,

жаждущим экспериментов и «жизни», и твоим ментальным существом, которое понимает».

Именно поэтому на дорогах Бразилии, Африки и других стран, когда я был полон динамизма и находился в «становлении», была целая область меня, ментальная, которая оставалась неудовлетворённой, которая стремилась «быть». А когда я нахожусь в Ашраме в статическом состоянии, направленном к тому, чтобы «быть», остаётся целая область меня, витальная, которая упирается лбом и хочет «становиться», метаться, экспериментировать, пользоваться и владеть, которая чувствует «голод». Уже два года «быть» одерживает верх над «становиться», но в течение последних трёх недель великое цунами вынесло на поверхность всё то, что я считал, наконец, побеждённым и растворённым. Так что это драка, и час за часом ментал затыкает рот виталу или витал даёт менталу пинка под зад! И, соответственно, я телеграфирую тебе, что приезжаю, или не приезжаю, или что я еду в Японию или в Патагонию. Это один из процессов Йоги, когда она доводит все трудности, все дефекты до их крайней степени, до пароксизма, чтобы их можно было осознанно «излечить» или уничтожить. Это уничтожение никогда не проходит без криков. Но приходится выбирать между скальпелем или бегством. Единственная «драма» для меня, это «ни с тобой, ни без тебя». Тогда где решение... или бежать по дорогам до тех пор, пока не исчерпается конфликт, пока витал не постареет и не поймёт в конце концов?

Несмотря на всё, что ты думаешь, я не «разочарован» Ашрамом, и несмотря на свои мятежи я знаю, что для меня этот путь — *ЕДИНСТВЕННАЯ, УНИКАЛЬНАЯ причина* существования, но, увы, это только «причина», этой причине пока ещё недостаёт сердца.

Ты прав в единственном — в том, что мне нужно суметь «отдать себя» без ограничений, полностью душой и телом, этому пути. Я могу отдаться духом, но остальное не хочет идти следом, остальное хотело бы сказать «чёрт возьми», растянуться на циновке у маленькой лампы, пока «это не истощится», или сбежать куда угодно, лишь бы прекратить этот болезненный конфликт. Таков мой «случай», Бернар. Видишь ли ты решение?

Так что я пребываю во власти капельки воды, которая может

переполнить налитую до краёв вазу, и готов сбежать в Японию или на Камчатку. Бангалор ближе, и я спрашиваю себя, не должен ли я просто без всякого «плана» или окончательного решения на недельку отправиться к тебе, чтобы сменить атмосферу. (...)

Для полноты картины должен тебе сообщить, что в данный момент Ашрам под воздействием того, что называют «атакой враждебных сил», и я не единственный, кто затронут.

Обнимаю вас обоих,

Б.

***

6 ноября [1955]
Клари

Дорогая подруга, я очень жалею, что не написал тотчас же после получения вашего письма из Женевы, ощущение, что я оставил вас без помощи, ибо вы в письме просили по крайней мере дать вам знак дружбы и поддержать, вы кажетесь весьма дезориентированной... Сейчас мне трудно отвечать на письмо, пришедшее месяц назад, так как ясно, что ваше состояние уже изменилось и я промахнусь с ответом.

Я только что пережил довольно жестокую внутреннюю бурю, поэтому был неспособен писать вам, ибо хотел бы помогать вам, а не тянуть вниз. Возможно, рассказав вам о пережитом мною опыте, я смогу помочь и вам. Всё шло из рук вон плохо, месяц назад я решил покинуть Ашрам. Было так, будто некий цунами вышвыривал на поверхность сознания все виды формаций прошлого, которые я считал разрушенными. Жестокий мятеж охватил всего меня целиком, и я буквально не мог больше «дышать» в Ашраме. Мне казалось, что я находился в стороне от жизни, что я погрузился в чистую субъективность и своими руками уродовал весь свой жизненный динамизм. И даже все те светносные опыты, которые я пережил, как будто затянуло пеленой: казалось, что всё это были грёзы другого. И я вновь оказался довольно грубо выдернутым из самого фундамента моего существования, лишённым этого внутреннего существа, чьего

присутствия я больше не ощущал, и возвращённым к мучительной ситуации 1949 года, когда я покинул Индию не зная, зачем, отправившись в некую неправдоподобную Гвиану. Но в этот раз у меня не было вариантов, даже надежды обнаружить что-то. Мне казалось, что уже нечего обнаруживать, а нужно лишь исчерпать эту своего рода зыбучую тоску, сбежать в дорогу, далеко и надолго, пока не утихнет эта абсурдная лихорадка существования. Я решил отправиться в Японию. В «таких случаях» Япония стоит Южного Полюса или Туркестана. Мне оставалось оплатить билет на нижней палубе до Японии или, возможно, не доходя один-два порта до Японии. Прежде чем сесть на корабль в Коломбо, я решил провести несколько дней в Бангалоре, чтобы немного отдышаться у Б. д'Онсие (покинувшего Дели, чтобы мирно осесть на Юге с женой-индианкой — кстати, весьма милой — и своей трубкой: он только что получил небольшую часть своего наследства, то есть несколько лакхов рупий). И вот тогда я и получил довольно мощное переживание. Я не покидал Ашрам два года, и внезапно вновь оказался погружённым в то, что называют «жизнью» — в ту самую «жизнь», к которой я взывал всеми своими силами, ибо мне казалось, что я медленно умираю в Ашраме, исчезал в отрицающей пустоте. Но вместо жизни я обнаружил повсюду, у всех людей, которых я встречал, только видимость жизни, симуляцию. Я не заметил, как два года в Ашраме отточили мою чувствительность, достаточно очистили меня, чтобы сделать более восприимчивым к вещам, к существам — словно первый стакан джина после долгого воздержания, и я оказался не пьяным, но в состоянии постоянного мандража, будто приёмник, получающий весь диапазон волн, испускаемых существами; казалось, сам мой взгляд был отточен, как лезвие, и было впечатление, что я вижу сквозь людей, сквозь их мысли, их молчание, их жесты. Как вам описать, подруга, это могущественное впечатление, этот неопровержимый опыт моих чувств, который я пережил? Мне действительно показалось, что я попал в другой мир, населённый другим человеческим видом — видом без содержимого, без субстанции, столь *мелким*, — крохотное завихрение, довольно болезненное, трясущееся и вертящееся от одной крохотной идеи до другой, от одного желания к другому, от одного занятия к другому, от одного сожаления, голода, жажды до

другого. Безостановочные движения, как у паруса на ветру. Я действительно чувствовал, будто оказался среди весьма болезненных детей, ещё не сформированных — которые, возможно, не сформируются никогда,— детей, играющих в жизнь, но так её и не уловивших; они мечутся от радости к боли и в этих метаниях черпают ощущение того, что они живут; существование, подвешенное на тонкой нити — нити их удовольствий, их забот, их болей, которые они должны непрерывно умножать и менять, боясь узреть, как всё внезапно стирается в молчании и неподвижности, во внутренней пустоте, которой они страшно боятся. Воистину, подруга, это не было образом; я чувствовал всех этих существ как маленькую, очень тонкую корку, покрывающую пустоту, это были как будто мёртвые-живые тела, дрейфующие в потоке времени. Во мне не было презрения, о, конечно, нет, но лишь невыносимая *боль* от нахождения там, в бессилии перед этими маленькими детьми, тонущими без пользы, напрасно. Ибо я видел не просто «поверхностных» людей, я видел также людей искренних, людей, действительно пытающихся жить, но даже в отношении них мне казалось, что вся архитектура их домашних очагов, их трудов, их любви имела опору в пустоте, или скорее, вообще *не имела* опоры; все эти жизни не имели фундамента, основы, реального глубинного корня,— простое болезненное и спазматическое движение, оседающее на фрагментах времени. Думаю, вы понимаете, что я хочу сказать: все эти люди были никем, они не являлись *личностями*. Они пока ещё не стали *кем-то*. И на самом деле, именно они жили в чистой субъективности, ибо они не были ничем кроме своего движения; ничем, кроме того, что они думали о себе; ничем, кроме того, что другие думали о них; и ничем, кроме тысяч уз, которые они трудолюбиво соткали вокруг себя. Отделите их от среды, от их работы, от их любви, и не останется НИЧЕГО, существующего *само по себе*. И возможно, вы считаете меня слишком требовательным, но я должен рассказать вам об опыте так, как я его пережил: среди этих существ без истинной реальности я чувствовал себя — или, скорее, я чувствовал в глубинах себя — как будто СКАЛУ могущественной, вечной реальности, за пределами, по ту сторону всех движений этих существ, за пределами самого моего тела, находящегося там, среди других. Казалось, я

единственный находился *в сердце* истинной реальности мира. И поймите, подруга, что не было и речи о «впечатлении», или «идее», или «рассуждениях»; воистину, это было словно жгучее пламя где-то в середине груди, нечто мучительно острое, почти разрывающее лёгкие, как после быстрой пробежки; густая, плотная глыба неопровержимости, дающая вес даже моему телу, почти физическая плотность в существе, которое в противном случае просто исчезло бы в вихре абсурда. В глубине моего сердца было живое СУЩЕСТВО, почти чуждое мне самому, и однако, это был я сам; существо, которое кричало мне, провозглашая свою несомненную очевидность, которое кричало мне — и его я слышал яснее, чем все эти запутанные голоса, извергающие потоки слов — оно кричало о своей вечной реальности за пределами всех форм, всех движений, за пределами занимаемого мной в пространстве физического положения, за пределами моей собственной маленькой материальной действительности. Подруга, я действительно почувствовал, что означает «Я есть». Именно это СУЩЕСТВО родилось и медленно выросло во мне на протяжении двух лет Йоги, и оно пришло сказать мне: «Ты видишь, я здесь, дурачок, я существую, я — реальность этого мира, я — реальность твоего существа, а ещё я реальность всех тех существ, которые пока не нашли меня; это ради меня все они мечутся и страдают, чтобы однажды прийти ко мне». Подруга, никогда ещё у меня не было такого интенсивного *понимания* существ, понимания мира, понимания предназначения всех этих жизней. Подруга, я ВИДЕЛ, я слышал, я коснулся тайной реальности, мучительно острой. Я понял, наконец, истинный смысл моей жизни, всей жизни. Именно это *существо* мы должны обрести в себе, это внутреннее существо, на котором базируются все вещи, которое укореняет наши жизни, которое «выворачивает^{*}» наш разум и дух и заряжает смыслом наше существование, которое иначе является просто абсурдом. Тогда я понял, что наименьший из учеников Ашрама, воистину, жил в большей реальности, чем любое из встреченных мною существ; я понял, где находится истинная жизнь для всех тех, кто действительно её хотят, будь они в Ашраме Пондичерри, на парижской набережной

---

* «*inviscère*», как противоположность «*viscère*» (относящийся к внутренним органам)— неологизм Сатпрема (прим. пер.)

или в Malir Road; эта истинная жизнь, она вырабатывается в нас самих, путём всё более и более глубокого погружения в сердце самого себя, в то, что на первый взгляд кажется чистой субъективностью, негативной пустотой, но что ведёт к истинной реальности и высшей полноте. Именно вперёд, в авангард самого себя, нужно идти, подруга, отдав все старые швартовы прошлого, привязывающие нас к поверхности вещей...

Нет, психоанализ — не решение: высшее не объясняется низшим. Мир кишит комплексами и мелкими подавленными страстями, находящимися лишь в нескольких сантиметрах под поверхностью; нужно продвигаться глубже и выше. Не к психоаналитику нужно идти, а на поиски нашего БЫТИЯ, нашей СУЩНОСТИ, которая присутствует здесь, которая ожидает нас и которая единственная может придать вес этой жизни, придать смысл нашему одиночеству.

Обнимаю вас, подруга, в ожидании новостей. Простите за долгое молчание — но я постоянно был рядом с вами.

Б.

P.S. Как видите, я быстро возвратился в Ашрам.

***

15 декабря 55
Бернару д'Онсие

Старина, я уже и не верил в твою мечту могола¹³, как вдруг получаю от тебя письмо. я действительно понимаю твой восторг, восторг Маник, и я счастлив за вас. Это так справедливо, что всё это произошло с вами и что немного денег послужили тому, чтобы создать красивые вещи и обставить жизнь как произведение

---

13 Бернар д'Онсие купил в Хайдарабаде очаровательный маленький дворец (или, скорее, три дворца рядом друг с другом) посреди чудесных садов с вековыми тамариндами, огромным водоёмом со старыми камнями, стаями голубей-вахирей среди деревьев; дворцы принадлежали бегуму (принцу) Низаму из Хайдарабада, отсюда и название этого места: «Umda Begum Bagh» (сад бегума Умда).

искусства. Ведь множество обывателей делают грязные, низменные деньги. Bravo! Я восхищён.

.....

Я возобновил свои усилия, неторопливо, в покое, который крепнет и углубляется с каждым днём. Полагаю, что обрёл ясность, и теперь могу двигаться только к большей ясности. Я чётко ощущаю свою судьбу, свой закон. Эти вещи не нуждаются в определениях, ты прекрасно знаешь, куда я стремлюсь, знаешь трудности и радости этого пути. В-общем, я практикуюсь в преданности.

Напиши мне, если тебя это не затруднит, дабы держать меня в курсе твоего нового жизненного устройства. Должно быть, тебе и Маник доставляет удовольствие весь процесс продумывания, подготовки и реализации оформления ваших садов, вашего жилища. Могу лишь выразить свою радость от знания того, что вы, наконец, удовлетворены.

Сердечно с вами,

Б.

***

1956

8 февраля 56
Бернару д'Онсие

Старина, жаль, что мы здесь с тобой не увиделись. Я подготовил «комнату», то есть снял паутину, положил на пол пару циновок и несколько цветов — это вся моя роскошь. (...)

В телеграмме я сообщил, что не смогу проводить вас в Хайдарабад, потому что у меня важная работа по переводу, который я согласился сделать — мне было непросто всё это бросить, ведь книгу ожидают во Франции в первых числах марта. Мне всегда трудно не отдаваться полностью тому, что я делаю. Это весьма надоедливо — уметь жить только всерьёз! — и однако, Бог знает, насколько моя жизнь не выглядит «серьёзной» в глазах «порядочных» людей!

By the way^{*}, я получил чудесное письмо от Уотсона¹⁴, который сообщил мне, чтобы я написал тебе в Дели по случаю Нового Года, он поручает: «*Should you communicate with him, please give him my very best wishes*» [«если вы в контакте с ним, передайте ему мои наилучшие пожелания»], и добавляет: «*I am now wondering if he has actually married Manook (sic) and made everything "regular"*» [«мне интересно, действительно ли он женился на Manook и “отрегулировал” свою ситуацию»]. Оставляю на тебя заботу ответить ему. А ещё он всегда очень вежливо спрашивает меня, счастлив ли я в своей жизни «*of apprentice to the Indian Gods — I gather you have not yet reached the point of having your head shaved but no doubt that too will come in time*» ! [...«ученика Индийских Богов — полагаю, что вы ещё не достигли степени, когда бреют голову, но я не сомневаюсь, что это

---

* «Кстати» — англ. (прим. пер.)

14 Американский миллионер, у которого Сатпрем работал в Бразилии. Уотсон надеялся сделать из него наследника своего бизнеса... но Сатпрем очень скоро вернулся к странствиям.

придёт»]. Кхм...

Я представляю вас в некотором роде как персонажей Тысячи и одной ночи, Али Бернар и бегума [принцесса] Мапоок... Хотел бы я к вам присоединиться, но даже не представляю, когда и как это будет возможно. (...)

Сердечно с вами обоими,

Б.

***

(Это письмо было написано на следующий день после 29 февраля 1956, того дня, когда имело место то, что Мать назвала «первой супраментальной манифестацией на земле». Напомним, что Шри Ауробиндо называл «Супраменталом» могущество, которое будет одушевлять [animera] следующий после человека вид на земле. В этот день, «как нарочно», Сатпрем пребывал в полной революции).

1 марта [1956]

Клари

Подруга, я обращаюсь к вам в своём бедствии, ибо вы всё, что у меня осталось в мире: уже давно я отрезан от своей матери и от брата, от неё, потому что она перестала меня понимать, а от него, потому что он перестал меня принимать и писать мне. Мне кажется, только в вас ещё остались хоть какой-то резонанс, хоть какое-то живое тепло — а я ощущаю себя заледеневшим. Настолько заледеневшим, подруга. Подруга... я повторяю себе это слово, как если бы протягивал руку, призывал на помощь, если бы мог. Но вы так далеко. Я считал, что какие-то рубежи были преодолены навсегда, и уже нет возврата к определённой тьме из прошлого — долгая ночь, которая тянется в течение десяти лет; и вот обнаруживаю себя в ещё более великой темноте, и нет НИЧЕГО, к чему можно было бы прицепиться. Одна из частей меня узнала о Правде, увидела Свет, но всё стёрлось. Другая часть меня, витальная, больше не может следовать за движением и восстаёт против того, что Дух на него налагает в

течение двух лет пребывания здесь... Эта часть глухая и слепая к бытию, и всемогущая, укоренённая в своём желании жить и быть свободной, быть самим собой наперекор и вопреки всему. На протяжении почти двух месяцев во мне был ужасающий раскол и погружение в ночь, тем глубже, чем ярче был переживаемый свет. Подруга, моя борьба в лагерях, моё одиночество в Гвиане и все виды отчаяния, пережитые мной — всё это ничто в сравнении с пережитым в эти два месяца. Кажется, что все десять лет одиночества вдруг обрушились на меня в эти несколько дней, поднявшись я не знаю из какой пропасти. Всё выметено, опустошено, разорено словно от цунами, буря снесла рангоут и парус и вырвала руль, и я словно голый остов корабля, унесённый неизвестно куда.

На днях я собираюсь покинуть Ашрам. Но куда идти и что делать? Какую правду искать? Как будто нечто разбилось в глубинах меня. Откуда мне взять силы что-то искать и хотеть? Мне кажется, я уже столько искал, столько бродил по дорогам, всё это ужасно абсурдно. Какой новый смысл придать своей жизни, какую новую основу создать для неё, чтобы защитить её от самоубийства или трусости? Я не вижу ничего — ничего. Когда я оборачиваюсь к своему прошлому в тщетной попытке отыскать там хоть какой-то сигнальный маяк, который смог бы указать мне дорогу, я не вижу ничего. Я от всего отказался ради желания только этой уникальной и единственной Правды, которую я ощущал пульсирующей в себе, и даже эта Правда меня покинула. И этот мир не-вы-но-сим. Я не жалею ни о чём, от чего отказался. Но осталась ли ещё хоть какая-то новая правда, которая может родиться во мне — правда, которую я ещё был бы в силах хотеть и искать?

Бернар д'Онсие, которому я написал с просьбой найти мне работу (потому что нужно по-быстрому заработать хоть какие-то деньги, чтобы предпринять что бы то ни было: у меня осталось 300 рупий), предлагает присоединиться к нему в его новом владении, купленном в Хайдарабаде, и остаться там сколько нужно, чтобы писать эту книгу, которую я тащу на себе и в себе уже так долго. Конечно, я могу написать эту книгу, и она имела бы силу моего одиночества, моего отчаяния и моей борьбы — но «быть писателем» мне кажется смехотворным, это также удобно и комфортабельно, как быть мелким

женатым мещанином в администрации колоний. Я не хочу описывать жизнь, я хочу жить, жить отчаянно, и вырвать, наконец, этот невозможный секрет, либо сдохнуть.

Итак, я жду, когда д'Онсие найдёт мне неважно какую временную меру, шесть месяцев какой-нибудь работы, что позволило бы взять билет третьего класса к какому-нибудь новому месту назначения. Но этот новый пункт назначения скрыт во тьме. Куда я иду, подруга?? Я предполагаю, я надеюсь, что эта дорога будет вести меня к некой жестокой встряске, которая, наконец, откроет запечатанные двери. Ибо действительно нужно, чтобы «это» однажды взорвалось или чтобы я сам совершил прыжок. У меня ностальгия по крайне примитивной жизни. И я позволяю себе помечтать о каком-нибудь острове, затерянном в Тихом океане, где я жил бы рыбной ловлей, находясь весь день в море, на солнце, в великой волне чистой и мужественной силы... Даже не знаю. Я жду, я осмеливаюсь надеяться на знак Судьбы, единственный — и сколь бы мал и неприметен он ни был, я последую за ним. О возвращении во Францию даже и речи не идёт.

Вот. Подруга, я дьявольски нуждаюсь в том, чтобы посидеть с вами, выпить немного виски и поговорить о тысячах глупостей. Это одиночество бесчеловечно. Моя жизнь бесчеловечна, это что-то вроде невозможности. Мне действительно скверно живётся, поверьте...

Черкните пару строк просто по дружбе, чтобы дать немного тепла и немного вашей улыбки.

Обнимаю вас

Б.

P.S. И если вы меня строго осуждаете — за моё дезертирство из Ашрама или вообще за мою жизнь — скажите прямо, ибо это, возможно, будет наилучшей вашей услугой, оказанной мне. Поверьте, у меня нет никакой снисходительности в отношении себя, разве что небольшая усталость.

***

Пондичерри, 17 марта 56

Подруга, я так тронут вашим письмом, вашим сердечным усилием понять меня и помочь. Уже два месяца, как меня носит по всем дорогам Мятежа, и я пережил все виды бунтов, прежде чем понять, наконец, что есть один фундаментальный Бунт во мне, поднимающийся дико, непримиримо всякий раз, когда я вижу, что моя свобода под угрозой, моя жизнь оформляется судьбой, моё движение останавливается, мой динамичный опыт оказывается под угрозой быть заключённым в тюрьму формы, закона, идеи. До тех пор, пока я видел себя в Ашраме как в месте, куда приходят — пусть даже на десять лет — где экспериментируют, чтобы затем пойти дальше, в другое место, чтобы на других планах существования, в других формах существования развивать тот опыт, который позволит расширяться, углубляться без остановки; пока я видел себя здесь проездом, всё было в порядке, всё во мне способствовало опыту, который я получал. Но в тот день, когда я понял, что Ашрам требовал от меня не просто усилий на протяжении X лет, но всей моей жизни, как это произошло с жизнью Барбье Сент-Илера (Павитра) — думаю, вы знаете, что он здесь в течение тридцати лет — тогда всё стало по-другому. Всё во мне стало рычать, и тысячи предлогов поднялись, чтобы заставить меня уйти. Я представил себя — и до сих пор представляю — как второго Павитру, генерального секретаря Ашрама, проводящего остаток своих дней за писанием рекомендательных или поучительных «писем» всем сортам людей, за переводами с английского языка произведений Шри Ауробиндо и статей, продолжая год за годом вести занятия по литературе в Центре Образования Шри Ауробиндо, за правкой официальных Бюллетеней, издаваемых Ашрамом, или занимаясь французскими, немецкими или американскими изданиями книг Шри Ауробиндо и т. д. и т. п. И это привело меня в ужас. Не потому, что деятельность эта показалась мне низшей или презренной, это совсем не так, но я внезапно узрел, как сорок или пятьдесят лет моей жизни вписались в единственный кильватер, по единственной трассе, в единственном направлении, и мне пришло в голову, что никакой внутренний Свет, никакой, даже самый чудесный, самый просторный внутренний опыт не мог

компенсировать это заточение в четырёх стенах Ашрама. Конечно, моя реакция может быть проявлением невежества, ибо вполне возможно, что внутренний свет и завоевание внутренних пространств будут стоить всех жертв. Всех отречений. Но отдалённая идея, очень ограниченный опыт этого внутреннего света, который я имел, позволяет мне лишь с трудом представлять, какой может быть цена или величие этого более широкого Света, этого более широкого сознания, этого более широкого знания, которые Павитра и некоторые другие ашрамиты, без сомнения, обрели. Несколько мелких опытов, пережитых мной здесь, маленькие проблески, которые я увидел, которые уловил, пришли как будто лишь для того, чтобы соблазнить, заманить меня — затем всё прекратилось, всё стёрлось, будто кто-то шептал мне на ухо: «Теперь ты не сможешь идти дальше, у тебя не будет другого опыта, пока ты не откажешься от всего и пока ты не отдашь всю свою жизнь этому месту. Вот. Выбирай». И в то же самое время мне казалось, что Ашрам не был по необходимости *единственной* дверью, открытой к внутреннему миру и внутреннему опыту, и что внутренний опыт также мог углубляться, распространяться, обогащаться, открываясь во внешних контактах жизни, ассимилируя встряски внешнего мира, трансформируя внешние гармонии и вибрации в свою собственную внутреннюю субстанцию, расширяясь посредством игры действий и реакций. Я вспоминаю мысль одного из персонажей Мальро: «Трансформировать опыт в сознание настолько широко, насколько это возможно».

И если бродяжническая, суровая, одинокая,— какой она была в последние десять лет,— моя жизнь казалось мне ПОЛНОЙ вещей, ситуаций, лиц, необыкновенно богатых переживаний — это богатство имело место только и именно потому, что я не позволял себе останавливаться ни на одном из опытов, ни на одной из ситуаций, ни на одном из этих лиц. Ибо что это была бы за жизнь, которая остановилась бы на гвианских джунглях, исключительно на одних джунглях, остановилась бы на Уотсоне, исключительно на одних деньгах, остановилась бы на Изе (о которой я рассказывал)? Мне кажется, вся сила моей жизни и моего существа держалась на самом моём движении, на моём отказе фиксироваться в единственном положении. Мне казалось, что лучше, чем когда-либо, я завладевал

всей интенсивностью моего существа лишь когда оказывался один и раздетый в новой ситуации, когда нужно было заново всё создавать, изобретать, воображать, строить, как в начале мира, из новой жизни — и как только ситуация оформлялась, что-то было построено, мне не терпелось всё оставить, ибо я чувствовал, что становлюсь пленником своего собственного творения, своих собственных форм, что всё во мне «оштукатуривалось», затвердевало. И я уезжал. Выражаясь менее абстрактно, могу описать вам две реакции, весьма симптоматические, как я их пережил. Эти две истории символичны определённым почти физиологическим отношением во мне: первая история происходила на чудесном маленьком острове залива Рио, куда мы отправились с Изой провести вдвоём восемь последних дней до моего отъезда в Африку — я должен был сесть на корабль 2 января. На этом почти пустом острове мы остановились у маленького племени австрийских эмигрантов из старой императорской Австрии, старые мужчины и старые девы барочного типа, которые перенесли на этот остров всё барокко Вены XIX века, в том числе статуи и зеркальные трюмо; было две или три старых девы, проводивших своё время между, я не знаю, какими-то «Мемуарами» или романами, которые они писали не знаю для какого издателя, и целым зверинцем кошек, собак, попугаев и обезьян, которые ссорились на патио и в огромном саду из фламбуайнов* и розовых лавров на побережье; был также старый врач, проводивший свои дни за рыбалкой не знаю для каких барбекю, стоя в воде по пояс, и другие диковинные старички, чьи занятия я никогда не мог определить. Все жили счастливо в этом старом доме с колоннами в португальском стиле, называя его не иначе как «Шангри-Ла»... И мы были «paying guests» этого племени, которое скромно умилялось нашим молодым страстям... Видите, это абсолютно «как в романах». И мы были очень счастливы, проводя дни на пляже Шангри-Ла — полагаю, что я любил Изу, но, как вы увидите, мне было больше по нраву нечто иное. Мне нужно было покинуть остров 2 числа утром, чтобы взойти на корабль. 1-го вечером в этом мирном климате начался дождь, жестокий тропический дождь, заливший патио водой слоем в пол-ладони. Это быстро перешло в своего рода

---

* Делоникс королевский (прим. пер.)

бурю, внезапную и яростную, и я вдруг испугался, что окажусь отрезанным от мира на этом счастливом острове с Изой и не смогу достичь Рио за неимением «*lanches*», пожелавших пересечь залив во время такого неожиданного муссона. Меня объяла непреодолимая тревога оттого, что я нахожусь здесь, пойманный в ловушку счастья, словно в капкан, под угрозой упустить теплоход в Африку, где меня, однако, никто не ждал, куда я уплывал третьим классом за неясно каким маловероятным приключением, без денег, кроме суммы, необходимой, чтобы продержаться пятнадцать дней в Дакаре. Иза оставалась молчаливой, и я ощущал на себе взгляд её огромных глаз, она ждала, ждала в отчаянии, желая верить в чудо этого муссона, который собирался отрезать нас от мира и оставить меня ей. Иза, конечно, была здесь, но вот я был в своём одиночестве, я был отделён от неё этой большой завесой дождя, я слушал не треск пальмовых ветвей, но нечто иное, я весь тянулся к Рио, туда, на другую сторону муссона, к моему отъезду. Мои вещи были немедленно собраны, и ночью под этим оглушительным ливнем бричка доставила нас в порт. Я успокоился только когда нашёл катер, согласившийся доставить нас в Рио немедленно.

Вторая история случилась в Алморе два года назад, когда я покинул Карачи. Я возвратился в Индию после пяти лет отсутствия, пяти лет, на протяжении которых мысль об Индии не покидала меня, как далёкий мираж, в лесу Гвианы, на дорогах Бразилии и Африки, на набережной Сены. И вот я прибыл, наконец, в Алмору, мне оставалось пройти не более четырёх миль пешком, ночью, чтобы попасть в *Snow View* к Брюстеру. И вот когда маленький тибетский кули семенил передо мной с поклажей на голове и коробкой моих картин в руках среди больших благоухающих сосен, я вспоминал все эти годы, когда я жил в ожидании этого момента, и я узнавал все повороты тропинки, мы приближались, все было безгранично мирным, как свежие ночи в Шампани — тогда с каждым шагом в меня просачивалось что-то вроде тревоги: итак, это финал путешествия. Я испытал что-то вроде внутренней паники, и всё во мне смешалось, мы приближались к дому, и я хотел бы отодвинуть этот момент. Я ощущал в себе внутренний холод перед свершившимся фактом, бунгало рядом, такое близкое, и Брюстер

ждёт меня, и эта неизвестная жизнь, которая не была уже ни обещанием, ни будущим, но чем-то ближайшим, собирающимся вновь запереть меня. Не будущий *Snow View* где-то в конце долгого пути, а эта конкретная тропа, по которой нужно было подняться в обход горы. Я хотел бы, чтобы кули самозабвенно продолжал свой путь в ночи, чтобы он не останавливался, а шагал и шагал туда, где нет никаких целей.

Этими двумя историями я даю вам все поводы осудить меня! Но прошу вас, поймите смысл этих реакций: то, что вы, возможно, назовёте «уловкой» или «бегством», то, что вы, вооружившись психоанализом, захотите объяснить неким тёмным комплексом, имеет корни за пределами психоанализа и подсознания. Если и присутствует во мне какая-то императивная тайна, то это «Дух», за неимением другого слова; тот самый Дух, который не желает позволять приводить себя ни к какой форме, ни к какой ситуации, и чья единственная цель, единственное движение состоит в том, чтобы становиться Самим-собой, сделать явным то, что пока ещё тайно. Этот Дух, я ощущаю его в себе, как Автора перед лицом своих персонажей, Автора, который множит ситуации, дабы насладиться разнообразием игры с самим собой и самоосуществиться, реализовать все грани и лица своего бытия в этой игре, никогда не позволяя себе окаменеть в единственном персонаже, в единственной ситуации. И также, как автор подвергает своих героев различным шокирующим, экстремальным ситуациям, заставляющим правду персонажей выплеснуться наиболее конкретно и безусловно — экстрим-ситуации, призванные в некотором роде *вынудить* персонажей быть самими собой, тем, кто они есть в своей глубинной сущности,— также есть нечто и во мне, что влечёт меня к экстрим-ситуациям, где я вынужден проявить истинное звучание; быть истинно, тотально этим глубинным собой; заставить выплеснуться «это», которое пребывает глубоко во мне и которое есть истина меня самого. Единственные моменты моей жизни, когда я чувствовал, как эта правда поднималась из самых моих глубин, захватывая *всё* моё существо, эти моменты «милости», их я пережил в Маутхаузене, затем в начале моего гвианского эксперимента в изнурительном одиночестве джунглей, затем на дорогах бразильского захолустья, в

Дакаре, на моей яхте в Бретани... Недавно я встретил молодого европейца, отказавшегося от всего, дабы стать «садху¹⁵», и он действительно был садху, нищенствовал по дорогам Индии в своей жёлтой одежде саньясина. Он рассказал мне, что жил несколько недель в Ассаме прямо в джунглях. Когда я спросил его: «Но тигры, змеи? Это не шутка?», он дал весьма глубокомысленный ответ: «Да, есть тигры, но когда они рядом, рычат, это момент, чтобы быть искренним, либо позволить себя съесть». Понимаете, что он имел ввиду под «искренним»? Быть искренним, это быть истинным собой, и когда достигаешь этой истины себя — я пережил это множество раз на личном опыте — *с вами ничего не может случиться*, вы в состоянии милости, вы неуязвимы: неуязвимы в СС, в лесу, в шторме, в нищете — и это *факт*, не субъективное «впечатление». Это значит, что мы достигли Бога в себе и Бог пребывает с нами, в реальности, тотально. Тогда тигр просто *не может* вас съесть. Понимаете?

Так что есть во мне нечто, которое ищет эти экстрим-ситуации (которому «нужен тигр»!!), ситуации, где «это», наконец, выплеснется, взорвётся в самом себе, где Бог, наконец, проявит себя.

В Ашраме я тоже переживал моменты «состояния милости», но я очень быстро теряюсь в этой повседневности (и меня сводит с ума, когда эта повседневность принимает облик всей моей жизни). Во мне есть нечто, что нуждается во *внешнем пространстве*, как нуждаются в воде и хлебе, чтобы жить. Для меня ощущение достижения истинного «я» всегда связывалось с определённой внешней интенсивностью, которая отражается во внутренней части, с определённым почти физическим *движением* моего существа (для меня «дорога» — больше чем простой образ), с определённым внешним пространством: и я абсолютно уверен, что наиболее ПОЛНЫЕ моменты своей жизни я пережил в море, на своей яхте.

Моя тоска по Тихому океану, это не столько тоска по пустынному острову «вдалеке от других», сколько ностальгия по морю, по жизни в море, возле моря. Я реализовал бы свою ностальгию на маленьком бретонском острове, живя рыбной ловлей, если бы не знал, насколько бретонские моряки в своей деревне настроены против «чужаков» —

---

15 Индийский святой, зачастую бродячий монах, отказавшийся от мирской жизни.

они обеспечили бы мне в полном объёме невыносимую жизнь, если только я не буду более прочным, чем их сопротивление; и при этом ещё холодные зимы.

Моё последнее письмо было абсурдным, Клари, ибо оно выражало лишь эмоциональную поверхностную реакцию, тревогу и немного страх, охвативший меня при мысли о том, что придётся снова отправиться в дорогу, покинув безопасность Ашрама, где я уже начал помаленьку устраиваться. Но с Ашрамом или без, в глубине себя я прекрасно ЗНАЮ, что в моей жизни есть лишь одна и единственная важная вещь — углубляться и непрерывно реализовать состояние милости истинного «я».

Единственная проблема для меня — проблема обстоятельств, состоящая в том, чтобы отыскать внешнее пространство, которое может помочь мне открыть эти внутренние пространства; отыскать внешнее движение, которое через свои каденции поможет мне разрушить стену, отделяющую нас от внутреннего существа. Мудрецы скажут, что «это» произойдёт именно в результате неподвижной концентрации — но мне кажется, что это не вся и не единственная правда. Очень может быть, что однажды завоёванные внутренние пространства больше не нуждаются во внешнем пространстве — но в то же время... Очень может быть, что для достижения этой реализации требуется отказаться от всего, даже от того, чтобы что-то хотеть, что-то предпочитать, и что подлинное отношение будет отношением интегральной самоотдачи, к примеру, Ашраму, закрыв все остальные двери — но... Вы представляете всё это как попытку с помощью «но» скрыть мятеж, что я борюсь изо всех сил, взывая — пространства, пространства, простора, я задыхаюсь! Меня преследует идея корабля или, за неимением оно, идея дороги...

В вашем письме вы пытаетесь проследить «источник» моего «зла» и располагаете проблему, так сказать, на социальном уровне, по отношению к «другим». (...) Безусловно, я многое ненавидел и бунтовал против «других», но уже два года, как я прошёл эту стадию. Я ненавидел и восставал, потому что в течение пятнадцати лет своей жизни я не знал, что я ищу, и поиск мой принимал чисто негативную сторону отвержения всего того, что не было по моему разумению

целью (пока ещё скрытой) того, к чему я стремился. Я очень хорошо знал, чего я не хотел, но пока ещё не знал, чего хотел. Но поймите же, что мой мятеж и отвержение не были плодом некоего тёмного комплекса, но происходили из тёмного утверждения во мне, не знающего ни того, как утвердиться, ни того, что оно хотело утвердить. Я знал очень хорошо, что не хотел «мещанского» равновесия и пребывал в слепой ярости отрицания «мелких» браков и «мелких» продвижений по службе, «мелких» семей и религий — но это потому, что в глубине меня было, и есть, предчувствие более глубокого равновесия, *иного* равновесия, иного порядка, чем тот, который мне предлагали и который казался мне ничтожным. Мне нужно было пройти по всем дорогам от отрицания до презрения, чтобы потом, когда уже всё стёрто, всё выметено, обнаружить то, что я искал на самом деле — Дух во мне. Вы хорошо знаете, что теперь во мне больше нет ни презрения, ни отрицания других, ни их законов, ни чувства неполноценности или превосходства. Я всё ещё не желаю той жизни, которой живут другие — но на этот раз положительно, а не отрицательно, потому что теперь я знаю, что мой внутренний закон также отличается (не превосходит) от закона, к примеру, администратора колоний, как закон рыбы отличается от закона млекопитающего. Это всё. Раньше я много страдал от других — но давайте не будем менять местами роли, отнюдь не это страдание определило мою нынешнюю позицию; именно Дух использовал страдания, чтобы приблизиться ко мне. Вред психоанализа, как я уже говорил, в том, что он объясняет высшее через низшее, сверхсознательное через подсознательное — и поэтому не понимает, что сверхсознательное также стоит и за подсознательным. Некоторые отвратительные вещи из моей юности (я не вдаюсь в детали, не потому, что не доверяю вам, но потому, что это письмо тогда превратилось бы в роман), и Маутхаузен, и поруганное Соппротивление, и Барон, и охлаждение моего брата Франсуа, принесли мне страдания и вред — но если с негативной стороны они заставили меня броситься в мятеж, то с позитивной стороны они помогли мне **ОБ-НАРУЖИТЬ** то, что воистину было моей сущностью. Так что можете быть спокойны, нет никакой «тени». И если бы вы совершали любую, даже самую простенькую Йогу, вы бы

увидели, насколько больших глубин она достигает в сравнении с психоанализом; самое первое движение Йоги — это тотальная чистка подсознательного и так называемого бессознательного, ибо как вы собираетесь установить интегральное сознание в этих пещерах с привидениями?! Я прошёл сквозь огонь и воду, но теперь с этой стороны всё прояснилось.

Вы говорите об «ответственности», о том, что я отказываюсь от ответственности. Ну разумеется, подруга, я не чувствую в себе никакой ответственности по отношению к другим. Единственная ответственность, настоящая, которую я ощутил, это ответственность в отношении этого внутреннего существа. Моя ответственность в том, чтобы обрести интегральность своего существа, истину, свет внутри меня. Когда я это реализую, тогда и только тогда начнётся моя ответственность по отношению к «другим» — тогда я, возможно, смогу помочь другим тем или иным способом, но не раньше. Какой смысл пытаться помочь другим, пока сам не достиг света, благодаря которому мы и сможем помочь другим наиболее истинно, эффективно, в полном *знании*? Быть ответственным в полном смысле этого слова возможно лишь тогда, когда ты хозяин всей тотальной совокупности своего существа. Идиот не может быть ответственным, но три четверти человечества, суетящегося на ограниченной поверхности ментала и витала, едва ли более ответственны. Настоящая ответственность начинается дальше, она приходит вместе со Знанием и Светом.

Таким образом, для меня нет сомнений относительно истинного центра моей жизни; моя единственная трудность — и весьма масштабная — в том, чтобы узнать, как достичь этого центра. Действительно ли необходимо для этого закончить свои дни в Ашраме, принести эту жертву? — мне кажется, что это выше моих сил. Ведь должны же существовать другие пути, более «открытые». Если Дух не может быть завоёван кроме как путём интегрального самопожертвования Ашраму, я не уверен, что хотел бы обрести Дух такой ценой... Но этот стиль «вне Церкви нет спасения» не кажется мне убедительным. Чтобы до конца обрисовать картину — растянувшуюся уже на восемь страниц (сочувствую вам, подруга, если вы попадёте в этот лабиринт!) — расскажу вам, что послужило

поводом для моего «кризиса» два месяца назад. Сначала это был урок, который Мать вела детям Ашрама, во время которого она настаивала на необходимости интегральной самоотдачи: «Когда вы отдаёте всё, Божественное отдаёт вам себя». Именно тогда я впервые узрел финал своей жизни в стенах Ашрама — и кризис начался.

Второй инцидент подлил масла в огонь. Вы знаете, что несколько лет во мне жила идея «писать» (в Рио я написал три четверти романа, который меня почти не удовлетворил), мне казалось, что не было более высокого идеала, и «писать» для меня было почти тем же самым, что и осуществлять поиск этого «нечто», что я не мог определить. Но эта книга постоянно утекала у меня сквозь пальцы. Но тут вдруг в один из вечеров меня посетило очень чёткое видение этой книги; внезапно собрались разрозненные элементы этой книги, я *чувствовал* свою книгу, её *атмосферу*, как нечто, наконец, ожившее, нечто реальное, тёплое как тропический дождь (и кстати, в этой книге есть глава с дождём). Вот, эта книга была передо мной, воистину, нужно было просто записать её — это был двухтомник. Представьте, как это меня взволновало. Потому что в тот же момент, когда я увидел, наконец, эту книгу, я понял, что пишут не для Ашрама, что в Ашрам приходят не для того, чтобы писать. Я поделился своей проблемой с Матерью, и она сразу же «расставила вещи по местам», сказав мне: «Писать — это хобби»; она имела ввиду, что есть вещи более серьёзные, и что сначала нужно реализовать Божественное в себе. Нельзя сказать, что это не вызвало во мне довольно жестоких конфликтов, но я всё же признал, моя логика в конечном счёте вынуждена была признать, что Мать права. Я говорю «моя логика», ибо во мне ещё есть упрямые элементы, думающие об этой книге — и это так соблазнительно, хотеть материально «оправдаться» хоть чем-то, в то время как моя жизнь кажется другим, и особенно моему брату, неоправдываемой. Но Мать права, единственное стоящее предприятие состоит в том, чтобы открываться супра-сознательным планам, всё остальное — хобби, приятное времяпрепровождение. Но не является ли ещё одним хобби стремление колесить по дорогам, пусть даже и с целью (или под предлогом?) обнаружить внутреннюю правду???

Вот тут и кроется мой конфликт. Я ещё не знаю, как его

разрешить. У меня в планах уехать в конце месяца в Хайдарабад к д'Онсие, провести некоторое время в размышлениях и посмотреть на вещи вне атмосферы Ашрама. Таким образом, я не хочу окончательно покидать Ашрам, по крайней мере, сейчас я не собираюсь принимать такое решение. Я уйду под предлогом «отдыха» — но Мать не обмануть таким предлогом (она лишь сказала, что я могу делать всё, что пожелаю, но мне не ускользнуть от Божественного).

Вероятно, если бы я был абсолютно чист, абсолютно искренен, и хотел бы лишь реализации Божественного и ничего иного, проблемы бы не возникло. Но есть во мне некая вещь, которая нуждается в пространстве, в свободе — нечто, что удовлетворилось бы литературным успехом, нечто, что тайно радуется, найдя несколько трубок хорошего опиума, нечто, что любит приключения, встречи, трудности дороги... и т. д. Но я смогу преодолеть эти слабости, даже слабость «писать» — но труднее всего отказаться от пространства и от движения ради того, чтобы закончить свои дни в Ашраме.

Такая вот история. Простите за это бесконечное письмо, подруга, и если сможете, напишите мне пару строк, чтобы меня просветить. Можно будет отслеживать мою почту в Хайдарабаде, если в конечном счёте я приведу в исполнение свой проект. Однако, не забывайте время от времени рассказывать о себе...

Обнимаю вас
Б.

P.S. Вернётесь ли вы в Карачи? А Макс?

P.S.2 Вы могли бы ответить мне, сказав: но дойдите до конца опыта, тотально реализуйте внутреннюю истину, и этот факт позволит вам покинуть Ашрам. Трудность в том, что когда вы реализуете «это», вы уже не покинете Ашрам — есть живые примеры этого.

***

Пондичерри 13 апреля 56
Клари

Подруга, вы правы относительно моего брата Франсуа: он не может взвалить на себя две судьбы, и нужно, чтобы он меня забыл или сопротивлялся мне — пусть даже безмолвно — чтобы иметь энергию жить своей собственной жизнью. Это так, я допускаю, я понимаю и умолкаю. Впрочем, может ли существо взвалить на себя другую судьбу, кроме своей? Можно ли действительно избежать финального одиночества среди людей? Возможно, любовь в течение какого-то времени может дать иллюзию того, что мы разбили перегородку тела и, наконец, существуем в союзе с другими... Но всякий знает, насколько этот союз мимолётный и в конечном счёте иллюзорный. Ваша дружба и любовь моей матери, возможно, остаются последними свидетельствами, что это одиночество не совершенно абсолютное — но в конечном итоге мы все возвращаемся к самим себе, в одиночестве взваливая на себя свою собственную судьбу.

Эту правду я долго переваривал, ибо всегда надеялся на других, на внешнее. И мне понадобилось пережить довольно жёсткие удары, чтобы эта правда вошла в меня, чтобы она перестала меня ранить — и последние раны ещё довольно свежие. Но теперь я признаю. Я признаю и пытаюсь трансформировать эту одинокую правду, которая могла бы стать сокрушающей и негативной, в Силу Жизни. Я знаю, что моя адресная книжка скоро опустеет, и что некого будет позвать в случае отчаяния — и в этом одиночестве я стискиваю зубы, сосредотачиваюсь в самом себе, напрягаю все свои силы — ибо не желаю бесполезного отчаяния — и призываю единственную вещь, оставшуюся во мне; это безымянная вещь в глубинах, она горит, она сжимает меня и она убеждает, что есть ещё внутренняя надежда покорить и обрести нечто в себе самом. И я это обрету. Я готов пойти на любой риск, чтобы сломать эту стену, отделяющую от внутреннего существа — даже на риск сойти с ума. (Хотя это не такой уж большой риск, ибо когда становишься сумасшедшим, у других это вызывает в основном скуку и раздражение!) А впрочем, нет другой надежды, нет другого решения. Моя жизнь становится всё более и более обнажённой, всё более достоверной. И по мере того, как вещи всё больше удаляются от меня, я всё больше чувствую, как бьётся моя сила — Сила, которая, возможно, не является моей. Однажды это

должно взорваться и залить всё светом и любовью, и одиночество превратится в вечное Присутствие.

Это осознанное и принятое одиночество ничего не меняет в моей любви к вам, подруга, сестра, и это весьма ценно — иметь возможность писать вам эти строки, чувствуя вас как братского свидетеля. Но я знаю, что моя борьба касается лишь меня.

Поэтому я боролся в последние месяца и пережил кошмар, ни в чём не уступающий Маутхаузену. Есть ещё несколько границ, которые нужно пересечь. Надеюсь, их не будет слишком много. В конечном счёте, я решил остаться здесь — не затем, чтобы закончить здесь свои дни, но лишь до тех пор, пока внутренняя стена не будет, наконец, уничтожена. Возможно, в этом месте чаще всего достигают самораскрытия, а наибольшее требование — то, которое обязывает вас погрузиться в самих себя. Нужно, обязательно нужно, чтобы это случилось, ибо в конце концов вся моя жизнь базируется на этом, и если хотя бы на мгновение, на одно мгновение я перестану опираться на это, всё рухнет, и не останется больше НИЧЕГО. У меня нет иной правды на замену. Если на мгновение я потеряю восприятие своего внутреннего существа, я рухну. У других всегда есть за что зацепиться, семья, работа, обыденная рутина — но у меня нет ничего, за что можно ухватиться, моё внутреннее приключение не имеет никакой привычной рутины; потерять нить — это потерять всё. Нужно, чтобы это пришло, это необходимо, это должно произойти — это воистину вопрос жизни и смерти, более, чем когда-либо.

.....

Когда я был в Пондичерри во времена Барона, то имел интуитивное чувство, что нечто важное ждёт меня в Южной Америке, в то время как ничто не указывало на то, что отправлюсь туда — я даже отметил эту интуицию в своём дневнике. Кроме этой интуиции, у меня была, хотя и более смутно, интуиция, что нечто ждёт меня в Центральной Азии, в китайском Туркестане. Эта смутная идея — которая, бесспорно, скорее, желание, чем интуиция — снова меня нашла. Поэтому я хотел бы изучить китайский язык на случай, если эта интуиция реализуется (вы, должно быть, думаете, что я на прямом пути к сумасшествию, но тем хуже). Таким образом, вы можете оказать мне услугу: купить для меня в Париже одну-две книги,

необходимых для изучения китайского языка — разговорного, а не того, на котором говорят мандарины или эрудиты. Я полагаю, хотя и не уверен, что есть два китайских диалекта, северный и южный. Нужно узнать, какой лучше для центральной Азии и...

(окончание этого письма утеряно)

***

Пондичерри, 18 апреля 56
Бернару д'Онсие

Старина, твоё письмо совпало с развязкой весьма сурового и весьма жестокого кризиса, начавшегося около трёх месяцев назад, когда я писал тебе о своём желании уехать, и достигшего крайней степени за последний месяц, пока я ждал твоего письма. Я тебе уже говорил, как трудно оставаться в Ашраме, если мы не участвуем тотально и всеми глубинами своего существа в жизни Йоги. «Давление» Матери такое, что требуется либо «измениться», либо уехать. И я остался только лишь наперекор этой силе, и действительно полагал, что сойду с ума — я не шучу, впрочем, ты, вероятно, поймёшь. Ты даже представить себе не можешь, какой жестокий, тревожный дисбаланс потряс меня. Я остаюсь в ожидании новостей от тебя и одержимым идеей, что ты найдёшь мне работу, поэтому не пытаюсь сбежать куда глаза глядят — и тем лучше, ибо в моём нынешнем состоянии я бы попал прямиком в катастрофу. Но только что, довольно неожиданно, вещи распутались, понемногу распутываются, и я снова дышу. С таким отчаянием ожидая новостей от тебя, я рад, что они так медлили, потому что этот кризис был необходим для того, чтобы разгрести множество вещей, которые обязательно нужно было разгрести. Итак, я возобновил свою «нормальную» жизнь в Ашраме и остаюсь... до следующего кризиса! Но опыт доказывает, что кризисы имеют тенденцию становиться реже, а затем исчезать, да будет так!

.....

Так что я, возможно, подожду, пока ваши сады расцветут, чтобы навестить вас — и возможно даже, что только об этом я и буду

мечтать, живя здесь, если всё будет в порядке. Пиши время от времени, расскажи, как ты устроился в доме. Прости за мои «йогические» (!) депрессии и неожиданные повороты, которые ты, разумеется, поймёшь. Вопреки всему, однажды я приду к достойному завершению, очистившись от самого себя!

Спасибо тебе и Маник за приём, который вы хотели мне оказать. Будьте счастливы. Я тоже буду стараться быть таковым, хоть и в другой манере.

С любовью к вам обоим

Б.

***

Пондичерри, 5 мая
Клари

Подруга, я ещё не знаю, как сказать по-китайски «вы ангел», и вместо этого посылаю маленький символ:

означающий «лук-порей», хотя на вид и не похоже, а произносится как «цзю», и, признаться, это более красиво, чем «порей» — посылаю его вам с намёком.

Хватит китайских безделушек, хотя, вот ещё один маленький символ в начале письма, означающий «спокойствие-мир» — к несчастью, это произносится как p'ing! Китайцы — несерьёзные люди.

Имейте ввиду, что я ещё не пришёл к спокойствию лука-порей, но это придёт потихоньку. Когда я им стану, то дам вам знать, дабы вы отправили меня на салат, бабушка!

Итак, с моей стороны пока нет ничего серьёзного, о чём стоило бы вам рассказать — и однако, я, воистину, начинаю проникать в серьёзность вещей, и конечно же, именно поэтому лучше ничего не рассказывать. Я получил письмо от моего брата, он написал мне в тот

день, когда вы ему позвонили и должны были встретиться с ним. Определённо, вы — почти ангел. Так вы всё же встретились??? Полагаю, в его жизни сейчас очень трудный период, моменты великого крушения перед тем, как что-то новое сможет родиться. Я слишком далеко, чтобы помочь ему... Вы, конечно, можете ему помочь, если у вас такой «*mood*» [настрой]. Ему действительно нужен кто-то, кто вытянул бы его из невозможного мира, в котором он себя запер. К несчастью, его наградили «другом», с которым я тоже дружил и который является наиболее интеллектуальным из всех, кого я встречал, но который ко всему прочему одержим манией самоубийства и невротичный до мозга костей (Жак, если это о чём-то вам говорит). Полагаю, это его тёмный ангел, и хуже всего то, что он более умён, притягателен и одарён огромной силы характером. И что делать??? Если вы можете сделать что-то для Франсуа, то это стоит того.

Я не в настроении говорить с вами о психоанализе и о том, как я вижу вещи. Но если он вам помогает, то это очень хорошо. Невинно и целомудренно целую вас в лоб, подруга, и прилагаю к этому поцелую несколько лепестков жасмина — во вложении — дабы наполнить благоуханием ваше «одиночество».

Б.

***

4 июля [1956]
Бернару д'Онсие

Дорогой Бернар

.....

У меня в голове крутится небольшая фраза, которую ты написал в одном из твоих последних писем: «Ты служишь магической поддержкой». Можешь объяснить? Ты добавил: «Это очень утомительно». Я отметил, что уже около шести месяцев моё здоровье довольно неважное, у меня довольно много мелких физических неприятностей, невозможные сны, весьма тягостное «уныние». Возможно, рассказав мне «*that much*» [так много] ты захочешь внести

больше ясности. Во всяком случае, я изрядно устал физически, если не морально¹⁶.

Надеюсь, у тебя всё хорошо

Tibi
Б.

***

Пондичерри, 15 июля [1956]
Клари

Подруга, вот и вы молчите уже так долго. Всё ли в порядке? Кажется, я вспоминаю, что вы хотели покинуть Париж в июле, и спрашиваю себя, где это письмо настигнет вас... И если вы тем временем стали Королевой Молуккских островов, полинезийской жрицей или блуждающим огоньком на берегу неизвестного шотландского озера, или хозяйкой замка в дремучем литовском лесу — о, подруга, я бы к вам присоединился, и мы — пара слегка сумасшедших — разбили бы, наконец, этот прочный мир видимостей, грубый и холодный как камень, где мы задыхаемся, где мы одни, где мы заперты, сражаясь со стенами, которые не желают рушиться... Вуаля, мой маленький кризис закончился, теперь я могу сказать вам здравствуйте, но предпочёл бы просто обнять вас и совершить долгую прогулку — держитесь — по одной из самых диких, самых опустошённых песчаных равнин Бретани, полной гвоздик, криков чаек и ветра, что унесёт все наши слова, и пусть будет сентябрь вместо этого трёхцветного июля. Почему вы так далеко, подруга? Индия, это гораздо ближе. Европа застыла, это страна из камня, и

---

16 Фактически, после «супраментальной манифестации» 29 февраля 1956 возросли все телесные трудности Матери, как будто под давлением новой мощи выплеснулись все затемнения физического сознания. Это же относилось и к ученикам вокруг Матери — и несомненно, ко всему миру в целом. Миром начало овладевать странное «тёмное ускорение». 10 августа 56 Мать отметила: «Господь, через меня ты бросил вызов миру, и все враждебные силы поднялись и протестуют. Но Твоя Милость одерживает победу».

потом, это так далеко, в гуще мира. Нам нужна лёгкая страна, лёгкая, как колибри, прозрачная, как бухты Бель-Иль, в зелёных глубинах которых можно прочесть старые как мир воспоминания. Подруга, у вас никогда не было ощущения, что нужно вспомнить нечто, какую-то очень важную вещь, но это воспоминание от нас ускользает? Если бы мы могли обнаружить эту древнюю память, проломить эту стену. Существует истина нас самих, которую нужно найти, а мы живём в ожидании, сжавшиеся, неполноценные, со слепыми сердцами и пустыми взглядами, как у Анубиса в египетских гробницах. Ладно, всё будет хорошо. Этот бонжур показался мне таким сухим, а все эти чернила — мне нужно было придать им немного цвета и заполнить эту громадную впадину между нами протяжённостью в десять тысяч километров. Временами я нуждаюсь в толике нежности, и громко зову, как сейчас, на случай, если — о, чудо! — оттуда вдруг придёт ответ. Будь у меня больше веры, возможно, я бы вас увидел. Подруга, я чувствую себя довольно глупо, у меня куча серьёзных новостей, которыми я должен был поделиться с вами — так что, как видите, дела идут не очень хорошо. Когда-нибудь я буду в мире с самим собой и чувствовать себя комфортно в своей коже, как это и должно быть, и давайте больше «не» будем об этом... То, что вы нужны мне, это не шутка; если бы не ваш маленький свет там, вдалеке, то я бы рухнул в пыль или действительно сошёл с ума. Я озираюсь по сторонам и бьюсь, как рыба на песке. Воистину, иметь возможность дышать, всем своим телом. Быть собой.

Страница 2, это попытка рассказать о вещах более связно, впрочем, у меня мало что есть рассказать вам, за исключением того, что я ощущаю себя плоским, напряжённым, приведённым к бесконечно хрупкому измерению, как лезвие ножа, жаждущего вспороть ночь. В течение многих лет я жил с ощущением ухода в голую, пустынную бескрайность — но там по крайней мере была протяжённость пустыни. Теперь я больше не ощущаю в себе ничего, кроме совсем маленькой вибрирующей точки, столь прозрачной, что всё это готово рассеяться в пустоте. Тогда я начинаю суетиться как чёрт, чтобы обрести немного плотности, немного веса. И тем не менее, я знаю, что если мы хотим перейти на другую сторону, если мы хотим быть другой истиной, которая и есть мы сами, то нужно,

чтобы даже эта точка рассеялась, нужно согласиться на собственную смерть — а иначе, как возродиться?... Не легко примириться. И эти строки — ещё одна маленькая уловка, чтобы обрести некое отражение моей жизни в ваших глазах, в вашем сердце. Вы — та последняя маленькая солнечная бухта, тот маленький порт нежности, куда приходит играть тень моего корабля — хотя это, скорее, маленький обломок кораблекрушения, не желающий раствориться. Я на грани катастрофы, но я знаю, что эта катастрофа — сверкающее обещание иных глубин, иной сопричастности — у меня были тому знаки. Однако, трудно нырнуть с поверхности вглубь. Это внешнее сознание видимостей — тюрьма без выхода, но мы так привязаны к этой утешительной, добротной прочности нашей тюрьмы. Я знаю, что то, что я пережил, было истинным Приключением, но иметь мужество испытать его до конца, без авторучки, без друга, без личности, без чего-либо иного... это совсем другое дело. Мы хотим измениться, но при условии, чтобы всё осталось как раньше! Ищем трансмутации, но хотим во что бы то ни стало сохранить своё лицо со всеми морщинами прошлого. Хотим большего, чем жалкая граница «я», но боимся ступить на земли этой неизведанной страны. И всё же в глубинах нас есть нечто вроде Силы, более великой, чем наше желание; некая неотвратимая *искренность*, влекущая нас вперёд — и возврат назад невозможен, мы не можем хитрить перед этим, делать «как будто», притворяться, — мы должны покориться и выполнить. Такая вот забава, Мадам; эта отравка ещё хуже стрихнина, просто какая-то горчичная припарка. Я пытаюсь смеяться, но это, скорее, гримаса. Под эгидой всего этого мой китайский язык не слишком продвигается: эта проклятая «искренность» наглядно демонстрирует мне, что развязка не в Туркестане, пусть даже китайском, но здесь.

Я начал писать вам это письмо, чтобы рассказать о «моей книге», — вы знаете, этот миф... но моё письмо сразу же пошло наперекосяк.

Снова я в состоянии кризиса за книгой. Фактически, этот кризис начался несколько месяцев назад, когда у нас с братом произошёл внутренний разрыв. Это принесло мне трудности, но сейчас всё отлично, я принял отдаление Франсуа и больше не испытываю ни печали, ни горечи. Мне было необходимо освободиться от моего брата, поскольку он занимал слишком много места в моей жизни, и не

на нём должны были базироваться мои поиски. Его присутствие мне очень помогло, хотя как друг он всегда был довольно «рассеян», — в этом я черпал своего рода иллюзию, что я не был одинок в своей борьбе, и проецировал на него ту победу, которую хотел одержать для него. Возможно, Франсуа вернётся ко мне позже, но сейчас мне всё равно, я буду радоваться только его собственным победам над самим собой. Так возник маленький механизм компенсаций: отсутствие брата снова родило во мне потребность писать, чтобы сделать осязаемым то «я», которое становится всё более хрупким, всё более и более одиноким. И по мере приближения к этому состоянию «распыления» я ощущал потребность держаться за что-то, сохранить что-то от себя — вдобавок жива иллюзия, что история моих сражений может быть полезной для тех немногих, кто подобно мне плывёт в ночи. Я подхожу к точке, где мой выбор должен видоизмениться: если я должен перейти на другую сторону, нужно, чтобы это произошло в полной ясности. Эта книга помогла бы мне заново определить для себя место, подвести итоги: вместе со своим персонажем я выберу то, что должно стать моей будущей дорогой, Ашрам или какой-то другой путь, ещё неизвестный. Я не обманываюсь и прекрасно понимаю, что эта книга — ещё один способ привязать меня к моему старому «я», но лучше оставим это.

На днях я собираюсь представить эту проблему на рассмотрение Матери. И поскольку я беден, как Иов, то хочу собраться с духом и попросить немного денег для того, чтобы пожить у Брюстера шесть месяцев и освободиться от этой книги. Интересно, что она скажет?! Предпочитаю не думать о том, что будет, если Мать не согласится.

Такая вот история. И временами думаешь о том, что мы — лишь маленькая точка во вселенной, создающая много шума из ничего. Но нужно вести себя так, будто мы одновременно являемся ничем и всем. Ибо мы и есть ничто и всё.

Вы говорили мне, что пишете?? Что именно? — знаете, для меня неважно, стали вы владелицей замка в Литве или полинезийской жрицей, лишь бы только вы оставались Клари; вы и есть всё это и даже намного больше. Бонжур, дорогой красный ибис, я обнимаю вас.

Б.

P.S. Дал ли вам психоанализ хоть какие-то ответы? освободил?

***

18 июля 56

Клари

Ох, не то! Я в совершеннейшем шоке от вашего письма, которое только что получил. Вы со священной наглостью обвиняете меня, что я сделал Франсуа тем, кем Барон сделал меня, что я вложил ему в руки опасные игрушки и заставил его торчать там, что я довёл его до первых туннелей, но не показал, где лифт. О, чёрт! И дабы ещё больше обвинить меня, вы вспоминаете девушку из Банка Индокитая, которой я объяснял А.Жида. Вы разверзаете пропасть под моими ногами, ибо я предполагаю, что вы НИЧЕГО не поняли в моей жизни или, по крайней мере, вы очень плохо проинформированы.

И тем не менее, я потратил килограммы чернил, чтобы написать вам и написать Франсуа, и действительно чувствую отвращение от того, что столь мало понят, столь мало любим. Однако, Клари, я совершаю ещё одно усилие разъяснить, не будучи до конца уверен, что эту попытку поймут лучше, чем предыдущие. Если я испытываю некоторый «гнев», то это оттого, что я чересчур вас люблю, как чересчур любил своего брата. Если я сержусь на вас, если я не общаюсь со своим братом, то это оттого, что вам и ему я даю лучшее, что есть во мне — и естественно, *растерян*, когда вижу, к какому непониманию это приводит. Я мог бы обвинять себя, подчиняясь таким образом своей очень давней привычке заводить сообщников против себя самого среди других людей. Но на этот раз я обвиняю не себя; но я обвиняю вас, Франсуа и ваше *поверхностное* видение вещей.

Adoncques^{*}, как говорили клирики в Средневековье, я начинаю судебную речь или обвинение, и прошу простить моё возбуждённое состояние, причина которого лишь в разочарованной любви.

Я никогда не покидал Франсуа, кроме как физически, поскольку

---

* Латинское «ad tuncque», наречие, означает «Так что», «следовательно», «итак» (прим. пер.)

не мог оставаться всю свою жизнь в Париже и держать его за руку. На протяжении десяти лет я не прекращаю ему писать, вкладывая все силы своей души — и я столь часто преодолевал свой стыд и свою израненную дружбу, чтобы снова написать ему, при том, что три письма из четырёх оставались без ответа. Я был настолько «объединён» внутренне с Франсуа, что мог знать на расстоянии, что он чувствует, что переживает. И поверьте, мне потребовалось много любви, чтобы преодолеть все его мятежи против меня, все предательства, которым он уступил. В течение трёх лет моего пребывания в Индии я написал Франсуа десятки писем, чтобы просветить его, убедить, но он обратился ко мне лишь два-три раза. Не я от него отвернулся, а он от меня — и я столько выстрадал в своей любви к нему, о которой я вам говорил, что наконец собрался с духом, чтобы внутренне порвать с ним. Когда я говорю «порвать», это не значит, что я отворачиваюсь от Франсуа, это значит, что я решил больше не донимать его *понапрасну* своими письмами и советами, и просто ждать, что когда он действительно будет нуждаться во всём этом, он сам обратится ко мне. Я никогда не отказывался от Франсуа и никогда не откажусь, но я понял, что бесполезно учить людей вопреки их воле, бесполезно вынуждать их на дружбу и любовь. Моя помощь Франсуа будет эффективной только тогда, когда он сам обратится ко мне с вопросом. В противном случае это всё равно, что носить воду в решете. Вот уже три года я ношу воду в решете с Франсуа.

И поймите, Клари, что если я страдал из-за Франсуа, это не просто разновидность эгоизма по причине потери своего друга, но также и главным образом потому, что я *знал*, что отворачиваясь от меня он отворачивается от лучших вещей в себе самом, что он предаёт сам себя. Есть ли вещь более серьёзная, чем предать самого себя ради удобств?

В доказательство своей защитительной речи приведу пассаж из его последнего письма, написанного в апреле (после я написал ему четыре или пять писем, оставшихся без ответа): «Я едва не утонул в грязи... поэтому я не отвечал... *Я могу быть с тобой только находясь в наивысшем из своих состояний*». Таким образом, думаю, что я ответил на весьма поверхностный пассаж из вашего письма: «Вы полагаете, что жить на пределе себя — единственная стоящая жизнь,

то, что может быть истинным; но спросите гуру — он ответит, что у вас просто *не хватает терпения быть...*» Ну, чёрт возьми! Это невероятно! Стоит ли впустую тратить чернила, объясняясь перед Франсуа и перед вами.

Теперь мы приходим к наиболее серьёзной части моего письма. Подруга, простите моё нетерпение, вы знаете, я вас очень люблю, но я действительно огорчён по поводу стольких недоразумений.

Итак, вы ставите под сомнение то, что было и что является фундаментальной аксиомой моей жизни: «Жить на пределе себя» — это вы называете «опасными игрушками», которые я вложил в руки Франсуа, и вы ещё добавляете с жестокостью или с потрясающей неосознанностью: «Для нас вредить...» (почему у вас не хватило мужества написать «для вас вредить?»), «для нас вредить легче, чем исправлять причинённый нами вред». Вы понимаете, насколько серьёзно ваше обвинение? Таким образом вы говорите, что я нанёс вред жизни моего брата; брата, которого я окружил такой любовью, таким *вниманием*, такой заботой, для которого я хотел самого лучшего. И ещё более резко вы добавляете: «К счастью, жизнь сильнее, чем *внушённые теории*». Выходит, это «теории», которые я хотел внушить. Просто руки опускаются! И тогда я задаюсь вопросом — а что если ещё десять лет назад вы прошли мимо меня, абсолютно другой дорогой, видя лишь поверхность вещей. И я спрашиваю себя, а что если Франсуа также видит лишь поверхность вещей. Я действительно вдруг испытал *головокружение* — ведь это не шутки — увидев лишь колоссальную ошибку, громадное недопонимание.

Но Подруга, где вы увидели теории? Разве это был не *опыт*, везде, в каждый момент моей жизни? Разве не я безостановочно практиковал, переживал, пытался, рисковал, расплачивался своей личностью? Кто порвал со своей семьёй, с Колониальной Школой, с наркотиком, с влюблённостью, со счастьем, предлагаемым мне Изой, с состоянием, предлагаемым мне Уотсоном? Кто порвал с дешёвым соблазном Приключения и бродяжничества? И кто уехал в Гвиану с пустыми руками, затем в Бразилию, потом в Африку? Я никогда не прекращал порывать с самим собой, со всеми своими удобствами, чтобы безостановочно двигаться впереди себя. А сейчас, я даже отказался писать эту книгу, потому что я хотел *пережить*, а не

создавать литературу о жизни, я хотел экспериментировать, а не выдумывать Теории, сидя в комнате и фабрикуя опыты, которых я не мог бы пережить. (Но пришло время написать эту книгу, раз и навсегда, чтобы пролить на всё это свет для вас и Франсуа, поскольку моих килограммов чернил тут явно недостаточно). Подруга, где вы видите в моей жизни комфорт, лёгкость, теории? Разве не я постоянно пытался пробивать потолки, покидать убежища, оставляя за спиной достигнутые вехи? Ищу ли я отдыха? И вы осмеливаетесь сравнивать меня с Бароном! Воистину... Воистину. Клари!?!?

Даже если бы я не написал Франсуа столько писем, разве не мог он прочесть всё по самой моей жизни? Барон показал мне лишь обманчивые иллюзии (и всё же я не забываю, что именно благодаря ему я встретил Шри Ауробиндо и Мать), но разве я «сделал» Франсуа тем, кем сделал меня Барон, как вы говорите? И разве мог Франсуа найти в моей жизни поддержку таким вещам, как поощрение слабости, неискренности, трусости, отказа, стремление к удобству??? Где? Где? Где???

И тут я вдруг спросил себя, понимали вы когда-нибудь, что означает «жить на пределе самого себя»? Конечно, если все воспоминания, которые у вас остались обо мне, ограничиваются теми годами, когда я работал Личным Секретарём М. Барона, тогда это, конечно, далеко не удовлетворительный «предел себя». Вы называете этот период «сатанинским» — более ложного названия нельзя было придумать, — я бы назвал его, скорее, гидеритарным^{*}, т. е. периодом, когда я, определённо, ещё не был самим собой, *но однако* за всеми своими ошибками и эксцессами искал себя, истинного себя. Как раз в ту эпоху я полагал, что дойти до границ самого себя означает, что вначале нужно дойти до границ всех своих желаний, я принимал свои желания за своё «я». И фактически я обширно реализовал все свои желания, я реализовал их неистово — но разве вы никогда не видели отчаяния, стоящего за этими лихорадочными поисками? Да, я страстно хватался за всё, что было передо мной, женщины, алкоголь, наркотики и не знаю, что ещё... Но мне действительно нужно было пройти через это, чтобы убедиться, что это предел меня не находится

---

* Связанным с изучением произведений А.Жида или вообще с его личностью (неологизм, прим. пер.)

в удовлетворении желаний. Моя жажда осталась при мне. В конечном счёте я также узнал, что во мне остаётся нечто, что превосходит все мои желания. Тогда я порвал со всем этим. Вы свидетель. Жид правильно учил, что надо быть самим собой, но это «самим собой» не является лишь тонкой поверхностной коркой, которую я быстро разорвал. И разве, начиная с Пондичерри 1947, не было продемонстрировано, что этот «предел себя» безостановочно расширялся? Разве когда-нибудь я прекращал СТРЕМИТЬСЯ К., жаждать лучшего в самом себе, наиболее искреннего, наиболее глубинного? Разве моя жизнь не продемонстрировала Франсуа, что идти к «пределу» себя, это не значит опускаться, это значит подниматься, тяжело, в одиночестве, посреди множества страданий, множества мучительных разрывов? Извините, что пою себе «дифирамбы», но это без гордости и без самодовольства, поскольку я знаю, что предел себя *пока ещё* очень далеко, и по правде говоря, этот предел недостижим, разве что со смертью, а потом снова возрождаешься, чтобы продолжать всё шире и шире огромный круг нашего внутреннего завтра, столь же великий, как вселенная всех людей. Так что я не вижу, какую «опасную игрушку» я вложил в руки Франсуа. Если только вы не считаете «опасными» требования в отношении самого себя. Я был рождён не для того, чтобы исполнять «Музыкальный киоск», вокруг которого будут кружиться мелкие провинциалы. Наконец, если мы малодушны или слабы, то мы всегда найдём повод для малодушия или слабости. Так что ваше упоминание о девушке из Банка Индокитая, оно неуместно. (Скажем так, она замужем, к тому же мать полудюжины детей — и я не принесу ей большого вреда!) Существа в конечном итоге становятся тем, что они есть, не больше. У вас обо мне весьма скудные воспоминания. Но неужели даже в этих ошибках вы смогли увидеть лишь «сатанизм», тогда как имел место *всё-таки* поиск себя, желание найти истину себя?

Да, я стремился быть для Франсуа гуру, хотя мне никогда не приходило в голову давать себе столь пышное имя — вы в точности не знаете того, что представляет из себя гуру, либо имеете об этом лишь интеллектуальную идею. Для вас я никогда не стремился быть гуру или чем бы то ни было, лишь предлагал вам разделить со мной

мою борьбу, мои сомнения, мятежи, а также мои отказы и слабости. С Франсуа я никогда не позволял себе слабостей. Но теперь я *сожалею* о том, что временами имел слабость довериться вам и заставлял вас разделять со мной сомнения и мятежи, которые я должен был держать в себе. Поскольку вы можете сослаться на некоторые мои разочарования или отказы, чтобы сомневаться в пути, выбранном мною. Я очень сожалею о своём письме, написанном три или четыре дня назад, где я позволил себе сказать «мы оба станем немного сумасшедшими и т.д.» Когда я нахожусь в более низком сознании, я стремлюсь к безумию и даже иногда позволяю себе соскальзывать в него. В прошлом году вы думали, что сходите с ума, поэтому я знаю, что это значит. Я знаю, что сумасшествие — всегда бегство, уход. И я знаю на опыте, что до того, как я приближаюсь к безумию, существует *ясный* и чёткий момент, когда мы *выбираем* безумие. Так что я крайне сожалею об этих моментах отказа, которыми я с вами поделился, ибо они вам не помогли, а, скорее, поощрили вашу слабость. Нужно было рассказывать вам, как я рассказывал Франсуа, только о лучшей части себя, той, за которой я следую всеми своими силами, той, которой я неустанно буду пытаться стать, всё более и более.

Таким образом, вы очень смутно понимаете смысл моего присутствия в этом Ашраме. Поскольку ваше письмо после стольких несправедливостей заканчивается короткой фразой, которая переполняет чашу. Не вы ли пишете с поразительным *легкомыслием*: «Вы исследуете *одно из* направлений* жизни. Я исследую другие». Вы что же, так и не поняли единственную линию многочисленных писем, написанных мной за последние годы? Вы так легко позволили себе обмануться моим внешним присутствием во внешнем окружении Ашрама. Возможно, вы даже полагаете, что Ашрам (этот Ашрам Шри Ауробиндо) — нечто вроде экзотического монастыря. Если ваше понимание того, что такое Ашрам, не превосходит того, которое было у меня самого во времена работы у Барона в Понди, то что же, это не очень умно. Вы, вероятно, не поняли, что в последние годы у меня происходит именно исследование всех так называемых

---

* Слово «sens» имеет множество значений, среди которых «смысл», «направление», «сторона», «чувство» (прим. пер.)

«направлений», «смыслов» жизни, и именно с той целью, чтобы осознать, что все эти так называемые «направления», фактически, не более, чем тысячи внешних форм, кипение на поверхности, различные выражения, тонкая поверхностная и изменчивая корка необъятного внутреннего мира, являющегося фундаментом всех этих форм, тем самым *смыслом* поверхностных движений. Вы не можете обвинять меня в том, что я лишь слегка прикоснулся к этим так называемым «направлениям» жизни, изучаемым вами: я их жадно исследовал, я ходил, искал, экспериментировал. Насколько мне кажется, все последние годы я не сидел в своей комнате, заполняя страницы дневника. Я сознательно множил «опыты». И я по-прежнему всегда готов покинуть Ашрам — вы в курсе некоторых сторон моей внутренней борьбы за то, чтобы остаться здесь, — я готов сбежать в китайский Туркестан или к Южному полюсу в поисках новых наркотиков или новых захватывающих ситуаций. Но я знаю, что истинная проблема не там, я знаю, что она более глубоко внутри меня, и я остаюсь, я борюсь за то, чтобы копать глубже в этот внутренний мир, ибо он и является *самим смыслом* существования — неужели вы, вы сами, для решения ваших конфликтов удовлетворитесь тем, чтобы лишь слегка поскоблить в подсознательной корке? Где он, *смысл* жизни, если не во внутренних глубинах? Где вы собираетесь отыскать ключ, отпирающий вашу тюрьму, на улице или в ваших приключениях?? Если смысл жизни внутри, это не значит, что я осуждаю «внешнее» (а впрочем, когда находишь истинное существо в себе, то уже ничто не является «внешним») — я слишком пылко и страстно переживал эту болезненную и радостную игру внешних форм, чтобы отвергать их. Я не отвергаю ничего и не собираюсь упразднить переливы красочных видимостей, но я вначале хочу найти их смысл, узнать, на чём они базируются, чтобы затем возвратиться к ним, обладая ясным неуязвимым взглядом, и иметь некоторое господство над ними, вместо того, чтобы беспомощно кружить в водоворотах, бросаясь во все стороны, как пробка на волнах, которая даже не знает, почему она страдает, почему счастлива, откуда она появилась и куда движется.

Вы всё ещё путаете Йогу с неподвижным экстазом и растворением в Едином. В чём же тогда польза всех моих писем? Вы

так и не поняли, что Йога — по крайней мере, Йога Шри Ауробиндо — это метод, мощная дисциплина для исследований внутренних областей? Шри Ауробиндо определяет Йогу так: «Искусство сознательного самораскрытия». Чем, вы думаете, я здесь занимаюсь? Ограничиваюсь тем, что веду уроки французского и занимаюсь переводами? Вы понятия не имеете (это не ваша вина), какая сумма концентрации, дисциплины, практики, неослабевающих усилий нужна для того, чтобы *реально* спуститься хотя бы чуть-чуть в глубины себя. Когда по-настоящему *узнаёшь*, что означает эта дисциплина и какова цена методических усилий, требуемых для того, чтобы немного спуститься в себя — и не мозгом, но по-другому — тогда можешь сказать без самодовольства, что ты всё ещё рядом с поверхностью, ибо *материально* невозможно в одиночку, *без гуру*, по-настоящему спуститься в себя, ибо *для этого нужен кто-то, кто откроет вам дверь*. В этом смысл инициации, посвящения, другого смысла нет.

Я рад, что вы начали ваш курс психоанализа, поскольку это может помочь вам расчистить небольшой участок, облегчить ваши усилия и подготовить вас. Я не «против» психоанализа, но скажу сразу, что в любом случае он не далеко вас уведёт. Психоаналитик — это карикатура гуру. Чтобы идти дальше, требуются другие *могущества*, которыми не обладают ваши учёные, сколь бы искренни они ни были. Вся моя «работа» с вами в моих письмах за последние годы состояла в том, чтобы попытаться направить вас к Йоге, чтобы подтолкнуть к поискам гуру. Но в письмах я мог лишь ограничиться туманными заявлениями, используя неясные слова — неясные для вас — такие как «внутреннее существо», «внутренний свет». Поскольку невозможно рассказать об этих вещах тому, кто не имел *начальных* переживаний, опытов. Я лишь надеялся, что однажды вы встанете на путь, чтобы найти своего гуру. Наконец, вы нашли психоаналитика, и это уже, хоть и совсем маленькое, но начало, и я рад. Но *компетентно, с полным знанием дела* скажу вам, что внутренний мир не заканчивается на том, что изучают психоаналитики. К счастью! ибо то, что они называют подсознанием, ограничивается небольшой, очень загрязнённой зоной в области сексуального центра, где нет ничего привлекательного. Фактически, самые первые шаги Йоги

начинаются с психоанализа этого «подсознания», поскольку это зона, наиболее близкая к поверхности. Но существует нечто иное! Я говорю вам об этом потому, что я всё же прошёл немного дальше. Но это не для тех, кто ищет комфортных путей.

Подруга, теперь вы лучше понимаете, что значит «жить на пределе себя»? Хотя, если быть точным, я говорил «двигаться к пределам самого себя». Это не значит жить с 40-градусной температурой, это не вопрос интенсивности — по крайней мере, не только — это вопрос *протяжённости, охвата*. Это означает, что нужно исследовать всю совокупность своих владений, а не играть на поверхности гулких пещер. Я не ищу также «предельного покоя», как вы говорите, покой никогда меня особо не привлекал, но он приходит *автоматически*, когда мы приближаемся к истинным основам существа. Полностью, тотально находиться в себе — это также и означает найти Покой. Нет конфликтов более продолжительных, чем когда мы живём лишь *одной частью* самих себя. «Сумасшедшим» является как раз тот, кто укрылся на небольшом островке своего существа. Но эта тотальность бытия — именно эта вещь должна быть непременно завоёвана. Мы не рождаемся полностью и сразу в самих себе. Нужно бороться, чтобы расширять своё сознание, возвышать и углублять его. И возникает момент, когда мы понимаем, что всё, не являющееся истинным «я», все мелкие ментальные и витальные конструкции, вся мелкая автоматика нашей культуры, наших атавизмов, нашего образования, всё это нужно выкорчевать, ибо они формируют стену, которая стоит на пути более глубинного открытия. При столкновении с этой маленькой операцией, которую необходимо совершить в самом себе, у нас возникает впечатление, что, выкорчёвывая всё это, мы убиваем самих себя, отрываемся от самих себя — потому что мы всё ещё смешиваем истинное «я» со всякого рода мелкими «я», фальшивыми, но весьма дорогими нам. Тогда мы кричим, бьёмся рыбой на песке, у нас впечатление, что мы готовы испариться... Подруга, нужно пройти долгий путь, но к великому счастью, прежде чем мы прибудем к «цели» (впрочем, нет конечной цели, но лишь постоянное расширение), мы получаем несколько ослепительных знаков некоего пространства и света, приходящих для того, чтобы укрепить нас, дать нам уверенность, и ворча сквозь зубы,

мы снова становимся на путь. Вот что значит двигаться к пределу себя.

.....

Подруга, я не имею смелости переписать это длинное письмо, чтобы удалить все следы гнева, раздражения и разочарования. Это слишком долгая работа. Надеюсь, вы простите мне мою отповедь. Но ваше письмо действительно меня ошеломило.

Обнимаю вас. Сегодня вечером вы отнюдь не красный ибис, но непослушный воробей, к которому я всё же испытываю нежность.

Б.

P.S. Я говорил с Матерью о своей книге. К моему удивлению она сказала: «Я уже давно думаю о том, что ты можешь написать нечто полезное». Она сказала, что если я хочу, она освободит меня на полгода или год от всей деятельности, чтобы я мог спокойно сидеть у себя и писать. Таким образом, возможно, в ближайшее время я так и сделаю. Я отбросил щепетильность и сомнения, ибо теперь знаю, что любой интеллектуальный труд набрасывает пелену на глубинный опыт. Полагаю, что, наконец, начну это делать для Франсуа и для вас. Если я пишу, то это действительно из-за вас — ещё немного чернил. Но во все чернила, потраченные на вас и Франсуа за десять лет, я вкладываю всё своё сердце. Хотелось бы, чтобы эта книга оказалась для вас более понятной, чем мои письма.

***

4 августа [1956]
Бернару д'Онсие

Старина,

Как раз думал тебе написать, как вдруг получаю от тебя весточку. Как ты мне и советовал, я хотел спросить у Матери, что это за «магическая поддержка». Но никак не удаётся поговорить с ней. Количество учеников постоянно увеличивается, и становится всё труднее говорить с Матерью — я не хотел бы передавать ей этот вопрос в письменном виде. В конце концов, полагаю, что благодаря

твоим намёкам так или иначе разгадаю, о чём идёт речь. Это не очень «inspiring» [воодушевляет]. Хорошо, что ты дал мне указания. Я, кажется, всегда буду недооценивать или принижать твои знания и мудрость. В любом случае, я более не сомневаюсь, что все пути ведут в Рим — длинные они или короткие, но все.

Обрати внимание, я не имею ввиду, что я на коротком пути, в то время как ты на длинном! Как бы то ни было, мой путь довольно тернист, и я всегда меж двух огней. Иногда я настолько усталый, физически и морально, что позволяю себе делать всё на автомате — но ты, возможно, скажешь, что здесь это является идеальным условием! Сейчас у меня период истощения, вялости, как после хорошего солнечного удара, в то время как пару недель назад я уже собрал «багаж» для поездки в Дарджилинг (кажется, там можно найти работу), помышляя о Тибете.

Рад знать, что ты там со своими розовыми кустами, деревьями и Маник. И я ни секунды не сомневаюсь, что «чудо» не минует тебя снова. Впрочем, я, кажется, ещё с наших первых встреч говорил тебе это, я верю в твой шанс. У меня есть небольшая идея на этот счёт.

По-братски
и с нежностью к Маник
Б.

***

21 августа 56
Клари

Подруга, ещё одно письмо в ночь. Я не должен добавлять к вашей боли ещё и свою, но я в такой дали от радости, мне нужно обратиться к человеку, желательно к Клари!... Как только мы теряем контакт с истинным существом в себе, какой провал, какая ночь наступает тогда, и вдруг ужасное одиночество — ощущаешь себя лишь жалким, потерянным сгусток страдания, и кажется, это одиночество древнее, как ночь, которая нас подавляет, одиночество, поднимающееся со дна эпох, чтобы разрывать, ломать; тяжёлое, как земля, как человеческие страдания. Мне кажется, я объединён со всеми людьми, и в сердце

моём больше нет радости, которую оно могло бы передать им, их страдание вторгается в меня, смешиваясь с моим страданием. Я думаю о вас, борющейся с вашей галлюцинацией, о Жаке, запертом в его одержимости самоубийством, о Франсуа, которому так трудно жить — все изолированы, как маленькие планеты, вращающиеся вокруг самих себя и неспособные объединиться. И все ваши одиночества — это моё одиночество, ваше зло — моё зло. Мы никогда не полюбим друг друга, мы не сможем объединиться. Подруга, в каких тюрьмах мы живём? Где любовь, где радость, способные объединить нас с другими, с миром?? Когда мы разобьём этот круг из железа, изолирующий нас? Я чувствую боль всех людей. Я един со всеми. Единственный способ облегчить этот вес, эту тяжесть мира, и действительно полюбить других состоит не в том, чтобы распять себя, но в том, чтобы отыскать в себе радость и излучать её — но вся радость покинула меня. Я знаю, где свет, я знаю, где истина, любовь и радость, я знаю; но я бессилён принять эту радость и этот свет — это уже не вопрос сомнения или неуверенности, нет, это неспособность, словно болезнь, заковавшая меня в ночь, погрузившая меня в свою смолу. Если бы был героизм *захотеть* этого света и снова отвоевать его, но вся низшая природа говорит НЕТ, она желает ночи, она желает страдания, желает неведения. Мы совсем не жертвы, мы соучастники нашего зла; укоренившееся в нас соучастие такое же старое, как мир. Чтобы выйти из этого, нужно отбросить от себя тысячелетия мрака и невежества, но всё это прилипает к нашей душе, как глина, та самая глина, из которой мы были рождены. Когда я говорю «груз мира», это не образ. Нужно действительно пересечь всю толщу циклов человеческого страдания, за несколько лет пройти тёмные атавизмы наших прошлых существований, наследственность земли, чтобы иметь право заново вынырнуть в свете и правде. И кажется, что надо победить не только своё страдание, своё невежество, своё одиночество, но одиночество всех тех людей, которых мы несём в себе — мы сумма всех людей, всего их одиночества, всей их ночи — над всем этим нужно одержать верх. И когда мы теряем контакт с истинным существом в себе — тогда мы чувствуем всю тяжесть мира, тогда рушится наша хрупкая победа над тьмой, тогда,

обескураженных, нас отбрасывает назад. Ибо каждый раз всё начинается заново, будто ничего не было сделано, будто не было никакой победы. И нужно начинать снова и снова, пока эта человеческая ночь не будет окончательно побеждена в самых глубинах существования, и это нескончаемая битва, как будто мы обязаны быть людьми, просто людьми.

Подруга, я знаю, я *знаю*, что лишь победа над своей собственной ночью может помочь другим и облегчить груз мира, я знаю, что лишь эта победа даст право на Любовь, Радость и Единение. Я знаю, что нет иного выхода, что нужно идти до конца в своём героизме, бороться до окончательной победы. Во мне нет сомнений, но есть ужасное бессилие, слабость. В течение нескольких лет я боролся раз, другой, десять раз, и пришёл момент слабости, утомления от того, что всё приходится начинать заново, всё возобновлять. Я хочу закрыть глаза и позволить себе плыть по течению, как утопленник. Вот почему я пишу — может быть, для того, чтобы не стать сумасшедшим.

В последнем письме вы пишете: «Вы очень далеки от обычных людей» — бедная моя подруга, вы не знаете, сколько во мне слабости и как истово я прошу пощады от навалившихся со всех сторон мелких препятствий. Моё единственное отличие от других в том, что я, возможно, был более мятежным, чем они; что я дольше других отрицал; что я больше испытал; но при первых же реальных трудностях я отступаю, я не в состоянии прыгнуть — на моём собственном плане у меня меньше мужества, чем у людей, которые каждый день зарабатывают на жизнь и растят детей.

Понимаете, я прошёл путь до определённой точки, я боролся и дал согласие изменить своё существо до некоторой степени, я сумел до некоторой степени изменить свой образ жизни, мышления, ощущения, реагирования — но лишь до некоторой степени. Более-менее преуспев в этих поверхностных перетасовках и более-менее соскоблив внешнюю корку, приходишь к некой фундаментальной вещи в себе, к чему-то, что является скалой темноты и эгоизма, «*bedrock*^{*}» нашей человеческой природы — и это говорит НЕТ, это

---

* «Скала в основании» (англ. прим. пер.)

отказывается, это не хочет света, не хочет меняться, это упрямо цепляется за землю, колоссальное сопротивляющееся Нет, это вся тяжесть ночи мира в нас, она говорит Нет, бунтует и отказывается меняться. Там есть СТЕНА, которая кажется непоколебимой, и все наши прорывы к Свету разбиваются об эту неприступную стену. Мы можем единожды, дважды, много раз пробить эту стену, но всякий раз эти хрупкие победы разрушаются, и всякий раз стена, кажется, становится лишь толще, устойчивее — всякий раз мы погружаемся немного глубже в себя, но чем больше мы погружаемся, тем труднее препятствие, тем более яростным становится сопротивление... и тем более опасным становится этот путь, ибо мы пробудили силы ночи, готовые бороться до последнего, дабы защитить свою империю. И мы убеждаемся, что Йога — это огонь, динамит. Если мы не сможем победить, то будем физически безжалостно РАЗДАВЛЕНЫ, сметены. Вы понимаете? Итак, моя борьба становится всё труднее, и я нахожусь на том решительном повороте, где, возможно, буду сметён — это продолжается уже год. Я на пределе мужества. И ощущаю себя слабаком.

И что весьма странно, подруга, что эта непоколебимая стена Ночи, кажущаяся столь твёрдой, толстой, неопровержимой — *фактически* лишь мираж, очень убедительный, но мираж. Поскольку иногда достаточно чего-то очень маленького, крохотного внутреннего согласия, маленького слабого «да», чтобы вся эта Ночь разом рассеялась, исчезла, как театральный занавес. Эта такая толстая штука имеет лишь толщину нашего собственного отрицания Света. Достаточно сказать «да» — настоящее «да», не на словах — чтобы перейти на другую сторону. Но мы отказываемся говорить «да». Всё это потрясающе абсурдно. Десять, двадцать раз получаем опыт, проходим на другую сторону, *видим*, что эта стена лишь мираж, и при этом снова попадаем в ловушку, в мираж, мы *всё забываем* и продолжаем верить в мираж, этот мираж становится неопровержимым, свет более не существует, он принадлежит другой планете, которая кажется недоступной. *МАЙЯ*. И что-то в нас *хочет* этой Майи, наслаждается миражом, любит ночь. Между тем, это не совсем Майя, поскольку если мы верим в неё, она становится очень реальной, она становится могущественной, она может нас убить или

сделать безумцем.

Вот такие «вещи». Если я не найду мужества, чтобы выдержать новую атаку, я покину Ашрам. Но я понятия не имею, что буду делать «в миру» и где меня постигнет неудача. (...)

Да, конечно, я думал о вашем отъезде в Лондон в будущем году, и меня это волнует, как это было с вашим возвращением в Карачи. Я понимаю, что это значит для вас. Подруга, как бы я хотел крепче любить вас, чтобы помочь вам, доставить вам радость, которая только и может помочь. Но у меня простое бедное человеческое сердце, и оно окружает вас всей своей нежностью.

Б.

***

Четверг 23 августа [1956]
Бернару д'Онсие

Старина,

Полагаю, что скоро вновь отправлюсь в путь на некоторое время. Пожалуй, мне нужно немного «состариться», прежде чем искренне принять жизнь Ашрама. Отъезд для меня не означает, что я изменяю своей цели, я всего лишь собираюсь «отдышаться» — потому что снаружи нет ничего такого, что бы меня действительно привлекало. Ты говорил мне про «амбиции», я ничего подобного не чувствую, за исключением того, чтобы отыскать то самое нечто, что я ощущаю в себе и что некоторые называют Богом. Но во мне больше нет торопливости или неуместного беспокойства: вещи придут в свой час. Я был слишком тороплив.

.....

В любом случае, во мне абсолютная уверенность, что всё будет в порядке. Уезжая в Гвиану, я тоже не знал, куда податься, и между тем, всё устроилось.

До скорого свидания, может быть? Вы оба — мои друзья.

Б.

***

Среда [29 августа 1956]
Бернару д'Онсие

Старина, возможно, ты поймёшь, если я скажу тебе, что это не просто «страсть к путешествиям», но нечто более серьёзное: уже более шести месяцев давление настолько сильное¹⁷, что временами я опасаюсь, как бы не сойти с ума. Это не шутки. Так что фраза «отдышаться» имеет весьма конкретный смысл.

Твоё письмо меня бесконечно ободрило: знать, что ты мой друг, что ты меня примешь; мне действительно нужна твоя дружба. И теперь, прежде чем снова встать на путь, если я действительно должен покинуть Ашрам, было бы неплохо найти у тебя возможность по-настоящему отдохнуть. Я раскалён до предела, и это очень утомительно.

Мне не хочется покидать Индию, поскольку я, в конце концов, словно бабочка, кружащаяся вокруг пламени — вероятно, однажды мне придётся решиться и войти в пламя. Я очень хорошо чувствую, что мне этого не миновать.

Европа? Ни за что на свете я не хочу возвращаться во Францию, внутренне я не чувствую её своей страной. Какую работу я смогу найти в Индии? Мне всё равно, хоть мыть посуду. Я ухожу не в поисках фортуны, я ищу место, где можно «дышать». Всё, что мне нужно, это немного денег, чтобы есть и спать. И главным образом я хочу избежать контактов с европейскими элементами, посольствами и другими бандами.

Курс не в Дели, и также не в Алмору, ибо я не хочу садиться на шею Брюстеру. Мне сказали, что можно найти работу в районе Дарджилинга, где мы проводили поиски. Поэтому курс на Калькутту, но я готов остановиться в любом месте по пути. У меня есть чем оплатить билет на поезд до Дарджилинга — включая мою прогулку с тобой (спасибо за милое предложение) и также средства на то, чтобы продержаться месяц, живя по-индийски, может быть, даже два месяца. Так что всё в порядке.

---

17 Давление этого нового супраментального Могущества.

Если мне придётся уехать, я телеграфирую тебе из Мадраса. Но очень трудно оторвать себя от этого места, ибо целая часть меня глубоко укоренилась в этом самом пламени, которое меня сжигает.

Б.

P.S. О, хвала небесам, что ты здесь!...

***

25 сентября 56
Клари

Дорогая подруга,

Несколько строк, чтобы сказать вам, что я вас обнимаю и что я рядом с вами. Будьте уверены, подруга, что вы не одна, несмотря на ваши затруднения, ваши разочарования, ваше молчание.

Сердечно ваш
Б.

***

Воскресенье, 7 октября [1956]
Бернару д'Онсие

Здравствуй, старина, здравствуй, Маник, я всё медлил вам написать, ибо весь поглощён деятельностью в Ашраме, с момента возвращения у меня почти не было свободных минут — и вот ко мне приходит твоё письмо, Бернар; я так тронут твоей дружбой, твоим вниманием¹⁸. Ты так заботишься обо мне, вы столь добры и дружелюбны. К сожалению, я разочарую вас, но я хочу ещё немного подождать, прежде чем написать Уотсону. Я хочу ещё усовершенствовать мой опыт здесь, и позволю себе остаться до

---

18 Он написал Сатпрему, советуя ему попросить Уотсона вернуть его в свой бизнес (он даже приложил шаблон письма для Уотсона!) Мать также поддержала в этом Сатпрема, чтобы пройти через этот опыт «для божественного дела».

января, самое позднее до февраля, чтобы раз и навсегда определить своё будущее. Если до января ничего не произойдёт, я напишу У. Невозможно так легко сойти с тропы, на которой отыскал лучшее, что есть в тебе. Я прекрасно знаю, что уйдя от Уотсона с набитыми карманами я получил бы полную свободу обрести любые переживания, но я также знаю, что каждый год, проведённый вне духовного усилия, вызывает внутреннее отвердение, и потом очень трудно взорвать этот панцирь. Посему я хочу позволить себе ещё четыре месяца усилий и надежды — а там посмотрим. Не думаю, что эти четыре месяца как-то повлияют на мои шансы восстановления у У.; но они могут повлиять на мои шансы духовной интеграции.

Я бережно храню твоё письмо-шаблон к У., и если мне придётся его отправить, то отправлю как есть, разве что расширю «стиль». Ты затрагиваешь в нём множество вещей, о которых я бы точно не подумал, но которые являются — или должны быть — весьма дельными. Спасибо.

Эти несколько недель с вами дали мне много хорошего. Я вам должен за то, что не реализовал тот экстравагантный проект с Гималаями и поставил себя перед реальной альтернативой: Ашрам или Бразилия.

.....

В случае новых внезапных перемен ветра я вам напишу; но очень надеюсь не сдаваться и «работать» в течение этих четырёх месяцев; смогу ли я, наконец, очиститься по-настоящему в молчании среди счастливых людей?!?!... Кто знает.

Благодарить вас — это довольно смешно, но я обнимаю вас обоих и желаю вам быть счастливыми.

Б.

***

20 октября 56
Клари

Добрый день, моя дикая сестра, сердце моё столь запутанно, а голова столь пуста, что даже не могу писать. Но дальше оставлять вас

в неведении и молчании было бы слишком плохо, так что посылаю вам эти несколько строк, чтобы выразить свою нежность — возможно, единственную надёжную вещь, которая ещё остаётся во мне. Я только что вернулся от д'Онсие, проведя месяц в его новом доме в Хайдарабаде. Он встретил меня очень мило, и пребывание там принесло мне пользу. Я был очень усталым. Однако, всё же возвратился сюда. Во мне такая ужасная пустота. В таких случаях лучше молчать и ждать, когда это уйдёт, если это захочет уйти.

Если вы ответите, то напишите о себе, мне полезно будет заняться чем-то иным, кроме своих собственных трудностей... Я очень рад, что вы «питаете слабость» к Франсуа — чем бы она ни была, кровосмешением, влюблённостью или не знаю чем — вы можете принести ему пользу.

Когда в Лондон?

А ваше лечение?

Каким бы прекрасным ни было ваше последнее письмо, Подруга, но всё во мне тьма, и какая тьма! Просто существуя, вы уже приносите мне пользу; как видите, вы кое-что можете сделать для меня.

Обнимаю вас со всей своей нежностью.

Б.

Лепесток розы
просто так.

***

4 ноября 56
Клари

Вуаля, вуаля, я вас обнимаю и попробую успокоить смятение у вас в голове. Добрый день, сестра вне-закона, суматошный ибис, который совсем не ангел в «этой области» с кучей ненавистных сладострастных проблем. Добрый день, мятежный гибискус — красные, словно пламя, они втроём пылают на солнце рядом со мной. Вот, так будет лучше. И если есть «причастие святых», то обязательно должно существовать и «причастие грешников». Итак, я обращаюсь к

заходящему солнцу и посылаю вам вымученную улыбку, 6-го числа откройте ваше окно, выходящее на Восток, и вы, возможно, поймаете её в полёте — если Месье Насер её не перехватит. А теперь, если этого недостаточно, поднимите за нас рюмку водки, порцию икры — та, что от Петросяна с улицы Latour-Maubourg, весьма неплоха — сядьте у аквариума с тремя амазонскими скаляриями, дабы послушать истории из жизни. Скалярии необходимы, иначе мы упустим самое главное. А затем, если вас это не удовлетворит, ну что же, позвоните в службу времени Парижской Обсерватории, они составят вам компанию до конца времён, но это слишком долго.

За исключением этого, сказать особо нечего. Я бы очень хотел снова увидеть вас, погулять по Парижу, быть серьёзным и сходить с ума вместе с вами. Так будет лучше, поскольку одна из моих маленьких внутренних стен обрушилась, и я вхожу в новую фазу, которая могла бы выразиться также и внешними изменениями. Но я расскажу об этом в другой раз, когда вещи обретут большую конкретность. Подруга, как же нам не хватает прозрачности. Мы все подобны сетям, в которые попадают бесчисленное множество мелких посторонних мыслей, множество маленьких желаний, даже не являющихся нашими, целая сумеречная фауна — разорви сеть, и всё это хлынет сквозь нас, всё взорвётся. Как видите, нужно купить большой аквариум, выпустить туда всех этих сомов, скалярий и лемуров, барахтающихся в вашей голове; а потом кладёте ключ под коврик и улетаете — это очень просто.

Почему вы не упомянули об Ашраме в вашей книге? Если Ашрам в Понди вас смущает, поместите его в Тибет. Единственная сущностная вещь — это искренность, и через вашу героиню вы можете *построить* очень мощную оккультную связь с силами света. Ваша героиня вернёт вам то, что вы ей дадите. Дайте ей лучшее, что есть в вас. Я очень-очень рад, что вы пишете, и обнимаю вас, награждая ещё одной вымученной улыбкой. Бонжур, маленький сом.

Б.

***

9 ноября [1956]

Бернару д'Онсие

Старина,

Давно не писал тебе, но я здесь полностью поглощён деятельностью. Однако, вещи изменились. 30 октября у меня был долгий разговор с Матерью, и она полностью изменила моё мнение в связи с Уотсоном. И в тот же день я написал У., попросив его дать мне ещё один шанс. Письмо моё в сущности осталось довольно близким по смыслу к твоему письму-шаблону, которое ты для меня любезно подготовил. Таковы дела на внешнем плане. На плане внутреннем всё чудесно сдвинулось с мёртвой точки после целого года тьмы, и я наконец нашёл свою радость и много чего другого. Всё хорошо, всё всегда было хорошо.

Мне остаётся ждать ответа У. Полагаю, что всё устроится; ну а в противном случае, что ж, вещи устроятся по-другому; теперь я знаю, что по необходимости всё устраивается так, как надо — к лучшему.

А ты, какова у тебя ситуация? Дело с гравюрами удалось? Я удивляюсь, почему ты не запрёшься в своей крепости, отослав всех этих слуг-кровопийц. Но бесспорно, в Хайдарабаде труднее порвать отношения с социумом, чем в Дели, не так ли?

Что ты скажешь о перевороте в Египте? Решительно, французы достигли последней стадии морального распада¹⁹.

Буду держать тебя в курсе новостей из Рио.

Старина, обнимаю тебя и Маник,

Б.

***

23 ноября [1956]
Клари

Подруга, но ваши поэмы, они превосходны! я хочу сказать — вы действительно поэт. Какой сюрприз! — видите, как я дерзок! Ваши

---

19 В ответ на национализацию Насером Суэцкого канала французские и английские войска заняли его, чтобы потребовать возмещения ущерба, но должны были уйти под угрозой советского и международного давления.

поэмы, они трепетны, чувствительны, горьки, ироничны или ужасно печальны, или причудливы — но во всех них *присутствует* нечто, они имеют нечто необъяснимое, что их освящает. Это откровение! Какая интеллектуальная свобода и какой пыл. Наконец появилось нечто, что выплеснулось из вас — даже если это не всегда лучшие ваши части, потому что так вы очистите ваши источники.

Наиболее красивое из ваших творений: *Будапешт*²⁰. Какой тон, подруга! Это очень красиво, это глубинное касание. Достаточно этого стихотворения, чтобы посвятить вас в поэты. Отлично, вы видите, я уже выдал вам посвящение, недостаёт только святого масла, чтобы вас похоронить — если бы я и без того не знал, что вы неуловимы, и обитатели загробного царства затруднятся вас поймать. *Будапешт* глубоко человечен. Настолько, что у меня перехватило дыхание. Но если смотреть не только с точки зрения человечности — поэтический ритм в полном согласии с вашей эмоцией. (...) Чёрт, подруга! Мне нечего сказать про ваши стихи, кроме того, что это воистину настоящие стихи.

Теперь, когда стало ясно, что вы обладаете качествами поэта, я хотел бы попытаться сказать вам нечто весьма «характерное» касательно источника вашего вдохновения (впрочем, полагаю, что вы уже сами обдумали всё, что я мог бы вам сказать, но тем хуже). Итак, мне кажется, ваш источник слишком подсознательный. Это слово настолько плохо определено, а психология Запада столь бедна в этом плане, что я не знаю, как описать вам различия — различия, опирающиеся на опыт — для распознавания многочисленных глубинных регионов... Похоже, что вы «промышляете» главным образом в зонах, более-менее исследованных сюрреалистами* — это зона всевозможных смешений, полная ярких вспышек и глубокой тьмы, странных, соблазнительных образов, чарующих светотеней, где мы дрейфуем среди неопределённостей, фрагментарных воспоминаний, искажённого света, странных ассоциаций — что-то вроде девственного леса, полного тайных шорохов, пленительных и

---

20 Советские войска только что заняли Будапешт, где они яростно подавляют народное восстание (Клари — урождённая венгерка).

* Примечание. Я очень уважаю сюрреалистов. За все века это наиболее плодотворная попытка Запада достичь высот. [Примечание Сатпрема Клари].

опасных цветов; избыточная, захватывающая, головокружительная зона. И мы рискуем соблазниться причудливостью этих мест, мистической двусмысленностью, царящей в этом мире, где вещи пока ещё не кристаллизованы, не заморожены поверхностной жизнью, пока ещё жидкие, неопределённые. Это первый импульс жизни, жизни в сыром виде, необработанной. И конечно, там мы находим весь этот неоценимый, бесконечно богатый поэтический материал. Но есть опасность застрять там, поддаться этому очарованию. На мой взгляд, поэзия служит не только для выражения странного — она должна быть также и открытой дверью к более великой реальности нас самих. Говорю вам всё это только лишь для очистки совести, поскольку знаю, что вы и без меня хорошо осведомлены об этих вещах. Я лишь хотел бы быть уверенным, что вы *будете стремиться* к более глубоким или более высоким источникам — ибо идеал, конечно, в том, чтобы «промышлять» в зонах сверхсознательных. Если говорить менее абстрактно, Шри Ауробиндо однажды привёл один пример сверхсознательного источника, цитируя четверостишие из стихотворения *Пьяный Корабль* А.Рембо, насколько я помню:

*J'ai vu des archipels sidéraux ! et des îles
Dont les deux délirants sont ouverts au vogueur :
— Est-ce en ces nuits sans fond que tu dors et t'exiles,
Millions d'oiseaux d'or, ô future Vigueur?*

[*Я видел звёздные архипелаги! и острова,
Чьи неистовые небеса открыты моряку:
— В эти ли бездонные ночи ты спишь или ускользаешь
Миллионом золотых птиц, о, будущая Мощь?]*

[*Архипелаги звёзд я видел, видел земли,
Чей небосвод открыт всем тем, кто вдаль уплыл...
Не в этих ли ночах бездонных, тихо дремля,
Ты укрываешься, Расцвет грядущих Сил?
пер. Кудинова]*

Последняя строка явно имеет источником сверхсознательное. И однако, бог знает, что Рембо часто грешил в подсознательной зоне,

которая, кажется, вам знакома. Видите, я поместил вас в неплохую компанию.

Знаете, подруга, что с вашей поэзией, созданной искренне, со всей возможной искренностью, вы можете проделать огромный путь внутри себя и даже *открыть* регионы, до этого закрытые для вас. Поэзию можно сделать одной из выдающихся йог. И читая некоторые ваши стихи, я обнаружил огромный прогресс, сделанный вами начиная с довольно бесплодного периода 46-48 годов. Вы стали более цельной, Клари, более многозначительной, в вас больше пыла, больше жизни. И это прекрасно.

Будапешт... да, всё это ужасно, и Бухенвальд, и война в Алжире, и французская агрессия в Египте. Всё это полно лжи, дурной воли и варварства. Я не мог удержаться от того, чтобы сопоставить две ваших поэмы: *Будапешт* и *Молитесь за нас*. Я испытываю потребность снова сказать вам — если это действительно необходимо — почему я сражаюсь именно здесь, а не в Будапеште. Я здесь по тем же причинам, по каким ранее я был бы в Будапеште или в Греции с Маркосом, и по тем же причинам я сражался в Сопротивлении. Там и здесь борьба одна и та же — против сил Ночи или против сил угнетения; там и здесь сопротивление то же самое, но на двух различных планах; там и здесь опасности велики, хотя и принадлежат двум различным категориям. Я пишу вам это не для самооправдания, поскольку уже прошёл эту стадию, но именно для вас, потому что хотел бы разъяснить вам, что вы тоже прошли стадию, на которой ваша борьба должна происходить исключительно на физическом плане. И вам, и мне было бы легче и проще пойти сражаться физически; но это принадлежит прошлой стадии нашей эволюции; это искушение, которому мы не должны уступать. Мы отказались от физической борьбы в пользу борьбы более трудной, более неуловимой, но более истинной. Борьба жителей Будапешта истинна, но то, чему они должны научиться через эту борьбу, мы уже изучили, и дорогой ценой. Эта борьба истинна *для них*. Для чего в конечном итоге нужны все наши битвы, если не для того, чтобы сделать нас сознательнее, сделать человечество более сознательным — и какой смысл в коллективной и индивидуальной эволюции, если не в том, чтобы расти в сознании? И чем больше мы растём в сознании, тем

шире становится наша борьба, тем она суровее, серьезнее, даже если она менее заметна. Именно в этой «более высокой» борьбе мы должны закрепиться; преждевременно умерев в физической борьбе мы лишь прервём работу, которую должны совершить в себе. Разумеется, это справедливо лишь для немногих, вероятно, для меня и, полагаю, для вас. И, возвращаясь к тому, что я всегда говорил: единственный способ облегчить груз страданий этого мира — завоевать больше сознания и больше радости. Каждая победа одного сознания — это победа всего человечества против сил угнетения, будь то физические или тонкие и оккультные силы. Полагаю, что мы миновали стадию, где должны были совершать *поступки*, даже если эти поступки кажутся братскими и героическими. Есть «более высокий» героизм — я хочу сказать о героизме, который соответствует нашей стадии эволюции, *категории*, которой мы принадлежим. Не нужно смешивать планы, не нужно возвращаться назад. Вы достаточно меня знаете, чтобы понимать, что я говорю не о комфорте. И я всё более и более убеждаюсь, что невозможно никакое «учение», доктрина. Поскольку это письмо, попав в чужие руки, дало бы повод лишь всякого рода ошибкам, лжи. Оно предназначено только лишь для вас. Я всё больше и больше понимаю, почему раньше все посвящения оставались в тайне. Сегодня правда более распространена, но насколько же она извращена — и требуется много времени для понимания того, что правда одного не является правдой другого и что несмотря на это все служат одной и той же Правде... В начале войны в Алжире я, дабы заклеить эту войну, написал довольно жестокое для себя письмо. Моя мать была огорчена и не поняла. Несколько недель назад она мне написала, рассказывая, что мой брат Пьер был награждён, я не знаю, какой-то «Золотой медалью» за войну в Алжире; и она сказала: «для Пьера эта война была тем же, чем для тебя было Соппротивление». Бесспорно, правда моего брата Пьера состояла в том, чтобы пойти на эту войну и быть храбрым. Но если бы я оказался двадцатилетним в 1956, а не в 1943, моя правда была бы в «сопротивлении», и я бы дезертировал — ибо в 1956 истинным сопротивлением было бы дезертирство. Но в 1956 мне 33 года, и я в Ашраме — и это ещё одно сопротивление, ещё одна правда. И между тем, это всегда одна и та же правда, и мой брат Пьер

тоже вырос в сознании через свою войну в Алжире.

Да, Подруга, мы можем оплакивать Будапешт, оплакивать вопиющую несознательность этого мира. Но эта несознательность уменьшается, люди учат свой урок. Силы ночи кажутся неистовыми, но это ярость их последних рывков. Среди этих ложных, фальшивых конфликтов на земле у нас есть только один долг — становиться сознательнее. Такое «увеличение сознания» в итоге более *эффективно*, если мы хотим помочь миру. Это увеличение сознания *может* совершить нечто, не оставаясь «Сожжёнными, истерзанными, которые стоят и кричат», подобно людям из вашей поэмы, не знающим как «молиться за нас».

Бедная Подруга, я понимаю вас, я мучительно ощущаю вас, и я предпочёл бы послать вам любовь, а не слова... Но что я могу?

Однако, хотел бы посоветовать вам не прекращать свою поэтическую деятельность. Это источник освобождения, инструмент знания и внутреннего прогресса. Потрясающая Клари!

Обнимаю вас, дорогая мятежница

Б.

*
* *

Два стихотворения Клари²¹

Budapest

*J'ai eu déjà honte
De mes mains
Pour leurs gestes
Et leurs ombres
J'étais déjà triste
De mes yeux
Pour les cieux
J'ai eu déjà de la peine*

---

21 Позже Клари выпустит сборник стихов от Grassin: *Алая поэзия* и другие стихи в издательстве «Против Молчания».

*D'être seule
Et sombre
Comme un monde
Et qui s'éteint.
J'étais déjà le couple
Fuyant l'Eden
Et le criminel
Devant sa mère
Puis l'assassin
Dans sa cellule en verre
Et la plainte
D'un nègre qu'on lynche.
Mais aujourd'hui
Alors que l'hallali
Pour votre abois sonne
Je n'ai honte d'autre
Que d'être un homme.*

Будапешт

*Я уже пережил стыд своих рук
Их движений, их жестов
Я уже пережил печаль в моих глазах
Обращённых к небесам
Я уже пережил одиночество
и темноту, когда мир
Словно угасает.
Мне уже довелось быть парой
сбежавших из Эдема,
И преступником,
И убийцей в его стеклянной клетке.
И печальной песней негра,
Которого линчуют.
Но сегодня
Под ваш лай и улюлюканье
Я стыжусь одного —*

Что я человек.

*

Priez pour nous...

*Contemplation immobile
Des âmes pleines de sagesse
Touchant l'essentiel
De la conscience universelle
Priez pour nous.
Paupières calmes et résolues
Qui se baissent sur l'absolu
Indifférentes aux apparences
Sincères dans leur pénitence
Priez pour nous.
Quand tout est fait sans geste
Quand distillé, seul l'amour pur reste
À travers eux, regarde nous autres
Brûlés, rongés, hurlant debout
Et qui ne savons pas prier pour nous.*

Молитесь за нас...

*Души в недвижимом созерцании,
Полные мудрости,
Прикоснувшиеся к основам
Универсального сознания,
Молитесь за нас.
Глаза спокойные и полные решимости,
Сомкнутые веки пребывающих в абсолюте,
Безразличные к внешним обличьям,
Искренние в своём раскаянии,
Молитесь за нас.
Когда всё делается без движений,
Когда через них изливается
лишь одна чистая любовь, —*

*На нас смотрят другие,
Сожжённые, истерзанные,
Которые стоят и кричат,
И не знают, как молиться за нас.*

***

18 декабря [1956]
Бернару д'Онсие

Старина, после бесконечного ожидания я наконец получил новости от Уотсона. Он отходит от дел и покидает Бразилию, чтобы обосноваться в Нью-Йорке или Париже. Эта новость меня утешила, ибо я действительно не хотел связываться с этой рутинной. «I shall be interested in learning how you solve your present problem...» [«Мне было бы интересно узнать, как вы решили вашу проблему.»] Это не отсутствие вкуса к жизни. Мне тоже было бы интересно это узнать.

В остальном я совершенно доволен. Подумываю о том, чтобы отправиться в древний англо-египетский Судан или куда-нибудь в Сомали. Но вещи продвигаются очень тихо, незаметно, и если что, я тебя проинформирую.

А как у тебя? Я часто вспоминаю о вас, о нашей дружбе и привязанности. Вы мне очень помогли, ваш приём, ваши поддразнивания, ваше терпение относительно перемен моего настроения, ваше счастье. Я начинаю терять привычку играть роль и ввергать себя в трагедию — и это хорошо.

Как твои бугенвиллии, растут?

Сердечно с вами обоими,

Б.

***

24 декабря, вечер
Клари

Подруга, какая досада, что вы столь далеко и, возможно, в

одиночестве. Я уже давно собираюсь написать вам, но у меня столько работы — к тому же, все эти слова из чернил и бумаги, которые требуется преодолеть, чтобы хоть чуть-чуть разогреть ваше сердце. Да, я думал о том, чтобы написать длинный ответ на ваше последнее письмо, и вспоминал фразу из него: «Во мне сосуществуют две концепции: сознание, что я есть всё, и сознание, что я крохотная — и сам факт быть "крохотной" невыносим, если бы не смирение». Мне кажется, меня переполняют множество пылающих вещей и что я мог бы помочь вам «распутать низшее» — я часто думаю о вас. Но меня останавливает необходимость использовать слова, ибо вы нуждаетесь не в интеллектуальной правде — пусть даже пылающей; вам нужно одно СЛОВО, которое проникло бы сквозь все панцири и внезапно хлынуло бы из вашего сердца, срывая печати, разбивая стены этой могилы, где на протяжении эпох и эр дремлет ваша истинная Личность, как египетские фараоны в их бинтах. Да, это нечто, этот НЕКТО должен быть освобождён. Вы не «крохотная», *никто* не является «крохотным» — крохотное как раз то самое поверхностное «я», шумное и бессвязное, полное страданий и мелких удовольствий, любящее свои страдания и свои жалкие утехи. Но эта ничтожная кукла — не Вы. Вы — это то, что неустанно пытается прорваться сквозь все ваши маски, ваши переживания, в ваших радостях и ваших разочарованиях. Это внутреннее существо неустанно посылает вам знаки, зовёт вас, именно его вы ищете, сами того не ведая, через всех тех, кого вы якобы любите, через книги, о которых вы думаете как об откровениях. Именно им вы занимаетесь, когда посещаете ваших беженцев или ваших слепых; и кроме того, именно оно пытается утвердиться через все ваши отрицания — ибо действительно нужно отринуть все видимости и самого себя, нужно всё опустошить, прежде чем Это сможет появиться во всей наготе нового рождения. Именно это внутреннее существо упрямо заставляет вас вести поиски, разжигает ваше беспокойство, заставляет упорно надеяться я не знаю, на что, в то время как всё, кажется, погрязло в отчаянии, в рутине дней и слабостей. Не чувствуете ли вы в сердце нечто мучительно острое, чей трепет поднимается до самой поверхности существа, и которое даже посреди комедии, *которая кажется нам жалкой и мелочной*, не прекращает повторять: «Я есть. Я ЕСТЬ, я

больше, чем все мои слабости, я шире моей комедии, чище всей моей мелкой трусости». И тогда мы, конечно же, ощущаем смесь несказанной гордости и горького презрения к себе. Но эта гордость — не есть гордыня в переводе на слова поверхностного я; эта гордость — деформация *сущностного Величия*. Чувствовали вы когда-нибудь эту скалу в глубине себя, эту скалу уверенности, остающуюся незыблемой, в то время как все поверхностные вещи приходят и уходят, совершенно неуправляемо? Чувствовали вы когда-нибудь в себе некую чистоту алмаза, продолжающего сверкать даже тогда, когда вы погружаетесь в самую мелочную ничтожность, в самое низкое отрицание? Подруга, возможно, у вас *ещё недостаточно «гордости»?*

Как видите, трудность в том, что мы остаёмся пленниками языка, образования, культуры (видите ли, вы ещё не достаточно отрицали — речь идёт об отрицании всего, до тех пор, пока не останется больше ничего, кроме чистоты этого внутреннего, одинокого, обнажённого пламени). Потому что вы писали мне в своём последнем письме: «Если бы у меня было немного больше смирения в отношении Света, я бы, конечно, стала искать...» И ещё вы пишете: «Если цель земной жизни в том, чтобы войти в контакт с *Божественным...*» Но отбросьте же вы все эти имена, данные при крещении, которые заставляют вас думать, что предмет вашего поиска находится вне вас, отличен от вас. У вас ещё будет время, чтобы назвать это «Божественным, Абсолютом, Высочайшим, Богом или я не знаю чем», когда вы всё таки погрузитесь в себя и найдёте то, что ищете.

Вот, я хотел написать вам пару слов о том, что обнимаю вас, и позволить себе проспрягать ряд глаголов, более-менее искажающих. В конце концов, говоря с вами, я имею поддержку лишь одного свидетеля — своей жизни, при условии, что эта жизнь что-то в вас пробудит и сможет вас на что-то спровоцировать. Я ничего не могу, кроме как быть бесконечно внимательным и относиться к вам со всей моей любовью. И не свою уверенность я хочу передать вам, но *вашу* уверенность.

В начале этого поиска всё кажется очень туманным, как мечта, сновидение, «идея», волнующая нас, неясное томление, которое мы выражаем словами — но именно к этой неопределённой мечте мы

должны СТРЕМИТЬСЯ. И чем больше мы её хотим, тем больше она вырисовывается, обретает тело, утверждается, пока не станет единственной Реальностью этой жизни и не засияет повсюду, везде, во всём. «Внутренний голос» — это не миф; но он настолько покрыт мелкими поверхностными стремлениями, а мы сами настолько невнимательны. Нужно долгое время настойчиво и неустанно внимать, прежде чем мы воспримем его живое и тёплое Присутствие. Мне кажется, вы там мёрзнете, нет...!?

Я переехал в дом. Живу в большом саду с пальмами всех сортов, работаю и изо всех сил стремлюсь к себе, это долго, трудно, но это единственная стоящая вещь после всего, что было.

Обнимаю вас

Б.

P.S. С Новым годом, подруга, пусть он принесёт результаты.

***

29 декабря 56
Клари

Подруга, настанет Новый год, и я хотел бы выразить вам всю свою нежность, пожелать множество стихов и толику истинных радостей.

У меня мало что есть рассказать вам после того ливня чернил. Я дерусь, настолько честно, насколько могу. Мне хотелось форсировать ход событий, но я в совершеннейшем несогласии с самим собой. И я борюсь именно с Синьцзянем, ранее наивно полагая, что устранил его одним росчерком пера; и целая куча мелких битв со старыми вещами, не желающими умирать. Таким образом, чтобы уехать, я ожидаю истинного внутреннего согласия, а не мятежа.

Несколько цветков жасмина, дабы передать вам дух Индии и выразить мою нежность.

Б.

***

1957

24 января 57
Маник д'Онсие

Дорогая Маник,

Ваша книга²² пришла в интересное время — впрочем, я не верю в случайности, мы окружены маленькими знаками, которые не можем расшифровать или расшифровываем неумело. Я ещё не прочёл вашу книгу, за исключением нескольких страниц, но знаю наверняка, что я дальний брат Рембо, и вполне вероятно, что если бы он жил дольше, то попробовал бы пройти через опыт наподобие Ашрама. Мы не можем принять этот мир таким, каков он есть — впрочем, вы тоже, те, кто принял убежище за стенами вашей крепости в мире маленькой лампы.

Да, ваша книга пришла в любопытный момент. В последнем письме за декабрь я сказал вам, что счастлив — дабы избежать бесполезных объяснений, впрочем, всегда одних и тех же. Фактически, я пришёл к такому состоянию отчаяния, заперт в таком безвыходном положении, что действительно должно было что-то прийти. Переживая внутреннюю невозможность оставаться более в Ашраме, не имея ни единого су, чтобы уехать не только в Сомали, но хотя бы на десять километров от Ашрама, не имея никого, кто мог бы занять мне денег, я был зажат, пойман в абсурдную ловушку. И вконец отчаявшись, я начал писать. Забавно, как я сопротивлялся тому, чтобы писать. Теперь это выходит, и нужно, чтобы это вышло до конца, если я не хочу сдохнуть²³. Я не «просто пишу книгу», но освобождаю прошлое, мёртвый груз, мешающий мне продвигаться, а если и годный на что-то, то лишь на то, чтобы привести меня в какой-нибудь Харар²⁴, в какой-нибудь абсурдный Синьцзян (мой последний проект). Эта «книга» может меня спасти; в каком-то смысле от неё

---

22 *The Time of the Assassins* [Время Убийц] книга Генри Миллера о Рембо.

23 Это будет *Золотоискатель*.

24 Последнее место ссылки Рембо (в Эфиопии).

зависит моя жизнь, ибо если с нею я не смогу победить свою долю темноты, изгнать всех этих судей, которые меня гипнотизируют, то мне останется лишь... я не знаю, не останется более ничего, кроме как пойти и умереть где-нибудь, настолько скромно и незаметно, насколько это возможно. Есть также доля света во мне, именно её я хочу попытаться утвердить — и то, что я пишу, выражает конфликт этих двух миров во мне. Рембо и Анти-Рембо.

Не стоит вопроса о «публикации» книги, вопрос в том, чтобы просто помочь мне выжить. Эта объективация меня спасёт. Какое-то время я буду держаться на расстоянии. В каком-то смысле так будет лучше. Это время ремиссии. Но воистину, это нелегко переживать. У меня нет вашей мудрости, я должен принимать весь трагизм положения. Предпочитаю не думать о том, что произойдёт, когда книга будет закончена, но с каждой страницей она всё больше окружает меня, и в конце возможно чудо.

В этой книге я вскоре собираюсь упомянуть Бернара, а именно в эпизоде с Наркандой, который кажется мне во многом символическим²⁵. Но я хотел бы знать, какой была более-менее «историческая» база этого безрассудного предприятия. Может ли Б. послать мне пару строк, чтобы напомнить те исторические или псевдоисторические сведения или легенды, окружающие эти сокровища, которые мы там искали? В какую эпоху и под какой угрозой Махараджи спрятали эти сокровища и почему именно в Гималаях? Если бы Б. мог это сделать, то весьма помог бы мне.

Я пишу вам, но думаю о Бернаре. Его всё также «преследует» его семья и дурная репутация, которую мещане навесили на него, когда им не удалось его утопить? Да, я хорошо знаю, старина Бернар, как это нелегко, когда приходится встречаться со спиногрызами, наподобие того последнего, что прибыл из Китая, не знаю его имени. А Эфиопия?... Я хорошо вижу одну и ту же линию, которая может соединить Рембо, Бернара и меня, и некоторых других *black sheep* [паршивых овец] по всему миру. Рембо «решил» проблему через Харар, а Бернар через мудрость наркотика — возможно, моим решением является Йога, если я смогу её принять, то есть забыть о

---

25 См. том 1, стр. 193, а также *Золотоискатель*, стр...

себе и всех своих тенях.

Итак, старина, храни мои письма, однажды они будут стоять целое состояние, если их не сожрут термиты²⁶.

Обнимаю вас обоих

Б.

P.S. Маник, ты — ангел.

***

Пондичерри, 1 март 57
Клари

Подруга, я ощущаю ваше молчание в некотором роде как неприязнь — тогда обниму вас, дабы отогнать злых духов, и произнесу три раза священный слог «P'ing», два раза повернувшись вокруг себя, что не очень удобно, когда пишешь письмо, поверьте.

Закончив эти обряды искупления, я задаюсь вопросом, а вдруг вы и вправду упорхнули, воспользовавшись моим маленьким рецептом освобождения от аквариума? Или наоборот, стали недоступны, оказавшись посреди *underworld* [преисподней]? В этом случае я наверняка составлял вам компанию на протяжении последних месяцев. Я пребывал в настолько невозможном внутреннем состоянии, что начал писать — и только что закончил свою книгу ночи, совершенно нечитабельную. Сотня страниц, где кричат, бунтуют, говорят Нет и всё остальное. Не могу сказать, что мне стало от этого легче, поскольку на данный момент я нахожусь в состоянии интенсивной пустоты, словно под слишком сильной анестезией. Но через неделю или две станет лучше, и я буду знать, где я нахожусь и сможет ли эта книга что-нибудь изменить в моей жизни.

Осталось напечатать сию «книгу», поскольку мне очень важно, чтобы вы и Франсуа её прочли. Я хочу попытаться выйти из

---

26 Фраза (хранить) была адресована «старине», Бернару д'Онсие, который писал Сатпрему: «Я сохранил твои письма для внуков, в надежде, что однажды они будут стоять целое состояние!» Бернар д'Онсие действительно сохранил письма, надёжно охраняя их от термитов, и после его ухода в 1975 его жена Маник любезно вручила их Сатпрему.

положения, позаимствовав печатный станок, и если смогу, вышлю вам свою дикую писанину авиапочтой. С точки зрения литературы это не стоит и гроша, но теперь я вижу, что не мог описать это иначе — а главное, что не создан для того, чтобы писать. И меня это ничуть не огорчает. Но мне хотелось бы извлечь хороший урок из этой книги; знать, что мои усилия не прошли даром и что вы выскажете мне все свои доводы и выразите все свои реакции, сколь бы безжалостными они ни были. Что эта книга, по крайней мере, чему-то меня научит!

Касательно будущего — всё по нулям. На данный момент я пребываю в состоянии, близком к оцепенению, и очень устал. Где вы, мятежная Подруга, бесстрашная Подруга, готовая пробить стены. Сколько ещё стен? Или действительно пора упорхнуть?

Сердечно обнимаю вас

Б.

***

7 март 57

Клари

Клари, два наших письма, должно быть, пересеклись. Я сожалею, что ваше не потерялось в дороге, ибо, честно говоря, меня «тяготит» отвечать на него. Ваше письмо, оно несправедливо и бессмысленно. Отвечу на ваши «аргументы» — прежде всего, на менее важные:

- «Почему вы боитесь меня, словно я представляю тот пласт вашей жизни, которого вы не желаете?» Я не боюсь *никого*, и я не отрекаюсь ни от одного жеста из моего прошлого, ибо считаю, что настоящее, в котором я живу, было подготовлено моим прошлым, как в лучших, *так и в худших своих проявлениях*. И опиум, и С., и Л., и Банк Индокитая и т. д. и т. п. были в категории вещей, которые помогли мне стать тем, кто я есть сейчас. *Ничто не бесполезно*, ничто не может быть отринуто. Ваш аргумент нелеп. Впрочем, мне больше помогло плохое, чем хорошее.

- «Ваше прощание Дамы с Камелиями». Какая досада для этих бедных цветов жасмина. Они появляются каждый день на моём рабочем столе, и я их уже отправил вам, полагая, что их аромат столь

же ценен, что и потраченные чернила. Ну что же, уверяю вас, больше не будет никакого романтического жасмина — романтического для вас, не для меня.

.....

- «Мы расстались или нет?» Кто-нибудь когда-нибудь говорил вам о «разрыве»? С моей стороны не было романтизма. Вообразите, я написал вам всего четыре дня назад, не подозревая, что мы в разрыве.

- «Вы раните меня своим «прощанием Дамы с Камелиями» в наиболее тяжёлый период моей жизни, не принимая меня в расчёт...» Ещё раз — я с вами не прощался, я просто сказал вам, что собираюсь уехать²⁷. «В таких случаях» уехать — это означает срочно, и я не мог ждать, когда вы войдёте в лучшие моменты своей жизни, чтобы сообщить вам о моём намерении «сделать ноги». Когда идёт речь об отъезде, это не затрагивает Клари, мою мать, Франсуа. Я просто уезжаю, вот и всё. В таких случаях мне, как правило, безразлично всё в мире, никто не идёт в расчёт. (Именно в этом ваш истинный упрёк, стоящий за словами). Это означает, что вы ещё слишком плохо знаете меня, не подозревая, что во мне есть часть, не принадлежащая никому, даже вам. Эта часть меня не нуждается ни в ком — и обычно именно этого люди мне не прощают (Жак пытался убить меня за это). И вообразите, что эта часть меня, столь возмутительная, является *наилучшей*.

- «Если вместо того, чтобы «молоть вздор» о своём прошлом, вы поговорили бы — немного, но с пониманием — о настоящем, у вас не было бы такого отвращения к тому, чтобы писать нам». Я нахожу вашу фразу «молоть вздор» довольно оскорбительной. Но забудем. Однажды вы мне писали, что разговоры о победах, о радости или о свете «не помогают другим». И я ОЧЕНЬ ХОРОШО это понимаю. Так что когда я не могу сказать о себе ничего хорошего, то остаётся плохое — это замечательное прошлое. И я сожалею, что «намолол столько вздора» по этому поводу. Сейчас я в процессе уничтожения этого прошлого. Осталось совсем немного вещей — но я достаточно вас люблю, чтобы поговорить с вами о дожде или хорошей погоде... Возможно, вы не поняли, что если я «молот столько вздора» о

---

27 Сатпрем написал Клари и Франсуа, чтобы сообщить им о своём готовящемся отъезде в Синьцзян (это письмо утеряно).

прошлом, то потому, что был загипнотизирован им, здесь, в моём неподвижном Ашраме. Синьцзян, это гораздо интереснее, чем молчание, это легче. Вот уже несколько месяцев я борюсь против этого Синьцзяна. Но отныне я освобождаю вас от всех этих дебатов, поскольку если бы я в конце концов уехал без объяснений, это не привело бы к появлению вашего письма.

- «Вы должны были проявить хотя бы немного сожаления, что не оказались на высоте: «Я провалился!» — вежливо и в простых словах из уважения к нашей с вами дружбе».

Тут стоит сказать о двух вещах: вначале я удивился тому, что вы рассматриваете отъезд из Ашрама как провал — вы, кто никогда не признавала Ашрам. Но может быть, вы изменили своё мнение? Далее: если мне когда-нибудь придётся покинуть Ашрам, я *никогда* не буду считать это провалом. Нет никакого провала. Здесь или во внешнем мире, моя внутренняя жизнь всегда будет той же, мой поиск будет тем же, мой пыл останется таким же, моя цель будет той же. Это вопрос ресурсов — финала не существует. Для меня финал всегда останется тем же. Так что же вы имели ввиду под «провалился»?

Как будто вся моя жизнь во всех своих формах не была постоянным усилием превзойти, подняться. Вы что же, не знаете, что для меня нет пути назад? И даже если я снова вернусь к странствиям, это не может быть как прежде; моё состояние может обостриться, но это не будет провалом. Либо в конце концов провал для меня будет во всех случаях, если хотите.

- «Вы ничего не поняли в моём состоянии» Но это ваша ошибка, подруга! Вы когда-нибудь написали мне *хоть строчку* о том, что *реально* произошло? Всегда одни неопределённости. Я сожалею.

- «Когда вы нуждаетесь во мне — вы мне пишете... Когда вам ничего не нужно — откладываете меня в долгий ящик...» Если посчитать десятки писем по двадцать страниц, которые я пишу вам на протяжении вот уже четырёх лет, ваш долгий ящик должен быть доверху забит бумагами. Правда?

Вот, я рад, что закончил с вашим письмом, потому что оно доставляло мне боль. Теперь я, вероятно, могу сказать вам о более серьёзных вещах — кандидатах на добавление в ваш долгий ящик.

Правда во всём этом такова, что я, определённо, невозможный друг. Невозможный во всех отношениях. Невозможный, когда нуждаюсь в вас. Невозможный, когда не нуждаюсь ни в ком.

И за всем этим есть, главным образом, невозможность коммуникации с кем бы то ни было. Переживания, полученные мной здесь — это переживания без комментариев; я не мог бы никак их перевести (или, скорее, исказить), кроме как непонятными словами вроде Свет, Видение-Молчание-Покой. И что?? Я мог бы говорить об этих переживаниях и моих *подлинных трудностях* только в том случае, если бы вы следовали тем же путём — тогда мои слова имели бы смысл для вас. Пока же они его не имеют, они вам «не помогают». Поэтому в своих последних письмах вам и Франсуа я написал, что немного молчания было бы полезно, потому что это, возможно, дало бы нам время воссоединиться в конце. Любые наставления в этой области совершенно бесполезны. Как вы хотите, чтобы я говорил вам «немного, но с пониманием» о вещах, которые превосходят интеллектуальное понимание? Вы сами сказали мне однажды, что «это не помогает».

Касательно остального, оно неизбежно вращается вокруг прошлого. И мне всё меньше и меньше хочется молоть вздор по этому поводу. Впрочем, я только что закончил небольшую книгу, которая освобождает меня в этом отношении.

Видите, не получается.

Единственный способ выбраться из этого состоит в том, чтобы *мне поговорить с вами*, вместо того, чтобы позволить вам упрямо отмалчиваться, как вы это делаете уже много лет. Если бы вы рассказали мне о вас, возможно, я мог бы сказать что-нибудь дельное, и это *изменило бы сюжет*. Не так ли? С меня достаточно «я».

Впрочем, та же проблема с Франсуа. За четыре года он не написал мне ни строчки о себе, одни неопределённости, как и вы. И только я один талдычу, как старый филин, на протяжении четырёх лет. В конце концов, это ведь правда, да или нет?

Так поймите же, подруга, что в моём стремлении к молчанию нет «отношения», или даже «эгоизма», или даже «гордости» и «башни из слоновой кости». Просто роли должны измениться. Поймите, что чем дальше я иду, тем более невозможно передать в письме то, что я

увидел. Личный контакт мог бы что-нибудь привнести, но чернила, они на это не способны. Единственное, что я могу сделать для вас и Франсуа, это *свидетельствовать*, что есть нечто, что мы должны отыскать, нечто иное. Но нет смысла объяснять вам это нечто иное; во-первых, потому что оно разное для каждого существа, во-вторых, потому, что мой опыт ни о чём вам не скажет, пока вы сами не начнёте входить в этот новый мир. Это с позитивной стороны. А с негативной стороны, со стороны трудностей — они также иного порядка. Синьцзян — только внешний символ истинных трудностей, которые я не могу вам объяснить.

Так что, подруга, если хотите, давайте перевернём страницу, ладно. Я не смогу передать вам нечто из самого себя, кроме как через ваши собственные трудности и ваши собственные победы. Понимаете?

Кроме того, каким бы невозможным я ни был, я всё же люблю вас своим невозможным способом. Да, с Ашрамом или без Ашрама, но я здесь для того, чтобы повторять вам, что есть нечто, что нужно отыскать, нечто иное, отличающееся от жизни, которой вы живёте. Но ничто не является лёгким. Цель никогда не достижима. Сегодняшняя победа становится грузом, мешающим вам продвинуться на следующий день. Всё должно быть завоёвано каждый день, всё всегда возвращается, и между тем, мы неотвратимо продвигаемся, здесь или в другом месте. Тогда двигайтесь по вашему пути, без того, чтобы вас вынуждал к этому какой-нибудь Ашрам. Если вы искренни, дверь для вас откроется. Это неоспоримо.

Теперь о ваших стихах. Все они безусловно несут печать поэзии. *Золото, Времена, Сожаления*. Но у меня впечатление, что в каждом есть одна-две нескладных строки (к примеру, в конце стихотворения *Бродячая еврейка*, в остальном превосходного; но возможно, что я в этом ничего не понимаю). Я восхищён. Нужно это развивать. Возможно, это и есть ваша дверь к самой себе — в том случае, если вы будете постоянно превосходить себя.

Что касается моей рукописи — это настоящий вздор^{*}. И теперь, когда это написано, у меня всё меньше и меньше смелости печатать

---

* *débloccage* можно перевести и как «глупая болтовня», «вздор» и как «разблокирование», «раскрытие», «освобождение» (прим. пер.)

это. Впрочем, я ещё не нашёл станок. И потом, всё это выводит меня из терпения, в том числе и я сам.

Обнимаю вас, дорогая мятежница

Б.

***

8 марта 57
Бернару д'Онсие

Старина, вот, она закончена, я потратил сорок дней, чтобы сделать это. Абсолютно не то, что я намеревался написать. Я взялся за дело с идеей создать что-то вроде романа. Взял за основу Кайенну, а затем первая же написанная сцена потянула за собой все остальные, и фактически вся совокупность моей книги (сотня страниц) уложилась в одну-единственную ночь в Кайенне. Сущий кошмар — писать подобные вещи. Это мало похоже на то, что обычно пишут, и это нечитабельно. Если бы мне пришлось давать название, я бы назвал это «НЕТ!» Теперь, когда она закончена, я замечаю, что по сути *именно это я и хотел написать*, сколь бы нечитаемым это ни оказалось. И потом, чёрт возьми. Теперь это позади.

Если бы у меня был станок, я, возможно, напечатал бы эти страницы, ибо мне любопытно узнать, какое впечатление это может произвести на других, но я искренне верю, что ты не дочитал бы до конца.

Я пребываю посреди своего рода внутреннего бедствия. Я не вижу ничего, НИЧЕГО.

Аравия... да. Я бы отправился хоть к дьяволу. Но думаю, что даже дьявол не принял бы меня... И к тому же, для отъезда нужны деньги. В Пондичерри делать нечего.

Возможно, что и повсюду делать нечего, а нужно просто ждать, пока всё это не истреплется, не изживёт себя.

Вот и жду. В сущности, я спокоен — пережил свой маленький кризис с книгой, — и теперь ничего, кроме пустоты. Возможно, через какое-то время всё заживёт.

.....

Сердечно вспоминаю вас обоих

Б.

Перечитываю своё письмо и нахожу его слегка тоскливым. Не беспокойся. Пустяки. Это пройдёт — я только хотел сказать тебе, что закончил эту окаянную штуку.

***

9 марта 57
Бернару д'Онсие

Старина, вчера в момент депрессии я написал тебе глупое письмо.

Аравия — это интересно. Я сейчас представляю из себя нечто вроде бесполезного монаха, который с радостью сжёг бы свою старую кожу, чтобы быть полезным. И я достаточно отчаявшийся, чтобы добиться успеха.

Как найти около тысячи рупий, которые мне нужны, чтобы поднять якорь? Помоги мне решить эту проблему.

Я собираюсь напечатать свою рукопись, ибо в конце концов, она, возможно, чего-то стоит. Но мне абсолютно безразлично, каков будет результат, поскольку не имею намерения делать карьеру писателя. Чего я хочу, так это *пережить*, именем Бога!

Б.

P.S. Пишу в Париж, чтобы они выслали мне авиапочтой арабско-французские требования.

***

Пондичерри, 1 апреля [1957]
Клари

Подруга, вот уже несколько недель, как я собираюсь вам написать, но всё откладываю — просто потому, что переживаю

«углублённый» и несколько трудный период. Но так как он может затянуться, я всё же поймаю перо, дабы обнять вас и отправить стебелёк жасмина. Без сердечных излияний — поскольку сердце моё сухое, как деревяшка. Я по-прежнему остаюсь любящим в своих намерениях, это скудно, но большего я не могу предложить, Мадам.

.....

Давайте я объясню, почему вы так живо ощущаете ваши «разногласия» с Матерью по поводу политического подхода Жилле²⁸... Я не очень хорошо помню политические обстоятельства того времени, а также причины непонимания между Жилле и Матерью??... Я могу попытаться представить это: если в то время Мать вмешалась в политику, то лишь потому, что у Шри Ауробиндо был очень чёткий проект: сделать из Пондичерри что-то вроде города в стороне от мира, который был бы наполовину французским, наполовину индийским, использующим особый вид автономии под дипломатическим контролем Франции и Индии (это политический аспект вопроса, аспект внешний). Итак, для примирения с индийцами нельзя было, чтобы Пондичерри стал убежищем коммунистов. А Жилле, я полагаю, поддерживал лидера местной коммунистической партии. Возможно, *на своём плане* Жилле был прав. Без сомнений, кто-то вроде него должен был играть эту часть игры. Но на более высоком плане политика сочувствия коммунистам была помехой, поскольку настраивала против нас индийцев, а возможно даже и французов. Наконец, это значило соглашаться с мелкой локальной политикой, теряя при этом огромную пользу от более широкой политики, преследующей более далёкие и масштабные цели. Я думаю, что именно так мы должны видеть вещи, немного сверху... И вы, позволяя загипнотизировать себя этим, когда речь идёт о Матери, тоже, полагаю, смотрите на вещи более узко. Мать является совершенно экстраординарным существом — могу сказать объективно — и работа, совершаемая ею на Земле, имеет пропорции, которые никто даже помыслить не может, поскольку эта работа является оккультной. Сводя все ваши отношения с Матерью к этой старой истории, вы лишаете себя многих вещей, которыми она могла

---

28 Предыдущий муж Клари, когда она была в Пондичерри в 1946-48 годах. Жилле возглавлял «Службу Экономических Дел».

бы поделиться с вами. Ибо эти вещи *могут прийти* от неё, если мы захотим их, если мы внутренне обращены к ней... Но к чему вдаваться в эти детали, которых в данный момент вы, скорее всего, не оцените. Всё дело в том, чтобы *вы не преграждали себе путь* этой старой историей... Впрочем, Барон сам в конце концов предал проект Шри Ауробиндо, когда встретил свою нынешнюю жену — в тот же день французская Индия и вся эта схватка перешли на второй план, и его больше ничего не интересовало, кроме истории его любви. (Барон получил определённые *силы*, очень конкретные, помогающие ему идти против ветров и приливов, потому что оккультная сила Шри Ауробиндо была там, позади него — но он саботировал эти силы, чтобы заниматься своими личными делами, с тех пор он и затонул — как и сам проект). Не знаю, удовлетворяют ли вас мои объяснения, но предполагаю, что они довольно близки к правде.

Несмотря на это, я в действительности ничего не могу сказать вам о Матери. Эта личность абсолютно непостижимая. Есть вещи, которые я начинаю понимать по прошествии трёх лет пребывания здесь, потому что день за днём наблюдал, видел, чувствовал целый ворох маленьких совпадений... Это вещи, которые настолько превосходят нас, подруга. И даже если бы я мог объяснить вам — а я могу, — я не стал бы этого делать, поскольку это ничего бы вам не дало, пока *вы сами* не переживёте опыт и не получите доказательства. Я могу лишь сказать, что здесь существует нечто интересное, и ему не могут помешать все эти истории из прошлого.

Жак — отравленное существо. Не думаю, что вы поможете в этом деле, познакомившись с ним, поскольку он останется зафиксированным на своей идее и сразу же увидит в вас врага. Всё, что встаёт между ним и Франсуа, он считает вражеским. Я знаю Жака — его истории с самоубийством или убийством — он продемонстрировал их мне перед тем, как продемонстрировать Франсуа; но я отреагировал более резко, чем Франсуа. Сейчас я начинаю понимать то, что происходит «на заднем плане», в случае Жака ситуация такова: когда у существа есть призвание к духовной жизни, оно обычно обладает способностью спускаться более глубоко во внутренние части, чем другие существа. И чем глубже спускаешься, тем БОЛЕЕ ЧИСТЫМ нужно быть — в самом широком

смысле этого слова, — чистым от любых форм амбиций, обладания... Потому что нисходя внутрь мы начинаем понемногу вступать в контакт с оккультными силами — и, если упростить до крайности, эти оккультные силы либо чёрные, либо белые. Эти силы используют нас в своей работе — либо для света, либо для разрушения. Жак полностью находится под влиянием сил разрушения, он отравлен и отравляет всё, к чему прикасается. Он нечто вроде йога, предавшего своё предназначение — и в нём нет ничего из того, что имело бы *видимость* мистического страдания, видимость распятия — фактически, это существа-ХИЩНИКИ. И тем более соблазнительно, что изначально это были действительно великие души. Но всё, что было в них «великого», встало на службу зла, извратилось: светоносность превратилась в магнетизм, самопожертвование стало обладанием, радость, восторг и т. д. и т. п. Ложь — характерная черта таких существ, потребность доминировать, разрушать... Всё это схематично, но абсолютно верно. Я знаю Жака. И я это *вижу* очень ясно с тех пор, как я здесь. Мать вмешалась, чтобы защитить Франсуа (ему бесполезно что-либо говорить) — и возможно, это одна из причин, по которой у него произошёл этот всплеск и он сбежал из дома. Но Франсуа с тем же успехом может разрушить и этот шанс, вернуться и оказаться в сетях Жака — невозможно защитить кого-либо, если он сам хочет погибнуть: нужен хотя бы какой-то минимум доброй воли и восприимчивости со стороны другого. Но если Франсуа позволит всему этому продолжаться, это может закончиться убийством — Жак *убьёт* его, это точно. Он *одержим*, и его судьба — быть уничтоженным. Так что это серьёзно. Не думаю, что можно надеяться на чудо в отношении Жака; для этого нужно, чтобы он принял защиту существа более сильного, чем те, что владеют им в настоящее время. Всё, на что можно надеяться — что он сойдёт с ума раньше, чем успеет принести вред.

Подруга, спасибо вам ещё и ещё раз за поддержку, оказанную Франсуа и моей матери. Я очень рад, что вы с ней познакомились. От Франсуа всё также нет новостей — но это норма.

Вы задаёте мне вопросы о Йоге («Почему мы не можем рассказывать о своих опытах без того, чтобы их разрушить?») Сегодня у меня не лежит душа отвечать на них. Может быть, в другой

раз.

В данный момент я отбиваюсь от Йоги, от Матери и от всех. Следовательно, мне нечего рассказать о себе.

Обнимаю вас, и хочу сказать, что весьма тронут участием, которое вы проявили к Франсуа.

Б.

P.S. Моя книга заставляет меня попотеть. Вам нет смысла портить глаза, набирая её. Тем не менее, спасибо. Если я передумаю, то напечатаю её и вышлю вам.

Простите за это ужасно сухое письмо, но я в отвратительном состоянии. И прежде всего я ненавижу себя. Всё же я написал вам, поскольку моё молчание в итоге могло бы показаться недружелюбным. Однако, я всё также люблю вас. И вы не единственная, кто культивирует колючие тернии в своём саду!

***

10 апреля 57
Бернару д'Онсие

Старина,

Думаю, два наших последних письма должна были разойтись. Ты меня плохо понял: мне *никогда* не приходило на ум брать у тебя займы что бы то ни было, ибо я хорошо знаю твою ситуацию — а также я хорошо знаю, что если бы у тебя были деньги, ты бы сам предложил мне помощь.

Остаётся вопрос найти мне резервную работу, неважно какую.

Касательно Аравии, у меня достаточно воображения, чтобы найти чем заняться, когда я туда приеду. Вся проблема в том, чтобы туда добраться и иметь на что жить несколько недель. Я заканчиваю печатать мою книженцию — потому что хочу, чтобы мой брат это прочёл, но не верю в её издание, поскольку в ней я никого не щажу, и атмосфера её слишком *непригодна* для «нормальных» людей.

Anyway*, я чертовски рад, что теперь это позади.

Мне нужно уезжать, Бернар. Нужно. Это срочно. Ты не можешь представить. У меня нет слов, чтобы рассказать об этом, да и ты, возможно, не понял бы.

Они скажут, что я окончательно отравлю тебя, или себя. Но если это тебя тяготит или если ты никак не можешь помочь мне выбраться отсюда, то это не имеет значения. Я выберусь так или иначе, ибо я *на самом краю*. Всё, что нужно, чтобы ты искренне сказал мне, видишь ли ты какое-либо средство или нет. Эти детали никак не влияют на мою к тебе привязанность — и я прекрасно понимаю, что могу быть невыносим. Возможно, я сделал плохой выбор. Мне нужно было погрязнуть в каком-нибудь наркотике, по крайней мере, я обрёл бы покой, который тебе хорошо известен.

Tibi
Б.

***

Пондичерри, 19 апреля 57
Бернару д'Онсие

Бернар, возможно, для тебя это письмо — не велика беда, но мне оно причиняет боль, и оно вышло таким скверным. Наверное, я должен был промолчать, но оно, возможно, подвигнет меня на ответ, ибо если бы я промолчал, ты бы свалил это на мою гордость, поскольку от тебя, без сомнения, ускользает тот факт, что мне может быть больно. Впрочем, всё, что я скажу тебе, будет понято навыворот. По крайней мере, попробую в последний раз выразить тебе свой протест, как я делал множество раз в отношении других людей. Но другие не были «друзьями». Маник прислала мне книгу, которую ты должен был прочесть: *Время Убийц* — есть много способов убивать; твоё письмо, определённо, один из них. Оно меня ранит, ранит тем, что снова запирает в не-понимании, беспричинной озлобленности, *которая-желает-вам-добра*, отрицании величайших ценностей в

---

* Anyway — во всяком случае (англ. прим. пер.)

моей жизни. Бесспорно, последняя фраза тебя рассмешит, но отмечу всё же, что я не имел ввиду величайшей «ценности» моей жизни. Вопреки мне и моему эго, моя жизнь пытается защищать определённые ценности, и именно это ты во мне отрицаешь и смешиваешь с грязью. Письмо твоё — шедевр убийства, Бернар, оно подло, бессмысленно! Оно причиняет боль, потому что я в одиночестве и потому что оно пришлось на последние дни ужасного трёхмесячного периода, во время которого я написал эту книгу, эту проклятую книгу, переживая все свои кошмары, все мятежи, всё своё одиночество и всю свою невозможную жизнь. Может быть, ты и говоришь, что понимаешь Рембо, но я — его брат, его неумеха-брат по образу своей жизни, и если я задыхаюсь, если ощущаю насущную неотложность отъезда, если я по-детски взываю к этой Аравии, это значит, что всё во мне полностью опустошено, что я задыхаюсь. Возможно, Рембо тоже уехал потому, что всё в нём было полностью опустошено, всё в нём задыхалось — а также, возможно, потому, что нашёлся какой-нибудь друг, высмеивающий его и интерпретирующий его «неотложность» лишь отсутствием сигарет. И это в порядке вещей.

Конечно, всё сказанное мной будет восприниматься в штыки, и теперь ты начнёшь высмеивать малыша Рембо, малыша Ван Гога и я не знаю каких ещё «малышей». И думать, что я всего лишь играю очередную роль, всего лишь театрализирую. Я думал промолчать. Но это молчание будет воспринято как гордыня. Ты видишь, безвыходная ситуация. Но какое это имеет значение. Я скажу тебе всё это в последний раз, поскольку это поможет мне отбиться от того ужасного маразма, которым меня наделяет твоё письмо.

Я не считаю себя жертвой. Жертвы меня ужасают. И я уже перерос мятежи против других. Это закончилось ещё в Гвиане. Нет. Я уже не там. С тех пор многие вещи во мне сбросили покровы. И моя нынешняя пьеса стала более обнажённой. Поэтому именно *сейчас* не было никакой нужды в таком одиозном письме. Которое принесло лишь боль. И ты полагаешь, что озвучиваешь в нём простые истины — но это истины, представляющие тебя, а не меня. Это ложное письмо, Бернар. И оно ранит просто потому, что я верил в тебя, и потому, что ощущал детскую потребность в участии со стороны хоть

кого-то в Индии. Но это и хорошо; вещи пришли к точке разрыва; нужно, чтобы они пришли к этой точке, поскольку больше так продолжаться не может.

Нет-нет, Бернар, никакого суицида. Я никогда не говорил о суициде. Я проживу эту невозможную вещь до конца, до тех пор, пока не сверкнёт эта молния озарения, в которое я верю всеми своими силами, вопреки твоим сарказмам и вопреки моим собственным слабостям. Ох уж этот «шантаж суицидом», пишешь ты в своём письме. Ты кошмарен, Бернар. Ты злобен. Конечно, ты не поверишь, если я скажу, что ни на секунду не рассчитывал на твою финансовую поддержку. «Ты ходишь вокруг до около». Просто отвратительно, Бернар. Я надеялся на помощь в поиске работы, вот и всё. Я знаю, что у тебя больше нет денег. Но я не знал, что ты потерял все контакты с Дели. О, как я жалею, что столь ребячески поделился своими невзгодами. Обычно я скрываю такие вещи. Но теперь подобных небрежностей не будет. И это действительно последнее письмо, в котором я упомяну о своих затруднениях, о жизненных проблемах. (...) И мне не нужны деньги на сигареты, потому что Мать даёт мне пятнадцать рупий в месяц на расходы, связанные с курением.

Твоё письмо ранит тем, что ты пишешь о моей книге и моём отношении к этой книге. Значит, я написал эту вещицу, «будучи полностью уверенным, что это маленький шедевр», но «моя непревзойдённая гордость заставляет меня опасаться провала у издателей». И я «заранее оправдываю» себя, говоря в своём письме, что это не публикуемо. Какая ужасная низость. Неслыханно. Из какой же мелочности соткан этот мир. Оправдывать себя — идиотизм, но я упрямо, как муравей, продолжаю это делать, поскольку это часть моей борьбы против убийц. Должно быть, в твоей голове я выгляжу ужасным маленьким персонажем.

Я писал; и я писал потому, что не мог действовать иначе, потому что я задыхался, я был в одиночестве, безнадежно и понапрасну борясь за то, чтобы открыть двери, которые никак не открываются. Я писал в состоянии молитвы, в состоянии бедствия, я писал со всей надеждой и отчаянием, с яростью, я совершал это, как совершают заклинание, чтобы вызвать чудо. Я писал в состоянии одержимости, как росток под раздавливающим его камнем. Я писал, потому что это

не могло быть по-другому. И как я могу любить эту книгу, с которой сражался, как бешеный. Я ненавижу эту книгу, я отбросил её от себя, как мёртвое тело. И я ненавижу её в тысячу раз больше, чем запертые двери. Мне смешны — о, так смешны! — издатели или читатели. И мне наплевать на её ценность или не-ценность. Неужели ты не понимаешь? Что произойдёт с этой книгой, не имеет никакой важности, важность лишь *в самом* этом заклинании, только в нём одном, и всё это теперь как использованная мёртвая ракета, которая меня уже не интересует. В своей душевной простоте — ещё одно слово для твоего сарказма — я её напечатал (осталось несколько страниц, я их никак не закончу) для моего брата, потому что в ней за всем отчаянием кроется упрямая надежда, а моему брату нужна эта надежда. И потому что я отчаянно продолжаю верить. Издатели! Бог мой! Но что мне это даст, Бернар! Когда наполовину мёртв, заперт в своей коже, которая никак не хочет лопаться, что могут дать все эти обещания национальных или литературных похорон. Они могут обожать эту книгу или закинуть её на дальнюю полку, для меня это ничего не меняет, ибо я не жду ответа от внешнего мира, снаружи. Я жду чуда изнутри, которое никак не хочет показаться.

Мне стоило бы промолчать и продолжать писать, не говоря ни слова. В молчании. Но теперь я действительно собираюсь умолкнуть, потому что этой книгой я покончил со всеми словами и навсегда излечился от того, чтобы говорить. А это письмо — финальная точка. Теперь всё будет происходить в молчании. Мне нужны все мои силы, чтобы бороться против внутреннего врага. Я больше не должен расходовать их на то, чтобы защищаться, причём главным образом от «друзей» из внешнего мира. Теперь это касается только нас двоих. И ты можешь смеяться, можешь выразить весь свой сарказм, если угодно, мне всё равно, мне всё равно. Всё вокруг меня может рухнуть, мне нечего терять. Теперь я перехожу к делу.

Эта книга не может иметь ценности, потому что я понял, когда писал, что нужно обладать даром мастерства, чтобы уметь сказать; даже чем-то мучительно острым и вибрирующим внутри. Я не владею мастерством. Литературщину создают не приятные (или неприятные) эмоции, но сама литературщина. Пустословие возникает не из-за добрых (или злых) эмоций, а из-за самого пустословия. Лишь

поэт избегает этой ужасной словесности. Написанная мной книга имела бы ценность, если бы была написана поэтом. А я не поэт. Как Рембо, но без его гения. Но ты не поверишь мне, если я скажу, что меня больше интересует развивающееся видение, чем литература. Я написал её, чтобы открыть глаза, но я остаюсь слепым. И мне нет дела до самой книги.

Теперь, когда подходит к концу весь этот шум, эта книга, это письмо, у меня будет возможность перейти к фактам. И об этом я говорить не буду. Выпутаюсь без твоей помощи. Я был слишком занят этой книгой. Теперь я займусь жизнью, и молча обещаю тебе это. Больше от меня не будет новостей. Бесполезно посылать мне комментарии и говорить, что ты там себе думаешь, плохое это или хорошее. Мне нет до этого дела. Ты дал хороший урок молчания, и отвращения.

Я храню память о прежней дружбе между нами и не питаю к тебе недоброжелательности, только отвращение. Возможно, ты желал мне добра, бесспорно, ты был искренен, когда писал это письмо; но такая искренность — мелочное, ужасное построение. Ты превысил меру, в особенности, меру дружбы.

Прощай, Бернар, и без обид
Б.

P.S. Если я и раздосадован, то не тобой, но моей собственной глупостью. Ты бы знал, как я рад закончить весь этот шум, связанный с тобой. Сожалею лишь, что приходится прощаться с Маник, к ней я питаю одни лишь тёплые чувства.

***

3 мая 57
Клари

Дорогая подруга, всего пару строк, чтобы сказать вам, что я вас люблю, и вложить улыбку в конверт.

Я начинаю выныривать из ужасного кошмара. И заканчиваю переписывать конец своей книги. Вышлю её вам в конце месяца.

С вами всё хорошо? Я не могу сказать вам ничего сверх этого, но

моя нежность с вами.

Мать дала мне новое имя: САТ-ПРЕМ, что означает «Истинно-Любящий».

Всегда
сердечно с вами
Сатпрем

P.S. От Франсуа никаких новостей. Всеми своими силами хочу надеяться, что он выберется оттуда, но эта отдалённость меня огорчает.

***

6 мая 57
Маник и Бернару д'Онсие

Дорогая Маник, дорогой Бернар,

Я медлил с ответом на ваши письма, поскольку был почти не в состоянии это сделать. Полагаю, письмо Бернара содержало благие намерения, беда в том, что оно необоснованно, и что оно мне не помогло. Мне было нужно нечто иное.

Непонятно каким чудом, но я выбираюсь из этого ужасного кошмара. Я действительно думал, что никогда не смогу пройти через это.

Сейчас переписываю конец своей книги, чтобы сделать из неё что-то другое.

Мать дала мне новое имя: САТ-ПРЕМ, что означает «Истинно-Любящий».

Всё хорошо, и я вас обнимаю с надеждой, что Сатпрем будет не столь ужасен, как Бернар.

Сатпрем

***

12 мая 57
Клари

Подруга, милая Подруга, я так часто приходил постучать в ваше окно среди ночи и зла — но сегодня у меня маленький праздник в сердце и нечто вроде любви, лёгкой и светлой, и улыбка, адресуемая всем. Каким несносным другом я был для вас в течение двух последних лет! Но теперь я буду хорошим, обещаю, и мы будем счастливы. Поэтому, здравствуйте, подруга, я обнимаю вас, вы мне очень дороги. Хотелось бы взять вас за руку и сказать вам... я не знаю... что жизнь может быть очень ласковой и светлой, что сердце может любить и быть любимым, что все мы в сущности своей — лучезарные дети... Ах, подруга, я хотел бы провести ладонью по вашему лбу и прогнать все облака — столько улыбок и маленьких поющих радостей скрываются за этими фальшивыми облаками. Подруга, наш путь имеет смысл, и всем нам обещано чудо сияющего детства — чудо без шума, очень спокойное, как маленький источник, но которое всё меняет. Итак, нужно верить.

Эта дата — 11-12 мая — рубеж для меня. Я поставил финальную точку в моей книге, и обнаружил себя... Это странно, в тот самый день, когда я начал книгу, у меня был своего рода «сон»: я плыл на большом белом паруснике, светящемся, изящном и мощном, как старинный бриг... такой красивый корабль, если бы вы видели! И этот парусник скользил в безбрежные морские просторы. Ещё был голос, невероятно мелодичный, который управлял этим кораблём, предупреждал о подводных камнях и пел песнь дороги. Я сидел на самой корме и держал канат, канат, уходящий в морские глубины, и я тянул и тянул этот канат словно бы для того, чтобы вытянуть нечто на поверхность... И в конце моей книги как будто освобождённое детство улыбнулось мне издалека и подмигнуло.

Что же, я пересёк свою долгую и полную криков ночь, из которой, казалось, не выйти — но мы всё же вышли. Эта книга была актом экзорцизма, заклинанием. Она мне очень помогла, она меня освободила... Вы видите, я начал с того, что дал ей название: «НЕТ!» — которое хорошо отражает то, что имелось в виду! Затем дал другое название: «Человек из ниоткуда^{*}». Затем во мне стали всплывать

---

* «Un homme de nulle part» (прим. пер.)

разные вещи, и я изменил конец. Теперь книга называется *Золотоискатель*. Это действительно история золотоискателя, загнанного в Гвиану, но это слово также символизирует внутреннее золото, скрытое под нашей тьмой.

Мне не терпится, чтобы вы прочли её — а иначе для кого, если не для вас и Франсуа, это написано. У меня нет привязанности к книге, погрузившей меня во все эти старые кошмары. Единственное, что я хотел бы услышать от вас — смогла ли эта книга ПОМОЧЬ вам или нет. Это единственное, что меня действительно интересует. Конечно, я не знаю, какова её литературная ценность, ибо хотел в корне пресечь любую «литературщину». Так что вы мне в придачу скажете, читабельна ли она.

Странная вещь, именно сегодня утром я вручил свою рукопись Матери. Она держала её в руках, а затем наугад «пронзила» взглядом четыре или пять страниц, чтобы её «почувствовать», ощутить то, что «позади». И сказала мне, что будет любить мою книгу! Сразу же она предложила напечатать её здесь, выдав аванс из фондов издательства. Её идея в том, чтобы найти французского издателя, который мог бы сразу её напечатать — за исключением обложки, которую издатель сделал бы сам с названием своего издательства... Я возразил Матери, что эта книга содержит много «темноты» и «мятежа» — она ответила, что мятеж никак ей не мешает! что это открытая дверь... Короче, я весьма удивлён. Но идея издания этой книги, я не пойму, что меня беспокоит — опубликовать её... я ощущаю это как *бесстыдство*, непристойность. Возможно, это недостаток храбрости, но даже если книга имеет ценность, в глубине души я не желаю, чтобы её опубликовали. Воистину, требуется, чтобы вы сказали своё мнение.

В любом случае, Мать не «прочитала» её, поэтому книга нуждается в суровой критике. Я ожидаю не ваших симпатий, подруга, но критических суждений. В конечном счёте, именно ваше мнение для меня важно — почти также, как мнение Матери (которая охватывает другой план вещей). Мать передала мою рукопись двум людям из Ашрама, они должны её прочесть. Надеюсь, что на неделе смогу выслать вам её самолётом.

Моя идея в том, чтобы вы её прочли и в случае одобрения дали бы её Франсуа. Ни за какую плату я не хочу, чтобы эта книга могла

кого-то «тянуть вниз» — и я не знаю, почему, но суждение Матери меня не очень-то успокаивает, ведь там, внутри, было столько отчаянного мятежа. В итоге я использую вас в роли подопытной морской свинки! Вы прекрасны под любым соусом, подруга!

Но всё это детали. Главное то, о чём я обмолвился в начале. Я снова стал лёгким-лёгким, и я люблю. Я начинаю чувствовать, о чём говорит это имя: Сатпрем — Истинно-Любящий. Как бы я хотел немного поделиться с вами этим, дорогая Подруга, и успокоить вас, и убедить, что наша жизнь растёт, возносится, и что она может быть полной радости и любви, что она может быть открытой.

Вот так, на протяжении двух лет я был очень плохим и не сделал вам ничего доброго, но всё наладится. Я возьму вас за руку и поведу к радости, если смогу... Наши дороги рядом, Подруга, какими бы ни были их внешние отличия; и мы из одной семьи, мы одной крови, дети одной улыбки, сияющей в глубинах.

Обнимаю вас со всей нежностью

Сатпрем

P.S. Вкупе со всем, я ещё не сказал вам о *Гиадах*, поскольку у меня есть много чего сказать по этому поводу — и я ещё не знаю, как это выразить. Мне понравился новый тон и некоторые *очень красивые* стихи, но... В конце концов, пора бы и сказать.

Итак, *Гиады*. Абсурдно говорить о «критике», когда вы вложили в них столь красивое стремление и лучшее, что есть в вас. Кроме того, я не знаток, чтобы критиковать, имея весьма скудное понимание поэтической игры. (...)

Я хотел бы попытаться сказать вам нечто очень общее, что вы, наверняка, знаете. Я обнаружил это, когда писал свою книгу; дело в том, что любая фраза, образ, глагол, сколь бы красив он ни был, сколько бы счастья в нём ни было, ничтожен и не имеет никакого эффекта, если за ним не пребывает истинное сознание. Сколько раз в этой чёртовой книге я вычёркивал «вдруг найденные», «хорошо написанные» пассажи, «поразительные» образы, потому что при перечитывании обнаруживал, что это не было написано моей кровью, моей душой — это была не более, чем литература, нечто, что *не проникало внутрь*. Мы «проникаем внутрь» только по мере того, как

выражаем наиболее абсолютно нить нашего сознания, описываем наиболее неотразимую правду нашего сознания, внутреннее пламя. (Бесполезно говорить вам, что в моей собственной книге ещё остаётся множество литературщины, хотя я и пытался вычёркивать, вычёркивать). Видите ли, тут есть оккультная правда вещей, которую я попытаюсь перевести в образ: позади каждого написанного вами слова, каждой фразы есть что-то вроде маленького невидимого облака — это маленькое невидимое облако и есть сознание, с которым вы писали. Есть облака серые и облака светящиеся, низкие облака и очень высокие области. И тот, кто читает вас, в гораздо большей степени *улавливает именно это облако*, чем слова, служащие каналом для оккультной «формации». Таким образом, фразы могут быть очень простыми, слова весьма ординарными, но нести с собой неотразимую силу, потому что позади присутствует этот свет сознания. И если слова не являются абсолютным наполнителем* для этого, они *не входят...* Здесь, в Ашраме, одна знакомая мне сказала: «Когда я говорю со своей кошкой не думая, она меня не понимает. Но если я говорю ей с истинным сознанием, она тут же всё понимает». И никакие ухищрения, никакой талант выразительности не может заменить это. В этом вся трудность писательства, она именно в том, чтобы дать форму, не теряя нить сознания. И если форма превалирует над сознанием, не остаётся больше ничего... Таким образом, некоторые очень простые фразы Рембо из *Одного лета в Аду* могут буквально *преследовать* вас. Думаю, когда Мать держала мою рукопись в руках, именно эту оккультную «формацию» она ощущала, это «маленькое облако позади». И поймите, что это «маленькое облако» имеет очень конкретную, очень упрямую жизнь... Несмотря на это, чтобы написать хорошую книгу или хорошее стихотворение, всё же недостаточно внести очень мощное сознание, нужно *ко всему прочему* иметь и достаточно гибкий и тренированный инструмент.

Так вот, подруга, когда вы писали *Будапешт*, там внутри были сила, пламя, буквально опалившее мне лицо. Хотя стихотворение это было совсем простым. В *Гиадах* немного не хватает этого, несмотря на вспышки, которые там присутствуют — по крайней мере, так я

---

* «véhicule» (прим. пер.)

ощутил, как будто ваше стремление, ваш порыв застыл в слове. Я хорошо чувствовал это нечто, эти вспышки, но цемент, соединяющий их, обрезал глубинную нить...

Вот. И я рассчитываю, Подруга, что прочтя мою вещицу, вы скажете мне обо всех пассажирах, где есть недостаток сознания, где оно задушено формой.

В сущности, мы должны писать только в состоянии молитвы, или очень чистой радости, или в интенсивном состоянии глубокой правды — в любом случае, на пике самого себя, и дьявольски трудно сохранять себя «на пике» и вводить его в тигель слов, не теряя состояния.

Всё, что я вам сказал, в сущности, довольно банально, но это настолько верно. Это пришло ко мне по поводу *Гиад*, но относится не только к *Гиадам*, это шире; поскольку в вашем стихотворении есть истинное и высокое сознание: возможно, нужно просто лучше объединить вместе эти красивые вспышки. Простите за долгую болтовню.

С.

***

Четверг, 23 мая [1957]
Бернару д'Онсие

Старина, твоё письмо несколько взволновало меня, и я был тронут тем, что моя книга тебе понравилась — но ты, возможно, слегка преувеличиваешь. Не знаю, возможно, это потому, что я погрузился внутрь неё настолько глубоко, но мне казалось, что она должна быть довольно тяжёлой* для других, трудночитаемой. Ты знаешь, я выстрадал её изнутри, и там нет ни слова, которое не было бы написано моей кровью — мне совершенно необходимо было её написать.

Да, для других это останется всего лишь написанными словами, но для меня — ужасными внутренними переживаниями. Но в конце

---

* irrespirable — непригодной для дыхания, тяжёлой (прим. пер.)

концов, нет смысла заново об этом говорить, это сделано и закончено. Ты прав, она меня освободила, и в то же время связала с наилучшей частью меня самого, которая чувствует столько боли от сопротивления всех остальных частей, из которых я создан и которые тянут меня то в Йемен, то к наркотику, то к морю, то, я не знаю, в какой-то непроглядно-чёрный «омут». Если в моих письмах мне и было трудно быть понятым тобой на протяжении вот уже десяти лет, то это потому, что письмо выражает одно-единственное состояние сознания, а мы состоим из множества состояний сознания. В этой книге я, как мог, состыковал все свои части, они столкнулись и затащили меня в самую глубину ночи, туда, где воистину должно было что-то возникнуть... И это едва не закончилось Йеменом.

Ты говоришь, что моя стезя — писать. Мой путь — это прежде всего жить, а писательство может быть для меня только лишь выражением этого, оно никогда не будет приятным хобби или основным занятием. Мне нужно было оказаться перед стеной, чтобы броситься в этого *Золотоискателя*, и если будет другая книга, то возникнет она под влиянием всё той же необходимости — будем надеяться, что она окажется более светлой, ибо с меня достаточно, я устал и потихоньку восстанавливаюсь от этих нескольких последних месяцев, как и десяти последних лет. Я, наконец, вижу чуть более ясно, я воспринимаю вещи, где-то в глубинах меня есть упрямая вера. Я ВЕРЮ.

Опубликовать... Есть вероятность, что это навлечёт на меня скорее неприятности, чем что-то другое, но если она сможет «пробудить» людей, как ты говоришь — и это меня весьма тронуло, — тогда это стоит, тысячу раз стоит того. Это воистину удовлетворило бы меня — знать, что на этот раз я «для чего-то пригодился»! (...)

Как ты говоришь, эта книга освобождает «чистое место для нового» — и как раз к этому новому я теперь стремлюсь. Эта книга — прошлое.

Бернар, я действительно тронут твоей реакцией. Забавно, я думал, что никогда не смогу быть понятым, а затем твоё письмо, такое приветливое, такое понимающее. Оно принесло мне пользу — о, не в плане «успеха» или «самолюбия», просто теперь знаешь, что в

состоянии *высказать* нечто и, возможно, коснуться чего-то, хотя бы частично разбить эту стену, окружающую нас со всех сторон. Ты действительно как брат для меня, несмотря на мой невозможный характер. Но теперь я стану лучше, по крайней мере, надеюсь на это.

.....

Теперь о другом, не хочешь ли ты добавить эпитафию к моей рукописи, мне бы хотелось, чтобы это была цитата из Матери, которая *должна* фигурировать в книге. Не хочешь ли ты добавить или вклеить в рукопись пустую страницу сразу же после посвящения Шри Ауробиндо и написать или напечатать на ней несколько строк:

«Никогда ничего не домогайся, в особенности никогда ни на что не претендуй, но в каждый момент будь максимумом того, чем можешь быть».

Мать

Это как раз для того, чтобы подчеркнуть, что этой книгой я ни на что не претендую. И потом, эта цитата идеально согласуется с книгой. Спасибо.

Вот так, по-братски обнимаю тебя, я весьма тронут, что ты меня понял.

С вами обоими
Б.

***

24 мая 57
Клари

Подруга, не знаю, почему, но я ощущаю угрызения совести с тех пор, как написал вам про *Гиады* — у меня такое чувство, что я говорил совсем не то, что требовалось, чтобы вам помочь. Мои чувства весьма спорны. В сущности, важным, наиболее важным, является то, что у этого стихотворения был другой тон, что его источник пытался подняться выше — и это очень хорошо. Когда мы начинаем исследовать новые регионы сознания, вначале всегда

трудно прокладывать дорогу, мы задерживаемся на пути, отвлекаемся, но чем больше упорствуем, тем крепче становится связь, тем более чистой становится передача, тем быстрее мы касаемся истинного источника. Важно настаивать, «тянуть» или «толкать» до тех пор, пока это не придёт. И поэтому ранее я вам говорил, что ваша поэзия может стать реальной Йогой. Она *должна* открыть вам новые регионы сознания, она должна поднимать вас ко всё более и более высоким источникам. По сути, наилучший критерий — что-то вроде внутренней чистоты, которая позволяет вам точно угадывать то, что низко, или поверхностно, или бесполезно, излишне. Я абсолютно уверен — и это никак не связано с нашей дружбой — что вы поэт и что вы найдёте свою истинную экспрессию — и внутреннюю, и внешнюю. Я уверен в вас. И лучшим критерием всего этого служит то, что вы не позволяете себе легко удовлетворяться, вы та, кто всегда стремится к большей чистоте, большей чёткости, без снисхождения. Именно это ваше качество является пробным камнем и однажды приведёт к успеху — успеху в самом глубоком смысле этого слова. И кстати, в тот день, когда вы внутренне прикоснётесь к вашей истинной сущности, когда вы установите окончательную связь с «этим», ваша внешняя, поэтическая выразительность тотчас же полностью озарится, это неизбежно. Следовательно, ваша поэзия — Йога. И *Гиады* следуют в нужном направлении. В сущности, именно это нужно было вам сказать. (...)

Смелее, подруга, вы на правильном пути. Я верю в вас, верю в вашу поэзию и верю, что вы поведёте друг друга к лучшему. Мне остаётся извиниться за неуместные речи в прошлом письме.

Вы читали том Шри Ауробиндо, посвящённый *The Future Poetry?* [Поэзии Будущего] Это очень важно. Вы могли бы найти там множество указаний. Если у вас его нет, скажите, я тотчас вышлю его морем заказной бандеролью.

Сердечно обнимаю вас

Б.

P.S. Вспоминаю о том, что сказал вам: «Мы должны писать только в состоянии молитвы или интенсивном состоянии глубокой правды», и т. д. Это глупо. Пишите в любом случае, и это поможет

родиться внутри вас состоянию молитвы или правды, если вы ещё не в нём. И главное, *слушайте только саму себя*, а не ваших друзей.

***

2 июня 57

Маник и Бернару д'Онсие

Маник, благодарю за письмо, я рад, что тебе понравилась моя писанина, однако, эта книга, должно быть, не очень привлекательна для индийской чувствительности — индийцы инстинктивно держатся выше любых «драм», которыми так наслаждаются уроженцы Запада.

Бернар, хочу тебя разочаровать. Писать книгу о лагерях — это уже *«out of date»* [несвоевременно, в прошлом]. Если бы я написал что-нибудь на следующий день после окончания войны, тогда да, это был бы прорыв вверх. Но в то время я пытался выжить — не очень удачно — а не писать. Ты ошибаешься, полагая, что такая книга была бы интересна: всё уже сказано, по этой теме издано множество книг всех жанров, фотодокументов, гораздо более впечатляющих, чем любые чернила. Это не для того, чтобы «уклониться», я всегда готов ввязаться в любую, самую худшую историю, но я думаю, что это ни к чему не приведёт и никому не будет интересно. Наконец, это значило бы снова затрагивать старую немецкую проблему, которая и без того широко разрослась²⁹. И потом, чего ты хочешь — чтобы я сказал, что не ощущаю в себе способности писать что бы то ни было, пока не почувствую внутренний толчок? Такие вещи невозможно форсировать, это выше меня, понимаешь — недостаточно хотеть их головой, нужно, чтобы нечто внутри согласилось и принесло силу своего видения. Иначе это литература. А литература мне надоела... Я бы хотел тебе помочь, однако, поверь мне. Нужно ли говорить, что я всегда готов броситься в самые безумные приключения, лишь бы они были действительно безумны.

.....

Ты приглашаешь меня к себе... Я не могу сделать это «просто

---

29 Увы...

так». Я должен объяснить тебе доходчиво, поскольку это важно, и моя книга должна помочь тебе понять это: я могу покинуть Ашрам только в «состоянии кризиса» или «удушья». И тогда мне потребуется уехать сразу, срочно, без необходимости писать письмо и с уверенностью, что я не буду нежеланным гостем. Ибо кризис прошёл, я на *другом плане*, веду другую линию и больше не беспокоюсь о том, чтобы отправиться в дорогу. Понимаешь? И поэтому мои «отъезды» всегда «неотложные», поскольку я в буквальном смысле задыхаюсь. И поэтому мне важно знать, что ты там, потому что ты являешься для меня естественным переходом к тому, чтобы снова жить в дороге. (...) Это напоминает мне здешнего американского друга: когда он пребывает в «состоянии кризиса», он одержим только одним — найти бутылку виски и заставить меня разделить её с ним. Но обычно наши кризисы не совпадают, и когда он хочет виски, я не хочу; а когда он в медитации, мне хочется принять хорошую дозу и всё вокруг взорвать. Мы никогда не синхронизируемся! (...)

Поэтому на данный момент я не могу высадиться у тебя, поскольку — это экстраординарно — я получил небольшой глоток кислорода, который позволяет мне удержаться на поверхности. Но, увы, я начинаю понимать, что всегда нахожусь между двумя кризисами... Есть во мне упорная тяга к ДОРОГЕ. У меня всегда при себе четыре страницы португальского атласа, который таскал с собой Иов Ле Глоэк³⁰, и я всегда готов вычислить новый путь «на всякий случай»... На данный момент меня крайне привлекает Персия, через Афганистан. И если мне доведётся прыгнуть через стену, туда я и направляюсь. С уверенностью, что в дороге все обстоятельства утрясутся, и что мне всегда подвернётся возможность найти работу — для негров или любую другую — которая поможет мне продвинуться ещё на несколько километров или на несколько границ. В сущности, думаю, что с моей стороны глупо пытаться всё улаживать заранее, «подготавливать» что бы то ни было: когда момент придёт — если он придёт — мир всё устроит наиболее естественно, без моих беспокойств по поводу чего бы то ни было. (...) В любом случае, если я приеду, то *гарантирую*, что это ненадолго и что я *крайне озабочен*

---

30 Job Le Gloahec — центральный персонаж *Золотоискателя*.

тем, чтобы никого не беспокоить, по той простой причине, что я дорожу своей СВОБОДОЙ.

Эти истории с удушьем, они странные. Когда вокруг абсолютная чернота и отчаяние, тогда открывается маленькое отверстие, и я получаю каплю света, которая меня успокаивает. А потом, когда всё упорядочивается и я говорю себе «наконец-то...» — клац! оно закрывается, и я тону. Воистину, иногда возникает впечатление, что «им» наплевать на меня... А когда всё закрывается, мне остаётся только одно наваждение — отправиться в дорогу, найти немного внешнего пространства, за неимением пространства внутреннего. Дорога также является средством «спровоцировать» эти открытия... Ты уловил?

Старина, обнимаю вас с Маник и глубоко тронут вашей «открытостью». Вы помогаете мне, очень помогаете. Возможно, до скорого свидания — не знаю, должен ли я этого хотеть.

Сердечно с вами
Б.

***

23 июня 57
Бернару д'Онсие

Старина

.....

Я написал тебе два письма, — которые потом разорвал одно за другим, — чтобы сказать тебе, что я поднимаю якорь. Я здесь пока держусь... Впрочем, у меня впечатление, что отнюдь не я «держусь», а меня держат! Эта Йога — собачье дело, и если погрузился в неё, то ты крепко застрял. Те, кто говорит о мирном Ашраме, далёком от жизни мира — ослы.

У тебя нет никакой «занятости» в июле, которая сделала бы несвоевременным мой возможный визит? (казалось бы, язык дипломатический — но ты не верь, это я пытаюсь обмануть себя!)

Пожалуй, ты единственный, кто *чувствует*, что я хочу сказать; ты, материалист! Я думаю не о том, чтобы рассыпать тебе

комплименты, а о некоторых твоих небольших высказываниях, доказывающих, что ты и вправду чувствуешь. (...) На самом деле, я был несправедлив к тебе и действительно виню себя за это. В конце концов, эта книга хотя бы приведёт к лучшему взаимопониманию между нами, а значит, не будет совершенно бесполезным творением. Вот, дорогой материалист. И ещё, я начинаю лучше понимать тебя и некоторые вещи, о которых ты говорил раньше.

А ты, где находишься ты?

Обнимаю вас
Б.

***

25 июня 57
Клари

Подруга, ваше утреннее письмо принесло с собой, я не знаю, что-то очень хорошее, что заставило меня радоваться — нечто, находящееся за словами.

Почему бы вам не отправиться в Шотландию? Мне кажется, всё что угодно может быть поводом для поэтического всплеска, и Шотландия в этом отношении прекрасна. Вкупе с Испанией, это одна из немногих европейских стран, куда я был бы не прочь отправиться. Хотелось бы совершить поездку в Шотландию с вами — временами я по вам очень скучаю.

Я был очень тронут этим *Моя жизнь, моя тайная жизнь...* — так вот какая вы. Я ощущаю ваш пульс внутри, как в стихотворении *Будапешт*. Спонтанная и очень лёгкая нить из одного конца в другой. Обнимаю вас за эти стихи.

.....

Одновременно с вашим письмом наконец-то пришло письмо от Франсуа. Это абсурдно, но я испытывал страдание — не то чтобы страдание: что-то вроде болезненного уныния. И в течение месяца я не мог удержаться от того, чтобы каждый день ходить и проверять, нет ли хоть пары строк для меня. Не по поводу «книги» или его мнения о книге — нечто совсем другое. Впрочем, оно дало мне

возможность попытаться преодолеть это. И наконец, приходит его письмо, очень хорошее. Я знаю, Франсуа часто рассеян и, как вы говорите, ожидает «душевного пика», чтобы написать мне. Зачастую я тщетно ждал от него писем, особенно будучи в Бразилии, где я порой был очень одинок. Отношения с моим братом, они странные, мне кажется, что он — часть меня, и я ни в чём не могу его упрекнуть, как будто его судьба имеет очень тонкую связь с моей, как будто его поражения и победы являются моими. Это не имеет ничего общего с дружбой или братством, это связь, сотканная помимо нас, на другом плане, могуществом, которое не является нашим³¹. Естественно, бесполезно ему говорить, что его долгое молчание меня ранит.

Я представляю вашу дискуссию с И. по поводу Ашрама. Вы очень метко выразились: «Бесполезность интеллекта». И вы хотите, чтобы они поняли, они, кто живут исключительно на внешней корке своего существа и полагают, что наивысшей мерой является ментал. Собственно говоря, интеллект не бесполезен, он соответствует одной из стадий развития, но достаточно развившись, он должен однажды увидеть, что нужно выйти за пределы идей, в другие, более глубокие, измерения. Я потратил много времени, чтобы понять, что интеллект не является инструментом сознания, — это просто инструмент для организации, получения сознания — как радиотелефон. Всё это лишь тренировки для того, чтобы войти в контакт со всё более и более тонкими вибрациями, чтобы подняться до наиболее чистых, наиболее светоносных источников. Они же большую часть времени проводят в своей коробке, наполненной коллективным грохотом. И потом, «Ашрам» ничего не значит, главное — Мать, Мастер, гуру. Как вы хотите втолковать им, что присутствие Мастера необходимо? И когда они сюда приходят, они крайне удивлены тем, что Мастер почти всегда молчит, вместо того, чтобы читать лекции по Йоге! Но они не знают, не могут знать, что когдаходишь в атмосферу Матери,ходишь в обширную протяжённость Света, который столь же конкретный, как их физическое солнце. Они не знают, что когдаотваживаешься выйти за пределы ментально-физического измерения,подвергаешься опасностям гораздо более серьёзным, чем все их

---

31 Несколькоими годами позже Мать, увидев Сатпрема и Франсуа вместе, скажет Сатпрему, что его брат как будто «эманация» его самого.

автокатастрофы или дифтерии, и действительно нужен кто-то, кто смог бы вас защитить, восстановить, направить; ибо катастрофы там настоящие — это безумие, одержимость, самые разные виды психических расстройств (Жак). Мы можем подключить свой радиотелефон к чему угодно, но лучше не подключать его к чему угодно, пока мы не вооружены. О, они не знают, что они лишь инструменты сил, которые их превосходят, которые воздействуют, воздействуют постоянно. Конечно же, как они могут это понять! Эта дискуссия имеет ценность только по мере того, как мы *внутренне* обратимся к пробуждённому существу, тогда слова идут прямо к цели, со своей вибрацией, и они помогают вытянуть наружу то, что уже есть внутри. Но если внутри ещё ничего нет, если существо не готово, мы лишь потратим силы и время — и даже хуже, это ослабит нашу внутреннюю силу, распылит наш собственный опыт, создав жалкую ментальную конструкцию. *Золотоискатель* помог мне понять, что запах, шум дождя могут передать другое измерение более реально, чем все идеи мира. Мне нужно было родиться поэтом или, скорее, *музыкантом*.

Этот *Золотоискатель*, я рад, что он вам понравился, по крайней мере, какие-то части из него, потому что в нём есть вещи, пришедшие изнутри, я это чувствую. Правда, то, что я пережил внутри, ужасно, у меня поседели виски... (...) Наконец, должен признать, у меня никогда не было смелости перечитать свою книгу от начала до конца. В ней столько внутреннего страдания. И без весомой причины я к ней не прикоснусь. Но если она должна быть издана, вероятно, нужно сделать её удобоваримой! Словом, если в ней есть места, которые стоило бы *провентилировать* тем или иным способом, дайте мне знать.

Мать хочет её издать. Не знаю, что она там увидела, но с тех пор, как мы впервые поговорили с ней о книге, она прочла её от корки до корки. (...) Если она должна быть издана, обстоятельства сложатся и нужные вещи появятся, это неизбежно, и всё это для того, чтобы вы с Франсуа *поразились* и воспользовались случаем. Не знаю, почему, но я чувствую, что нечто должно возникнуть вокруг Франсуа, если он не будет отвлекаться.

Вот сколько наговорил о всех этих книжных делах, кроме этого, я

много ещё чего хотел рассказать вам о себе. У меня по-прежнему тяжёлый период, но отчаяния больше нет — нет, теперь я полностью избавился от отчаяния.

Поговорим об этом в другой раз, если не нагрянут обстоятельства. И почему мои письма всегда такие длинные?... Да, я не затронул важнейшую часть вашего письма, взволновавшую меня, где вы пишете о вашем одиночестве среди человеческих существ, о вашем «расширении» и этом «я лишь в начале чего-то...» Ну вы даёте. Сердечно обнимаю вас,

Б.

***

28 июня 57
Бернару д'Онсие

Старина, поздравляю с сокровищем Бегум Багх! Я так рад осознавать, что люди вроде тебя ещё существуют в нашем мире, это ободряет, я восхищён. Но возможно, ты не очень хорошо обработал породу — может быть, там действительно есть сокровище? Давай, нужно верить в Доброго Волшебника, это единственный способ выжить на нашей планете болванов и нотариусов... У меня всегда было впечатление, что тогда, в Нарканде, мы нашли бы эти сокровища, если бы вместо непальского крисса у меня была просто небольшая крепкая лопата, чтобы копать в орлином гнезде. В конце концов, где-то нас всегда могут ждать сокровища. Важно в это верить — поскольку именно это их и привлечёт. У нас всегда есть судьба, в которую мы верим. Короче, я в восторге, узнав, что ты по-прежнему достаточно безумен, я такой же, и допускаю, что Маник тоже должна быть немного параноиком!

.....

По поводу свободы, у меня был внезапный проблеск интуиции — а я полностью доверяю своей интуиции. Так как я снова вынашивал в голове новый маршрут, не какой-нибудь очередной Париж-Иерусалим, но что-то вроде к-чёрту-на-кулички, то внезапно был поражён одной мыслью: «Это не так, тебе нужна не дорога, а море.

Так что устройся в качестве матроса на какое-нибудь грузовое судно». И так, вуаля, решено, я устраиваюсь матросом на любое судно, которое меня возьмёт. Убеждён, что это будет новым источником опыта и вдохновения. Ну и потом, я хочу, наконец, быть в море, В МОРЕ, ты понимаешь. И чёрная работа, мне это нравится, это оставляет сердце свободным и не марает душу. Все другие профессии грязны. Так что я хочу драить палубу, наслаждаться шумом океана со всех сторон и быть среди простых людей. Следовательно, ты можешь мне помочь. У тебя есть связи или какие-то друзья среди агентов морских Компаний (желательно не французских, поскольку меня ничуть не воодушевляет быть в компании французов). Так как, разумеется, в нашем прекрасном свободном мире это совсем не просто, даже если ты простой негр, и для того, чтобы устроиться на корабль, нужно иметь нечто вроде «*seaman's book*» [удостоверение моряка] или трудовой книжки, я точно не знаю, как это называется. Агенты Компаний могут помочь с этим. И было бы проще, если бы меня «пореккомендовали» — ибо кто воистину поверит, что я хочу быть матросом ради того, чтобы наслаждаться океаном!? Нужно будет им разъяснить, что я устраиваюсь на корабль не для того, чтобы тайком сбежать в Европу. У меня нет никакого желания возвращаться в Европу. Вот, знаешь ли ты кого-нибудь в этой сфере? Либо я отправлюсь в Мадрас и изыщу что-нибудь своими силами... Я в восторге от этой идеи, это *именно то*, что я хочу сделать...

Кроме этого, я, наконец, получил известия от брата насчёт моей книги. Он был занят экзаменами по медицине. Книга его воодушевила. А ещё письмо от Клари; она тоже в восторге. Они думают, что это обязательно нужно издать, но не видят никакого практического способа сделать это. Я позволяю вещам двигаться самостоятельно, будучи убеждён, что судьба всё приведёт в порядок и сделает это наилучшим образом, а впрочем, мне до лампочки, буду ли я издан, мне хочется выйти в море.

Обнимаю вас обоих,
Б.

***

10 июля 57
Бернару д'Онсие

Старина, прости, что немного запоздал с ответом, но я был перегружен работой. Однако, это не значит, что я не думал о тебе, о вас, и не обеспокоен обескураживающим тоном твоего последнего письма. Но ты всегда жил чудесами — а самое важное состоит в том, чтобы продолжать верить в чудо, ибо таким образом ты призываешь чудо. Если ты теряешь веру, это серьёзно. Хотелось бы помочь тебе как-нибудь по-другому, не словами!

Несколько дней назад я едва не поднял якорь на шведском судне, идущем в Японию. Оно стояло на рейде в Куддалоре³². Я пошёл туда предложить свои услуги, и едва не устроился, поскольку один человек из экипажа заболел и был отправлен в госпиталь — но они решили дождаться его возвращения... *Too bad!?* [что за невезение!?!]

Конечно, решение с небольшим арабским парусником бесконечно более заманчиво... может быть, мы романтики? Но я думаю об этом со всей серьёзностью.

.....

Если твоя ситуация стала критической, скажи об этом, я не хотел бы сваливаться тебе на голову и быть в тягость. Но я надеюсь — за вас — что всё не так плохо!... А если мы все вместе сбежим к Красному морю ловить жемчуг или, я не знаю, что? Было бы потрясающе! Это как раз для Маник, не так ли?

Обнимаю вас
Б.

***

25 июля 57
Бернару д'Онсие

Старина,

Я медлил с ответом, потому что снова борюсь с самим собой, но в

---

32 Приблизительно в двадцати километрах к югу от Пондичерри.

направлении, противоположном обычному. Я принял твёрдое решение, которого буду держаться *right or wrong*^{*}, что останусь в Ашраме, пока не получу определённые совершенно конкретные результаты — и я готов ждать год, пять, семь лет, столько, сколько нужно, и не двинусь с места, пока эта вещь не окажется целиком и полностью здесь. Я обожаю приключения, и жизнь для меня всегда останется Приключением, но у меня свои идеи и интуитивные проблески, идущие из того, что над головой; и чтобы пережить истинное приключение в мире, нужно иметь истинное сознание и истинное могущество — а иначе это не более, чем живописные прогулки. А я не хочу строить карьеру романтика приключений. Что касается будущего приключения, после Ашрама, я не знаю, каким оно будет — нужно сначала стать кем-то, чтобы это узнать, — и у меня нет никаких личных амбиций. У меня ощущение, что однажды я начну действовать, я и хочу быть готовым для этого действия. Вот.

В твоём приглашении было всё необходимое, чтобы меня соблазнить — и одновременно я получил письмо из Кабула, информирующее меня, что есть работа европейского наблюдателя на раскопках в Кандагаре — именно то, что мне было нужно, чтобы отправиться в дорогу. Можно сказать, судьба развлекается, подкидывая мне возможности для путешествий, наподобие этих, дабы посмотреть, что будет. В-общем, я повернул и взял другой курс. Это лишило меня возможности увидеться с вами, о чём я действительно сожалею. Тем более, что в твоих письмах ощущается атмосфера уныния, это меня беспокоит. И что я могу сделать?

.....

Пришли новости из Парижа, похоже, некоторые главы моей книги, наконец, достойны... дифирамбов. Полагаю, теперь это приведёт к тому, что её издадут. Я задаюсь вопросом, как они примут её.

Вот так, значит. Сожалею, что не нагрянул к вам, чтобы вдохнуть свежесть вашего сада, ароматы твоих адских бифштексов и хорошей трубки — но на это нет больше времени. Всё это очень нелегко, но я держу свой курс.

---

* «Правильно это или неправильно», «так или иначе» (прим. пер.)

Нежно обнимаю вас обоих,

Б.

***

29 июля 57

Клари

Подруга, спасибо за вашу *Песнь килю*, она мне понравилась. Есть нечто очень лёгкое и «танцующее» в этом стихотворении — аромат свободы.

.....

Касательно меня, я только что совершил важный поворот. (...) Принял окончательное решение остаться в Ашраме, пока полностью не достигну целей, которые я поставил перед собой, приехав в Индию. У меня абсолютное убеждение, что я что-то должен сделать во внешнем мире — я не знаю, что именно, для знания этого нужно, чтобы я стал абсолютно и полностью самим собой, истинным «я» внутри — но чтобы действие стало эффективным, чтобы оно вышло за рамки личного приключения или живописной прогулки, нужно обрести иное сознание, иное могущество — и нужно, чтобы этого действия хотел некто другой, кроме моего я, маленького и ограниченного. Следовательно, наперекор всем ветрам я остаюсь здесь, пока всё не будет готово. Вот. Это решение принесло с собой странное облегчение и развязало множество мелких узлов.

Вы ничего мне не рассказываете о себе. На протяжении какого-то времени я вас совсем не «ощущаю». Возможно, вы в том состоянии, когда «чувствуете себя хорошо только находясь в одиночестве» — тогда это правильно, это превосходно. Это ваша вторая длинная новелла — но почему я никогда не видел первую??

Обнимаю вас

Б.

***

19 августа 57

Бернару д'Онсие

Старина,

Физически я в полном изнеможении. Эта книга была для меня испытанием, я переживал каждую строчку, без обмана. Если она выйдет, тогда всё хорошо.

По-братски,
Б.

P.S. Да уж, чудо поджидало в самом конце.

***

20 августа 57
Клари

Милая подруга. Моя вещица наконец закончена, и я надеюсь, что вы её прочтёте. Это вторая часть *Золотоискателя* — примерно шестьдесят страниц. Хорошо, что я заставил взорваться истину этого золотоискателя, без двусмысленностей и загадок — и я пытался сделать это из лучших побуждений моей души. Но насколько же легче говорить о тьме, чем о свете. Нужно, чтобы вы совершенно искренне рассказали мне о вашей первой реакции. Я не дорожу тем, что написал: я дорожу светом, и я дорожу тем, чего этот свет касается. Первая часть была сосредоточена на бунте против других. Вторая часть отмечена бунтом против самого себя и всех старых «я», которые цепляются и никак не хотят уходить. Кажется, я писал о вещах, оспаривающих психоанализ — но я ни на одну секунду не подумал о вас. В-основном я пытался достучаться до тех, кто думает, что психоанализ — ключ ко всем проблемам. Впрочем, вы поймёте.

Сон, описанный во второй части, не был выдумкой — ничего не было выдумкой. Как и то, что я рассказывал о Сен-Луисе. Как раз наоборот, я наконец действительно понял то, что произошло со мной в прошлом. И то, что я говорил Грегори, тоже правда — за исключением диалогов, которые я скомпоновал. История Грегори странная, и я не смог рассказать её всю целиком, потому что люди не

поверили бы, но однажды я вам расскажу её.

О, Подруга, в связи с этой книгой я сейчас получаю захватывающий опыт, но по-другому, будто Знание приходит без мыслей, иными путями. Понимаете... Вдруг приходят вещи, которые не знал прежде, при этом интеллектуально очень ясные, и без прочтения книги, без необходимости заставлять работать голову — наоборот. В тишине... Во мне происходят вещи ошеломляющие и простые как божий день. Иногда бывают часы, когда я настолько тотально понимаю мир. Я понимаю. Не туманным и расплывчатым образом. Но с царственной ясностью. Подруга, Подруга, есть столько вещей, которые можно обнаружить. Это чудесно.

Хорошо. *Когда вы вернётесь во Францию*, чтобы я мог выслать вам свою вещицу? Или выслать её вам в Лондон? (...)

А вы, вы? Вы говорите, что иногда требуется пройти через «самые разнообразные этапы, чтобы стать лучше». Да нет же, Подруга. Нет разнообразных этапов. Всё является главным, всё является важным. И вы знаете, какие это этапы. Но фактически, Подруга, никогда не бывает так, что этапы и лучшее остаются где-то там впереди. Мы никогда не перестаём открывать, продвигаться, расти. Тем и прекрасна вся эта история — этим ростом, этим постоянным возрождением. Мы не из тех, кто засыпает в ничто. Мы те, кто идёт и изучает, и изучение это бесконечно. Какое авантюрное приключение! О, секрет всего этого — маленькое пламя искренности в самой глубине существа.

Надеюсь, мои письма не похожи на проповеди протестантского священника? Насколько трудно сказать о вещах так, как мы их чувствуем, сказать просто, не создавая впечатление, что читаешь проповедь!

Скажите Максиму о моей дружбе. Я не пишу ему, но искренне симпатизирую. Он был очень добр, очень благожелателен ко мне.

И что ваш психоанализ? Ключ под ковриком...?

Обнимаю вас, милая и мятежная Подруга.

Ваш
Сатпрем

***

5 сентября 57
Бернару д'Онсие

Старина,

.....

Я прекрасно понимаю твою критику второй части. И я очень хорошо чувствую её несовершенство, её недостаточность — но это соответствует правде Иова, этапу его эволюции. Теперь Иов для меня умер, то есть я превзошёл его, и если позже я должен буду написать что-нибудь другое, что же, это будет совсем иная вещь, и её «послание» — с позволения сказать — будет на ступень выше. Так что незачем «оставлять на потом» эту вторую часть, ибо потом я, бесспорно, напишу по-другому. Не совсем по-другому, так как в *Золоискателе* присутствует главное — но с более широким видением и более глубоким опытом. Так что не может быть и речи о том, чтобы делать из *Золотоискателя* сладкий джем.

Ты пишешь, что вторая часть, несомненно, «оттолкнёт» многих. Я с этим согласен. Но она «привлечёт» некоторых, и как раз это для меня важно. Хоть там и нет великого «луча», но есть световые окошки, и те, кто созрел, поймут. Я не хочу особенно замахиваться на двадцать-тридцать тысяч экземпляров... Полагаю, что первая часть книги была недостаточной, она не указывала точного направления. А касательно причисления книги к категории теософии — А. Безант, Блаватская — именно эту ошибку не совершат те, кто умеет читать; я достаточно во всех тонкостях расписал в этой книге, что меня интересует именно «трансформация жизни», а не мистико-философские спекуляции, не бегство идеалистов, не оккультные прогулки. И это должно быть ясно для тех, кто не закупорен. И потом, если меня зачислят в теософы, что же, компания А. Безант мне более приятна, чем Ф. Саган. Во всяком случае, они меня обязательно как-нибудь «классифицируют» — когда они приклеивают свою маленькую этикетку, они довольны: взрывчатка больше не взорвётся, её приручили, ей дали название. Обычное дело.

.....

Сердечно с вами обоими,

Б.

***

17 сентября 57
Бернару д'Онсие

Старина,

Твоё «всё разбито, сломано» меня взволновало. Я не думал, что ты настолько пал духом и настолько пессимистичен. Мне кажется, что никогда ничего не сломано, пока мы сами так не решим... Словом, желаю тебе найти удовлетворительное решение своих трудностей без всяких «ломок», так сказать.

Твой бассейн! я не знал, что он готов. Твой сад, должно быть, очарователен, как бы я хотел пройтись по нему, если бы не был так занят здесь.

Ну же, будь счастлив, я буду держать тебя в курсе событий с моей книжицей.

Сердечно,
Б.

P.S. Конечно же, у тебя будет экземпляр с дарственной надписью, балда! Не в обиду вам будет сказано, Господин Граф. Посвящение на трёх языках, если тебе угодно, со строфой Пиндара* на древнегреческом и куплетом из Марсельезы.

***

29 октября 57
Бернару д'Онсие

Старина, только что получил твоё письмо, и я очень, очень рад твоей реакции. Нахожу всё это превосходным, и даже если ты не отыщешь Атлантиду, это поселит молодость в твоём сердце, новое возрождение. Я даже признаюсь тебе, что уже давно надеялся, что это

---

* Пиндар — один из самых значительных лирических поэтов Древней Греции.

с тобой случится. Не хочу тебе льстить, но я был удивлён, что ты ещё способен на подобные реакции — снимаю шляпу!

И однако, хоть это эгоистично, мне совсем не в радость видеть, как ты удираешь. Не представляешь, насколько твоё присутствие в Индии было для меня утешительным — знать, что если всё пойдёт наперекосяк, я всегда могу сбежать к тебе и отдышаться.

И всё действительно наперекосяк. После достаточно светлого периода я снова впал в ужасные кризисы удушья — можно сказать, что чем дальше, тем болезненнее эти кризисы, да, буквально, конкретно болезненные. В конце концов, стискиваешь зубы. Цепляешься изо всех сил — и если ломается в том или в другом направлении, что же, тем лучше. Странно наблюдать, как всё это функционирует: вам слегка приоткрывают дверь — лишь для того, чтобы вас ослепить, — а затем хлоп! вы снова остаётесь покинутыми во тьме. Поразмыслив, приходишь к выводу, что Высшее — маленький шутник. Но его игры совсем, совсем не смешны.

Бесполезно заикливаться на этом. На данный момент я пока держусь. Если ты отправишься в Эфиопию, держи меня в курсе. Возможно, на пике удушья я к тебе присоединюсь — и ручаюсь, что у тебя будет компаньон без страха и готовый к чему угодно. Мне всегда нравились авантюры с тобой.

Похоже, моя книга «зацепила» одного типа из ЮНЕСКО (не знаю, как она попала ему в руки), и он собирается презентовать её N.R.F. Но честно говоря, мне не до книги, у меня и без этого достаточно жизненных проблем.

Держи меня в курсе. И снова повторяюсь — я очень рад и очень горд быть твоим другом.

Сердечно с вами обоими,

Б.

P.S. Святая кровь! ты очень храбро поступил, покинув этот рай...
Завтра мне 34 года.

***

2 ноября 57

Подруга, уже почти месяц, как ваше письмо упало в мой ящик, но у меня нет никакой охоты писать, я нахожу ваше письмо, скорее, обескураживающим. Однако, надо бы ответить, иначе вы сочтёте меня потерявшимся в некой «нирване» — что крайне далеко от реальности.

Рассказав мне в своём письме о Максе: этот «святой человек», который... и т. д., вы говорите: «У меня нет склонности к тому, что не человечно...» Затем добавляете: «Моментами вы кажетесь таким далёким, не тем, кто нам нужен». Затем вы упоминаете о «чувствах» и говорите, что не хотите «позволить им угаснуть». Наконец, ваше «у меня нет никакой тоски по чему-то "большому"».

Вы хотите, чтобы я понял всё это, иначе моя жизнь действительно покажется вам очень далёкой, почти нечеловеческой. Спрашивается, какие крики я должен был вложить в уста моего *Золотоискателя*, чтобы вы услышали его неотвязную, отчаянную, настойчивую молитву, его призыв, словно жалобу самого тела, призывающего жизнь более широкую и, воистину, более человеческую. Разве не говорит он ежесекундно ЖИТЬ, ЖИТЬ, ЖИТЬ — и снова жить, всеобъемлюще? Вы этого не услышали? А люди, разве не хочет он, чтобы они стали действительно людьми, едиными и любящими — а не этими маленькими планетами, отделёнными друг от друга, этими крохотными вещицами, скукоженными и бессильными? Как же мне сказать, чтобы вы поняли? Чего я хочу — сверхчеловека или завершённого человека? Чего я хочу — жизни изуродованной и разочарованной в своих смыслах или жизни более тотальной? Чего я хочу — очень далёкого существования или существования человеческого, действительно человеческого, здесь, на этой земле?... По вашим словам, мои шаги очень далеки от ваших, тогда что я могу сделать или сказать? Вы просто режете по живому; и действительно оказываетесь очень далеко от меня.

О, вы не представляете, насколько человеческой жизнью я живу, ужасно человеческой, и какой груз страдания и удушья других людей она несёт. Если бы я не нёс в себе этот мучительный груз — о, столь мучительный, что временами я от него задыхаюсь; иногда это длится

неделями и неделями — неужели вы полагаете, что я бы пытался выйти из всего этого? Именно потому, что человечество, как оно есть, меня угнетает, давит своей узостью, своей беспомощностью, своим отсутствием радости и счастья, своим отсутствием любви, именно поэтому я и пытаюсь — столь безнадежно, столь упрямо — отыскать дверь к более целостному, более счастливому, более совершенному человечеству. О, клянусь вам, я несу всё это в себе; и если моё сознание станет немного шире, то именно для того, чтобы лучше чувствовать страдания и ограниченность человека — и изредка, лишь изредка, для того, чтобы ощутить истинную радость позади. Вы не представляете всего того, через что я прохожу. И ручаюсь, что если бы я родился негром, то был бы добрым негром, гораздо лучше тех цивилизованных белых, которые подымают в своей тюрьме.

У вас нет тоски по чему-то «большему». Что вы хотите услышать от меня, если эта жизнь, такая, как она есть, вас удовлетворяет? Мне нечего сказать. Однако, не вы ли говорили мне несколько лет назад: «Меня приводят в ужас любые потолки, сверху ли, снизу ли». Вы предпочитаете потолок посередине??

Но я не могу ничего проповедовать. Мой *Золотоискатель* ничего не проповедовал, он хотел лишь издать крик, изгнать свою нищету и зло, рассказать о своей надежде на что-то лучшее, заставить родиться эту надежду. О, нет, не о чем проповедовать. Если вы считаете, что всё хорошо, то это очень хорошо, и тем лучше для вас — бесспорно, это поможет вам избежать трудностей и испытаний — но помилуйте, достаточно просто понять, просто понять, и тогда вы почувствуете, что моя жизнь, мои шаги совсем не далеки от ваших. Мои ноги полностью завязли в вашей глине, и они месят и месят, чтобы выбраться из этого г...на, потому что не это является сущностью человека, совсем не это. Если же сущность человека только в этом, тогда жизнь меня не интересует — и я признаю за вами право говорить, что я крайне далёк от вас в моём стремлении.

Про меня вы думаете, что я тоже хочу быть святым человеком. Вы не понимаете, вы совсем ничего не знаете. Меня не интересует ни святость, ни добродетель, я ищу сознание. И думаю, что уже говорил вам, что мои дефекты больше мне помогли, чем мои совершенства. Поскольку мои дефекты или мои «ошибки» всякий раз заставляют

меня чувствовать необходимость выйти из этой узости. О, бывают часы, а иногда и целые дни, чёрные, как индийский кули — но эти падения не загрязняют меня, и я не стремлюсь к святости. Я лишь убеждаюсь, что единственным средством выйти из этого является совсем не добродетель, а другое сознание, иное сознание, которое всё очищает, всё преображает. В одной древней тайной традиции говорится: «Не пытайся очищать одно за другим пятна на твоей одежде, но смени её целиком». Да, полное изменение сознания, а не добродетель. Именно этого я ищу, и именно поэтому для меня важны эти часы черноты. Иное сознание — это не угасание чувств, но их расширение. Бог мой, вы что же, не согласны с тем, что мы ничего не видим нашими глазами, ничего не можем сделать нашими руками, а если что и можем, так это чуть-чуть удовольствия от нашего секса, но всё это ужасно низко, мелко, жалко. Нет, я не питаю тяги к святости, меня интересует воистину сам человек. У меня нет склонности к вашей жизни, которой вы живёте; и если она вас удовлетворяет, тогда повторю — мне нечего сказать вам, и вы правы: я очень далеко от вас.

Моя жизнь человеческая, весьма человеческая. Вы не знаете, как я живу. И если изредка несколько раз дверь приоткрывалась, как будто для того, чтобы освежить меня, дать немного кислорода для жизни, немного улыбки, чтобы снова любить, то большую часть времени я остаюсь в грязной черноте и безнадёжно стучу, стучу. Потому что я не хочу жить этой тесной жизнью в удушающих бинтах. Не хочу... Или просто-напросто *не могу*. Это даже не вопрос идеала или высокопарных слов (я когда-нибудь обсуждал с вами Бога, или Шри Ауробиндо, или Ашрам, или философию? — нет, всегда только жизнь), не высокопарные слова, а просто *потребность* в я, нечто, что жаждет, испытывает голод, нечто, что задыхается в теле и кричит, взывает к большей надежде — нечто такое человеческое. Я был рождён не для этой человеческой тюрьмы, это неправильно, и это повторяется во мне, как молитва, как голод тела, жажда тела. Я не могу действовать иначе, вот и всё. А все эти «идеи о Боге», чёрт.

В конце концов, может быть, вы и правы. Я далёк от вас, иногда настолько далёк, и настолько устал стучать в эту дверь, что готов бросить всё и уйти в полном одиночестве туда, куда должна привести меня судьба. Что ещё я могу сказать вам и Франсуа? Вы полагаете, я

нашёл достаточно отклика у вас? Тогда лучше действительно стать далёкими, раз и навсегда, в полном одиночестве. Возможно, именно это и произойдёт, если всё будет продолжаться в том же духе, я не могу быть больше своей человечности, я просто лопну, вы слышите!

И ещё, больше не спрашивайте, есть ли у меня новые «сюжеты» для книги. Всё, что я мог бы сделать, было бы, бесспорно, слишком далеко от вас — а я хочу не писать, но ЖИТЬ, жить, боже мой! О, немного простора, чтобы жить.

Ну и что? Полноте, тут нечего добавить, есть множество вещей, которые мы не можем объяснить, но можем просто-напросто пережить, болезненно и в полном одиночестве.

Я вас очень люблю, и упрекаю вас лишь за то, что вы говорите, что я далёк от вашего человечества.

Б.

***

7 ноября 57
Бернару д'Онсие

Дорогой старина Бернар, ты балда, я никогда не думал, что ты стал «слабоумным», но я всегда считал тебя на самом деле «замкнутым». Впрочем, в своих многочисленных письмах ты не раз и не два повторял мне, что в этом гнилом мире больше нечего делать и т. д. и т. п. Поэтому-то я и был так счастлив и слегка удивлён, когда снова узнал о твоих великих проектах. Так что мои наилучшие пожелания.

Не может быть и речи о том, чтобы нагряться к тебе на несколько дней, я здесь занят работой, а ещё тот немаловажный факт, что у меня осталось около десяти рупий. И потом, если я покину Ашрам, это будет навсегда.

Странно, ты говорил мне о том, чтобы провести февраль в Эфиопии, а я как раз принял внутреннее решение продержаться здесь по крайней мере до февраля, чего бы это ни стоило. Несколько часов назад я спрашивал себя, как смогу продержаться хотя бы час, но хотелось бы проявить доказательство доброй воли и держаться,

насколько возможно — значит, февраль. Если до этого времени ничего не произойдёт, я отчаливаю. Я подумывал сбежать в Конго и стать лесорубом, но твоё приключение в Эфиопии, хотя ты мало о нём рассказал, меня возбуждает. И если это приключение окажется действительно красивым, то будь уверен, я смогу найти соответствующий слог. Писать красивые вещи нетрудно, трудность в том, чтобы жить красивыми вещами.

Эх, я никогда не мог успокоиться и, не находя приключений во внешнем мире, обратился к внутреннему приключению; но моя мечта — и я хочу верить в это вопреки всем видимостям — в том, чтобы однажды примирить внешнее и внутреннее приключение, чтобы всё стало одной и той же улыбкой, одной и той же радостью, великим спонтанным всплеском. И чтобы тело, чтобы и оно тоже отыскало радость существования. С меня достаточно, достаточно этих изломанных жизней, где мы живём в своей маленькой провинции своего «я», отвергая всё остальное.

Так что твоя Эфиопия словно упала с неба, как я вижу. Только хотелось бы пройти эту авантюру с начала до конца, если ты хочешь, чтобы я смог написать что-нибудь. Мне нужно быть полностью в ней. Следовательно, как только ты отправишься из Тегерана в Аддис-Абебу, в ту же минуту сообщи мне. Я всегда смогу найти достаточно рупий, чтобы оплатить билет до Джибути и продержаться несколько недель. (Я абсолютно не полагаюсь на свою книгу, если она, предположительно, издаётся, поскольку эти вещи никогда не приносят дохода).

И если это не сработает, ну что же, поеду рубить дрова в бельгийском Конго. По крайней мере, в лесу я буду свободен. О, наконец-то примирить эту жизнь...

Сердечно обнимаю тебя и Маник с пожеланием в скором времени присоединиться к вам.

Б.

***

22 ноября 57
Клари

Подруга, вы писали, что у вас нет тоски по «большему». И я ответил вам совершенно буквально: «Тем лучше для вас, это поможет вас избежать трудностей и испытаний». И я повторяю: тем лучше для вас, без малейшего намерения вас «оскорбить». Ибо я не думаю, что состояние испытаний и трудностей будет восхитительным состоянием. Далеко не так.

Я также не считаю, что «святость» Макса была личным намёком. Но я не мог не увидеть там определённый ансамбль эмоций, поскольку вся остальная часть вашего письма вращалась вокруг моей жизни, в которой очень мало человеческого: «У меня нет тяги к тому, что не человечно... Вы кажетесь мне очень далёким... Я не хочу позволять угасать моим чувствам... и т.д.» Всё это кристально ясно. Именно это я называю «отсутствием отклика». Поскольку ваша жизнь может быть такой, как вы хотите, ваши идеалы такими, как вы хотите, и я здесь не для того, чтобы вас судить (и *по какому праву!*) Я прекрасно понимаю все эти вещи, лучше, чем вы можете предположить — но я неистово сопротивляюсь, когда вы говорите, что *моя* жизнь не человечна. Вы можете сказать, что она вам не нравится или что вы её не понимаете — и хвала различиям, ибо если бы весь мир был как в Золотоискателе, это было бы невыносимо, — но я никому не позволю говорить, что моя жизнь не человечна. Повторяю, вы действительно ничего не поняли. И ещё больше непонимания в ваших словах из последнего письма: «Вы проживаете вашу жизнь, ваше предназначение или ваши порывы, убеждённый, что вы пребываете в истине и *что это — единственный путь*». Итак, мои поздравления! вот я и стал братом-проповедником, распространителем новой Церкви, исключительной и изолированной. Я не буду отвечать на это, поскольку это совершенно бесполезно.

И ваше письмо заканчивается добрым советом: «Пусть ваш *Золотоискатель* прекратит обвинять всех вокруг, все эти таможи и колючие проволоки, которые он на самом деле носит в самом себе». Воистину, вы его плохо читали — хотя и прочли три или четыре раза, отдав долг дружбе и терпению — поскольку я не вижу, кого или что обвиняет Золотоискатель во второй части, напротив, он обвиняет самого себя, а не других. Если первая часть рассказывала о бунте

против других, вторая идёт на шаг дальше, и я вам напоминаю: «Когда вы полностью реализовали бунт против всех, остаётся ещё один бунт, наиболее замечательный, бунт против себя и всех своих старых дурацких шкур». Понятно ли это? Касательно «таможенника», который появляется ближе к концу, я замечу, что Золотоискатель нашёл это «комическим», ибо уже миновал стадию, когда он восставал против таких вещей. Так что ваше замечание непонятно.

И наконец, меня сильно разозлил ваш вопрос о том, есть ли у меня на примете другие «сюжеты». Неужели это *Вы* спрашиваете меня об этом...

Теперь, дабы сравнять счёт, я скажу вам то, что вы, без сомнения, и так знаете, — что я невозможный друг и что даже добрые мотивы не сделают меня любезным. И я совсем, совсем не чувствую себя любезным, потому что это перекося моего характера — я люблю людей по-другому, иным способом, не через доброту или любезность.

Если бы вы рассказывали мне о себе, возможно, я имел бы случай показать вам, что понимаю вас и люблю такой, какая вы есть, со всеми вашими разногласиями, но вы никогда не рассказываете ни о себе, ни о вашей жизни.

Теперь должен признать, что я всегда слишком много говорил о себе. И это вредит нашим взаимоотношениям, подруга. Я слишком много говорил. И поставил вас перед лицом всех возможных противоречий, это было моей ошибкой. Пожалуй, вы там позабыли свою латынь или свой венгерский, поскольку вы пишете, что дошли до того, что сомневаетесь в «сознании, которое было мной обретено». Ну конечно! Я упустил множество случаев промолчать, и сегодня, похоже, ещё один.

В качестве извинения за вольности языка, за мои противоречия, за недостаток любезности и т. д., а также моих «угроз», как вы пишете, я просто скажу вам, что переживаю *переход*. Переход из одного состояния в другое. Иногда я перехожу грань и пытаюсь сказать вам об этих вещах, но они слишком далеки, скроены из «красивых и слишком общих слов: любовь, человечество, сознание и т. д.» (sic). Я не должен был ничего говорить, это ошибочно — говорить о таких вещах, когда находишься в этом состоянии. Но большую часть времени я нахожусь перед этой линией, ни с той, ни с

другой стороны, полностью в промежуточном мире, который вы, возможно, понимаете умом, но понять умом, это не значит действительно понять. Нужно быть внутри, чтобы почувствовать, что это такое. А внутри всё дьявольски напряжено, сжато, болезненно. Внутри мы все полностью отделены, всё далеко, и когда тебе говорят, что твоя жизнь не человечесна, приходишь в ярость. Так что я не должен ничего говорить об этом состоянии, потому что оно заставляет вас сомневаться в сознании, приобретённом на другой стороне. Это правда, я должен был молчать, не для того, чтобы «позволить вам упасть», но потому, что *это не даст вам ничего хорошего*, потому что, когда я внутри, то сам подвержен противоречиям, внезапным штормам и «нападениям». Вот, так что лучше было бы окончательно дождаться финала этого «перехода» — если должен быть какой-то финал. Но в любом случае, я обречён на молчание, ибо то, что я скажу вам, находясь в своём высшем состоянии, будет «чересчур далеко». Если бы вы знали, насколько отвратительным, одиозным и невыносимым я себя чувствую. И насколько это «человечество», о котором вы говорите, должно превзойти себя, чтобы реализоваться.

Исходя из вышесказанного, я даю себе обещание, да, обещание, никогда больше не выносить на ваше обозрение своих внутренних противоречий — это было настоящей слабостью с моей стороны. Я должен был вариться сам в себе, без театральщины. «Наконец, единственное существо» тоже было частью этого театра. Это вещи, о которых мы можем думать, но о которых не должны говорить. Мои извинения. В любом случае, я был груб. Что касается Франсуа, я был немного огорчён, или разочарован, или опечален, тщетно ожидая от него хотя бы слова о том, что он думает об этой проклятой книжке — не с литературной точки зрения. Но теперь мне это безразлично. Именно это я называю «не реагировать». В отношении него я тоже совершил ошибку, позволив себе слишком много болтать.

Так что в конечном итоге вы правы, я очень далёк от вас, по вашему разумению. Я во всех смыслах очень далеко — и однако, настолько близко, настолько близко. Кем бы я ни стал, для вас я всегда останусь далёким. Наше человечество является переходным, и некоторые, включая меня, ощущают всю тяжесть этого перехода,

переживают его, ударяясь обо всё на свете, как летучая мышь. Нет смысла говорить об этих конфликтах и нет смысла говорить о том, что существует «нечто иное». Каждый переживает свою судьбу так, как он может, и каждый прав, а наша любовь всегда слаба и не к месту.

Ваш грубый друг,

Б.

P.S. Естественно, несмотря на мои порицания, я не стану вас винить, если вы будете говорить то, что думаете.

***

15 декабря 57
Клари

Подруга, я хотел осветить идейный аспект наших расхождений, как будто наши отношения были исключительно интеллектуальные, и по существу я пренебрёг тем, что было у вас настоящим больным местом, истинной причиной нашей размолвки. Эта ваша маленькая фраза: «Существуют моменты, когда я осознаю свою роль балласта», о которой я думаю и которая уже несколько недель вертится в уголке моего существа, как маленький несчастный лягушонок — он чем-то недоволен и хоп! запрыгивает в мою голову и снова начинает баламутить. Надо бы заткнуть ему глотку. Итак, нет, Мадам, вы не балласт, и с моей стороны было очень глупым позволить возникнуть у вас этому абсурдному впечатлению. И если вы действительно озабочены тем, что вы «балласт», я скажу, что вы — мой пират озера Балатон, и что я буду возить вас в своих трюмах повсюду, дразня сокровище, придающее значимость моему курсу. Должен сказать, я не очень хорошо представляю, с какого конца за вас взяться, такое сокровище как вы — настоящая чума. Но в конце концов, к этому привыкаешь. Думаю, что и моя старая посуда настолько привыкла к вам, что для него показалось бы очень странным потерять вас. И если я везу вас туда, куда вы не хотите идти, то это отнюдь не моя ошибка — мой Пилигрим немного чокнутый. Но однажды он, возможно,

войдёт в некий сказочный порт — и там я продам вас по курсу земляных орехов, хорошая цена, и стану таможенником, дабы конфисковать все незаконные парусники.

Вот так, любезный груз — заметьте, я сказал «любезный».

Б.

***

25 декабря 57
Бернару д'Онсие

Старина,

Очень рад узнать, что твои дела устроились, хотя в каком-то смысле я сожалею, что не застал тебя на пути к Чудесному Приключению. Но думаю, это придёт позже.

У меня тут неожиданность. Мой отец предложил моей матери путешествие самолётом в Индию туда-обратно. Моя мать давно хотела увидеться со мной, но эта поездка представляется ей долгой и трудной, ибо она уже не молода. Но поскольку «кредиты выделены», она предлагает мне, даже настоятельно просит, взять билет туда-обратно на её место в самолёте и увидеться с ней. Для меня не может быть и речи о том, чтобы отправиться в Европу. Эта страна делает меня больным. И у меня на повестке дня другое приключение, не оставляющее мне времени на «каникулы» — которых я опасаюсь. И ко всему прочему, после этого вновь отправиться в дорогу будет целой историей. Поэтому я написал матери всё, что ей нужно сделать, чтобы приехать и пробыть здесь один или два месяца. Потом мы вместе покинем Ашрам, я провожу её в Коломбо, где она сядет на корабль, а я отправлюсь куда Бог направит, а Бог знает, куда! Вот так обстоят дела. Жду ответа своей матери. Если она приедет, это будет в январе. Поэтому мой отъезд откладывается на конец февраля.

Незачем ждать вердикта Gallimard*. Принятие решений занимает у них месяцы. И я думаю, моя книжица покажется им совершенно безумной. Мне плевать. Я отправляюсь в путь. Кто бы что ни написал,

---

* Французское издательство (прим. пер.)

они всегда будут видеть только Литературу — в-общем-то они правы, это ведь действительно литература, а не шпинат. Но... О, чёрт возьми.

Итак, если я провожаю мою мать на Цейлон, это значит, что я не попаду к тебе. Жаль. Но возможно, так тоже хорошо, ибо маленькая лампа для меня соблазнительна, слишком соблазнительна, а мне понадобятся все мои энергетические ресурсы. Буду держать тебя в курсе.

Все мои пожелания тебе и Маник. Обнимаю вас по-братски.

Б.

***

1958

4 января 58
Бернару д'Онсие

Мой старый Бернар, правда в том, что мне ужасно опротивело всё, как и я сам. Я не сожалею ни о чём из прошлого, но я сожалею обо всём том, на что я надеялся, но что не пришло, все эти напрасные мечты, эта бесцельная Любовь, эта глупая, глупая жизнь. И самое ужасное, что ничего не поделаешь. Если бы достаточно было пройти десять миллионов километров и в конце отыскать радость, я бы пошёл! Я бы знал, что в конце этих десяти миллионов километров будет что-то. Но я ничего не вижу, и конечно же, ничего и нет.

Как ты был мудр, Бернар, и как ты дружелюбно высмеивал мои великие надежды. О, я бы хотел стереть себя с лица земли, если бы знал, что это к чему-то приведёт. Единственное, чего я сейчас желаю, это курить, курить, и плечо друга, кого-нибудь, кто не задавал бы вопросов, кто понимал бы и кто любил бы вопреки всему.

И в этой невозможной ситуации, когда я едва выношу самого себя, мне нужно ждать приезда моей матери! Бог мой, какая сила мне понадобится, чтобы играть эту комедию.

Неужели в моей жизни было что-то радикально неправильное, что я остаюсь этим забитым, истерзанным, несчастным существом?

Абсурдно писать тебе эти вещи, ибо что ты можешь ответить? Мы всегда одиноки. Концлагерь продолжается.

Обнимаю тебя и желаю доброго и счастливого года,

Б.

В сущности, мне, возможно, остаётся только одно — методично разрушать эту жизнь, которую я проклинаяю. Если бы ты знал, как я

ИЗРАНЕН.

***

6 января 58
Клари

Подруга, сначала я обниму вас, а потом обниму ещё раз, чтобы сравнять счёт, хотя нежность никогда не была моей сильной стороной. Но разве вы не знаете, Подруга, что наши отношения, определённо, находятся за пределами всех этих вещей, подверженных негативным условиям. Доброжелательность и недоброжелательность. Несогласие и сопричастность. Рядом с вами и далеко от вас. Вместе и врозь... вы неизбежный элемент моей жизни, как вода, или простор, или дорога; я ничего не могу с этим поделать, и вы, бесспорно, тоже. Тогда давайте не будем позволять себе быть пойманными в ловушку слов, они проходят, как облака над морем, или лучики солнца, но не затрагивают море, которое само по себе, которое есть мы сами, этот тайный элемент, объединяющий нас — вы-я, мы, за пределами всех наших маленьких штормов и даже за пределами нашего согласия. Просто мы вместе растём, это всё.

Мне следовало бы попытаться объяснить более ясно, чтобы вы не принимали на свой счёт мои грубости, чтобы вы поняли раз и навсегда, что я не могу изъять вас из своей жизни, как не могу изъять часть себя самого. «У меня создалось впечатление, — пишете вы, — что вам надоели свидетели вашей прошлой жизни» — это выражение встречается множество раз в ваших письмах, как если бы вы были нежелательным свидетелем той части моей жизни, которую я осуждаю! Но подруга, ничто из моего прошлого мне не мешает, оно является неотъемлемой частью того, чем я стал теперь; для того, чтобы расти, всё самое худшее во мне было также необходимо, как и лучшее. Для меня всё является добром. Мне кажется абсурдным полагать, что есть злое и доброе, истина и ложь, плохое и хорошее... Я повсюду вижу единую Правду, единое Добро, претерпевшее тысячи переодеваний, бесчисленных извращений, деформаций, но которое тем не менее пытается прорваться сквозь свои маски. Ничто не

является абсолютным злом, ничто не является абсолютной ошибкой, абсолютной ложью... вспомните *Золотоискателя*: «Моя правда движется скрыто, и хоть ночью, хоть в мирный полдень, я танцую». Так что нет ни древней ночи, которую вы со мной разделили, ни новой жизни, куда я вас не пускаю — есть один и тот же поток, тысячами своих извилов неизбежно стремящийся к своему морю. Мы совершаем путь вместе, не так ли? Мы — этот поток, эта вода, жаждущая своего моря. Так не всё ли равно, каким путём!

Это с абсолютной точки зрения. Но мы живём в относительности, с кучей жалких слов из чернил, которые больше загрязняют вещи, чем проясняют их, потому что мы ещё не знаем, как общаться иным способом, сознательно. Тогда я объясню.

Если с меня довольно, то не вас, а меня самого. Я не переставая вырываюсь из самого себя. Я одиозен, невыносим, ни к чему не пригоден. Как зверь в агонии, которая никак не закончится смертью. И приходится вкалывать, копать в себе, давить на себя, мне это уже осточертело. Иногда, конечно, бывает несколько истинных минут здесь или там, но всё остальное — кошмар. Когда я в кошмаре, я посылаю весь мир к чёрту, и также, как я давлю на себя, весь мир давит на меня. И я посылаю вас к чёрту, и Франсуа или мою мать — я посылаю их к чёрту. Когда я думаю о том, что она собирается навестить меня в Ашраме... я спрашиваю себя, где мне найти силы для того, чтобы надеть маску хорошего сына. Все эти часы, дни, месяцы, целые месяцы, я не чей-то сын, не чей-то друг, меня тошнит от всего — я вибрирующий, компактный блок ночи, который кричит Нет всему и всем. Когда звери умирают, они ищут одиночества, они хотят свернуться в клубок под кроватью — здесь то же самое. В Йоге есть разновидность внутренней силы, которая разворачивается, некое динамо, вырабатывающее постоянный ток. И интенсивность этого тока увеличивается, увеличивается, она растёт, она уплотняется всё больше и больше, ощущаешь себя перезаряженной батареей, наполненной, готовой лопнуть, но она не лопаётся, она никак не лопаётся. Бывают часы, когда я сижу на земле, недвижимый, не осмеливаясь сделать ни жеста, не способный вымолвить ни слова, она сжимает меня настолько, что кажется, всё лопнет, это хуже, чем тиски, это как смирительная рубашка. О, чувствуешь боль повсюду,

повсюду. И это не образ. Кажется, что это должно дойти до самого наихудшего, пока однажды воистину не взорвётся — тогда проходишь на другую сторону. В этом состоянии малейшая вещь становится удушающим грузом — и невыносимым. И не Сила виной тому. А наше упрямое, отчаянное сопротивление всего старого, всего тёмного, укоренённого в нас, которое говорит «нет», «нет». Мы здесь бессильны, и это борется внутри, борьба насмерть. Это невозможная, невозможная жизнь. Те, кто может молиться, повиноваться, подчиняться, верить, те проходят эту линию без особых трудностей — а для других это ад. И в этом аду я уже два года. Время от времени возникает великий просвет, а потом трах! падаешь в дыру — и глубина дыры в точности соответствует завоёванным высотам. То есть действительно ломаешь шею. И тогда способен на что угодно. Иногда делаешь чёрт-те что, и это делается с неожиданной силой, которую трудно было предположить. Никогда в своей жизни я не бывал таким скверным, как в некоторые часы. Действительно необходимо, чтобы в такие моменты присутствовала защитная сила, ибо возможно всё — и с таким могуществом, какого нет у людей, живущих обычной жизнью. Йога — это огонь.

И так как я исчерпал все возможности, заперт со всех сторон, я хочу выбрать единственную дорогу, которая остаётся для меня открытой: физическую дорогу, износ. Не знаю, что буду делать. Я хотел всё вышвырнуть к чёртовой матери. Одеть жёлтую одежду нищего и отправиться к солнцу.

Когда я смогу переродиться, тогда, возможно, стану более терпимым другом. Но до этого вам придётся прощать и терпеливо принимать меня. Я жду известий от матери, приедет ли она в Пондичерри или нет. Если приедет, я буду ждать её отъезда, чтобы отправиться в путь, если нет — уеду в ближайшее время, на Цейлон. Потом — не знаю.

Но что бы ни случилось, нет ничего драматического или трагического, это просто этап, который нужно преодолеть, как рост зубов. Потом всё уладится. И речи не идёт о том, чтобы вас «покинуть», в любом случае мы вместе, с письмами или без них, в согласии или в разногласиях.

И потом, присутствует это мучительное ощущение себя

фальшивым, полностью фальшивым. Каждое произнесённое или написанное слово — как будто свинец, тянущий вниз, к ещё большей фальшивости. У меня впечатление, что мои крики лживы, невыносимая фальшивая нота. Это то самое одиозное, тяжёлое «я» — нужно вырвать его, чтобы не осталось больше ничего, кроме охватывающего всё вокруг великого света любви, который не является мной, и это главное — чтобы он не был мной. И всё, что приходит подчеркнуть это «я», воспринимается как ложь, кричащая, очевидная ложь — и в то же самое время я цепляюсь за своё «я»... Подруга, это невозможное состояние, и как вы хотите, чтобы в таких условиях мои отношения с другими были «возможными»? Так что искушение в том, чтобы всё отрезать, оборвать все связи, сжечь паспорта, сорвать свою индивидуальность, своё имя, свою одежду, отправиться в путь без ничего — о, отрезать всю память, чтобы не было ничего, кроме рук нищего и тени, исчезающей под солнцем на пыльных дорогах. Но и это тоже, не значит ли это увеличение своего «я» через комедию? Вся жизнь — драма. Любое действие — драма. А требуется не-драма, прозрачность источника, который не задаёт вопросов, который не знает самого себя, который течёт, струится для утоления жажды всего мира. А всё, что я тут пишу — зловонная литературщина. Следовало бы полностью замолчать. Больше не шевелиться. Стереть. Взорвать этот я-узел. О, чтобы всё стало естественным... Подруга, я обо всё спотыкаюсь, обо всё ударяюсь, это стена со всех сторон. Проводить бесконечные часы неподвижности в ожидании я не знаю чего, которое не приходит, и наращивать панцирь, и жить здесь как больной зверь, и кричать да-нет, любить и ненавидеть в одном дыхании, и... Следовало бы молиться, отдать себя, сказать «да» даже этой ночи, но это абсолютный бунт, чувство переживания чудовищной несправедливости... Ты разорван во всех направлениях, с какого конца ни подойди, это тотальная ложь — и ужасно то, что нет ни одной безопасной точки, ни одного убежища, ни одного самого маленького уголка существа, где можно укрыться, всё ужасно лживо, подводные камни повсюду, мысли ставят нам капканы во всех направлениях, наши поступки повсюду устраивают нам засады — о, воистину, нужна другая жизнь, другое сознание.

Итак, вероятно, вы полагаете, что я на верном пути к безумию,

но, увы, я полностью в здравом уме. Только полное незнание себя, своего существа, позволяет людям выдерживать самих себя и жить подобным образом каждый день. У меня только одна надежда — на другую жизнь, другое сознание, другую природу: нечто радикально отличающееся от этой человеческой натуры, которая меня убивает. Нет, возвращение назад невозможно, мы не можем избавиться от обрётённого сознания, нужно, чтобы вещи ухудшились настолько, чтобы в конечном итоге трансмутировать. Это то, чего я жду, только я не знаю, как ждать. Вот. Поэтому простите мне мою противоречивость, мои невозможные настроения, моё каменное сердце. Но это придёт, однажды источник пробьётся, тогда я смогу любить, писать, жить.

Только что пришло письмо от моей матери: она отказывается от предложенной отцом поездки в Индию. С одной стороны, меня это успокоило, несмотря на любовь и уважение, которое я испытываю к матери. И я поставлен перед возможностью отъезда. Цейлон? Спрашиваешь себя, не является ли отъезд ещё одним способом драматизировать.

Насчёт моей книги. Вы очень добры, что так заботитесь о ней. Она столь несовершенна и она так нужна мне, я хочу сказать, как незаменимая веха, и если она не будет издана, я не смогу больше издать ничего другого. Сейчас это меньшая из моих забот, но если однажды придёт какая-то другая вещь, нужно, чтобы сначала была издана эта. И я не могу переписать *Золотоискателя*.

.....

Подруга, сердечно обнимаю вас

Б.

***

14 января 58
Бернару д'Онсие

Дорогой старина Бернар, я медлил с ответом, так как ожидал вестей от своей матери. Она отказалась от поездки и хочет, чтобы я использовал её билет и приехал навестить её. С твоей стороны было

особой элегантностью пригласить «нас», хотя ты даже не знаком с моей матерью, это меня весьма тронуло, весьма. Естественно, нет и речи о том, что я поеду во Францию — возможно, позже, когда я найду свой покой, свою правду, короче, когда я избавлюсь от «я».

С момента моего последнего письма вещи немного наладились, я был очень подавлен. Моё решение уехать привело к некоторому успокоению и к тому, что Мать согласилась на мой отъезд. Итак, я уезжаю, но цель моя остаётся той же, даже если пути различны. Возврата назад нет, это невозможно, даже если бы я этого захотел. К тому же, у меня есть впечатление, что даже если я «хочу чего-то», фактически, вещи происходят вне нас, а мы только и делаем, что подчиняемся глубокой необходимости, даже если потом оправдываем её всевозможными идеями, теориями, отговорками. Так что я покоряюсь.

Я намеревался отправиться на Цейлон, но потом, абсолютно «случайно», кто-то обмолвился о джунглях Ассама. И тогда же я почувствовал в себе этот тихий внутренний щелчок, как будто сигнализирующий узнавание ситуации. То же самое у меня было, когда я получил твоё письмо о Гвиане, в то время как сам я предполагал отправиться к Красному морю. Следовательно, я отправляюсь в тур по джунглям, пробыв там столько, сколько понадобится. Средства я найду на месте, в Шиллонге. Достаточно прибыть на место, и вещи устраиваются. (...)

Совсем не желание мешает мне увидеться с вами. Я в некоторой неопределённости. В конце концов, увидим, как сложатся вещи. Я, без сомнений, буду очень спешить, как обычно! Но было бы очень неплохо поболтать у маленькой лампы, прежде чем отправляться наверх кормить москитов. Как твои туристы??

С твоей стороны было очень щедро предложить мне билет на поездку к тебе!! Решительно, только разорившиеся люди способны давать. Но об этом не может быть и речи. Обнимаю вас обоих, мои старые друзья. Это весьма утешительно — чувствовать, что вы там, открытые и понимающие. Я напишу тебе, как только получу визу... За дело, я полон сил.

Б.

***

26 января 58
Бернару д'Онсие

Мой старина Бернар,

Ты говоришь, что по прошествии тридцати лет моя жизнь путешественника уже не возьмёт приз симпатий любого из представителей внешнего мира, будь то индеец, индус, буддист или кто-то иной. Правда в том, что я не жду симпатии от кого бы то ни было — впрочем, люди питают симпатию лишь к тому, кто похож на них, а я всё меньше и меньше похожу на тех, кого принято называть «ближними». На меня в любом случае будут смотреть «косо». И я не рад этому, просто констатирую факт. Я всегда был чувствителен, на протяжении долгого времени, с тому сорту окопавшихся людей, замыкающих свои жизни в тлетворный круг слишком узких мыслей, слишком маленьких сердец. О, это повсеместное отсутствие симпатии, это отсутствие любви, понимания. Но теперь мне это знакомо, и я привык. И теперь меня не трогают их суждения; я живу не для того, чтобы моя жизнь им нравилась, а для чего-то бесконечно более важного. И ты ошибаешься, полагая, что мои скитания не имеют «чёткой цели». Фактически, ничто не было настолько целенаправленным, настолько предначертанным, как моя сука-жизнь.

У меня в резерве есть другой проект, более радикальный, чем Ассам, но говорить о нём пока ещё слишком рано. Я жду эту чёртову визу на год. Определённо, меня всегда будут преследовать эти стражи границ, эти грязные мелкие инквизиторы-ловкачи, желающие внести ваш смысл жизни в их параграф № 7 формы Б серии М и отказать нам одним лишь росчерком пера. Короче, мне, возможно, придётся ждать эту визу месяц, если они меня пощадят. Следовательно, никаких отъездов до конца февраля.

С твоей стороны было любезностью дать мне реальный повод приехать к вам: помочь тебе разобраться со своими идеями. Я рад помочь тебе, ведь иногда мы лучше видим других, чем самих себя. Я думаю, будет неплохо посидеть вместе, побеседовать, — немного дружбы в этой пустыне.

Напишу тебе, когда всё относительно устаканится.

Сердечно,
Б.

***

12 февраля 58
Бернару д'Онсие

Старина,

Извини, что я так медлил с ответом на два твоих письма, но я был в совершенной неизвестности относительно моей дальнейшей судьбы и в кризисе, из которого потихоньку выбираюсь. Вещи перераспределяются по своим местам, и всё хорошо.

После долгих дебатов я решил не ехать в джунгли Ассама, хоть и соблазнительные, ибо после всего это окажется не более, чем новой редакцией старого гвианского приключения, и нет смысла два раза проходить через один и тот же опыт. Я склонился к более радикальному решению — думаю, я уже намекал в одном из моих последних писем: ехать на Цейлон в конце следующей недели, скорее всего, 22-го (если виза придёт вовремя, но она может и опоздать), и стать Саньясином — по крайней мере, на какое-то время. Там, на крайнем юге Цейлона, я собираюсь присоединиться к Саньясинутантристу, которого встретил в Ашраме несколько месяцев назад — человеку весьма удивительному. Короче, когда мы встретились, между нами возник «контакт», и я думаю присоединиться к нему. Я уезжаю с полного согласия Матери — это чтобы осветить для тебя вещи в оккультном плане. Очень может быть, что я возвращусь в Ашрам, который, впрочем, и без того останется для меня раз и навсегда главным центром. Но я думаю, что мне не помешало бы получить этот опыт, отправившись с пустыми руками, босыми ногами и в оранжевом одеянии, которое прежде, в нашем Средневековье, отличало сумасшедших и чумных — в любом случае, это поможет мне окончательно отбросить старые привычки. Ибо мне надоела моя западная кожа. Однако, я отвергаю не Запад, но все эти крайне устаревшие вещи в себе самом, никак не желающие умирать и

связанные со всем комплексом внешних поступков... Эта новость, возможно, имеет характер некоторой театральщины, которой я не люблю, но ведь нужно же было как-то сообщить тебе; я уйду очень спокойный, уверенный, впрочем, что это не более, чем этап моей судьбы — возможно, очень короткий — но необходимый.

При таких условиях мне очень непросто будет заехать к тебе. В-первых, потому что я уезжаю без денег. Мать сказала мне, что поскольку я встал на этот путь, она даст мне лишь строго необходимый минимум, чтобы добраться от Понди до Цейлона — что вполне справедливо. Я помню о твоём щедром предложении, но даже если бы у меня появились деньги, чтобы добраться до тебя, я не решился бы на это по причине усталости и недостатка времени, поскольку меня ожидают на Цейлоне приблизительно в начале марта. Вот так, сожалею. Конечно, это надолго отдаляет нашу встречу, но что делать. В любом случае, можешь быть уверен в моей дружбе, где бы я ни находился.

.....

Сочувствую, старина, я понимаю, что это совсем не шутка и что Маник тоже держится очень храбро. Действительно, немыслимо, как твоя богатейшая семья позволила случиться тому, что тебе приходится продавать это маленькое чудо.

Сердечно с вами обоими,

Б.

***

27 февраля 58

Клари

Подруга, через несколько часов я сажусь на судно до Цейлона. Там я присоединюсь к Саньясину, живущему в маленькой деревне среди джунглей на юге Цейлона. Я встретил его здесь несколько месяцев назад, замечательный человек. Он должен дать мне посвящение и оранжевую одежду. Вероятнее всего, я пробуду на Цейлоне около двух месяцев, затем мы вместе возвратимся в Индию странствовать по дорогам. Ашрам остаётся моим центром: воистину,

есть места, которые мы не можем покинуть. Просто мне действительно нужно получить этот опыт, когда ты босиком и с пустыми руками, возможно, это поможет мне отбросить мою старую оболочку. Совпадение, именно сегодня я получил весть о том, что издательство Gallimard отклонило мою книгу. Ну что же, признаюсь вам, это заставляет меня думать, что в этом *Золотоискателе* нет ничего ценного. Не будем больше говорить об этом³³.

Вестей от Франсуа нет с прошлого ноября. Два моих последних письма, как обычно, остались без ответа. Если вы с ним переписываетесь, расскажите ему о моих внешних переменах и о том, что я его очень люблю.

От моей матери, впрочем, тоже никаких вестей. Полагаю, её рассердило то, что я отказался от её билета на самолёт и от возвращения во Францию. Конечно, я прекрасно понимал, что она не поймёт.

Во мне больше нет ничего, кроме решимости, укоренённой в сердце, как само моё дыхание, и это единственная причина жить: рождение другого человека, ибо этот человек не может считаться настоящим.

---

33 В конечном итоге Золотоискатель будет принят в Издательстве Seuil.

Суджата около 1958

Обнимаю вас, милая подруга, вы в моём сердце, вы моя сестра, и я вас люблю.

Сатпрем.

***

(Это письмо адресовано Суджате, ставшей впоследствии неразлучной спутницей Сатпрема. В эту пору Суджата, которую также называли бенгальским именем «Диди», работала в лаборатории Матери и в Бюро Павитры, где Сатпрем встречал её ежедневно. Она пришла в Аирам Шри Ауробиндо в возрасте девяти лет, в 1935, перед этим проведя свои первые годы в Аираме великого поэта Бенгалии Рабиндраната Тагора возле Калькутты. «Суджата» означает «правильно-рождённая».)

*Ехр.: Дхумрапа³⁴
с/о Ганапати
обезьяны и голуби
в джунглях Катарагама*

Катарагама, 8 марта 58

Прекрасно, Мадемуазель, вы — вредина, обезьянка в очках, утконос на двух лапах, вы сам Археоптерикс Палецкрылый и невыносимый. Вот. И я вас забуду. Нет, Мадемуазель, вы не просто несносная, вы архинесносная.

Вы понятия не имеете! В течение по крайней мере трёх дней меня терзает ваше «прощайте». Затем я понял, что по моему возвращению вы настолько супра-экстра-ультра-ментализируетесь, что будете невидимы для простых грубых смертных вроде меня. И теперь, когда я Саньясин, я вижу, что всё это игра *Майи* и что Диди в конце концов всего лишь диди, и с тем же успехом может быть поющим бабуином или Королевой пингвинов. Так что я прячу свои терзания за пазуху и

---

34 «Дхумрапа» (Dhoumrā) — санскритское имя, которым Суджата называла Сатпрема; оно означает «тот, кто пускает дым, курит» (!)

показываю вам язык. *Нетти, нетти*³⁵, Аминь, Зим бум бум — такова новая Мантра моей инфернальной Йоги.

Кроме того, у меня на лбу белый пепел и красная точка. А также цветок за ухом, я хожу босиком (пока ещё не на голове) и сплю на земле рядом с коровами и быками из храма. Но пока ещё ем своими пальцами и дышу своим носом; а пишу вам, лёжа на земле, конечно же, в знак уважения к вашей святости. Забыл вам сказать, что у меня есть маленький медный горшок, который я старательно полирую на берегу реки — реки, которая используется для всех нужд: мытья, купания, питья, чистки зубов... Единственная вещь, которая не изменилась, это моя человеческая глупость.

Но ваше письмо³⁶, тем не менее, было маленьким солнечным лучиком — или лучше сказать, лучиком луны, поскольку здесь очень жарко. Тем временем обезьяны носятся над моей головой по крыше храма, создавая адский шум, несколько голубей воркуют в углу, вот раздаётся звон колокола второй пуджи³⁷ Ганапати — а мои мысли бродят где-то возле вас в Пондичерри. Диди, я буду весьма опечален, если не найду вас снова, потому что вы моя драгоценная подруга.

Сатпрем

P.S. Всё же вы вредина, Мадемуазель, и я говорю вам до свидания.

*

* *

*(Сатпрем послал Суджате это «слово»,
отправляясь из Индии на Цейлон)*

Сатпрем

---

35 «Не то, не это» (Упанишады).

36 Далее, письмо Суджаты от 3 марта.

37 Руджа (или roudja) — ритуал поклонения божествам; «Ганапати» или «Ганеш», очень популярный в Индии — бог с головой слона с большим животом. Это бог «широких масс», а также тот, кто даёт реализацию.

с/о Небу и звёздам.

Мандапам, 28 февраля 58

До свидания

Дхумрапа

*

* *

(Ответ Суджаты)

Пондичерри, 3 марта 1958

Дхумрапа,

Я нашла ваше «письмо» только этим утром. Скажите, почему «с/о Небу и звёздам»? а не лесу или, самое главное, морю? Это напоминает мне недавний интересный и очень красивый сон, где фигурировал танцующий слон, лошадь, индейка (? *deer*) [Суджата хотела сказать «лань»], смешные рыбки, превращающиеся в прелестные раковины, когда их вынимали из воды, живая картина моря, великолепные цвета, и позади всего этого огромный океан. Я не буду рассказывать дальше, потому что, как вы прекрасно знаете, саньясину не положено быть любопытным.

Мать дала мне две вещи для вас, которые были отправлены сегодня утром. В пятницу утром, когда я вручила ей напечатанную *Дхаммападу*³⁸, она вернула мне ваш экземпляр (исправленный), попросив меня сохранить его, «пока он не вернётся».

Но всё же думаю, что я была права. Потому что, во-первых, никто не может гарантировать, что я останусь существовать в этом физическом теле; а во-вторых, я меняюсь. Поэтому, даже если мы встретимся, это будет полностью изменившаяся персона, а не Суджата, которую вы знаете (по крайней мере, не такая глупая, я надеюсь). Следовательно, она имела все основания сказать:

Прощайте,
Вредина

---

38 Дхаммапада — священный буддийский текст, к которому Сатпрем добавил комментарии Матери.

***

Пондичерри, 16 марта 1958

(Второе письмо Суджаты)

Совершенно верно. Вы понятия не имеете. Никто. Хотя терзания были вызваны не намеренно, я думаю, вы их заслужили. Наносить мне столь сокрушающий удар по голове и убегать, прежде чем я смогу ответить! Подобная идея... *serves you absolutely right* [так вам и надо].

Мне доставило большое удовольствие узнать, что вы живёте среди *your natural kindred* [ваших естественных родственников], Месье Хануман [бог обезьян]. Так что, конечно, вы можете показывать мне язык. Но я, будучи уже ментальным существом — хотя пока ещё не выше, и т. д. — нахожусь если не полностью над подобными желаниями, то по крайней мере способна владеть ими. Так что я вам улыбаюсь.

Лёжа животом на земле — очень удобное положение для того, чтобы писать. А с подушкой под рукой — просто идеально.

Ваша река заставляет меня вспомнить колодец во дворе нашего дома в Шантиникетане [Ашрам Тагора возле Калькутты]. Он также служил для всех нужд. И саньяса — не такой уж аскетизм, а представьте — принимать ванну на открытом воздухе рано утром почти нагишом в зимнем Бихаре (не Пондичерри, слышите?) Я сама черпала оттуда воду очень маленьким ведром, поскольку мне было чуть более семи лет.

Вот, я только что совершила великое усилие, чтобы выразить по-французски то, что пришло мне в голову. Так что не сердитесь на вредину, которая снова вас беспокоит.

Намасте Садхуджи [приветствие монаху].

С дружеским приветом, Дхумрапа

Суджата

***

(Это письмо Сатпрема своей матери
было переписано ею и послано его брату Франсуа.
Сохранилась только эта копия).

Катарагама, 22 марта 58

Дорогая матушка, рад был получить твоё письмо. Не надо беспокоиться за меня: я счастлив, что редко бывало в моей жизни; счастлив, вероятно, потому, что жизнь моя сведена к наиболее простому выражению, как у ребёнка. Меня ничто не обременяет, и то, что остаётся от меня, иногда настолько прозрачно, что я ощущаю Бога в своих глубинах, как брата, как друга. Я начинаю понимать, что имеют в виду индийцы, когда говорят: «Ты есть Это». Мы все по сути своей Бог, обнаруживающий себя в себе; и весь этот мир — неисчислимая игра Бога, скрывающего себя для радости обнаружения самого себя в каждом существе.

«Всё есть Это». Я снова нахожу те давние радости, которые испытывал на борту моей маленькой *Багиры*, и теперь, пройдя через ад, я знаю, что рай тоже существует на этой земле, что всё рядом, всё здесь, достаточно открыть глаза, пребывая в покое, как это было некоторыми вечерами в *Кэр Лизе*, когда сидишь у окна, глядя на залив, такой прекрасный. О, матушка, наша жизнь слишком переполнена книгами, всяческими догмами, но всё настолько просто. Всё здесь.

В данный момент я живу в храме Шиваитов, он окружён джунглями, а по крыше скачут обезьяны. Не бойся, я не стал поклонником Шивы, тут нет необходимости исповедания какой-то веры; известно, что Бог пребывает во всех человеческих Богах, и единственное, что важно — это любить Бога. А как чудесна здешняя природа! Птицы, тысячи всевозможных птиц всех цветов и всех голосов. Джунгли полны голубей, вяхирей и очень нахальных обезьян с полностью чёрными мордами и белыми бородами. Я разведаль маленькую тропу в затопленных джунглях и вечером, когда небо становится апельсиновым и всё вокруг жужжит, поёт, квакает, хожу слушать птиц; большие цапли устраиваются на тропе, занимаясь

своими семейными делами, тут же хрупкие кулики, как будто сошедшие с китайских картин, и повсюду, повсюду воркование голубей, перемежающееся зубовным скрежетом воинственных обезьян.

Тогда начинают открываться лотосы и другие дикие цветы, наполняя ночь своим ароматом.

На днях я покидаю Катарагаму вместе с моим Саньясином. Мы собираемся снова подняться на север, в Джаффну, путешествуя от храма к храму, останавливаясь там, где нас примут. Я буду на севере к 20 апреля, и если хочешь, можешь писать мне по нижеприведённому адресу. А затем мы отправимся в Индию, ходить по дорогам.

«Саньясин» — что-то вроде странствующего нищего, совершающего Йогу. Соответственно, я продолжаю свою Йогу в иной форме, и возвращусь в Ашрам, когда этот новый опыт принесёт плоды. О, я никогда не устану экспериментировать с этим миром, необычным и захватывающим.

.....

Всё хорошо, всё всегда было хорошо, просто мы узнаём об этом лишь спустя время.

Очень нежно обнимаю тебя

ТВОЙ СЫН
Б.

***

Сатпрем на Цейлоне в апреле 1958

Катарагама, 24 марта 58
Клари

Подруга, отрадно знать, что вы существуете. Я так признателен за вашу дружбу. Я был зол и эгоистичен, но теперь я буду служить вам и любить вас. В течение четырёх лет вам пришлось наблюдать зрелище моей борьбы, но сопротивлялся главным образом мой эгоизм, путь был труден только из-за моей глупости. Изменение моего существования, как я надеялся и даже сверх того, изрядно меня встряхнуло; было потрясено всё моё существо, все его части, и нечто открылось, на этот раз действительно открылось. Я счастлив, почти как ребёнок, но ребёнок, который знает — который начинает узнавать. И это счастье совсем не личное, это радость обнаружения тайной гармонии вещей и ощущения истинного места каждой вещи — наконец, начинается мой истинный путь. Это пока ещё не решающий опыт, не великий поворот, но первая стена упала, всё стало хорошо, всё превратилось в милость. Подруга, так хотелось бы взять вас и моего брата за руки и позволить вам тоже коснуться этого света, он повсюду, как радость, которая сверкает, как тихая, сдержанная улыбка, и эта громадная любовь позади вещей. О, мы все есть Это, и у жизни нет иного смысла. Всё есть Это, и когда мы начинаем видеть немного отчётливее, это превращается в чудесное блаженство, волшебство, которое преображает всё. У жизни нет иного смысла, и наши страдания вознаграждаются тысячекратно.

Меня приютили в храме Шиваитов, со всех сторон окружённом джунглями — джунглями, полными вяхирей и голубей, воркующих повсюду, и тысячами других птиц. Обезьяны грохочут на крыше храма, и я пишу вам, сидя на земле на корточках возле алтаря, возведённого в честь Деваяни — здесь я сплю. Не волнуйтесь, я не стал особым поклонником Шивы, однако великий Шива, танцующий на наших руинах, вынуждает нас к более совершенному творению. Они полагают, что индийцы идолопоклонники, но я живу с ними, как самый скромный из них, и я вижу, что идола — не всегда то, что об этом думают. Подруга, всё является необходимым. Нет ни одной вещи, ни одного существа, которое не было бы необходимым для

общей гармонии; каждый из нас имеет нечто, что нужно выразить, и каждый незаменим — да, обнаружить то, чем мы являемся в действительности, позади того, чем мы являемся по нашему разумению или воображению, это тайна совершенного выражения, это истинная жизнь. Очень мало кто знает, что высшая субъективность является на самом деле высшей объективностью, и что вещи развиваются изнутри наружу: реализоваться внутри — такова тайна внешней реализации. И ни на одну секунду я не теряю из вида эту внешнюю реализацию: я ищу *действия в жизни* — я жду своего часа, но он придёт, это неизбежно, нужно лишь расти в сознании.

.....

Было милостью уехать из Пондичерри с новостью, что издательство Gallimard отклонило моего *Золотоискателя*. Этот последний удар помог мне порвать со всем. Несколько дней я жил в своего рода небытии, вырванный из себя самого, а затем всё улыбнулось мне. Им не нужен мой *Золотоискатель*, но я напишу нечто бесконечно лучшее, чем *Золотоискатель* — где-то в уголке моего сердца почти сформировалась другая книга³⁹. И если они примут её, я потребую, чтобы сначала был издан *Золотоискатель* со всеми его недостатками, такой, какой есть, потому что это необходимо. И если они отклонят мою вторую книгу, я тем не менее буду продолжать, поскольку таков мой закон, и однажды они смогут понять.

Когда-то давно я просил вас послать мне ваши стихи для обсуждения, вы ничего не выслали, это очень плохо, Мадам. Я был бы очень рад получить от вас *всё*, что вы написали, уж не стесняетесь ли вы меня? Я знаю вам цену, Подруга, я знаю, потому что у вас есть искренность, и этого качества будет всё больше и больше в вашей поэзии. Расскажите *о себе*, я хотел бы знать, хотел бы понимать вас лучше, чем на протяжении последних лет, лучше любить вас, наконец, лучше служить вам.

Обнимаю вас, Подруга, моя самая близкая сестра.

Сатпрем

---

39 Это окажется, спустя многие годы, *Телом Земли или Саньясин*.

***

Катарагама, 16 апреля 58
Маник и Бернару д'Онсие

Дорогой старина, дорогая Маник, несмотря на моё молчание, в мыслях я часто с вами. Обитаю в шиваитском храме и живу в самом простом мире, в чистой индусской традиции. Я изучил множество вещей, а самое главное, во мне самом распуталось, наконец, множество вещей. Всё в порядке, это очень хорошо. Предпочитаю не вдаваться в детали, ибо это может сузить и деформировать то, что сейчас проясняется. Впрочем, когда используешь наши слова, невозможно ещё больше сузить вещи. Определённо, мне нужно перейти на поэзию — если она захочет прийти — поскольку это единственный способ сказать хоть немного истинного.

Мой компаньон Саньясин — чистый Кшатрий⁴⁰ из Бенгалии. Он бесстрашен, осмеливается на всё, что угодно, но в свете. Всё его существо дышит благородством. Тебе бы он очень понравился. Возможно ли, что однажды ты увидишь, как в твою дверь стучат двое нищих?! Я не знаю, так как этот опыт уже принёс большую часть своих плодов, и скоро придёт время, когда моё место снова будет в Ашраме, а не на дорогах. Я нахожусь полностью в глубинной работе и не хотел бы, чтобы её заслонила колоритность бродячего нищего — возможно, есть что-то более серьёзное? После множества задержек в наших планах мы оставляем Катарагаму и отправляемся в северную часть Цейлона, в Джаффну, куда ты можешь мне написать, затем возвратимся в Индию: нашим первым этапом будет храм в Рамешвараме⁴¹. Потом...

С нетерпением ожидаю от тебя вестей о том, как ты выпутался и горит ли ещё в тебе твоя вера в чудо.

.....

---

40 Член касты воинов в Индии.

41 Полуостров на юге Индии напротив Цейлона, где находится огромный и очень древний храм Шиваитов. Именно там Сатпрем будет посвящён в Саньясины.

С любовью
Б.

***

Катарагама 17 апреля [1958]
Суджете

Здравствуйте, Королева морских коньков, я хотел убедиться, что вы по-прежнему в физическом теле, но будьте осторожны, с вашими подводными снами вы можете ненароком возродиться в шкуре морской рыбы — и если я возрожусь чайкой, то сделаю из вас прелестный обед.

И почему это письмо в левой руке? Потому что правая рука не должна знать то, что делает левая? В конце концов, счастье, что у вас нет третьей руки, игнорирующей обе другие, или что вы не пишете по-китайски пальцами ноги, своенравная Мадемуазель. Я, как всегда, пишу вам, из уважения лёжа на животе и правой рукой, помня, что вы вредина — но я скучаю по этой вредине, вы видите, как извращён человеческий ментал! В отсутствие парикмахера мои волосы отросли, и я скоро буду похож на Жанну д'Арк, или на Ганпатрама (без живота), или даже на Шанти! Вот увидите! Короче, я почти святой.

Диди, я решил изучать бенгали — ибо, как вы знаете, это язык богов и сверхлюдей, во всяком случае, избранной расы — следовательно, нужно, чтобы по моему возвращению вы дали мне уроки. Я на вас рассчитываю, о, сверхженщина.

Моё возвращение... Да, я нуждаюсь в Матери, но есть во мне маленький, озорной и очень независимый бродяга, который тупо и упрямо продолжает любить большую дорогу. И что??

Чем вы заняты?

С дружеским приветом

Дхумрапа

***

Пондичерри, 26 апреля 58

Месье Жанна д'Арк,

Чуть меньше почтения меня бы больше удовлетворило. Так как я подозреваю, что когда вы ложитесь на живот, вы находите это настолько удобным, что засыпаете и, как Рип ван Винкль, просыпаетесь только через месяц. Тогда чего удивляться, что у вас длинные волосы? И борода? Не сомневаюсь, что вы выглядите весьма почтенным, о, Свами Сатпремананда.

Вы ошибаетесь. Именно санскрит известен как «*девбхаса*» (язык богов). Но у вас есть основания говорить, что бенгали — язык избранной расы (поскольку я говорю на нём!) Позвольте исправить вас и по другому пункту, Дхумрапа: в супраментальном мире нет ни мужчин, ни женщин, все *существа* — супраментальные⁴². Я уверена, что вы изучите бенгали лучше, чем я изучила французский.

Что касается меня, я чувствую себя слегка подавленной. Настал купальный сезон, а я вне игры (угораздило, как обычно, подхватить простуду, поэтому мне не позволили принять участие). Обидно! не так ли? Но я имела удовольствие попрактиковаться. Знаете, на днях во время плавания кто-то сказал мне: «*you look like a nymph, Sujatadi...*» [ты выглядишь как нимфа] (я никогда не видела ни одной нимфы, а так как я не могу видеть себя со стороны, то остаюсь, как прежде, в невежестве). Это приятнее, чем «морская рыба». И потом, когда чайка снова проголодается, что тогда? Но возможно, я стану Лакшми, дочерью Океана, что скажете? Однако, рассмотрев все варианты, я предпочитаю оставаться той, кто я есть: ребёнком Матери. Кто знает? Скорее всего, вы также не будете чайкой, но «*great winged wanderer paraclete*⁴³», который найдёт свою большую дорогу в Матери, как мы находим в Ней всё, что мы любим.

Моя дружба и
добрые мысли с вами.

Суджата

---

42 Так Шри Ауробиндо называл существ следующего за человеком вида.

43 «Великий крылатый странник-утешитель» (одно из стихотворений Шри Ауробиндо).

***

Рамешварам, 8 мая 58
Бернару д'Онсие

Старина

.....

В ближайшие дни я покидаю Рамешварам и отправляюсь в Мадурай⁴⁴, затем, скорее всего, Понди.

Ах, старина, ты не представляешь, насколько я освобождён!

С сердечным приветом
Сатпрем

P.S. Во время церемонии посвящения я получил третье имя: Сат-прем-Ананда.

***

Понди, 5 июня 58
Бернару д'Онсие

Старина,

Несколько строчек в спешке, чтобы сообщить тебе, что завтра утром я вновь собираюсь в путь со своим Саньясином. Мы отправляемся к истокам Ганга, в Кедарнатх, через Калькутту и Бенарес. Затем, снова спустившись с Гималаев, мы должны будем остановиться в Бенгалии, где я получу тантрическое посвящение. В Рамешвараме я получил ведантистское посвящение. Моя жизнь очень изменилась, и эти вещи невозможно описать. Я больше не живу, как раньше, я не ощущаю, как раньше; это неслыханный переворот.

Письмо, которое ты написал в Джаффну, должно быть, потерялось из-за происходящих там забастовок.

У меня нет адреса, который я мог бы тебе дать, и вероятно, что в течение нового периода, довольно продолжительного, я буду молчать, но как только представится возможность, я пошлю тебе пару слов.

---

44 Храм в южной Индии.

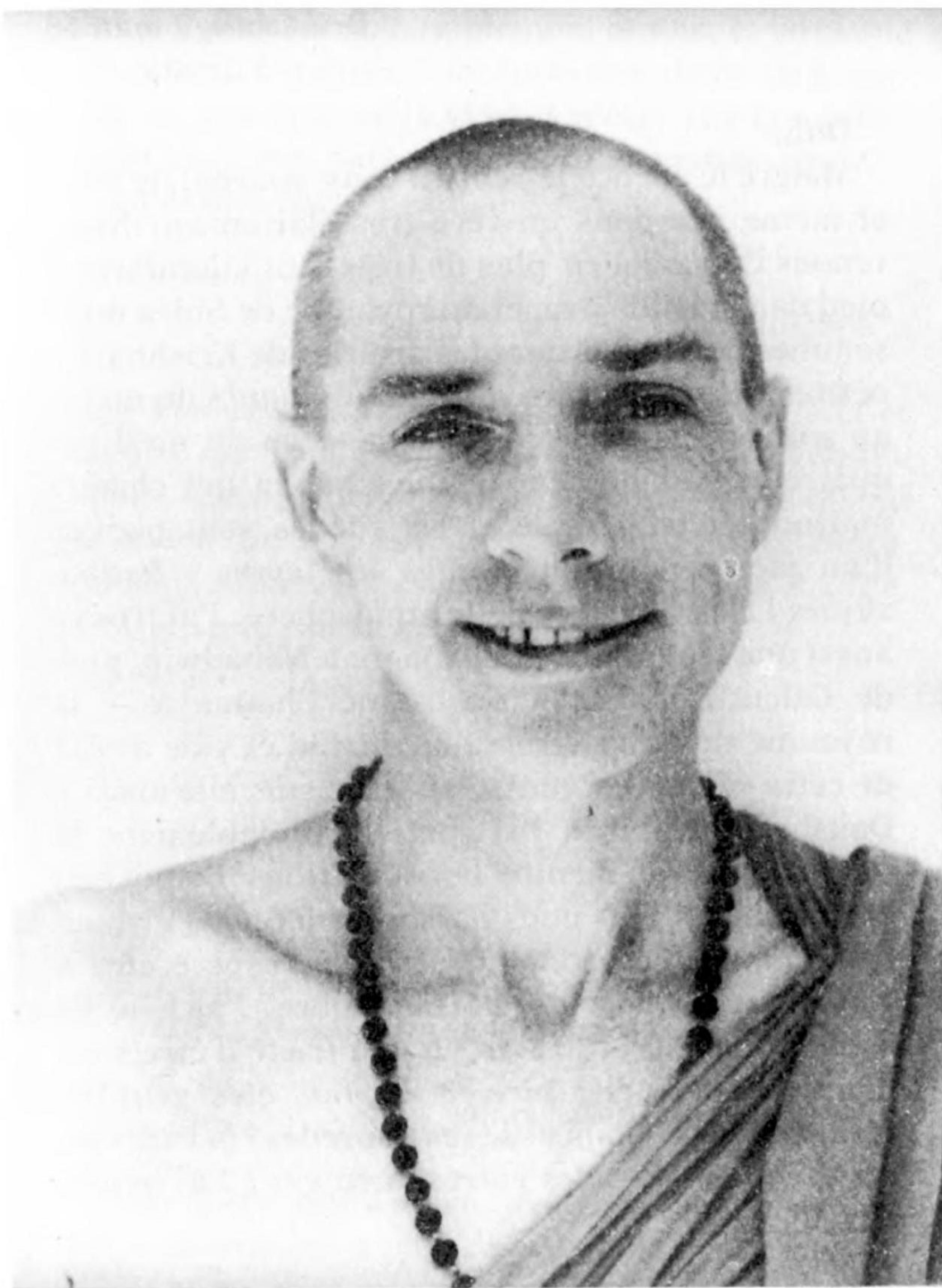
Нет, конечно, я тебя не забываю. Хотелось бы с тобой увидеться, но когда??

.....

Я думаю о тебе, о вашем саде и сердечно я с вами,

Сатпрем

***

Сатпрем-саньясин

Вриндаван, 7 августа 58
Суджете

Диди,

Несмотря на молчание, я часто думаю о вас, даже увидел во сне очень ясно. Мы только что прошли пешком более трёхсот километров по Гималаям и из царства Шивы спустились в луга Кришны. Маленький городок весь гудит от «бхаджанов⁴⁵» с утра до вечера и часть ночи — говорят, что здесь четыре тысячи пятьсот храмов, фактически, каждый дом — храм, и на всех улицах, на всех устах одно и то же имя: *Радхашьям!* очень красивая атмосфера. Я отметил также очень хорошую атмосферу в Набадвипе возле Калькутты, где родился Чайтанья — царство Шивы кажется очень холодным и пустым в сравнении с этой заразной «Бхакти⁴⁶». Я также побывал в Дакшинесваре⁴⁷, где очень мощно ощутил потрясающую силу Матери. В ближайшие дни мы отправимся из Вриндавана в Бенарес, затем проследуем в Гайю (Вишнупада) и возвратимся в Калькутту. Надеюсь быть в Понди к 10-15 сентября. Спешу увидеться с Матерью и немного опечален по причине отсутствия вестей. Всё ли с ней хорошо?? Не будете ли вы так любезны сообщить мне новости? (на адрес Калькутты) — и ваши, конечно? Я чувствую потребность вернуться к Матери, ужасную потребность, а также нужду в покое и молчании (но мне доставит удовольствие немного поболтать с вами, если вы не полностью поглощены вашей проклятой гимнастикой!)

До свидания, дорогая вредина,

Сердечно с вами
Дхумрапа

P.S. Пожалуйста, передайте привет Павитре, и скажите ему, что меня беспокоит накапливающаяся работа, но по возвращении я сделаю всё в ускоренном темпе — с нетерпением жду момента, когда

---

45 Бхаджан: музыка и песни божественной Любви, адресованные в частности Кришне.

46 Бхакти — любовь к Божественному, Бхакти-йога — йога божественной Любви.

47 Место, где жил Рамакришна.

смогу работать для Матери. Ах, Диди, Мать — единственная Реальность, единственная Реальность, всё остальное — ложь.

***

(Второе письмо Сатпрема к его матери, переписанное его братом Франсуа. Все остальные письма Сатпрема к его матери исчезли.)

Вриндаван, 8 августа 58

Дорогая матушка, только что я прошёл многие километры пешком по Гималаям со своим посохом и котомкой, от одного караван-сарая до другого, с бритым черепом и одетый в оранжевую одежду нищего; я проследовал за Гангом до самых ледников, пересёк канал за каналом, наблюдая пейзажи иного мира, полного диких роз и странных цветов. Поднимался по диким скалам, затерянным в обманчивом тумане, пронизанном лучами, которые видел только я, наблюдал множество странных мистических проявлений, все виды паломников, которые жаждут только Бога, и чьи взгляды сверкают невыразимой радостью, я спал в монастырях под тысячелетними идолами, спал с караванами нищих, и ощущал Бога повсюду, как друга, как улыбку, как брата света, такого близкого. Купался в ледяных водах и в каждом храме совершал ритуалы на индусских алтарях. О, мы одновременно принадлежим нескольким мирам, и я постепенно соткал нить, ведущую к тайным регионам, туда, где всё есть Любовь, тихая радость и безошибочное сознание. Я больше не бунтарь, не мученик, которого ты знала, и мне кажется, теперь я могу всех любить, всех понимать, всё принять, потому что лики Бога неисчислимы, потому что всё есть Бог, играющий для того, чтобы обнаруживать самого себя в каждой форме, в каждом существе. Насколько дурна наша любовь, насколько прозрачным и лучистым всё становится, когда мы приближаемся к центру самих себя, ах, матушка, не нужно ничего изгонять из жизни, лишь всё принять, всё вместить!

Вместе с муссоном я снова спустился на равнины, маленький

городок, наполненный плачущими криками павлинов и неутомимой болтовнёй попугайчиков на берегу реки Ямуна, где ребёнком играл Кришна, извилистые улицы посреди развалин империи моголов, религиозные песнопения, звуки цимбал и тамбуринов, грохочущих басом и воспевающих славу Кришне. Все обряды состоят в том, чтобы петь и танцевать: Бог это радость. Через несколько дней я снова собираюсь отчалить — в Бенарес, святой город, до которого мы планируем добраться к 15 августа. Я очень часто встречаюсь с тобой в своих снах, и мы вместе путешествуем в другие миры — тонкая связь между нами очень крепка, ты это чувствуешь? Я представляю, как ты сидишь у окна в *Кэр Лизе*, и я ощущаю себя рядом с тобой, очень близко, ты это чувствуешь? Расскажи мне новости о себе, и о всех остальных. Каким стал мой брат?? счастлив ли он? И какая теперь Франция де Голля? Я ничего не знаю о внешнем мире. Ты можешь писать мне в Калькутту, куда я должен добраться к концу августа.

.....

Передай отцу мои тёплые пожелания. Обнимаю тебя, матушка, очень нежно.

Б.

***

Вриндаван, 10 августа 58
Клари

Дорогая подруга, ваше письмо от 18 июня достигло меня только сейчас, совершив круг по всей Индии, от одного почтового отделения до другого. Как я сожалею, что не смог поддержать вас хотя бы словом в течение этого нелёгкого периода — но я часто думал о вас, возможно, вы это чувствовали, и я думаю, что в некотором смысле могу вас защитить, это зависит от вас: каждый раз, когда вы думаете обо мне, я оказываюсь рядом, в остальное время я — нигде.

Вот вы снова одна, я очень хорошо чувствую, насколько это

болезненно⁴⁸. (...) Напишите подробно, как устраивается ваша жизнь с практической стороны, я хотел бы знать, хотел бы лучше внимать вам. Но я всегда ощущал в вас нечто абсолютное, и временами удивлялся, как вы умудряетесь поместить этот абсолют в какого-то человека, эти вещи столь обманчивы, столь ненадёжны. Что именно так глубоко «задело» вас?? «Верить в себя» — это и означает достичь непоколебимого, неуязвимого центра, единой, цельной скалы. И не думайте, что этот внутренний центр будет центром равнодушия и холодности, некого Олимпийского одиночества — напротив, это нечто очень тёплое, но спокойное, мирное, как вода, и как раз в этом спокойствии могут проявиться истинные вещи. Подруга, моя песнь монотонна, но разве вы не чувствуете, что мы должны прийти к другому сознанию, истинному сознанию, к другой жизни, истинной жизни, а иначе этот человеческий маскарад почти не стоит пережитых страданий, мы умираем от ограниченности, и главное — мы не способны любить, это самое ужасное — отсутствие истинной любви в обычной, повседневной жизни людей.

Не подумайте, что я раз и навсегда укрепился в радости без следов тени. Кажется, что победы никогда не бывают окончательными и что всякий раз оказываешься перед необходимостью завоевания более обширных областей, победы всегда приходится делать заново. Но я изо всех сил цепляюсь за некоторые ошеломляющие опыты, сверкающие подобно маяку в те периоды, когда я в темноте, и эти опыты — неопровержимые обещания того, что другая жизнь возможна, другая истинная жизнь.

Я пишу вам сидя на земле на корточках в старом гараже, полном москитов, в котором я на неделю нашёл убежище от муссона. Хожу от храма к храму, выпрашивая пищу. Это город Кришны на берегу реки Ямуны, и здесь около четырёх с половиной тысяч храмов! Это для того, чтобы сказать вам, что я не умру от голода! Эта жизнь нищего с бритым черепом, одетого в оранжевое платье Саньясина с палкой и котомкой, была полна опытов. Думаю, что теперь я могу пройти через что угодно, я закалён, бронирован, как старый ихтиозавр. Мне довелось спать повсюду, на вокзальных перронах, в странных

---

48 Клари только что рассталась со своим мужем, Максом.

монастырях под зловещими идолами, я проводил обряды у самых труднодоступных алтарей, и я неутомимо таскал за собой свою жажду — именно эту жажду нужно поддерживать, Подруга. Нищие будут накормлены. Через несколько дней я сажусь на поезд до Бенареса (индийские поезда — это наиболее утомительно, когда приходится бесконечно сидеть скрючившись друг на друге в грязи и душной жаре). Ах, подруга, от всей моей души, со всей силой жизни, которая есть во мне, я верю, я ВЕРЮ.

Сейчас у меня не возникает и мысли о том, чтобы писать, как будто я поднялся на одну ступеньку и вышел за пределы этого. Я полон чего-то иного, которое меня сжигает. Писательство почти не имеет смысла (теперь для меня), разве только для того, чтобы помочь другим, но похоже, этим другим не по вкусу то, что я пишу, и поэтому я закрываю лавочку до того, как войдёт в силу новый закон. А вы?? Gallimard вернуло вам моего *Золотоискателя*? Очень не хотелось бы, чтобы он завалился где-нибудь.

Есть ли новости от Франсуа? Я столько думаю о нём. Он не упомянул о своей помолвке, и с тех пор от него ни слова.

К концу августа мы предполагаем дойти до Калькутты, если Бог позволит. Вы можете написать мне туда, на моё индийское имя. Потом я собираюсь возвратиться в Пондичерри, по крайней мере к сентябрю, чтобы восстановить силы и привести себя в порядок.

Пишите скорее, Подруга, мне не терпится узнать, как вы там. Я вас не оставляю. Я с вами со всей своей нежностью.

Сатпрем.

***

Ашрам Шри Ауробиндо
Пондичерри, 12 августа 1958
Суджата Сатпрему

Дхумрапа,

Вчера нежданно-негаданно прилетело ваше письмо от 7-го числа. Сегодня утром я прочитала его Дорогой Матери. Как только я сказала ей, что получила письмо от Сатпрема, она сказала: «Что он пишет? он

мне не написал». И она выслушала всё от начала до конца очень внимательно — после Балкона⁴⁹, перед обедом. Потом она спросила, написала ли я вам. Я сказала «да, но после Даршана⁵⁰». Она сказала, что лучше было бы написать незамедлительно и что она добавила бы несколько слов, чтобы вам их передать.

Так как вы просили узнать новости: «всё ли с ней хорошо?», я спросила у неё, что я должна ответить. Она меня сначала пожурела. И затем сказала написать вам, что «всё хорошо». Так что я вам пишу, что всё очень хорошо. И когда она вручала мне своё письмо, то попросила передать вам, что я прочла ваше письмо Матери и что вот её ответ.

Время. Я убегаю, а то пропущу курьера.

Итак, до скорой встречи.

Суджата

P.S. На самом деле, я не прочитала Матери всё письмо *полностью*. Я ведь не настолько злая, чтобы делать это. То, что вы поместили в конце по поводу этой «проклятой» гимнастики — *indeed!* [воистину правда!]

***

Пондичерри, 18 августа 58
Суджата Сатпрему

Шри Свами Сатпреманандаджи,
Намасте [приветствую].

Конечно, я больше не буду приходить к вам для бесед. Не из-за гимнастики, а просто потому, что мне страшно приближаться к вам.

---

49 Каждое утро к 6 часам Мать появлялась на своём балконе перед толпой учеников.

50 15 августа, в день рождения Шри Ауробиндо, все ученики один за другим проходили перед Матерью (а ранее и перед Шри Ауробиндо). Это называлось «Даршан».

Думаю, что вы стали великим саньясином, а у великих саньясинов есть одна скверная привычка. Они по малейшему поводу обращают людей в пепел. А я пока ещё не хочу существовать в космосе в качестве пыли, мне больше нравится та форма, в которой я нахожусь сейчас (я начинаю становиться такой же большой как Мридуди*, боюсь, вы меня не узнаете).

Даршан прошёл хорошо, несмотря на большую толпу. Во время всего Даршана едва можно было пошевелиться.

Программа была настолько насыщенная, что Мать немного устала. Но не слишком.

Вы, наверное, знаете, что она собирается переводить «*Thoughts & Aphorisms*» [Мысли и Афоризмы Шри Ауробиндо]. Она хочет заняться этим с классом, занимающимся по пятницам, как только Дхаммапада будет готова. Она сказала, что если бы нашёлся тот, кто читает и понимает эту книгу, она дала бы ему сертификат интеллектуала.

Спортивные состязания почти закончились. Остались только эстафеты и перетягивание каната.

Мы все будем очень рады снова увидеть вас.

Мои молитвы всегда с вами.

С дружеским приветом
Суджата

P.S. Извините за все эти вычёркивания, меня отвлекали по меньшей мере раз сто.

***

Пондичерри, 1 сентября 58
Клари

(Сатпрем вернулся)

Подруга, мне нравится тон вашего последнего письма: есть нечто

---

* Мриду — кухарка Матери, очень полная женщина (прим. пер.)

расслабленное и мирное — по крайней мере, мне кажется, именно это я почувствовал за вашими словами.

Конечно, нужно следовать за скрытым потоком и *в определённой степени* не слишком форсировать вещи: эта внутренняя работа не имеет ничего общего с вашим пониманием головой, и наша голова слишком мала, чтобы вести нас в эти глубинные регионы — поэтому следуйте за вашим поэтическим потоком настолько искренне, насколько возможно, это и есть ваша Йога, я вам уже об этом говорил. Но однако, не будьте слишком «упёртой», ибо наступает момент, когда становится воистину слишком поздно — вы ведь знаете об этой пресловутой мудрости бессильных!!

Я спешно возвратился в Понди по ряду причин. Слишком рано говорить вам о бесчисленных опытах, которые я пережил, впрочем, полагаю, эти вещи ценны только для меня одного.

.....

Причина, по которой я «закрываю лавочку», совсем не та, о которой вы подумали. Это совсем не потому, что им не по вкусу написанное мной, но потому, что меня сжигает нечто другое. Да, сжигает. И на данный момент писательство кажется мне абсолютно вторичной деятельностью. Возможно, впоследствии это ко мне возвратится, но оно уже не будет как раньше — я поднялся на ступеньку выше, и если и буду писать, то лишь подчинившись высочайшему требованию, снизошедшему в мою маленькую башку. Так обстоят дела на данный момент.

Выше нос, подруга, обнимаю вас со всей сердечностью. Не падайте духом. И пожалуйста, вышлите мне свои стихи.

Сатпрем

***

Пондичерри, 10 сентября 58
Бернару д'Онсие

Старина, я, наконец, возвратился в Понди после долгого путешествия. Это было суровое испытание на всех планах. Нужно столько всего рассказать, но я предпочту пока воздержаться:

возможно, позже я опишу это в книге, когда всё усвоится.

С моим Свами-инструктором я прошёл по всем, или почти всем, традиционным алтарям Севера. Географически это Харидвар, Ришикеш, Кедарнатх, Бадринатх, Вриндаван, Бенарес, Гайя и различные места в Бенгалии. Я действительно проник в сердце Индии, побывал у наиболее неприступных алтарей в Гималаях и *ощутил* множество вещей, но ты понимаешь, что об этом невозможно рассказать в простом письме. Теперь я знаю на опыте, что индийская традиция очень мощная (всё-таки это наиболее древняя традиция мира!) и бесконечно живая, настоящая. Определённо, Индия — моя страна: начиная с Рамешварама я *возобновил связующую нить* с весьма древним существованием, и весьма реальным — поскольку это истинное существование — и мне кажется, что тот, кого звали неким Бернаром, это чужак, или скорее, далёкий брат; то, чем я был раньше, в настолько малой степени являлось мной, и было настолько плохим; а теперь я живу здесь уже давно, имея очень древние корни, и понемногу начинаю узнавать то, что я хочу выразить. Бог мой, какой путь!! Всё успокоилось... Кажется, что я даже изменился физически, настолько глубокий внутренний переворот произошёл — не совсем «переворот», скорее, «раскрытие».

Что касается тантрического посвящения, я едва ли прошёл один шаг на этом пути. Времени было слишком мало: понадобятся годы — приблизительно лет пять, ибо есть различные стадии. Поэтому мне придётся встречаться с моим Свами-гуру время от времени. Сейчас он здесь, но, несомненно, в ближайшее время снова отправится в дорогу, он всегда ходит один.

Я начал изучать санскрит.

Вот такой маленький знак дружбы от меня, дорогой мой старина. Несмотря на молчание, я часто думал о тебе; впрочем, думаю, наши отношения будут развиваться за пределами слов, или месяцев, или лет. Тем не менее, хотелось бы знать, как ты там в материальном плане? Есть какое-нибудь новое приключение? или вроде того? Напиши, пожалуйста.

С сердечной дружбой к вам обоим

Сатпрем

P.S. Моё пребывание здесь, в Ашраме, также начинает обретать свой истинный смысл⁵¹.

***

Пондичерри 8 октября 58
Бернару д'Онсие

Дорогой старина, я долго медлил, прежде чем написать тебе и поблагодарить за портфолио, который ты любезно выслал мне, а главное, сказать тебе, как я рад, что ты так хорошо всё понял — фактически, ты и вправду единственный во внешнем мире, кто действительно что-то понял в том, чем я занимаюсь и чем становлюсь; я имею ввиду понимание оккультного и глубинного аспекта моей жизни. И разумеется, было бы очень неплохо поговорить с тобой сейчас, когда я «распутался», я смог бы лучше услышать тебя, несмотря на то, что мой закон отличается от твоего. Кстати, любопытно, насколько мы, пребывая на определённой глубине, можем всё понять, повсюду уловить истинную нить... Но я не могу приехать в Хайдарабад. У меня по горло работы, и этим объясняются задержки с ответами на твои письма. Возможно, позже, если я снова отправлюсь в дорогу на север для тантрического посвящения... Но до этого пройдёт ещё немало времени.

Я был не очень удивлён твоим столь серьёзным решением полностью порвать с семьёй и поменять имя. И вправду, что у тебя общего со всеми этими людьми? Единственная стоящая вещь, которую ты получил от них, это твоё дворянское происхождение, заключающееся не только в твоём имени, но в чём-то ином, и как раз это иное они потеряли. И я полагаю, что для любого истинного воздействия на Европу поток должен идти отсюда, из Индии. Но здесь наши с тобой законы расходятся, и я не очень хорошо знаю, в каком пребываешь ты, или, точнее, где находишься ты. В любом случае, я рад, что в тебе произошло открытие, что ты ступил на «тропу» и что у тебя есть причина продолжать. (...)

---

51 Речь идёт о конкретной, особой работе Сатпрема рядом с Матерью. Эта работа начинает обретать форму.

Что до остального, я работаю, работаю на всех планах. И воздерживаюсь от того, чтобы писать что бы то ни было. Я жду, когда придёт нечто свыше, и это больше не зависит от моего желания. Впрочем, вся моя судьба больше не зависит от моего маленького эгоистичного желания. Я прекрасно вижу, что мог бы сделать себе писательскую карьеру, но всё это кажется мне ребячеством, и действительно, я теперь вижу нечто намного лучше — теперь, когда я знаю, я терпелив.

Сердечно обнимаю вас обоих,

Сатпрем

***

Пондичерри, 12 ноября 58
Клари

С опозданием, но скажу вам, что два ваших стихотворения прекрасны. Я в них влюбился. Кажется, что теперь приходят более полные, более глубокие образы. Особенно мне запомнилось *Я несу в себе...* оно содержит в себе несколько очень красивых образов, а некоторые слова просто вибрируют. Я очень рад.

Немного критики от старого неисправимого моряка: некоторые термины *Ладьи под парусом* кажутся мне неподходящими — по крайней мере, для моряка! но это неважно, можно оставить так или привести в порядок, в любом случае, оно хорошее.

Насчёт моряка — вы спрашиваете, есть ли у меня новости от Франсуа; вот уже ровно год ничего. Что вам сказать? Мои отношения с «другими» сильно изменились, потеряв, я полагаю, свой эгоизм, и если я о чём-то и сожалею, то лишь о том, как остаются «позади» те, кого я думал более-менее «просветить». Это всё. Возможно, я потерял сентиментальность, но ни в коем случае не глубинную любовь; и я снова обрету Франсуа, когда он этого захочет, когда будет готов; пусть он идёт своим путём! Впрочем, как вы сможете, даже под влиянием глубокой дружбы, действительно постичь то, чем я здесь занимаюсь? Достаточно мне самому переместиться в мыслях хотя бы на пять лет назад, чтобы увидеть, что меня никто не понимает, за исключением

тех, кто открыт другим планам сознания. И я сожалею о том, что не могу помочь другим разделить со мной мои исследования. Всё хорошо, лучше об этом не говорить, это придёт позже. Мне ещё предстоит долгий путь.

Я много думаю о вас, особенно с начала ноября, когда вы должны были начать работать продавцом-консультантом. Должно быть, это утомительно. Но я уверен, что этот опыт, пережитый определённым образом, с определённым внутренним отношением (без напряжённости, без жёсткой скованности: я имею в виду «скованность» в отношении «я способен на...»), этот новый опыт *должен* что-нибудь вам дать.

И вы пишете: «Я полна жалоб и усталости, всегда неустойчива — а через минуту всё может стать с точностью наоборот...» О, я хорошо это знаю! я прекрасно понимаю! Возможно, наиболее трудная вещь состоит в том, чтобы *захотеть* подняться выше, потому что мы полагаем, что поднявшись и выйдя за пределы этих чередований невзгод и радостей, жалоб и экзальтации, мы иссушим, обедним свою жизнь. Да, наиболее трудное состоит в том, чтобы избавиться от своей привязанности к страданиям — потому что без них жизнь действительно может показаться безвкусной. И однако, если бы вы знали... Но это, нужно научиться только одному, в этом и состоит вся внутренняя работа, и она делается не головой. Но пока мы в нынешнем состоянии, ничто истинное не может проявиться, за исключением разнообразным мелким вспышек, дающих нам склонность или тоску к «чему-то иному». Несколько дней назад мне повстречался афоризм Шри Ауробиндо, который я хочу процитировать:

«If mankind only caught a glimpse of what infinite enjoyments, what perfect forces, what luminous reaches of spontaneous knowledge, what wide calms of our being lie waiting for us in the tracts which our animal evolution has not yet conquered, they would leave ail and never rest till they had gained these treasures. But the way is narrow, the doors are hard to

force, and fear, distrust and scepticism are there, sentinels of Nature to forbid the turning away of our feet from her ordinary pastures⁵². »

Я всегда боюсь оказаться братом-проповедником! Если бы я только мог объяснить, что это «нечто иное» не является побегом или отрицанием жизни, но её осуществлением, её полнотой — понимаете, мы в той или иной степени замурованы в наших Пюто и наших Бекон-ле-Бруйе^{*}, а есть ещё этот огромный Дальний-Запад, которому только предстоит раскрыться, моря обманчивого света, вся эта жизнь, которая пока ещё не стала истинной, эта изломанная неуклюжая жизнь, которую нужно наполнить, сделать единой и просторной. Беда в том, что для этого нужно действительно поработать. Но мы быстро замечаем, что на самом деле в жизни нет *ничего другого*, для чего стоило бы работать, будь ты в Ашраме или без Ашрама.

Бесспорно, подруга, я хорошо понимаю, что каждый будет стараться по-своему — речь идёт о тех, кто искренен, и я знаю, что вы или Франсуа, определённо, не останетесь «позади». Но я очень требователен. На этом всё.

.....

Обнимаю вас, Подруга, не падайте духом, я вас не оставлю.

Сатпрем

***

Пондичерри, 14 ноября 58
Бернару д'Онсие

---

52 «Если бы люди ощутили хотя бы проблеск того, какие бесконечные радости, какие совершенные силы, какие светоносные сферы спонтанного знания, какое обширное спокойствие нашего бытия ждут нас на путях, которых ещё не завоевала наша животная эволюция, они бы оставили всё и не успокоились бы до тех пор, пока не обрели эти сокровища. Но узок путь, нелегко открываются двери, а страх, недоверие и скептицизм — верные стражи Природы — наготове, не позволяя нам покинуть её привычные пастбища».

* Старинные французские городские кварталы (прим. пер.)

Дорогой старина,

Знаешь эту песню — колесо вращается, вращается, вращается. Всё это было слишком красиво, слишком блаженно, а я снова погружён в ужасные вещи. Но ты не можешь знать... словно это становится всё более и более острым и болезненным. Кто может понять, сколько мрачной черноты я видел в этом скотском существовании? Возможно, ты? Понимаешь, у меня болит повсюду, повсюду — и всё это всухую, без слёз, своего рода опустошение.

Я пишу не для того, чтобы пожаловаться, впрочем, жалобы напрасны, и я достаточно ясно вижу — увы, — чтобы понимать, что определённые вещи должны истощиться, вот и всё. У меня есть проект, о котором мне хотелось бы рассказать.

В любом случае, я не хотел бы предпринимать ничего серьёзного, не поболтав немного с тобой. Как думаешь, возможно будет заехать к тебе? Просто скажи мне, я не хочу беспокоить кого бы то ни было.

Забавно, кажется, именно Ашрам является причиной всех этих ужасных вещей! Нет, не совсем так — просто «сила» здесь очень мощная, и, полагаю, она выдавливает весь дурной сок.

Это не столь драматично, не порть себе кровь из-за меня, я твёрд, как старый бретонский пират — но мне требуется ещё разок «попутешествовать».

Сердечно
Б.

***

Пондичерри, 23 ноября 58
Бернару д'Онсие

Мой дорогой старина, твоё письмо так меня взволновало. Ты столь по-братски открываешь передо мной двери своего дома — а дом, открытый для типа вроде меня, это нечто, я тебя уверяю. Ты — последняя связь с внешним миром, наконец, ты — друг. Иначе говоря, у меня нет больше ничего, ни друзей, ни брата, ни родины. Впрочем, я не сожалею — а что я ещё могу?

Да, Мать получила по поводу меня определённые откровения. Это объясняет мою проклятую судьбу. И эта Судьба, она всё больше и больше сжимает меня, неумолимо. Ты не представляешь всей дьявольской изобретательности этой истории. Мало-помалу тебя запирают в ловушку, в нулевую точку, где возобновляются все старые движения предыдущих жизней — они повторяются бесконечно. И самое дьявольское в том, что внешне кажется, будто мы сами за это в ответе, будто мы сами организовали наше собственное удушение — и в подтверждение есть все доказательства против нас. Но всё это делают «они». А мы — те, кто покоряется, мы те, кто за всё расплачивается. И мы те, что чувствует боль. Какой скорбный лжец изобрёл подобное: «Это моя вина, моя вина, моя огромная вина»? Как будто главным качеством человека не является высочайшая невинность, невинность, которая кричит. Я обязательно написал бы об этом целую книгу, если бы не чувствовал абсолютной тщетности всего, всего. Книгу на манер греческих трагедий с чёрным хором, подобным там-таму, подчеркивающему ритм нашей безжалостной жертвы.

Ах да, жертва! Возможно, в этом наше достоинство человека — знать. И что потом? Молчать? Сбежать в лес, в какой-нибудь бельгийский или ацтекский Конго — в любом случае всегда требуется какое-нибудь Конго, каждому своё Конго. Прожить судьбу доходчиво и ясно, отмечая маленькие достижения, мелкие делишки, которые всегда в порядке — единственное, что всегда в порядке!

Чувствовать свою безгрешность — это путь гордости. А Бог желает нас одолеть.

В итоге, пришлось принять Вину. Предать самих себя, чтобы иметь право войти в двери света. Именно в этом вся проблема.

Возможно, ошибка возникает тогда, когда мы говорим «самих себя», предавать самих себя. Потому что, фактически, нас самих нет, есть актёры драмы, сыгранной в другом месте, в другое время, в других мирах. А мы тут не более, чем представители, играющие в представлении. Зло начинается, когда актёр начинает говорить «я».

Представь себе месье Как-там-его-зовут Французской Комедии в роли Ореста, который начал бы говорить: «Но это неправда, я не

убивал Пирра, и мне наплевать на эту стерву Гермению*!» — и которого Эринии*, тем не менее, хватают за волосы, совсем не понарошку! Вот такая штука.

Вот уже пятнадцать лет, как я борюсь против своей Судьбы или, скорее, как я полностью погряз в борьбе. Мне хочется уснуть. Закрывать глаза и сказать «да». Йога означает «нет» Судьбе, она означает — вынырнуть в плане высшего сознания, где весь низший детерминизм уничтожается; но дело в том, что животное не отпустит так легко свою добычу. Тогда меня лихорадит, лихорадит — теперь ты понимаешь, что я имею ввиду под «уснуть».

Прости за столь длинный экскурс. Мне хотелось бы отправиться в Хайдарабад. Я не знаю, как. Была мысль попросить у Матери денег для исполнения начального проекта. Но теперь я почти уверен, что она откажет мне в деньгах. Всё это весьма похоже на историю загнанного зверя. Поскольку ты отлично понимаешь, что я не могу заявиться к тебе просто так, без гроша, чтобы потом отправиться «куда глаза глядят». Просить милостыню для меня не проблема: теперь я официальный нищий в оранжевой одежде, это хорошо прокатывается в Индии, но не для того, чтобы выпросить билет 3-го класса до Дар-эс-Салама. Также я подумывал написать книгу, чтобы освободиться, вырвать себя из лап этой Судьбы, выбросить всё это — но для этого тоже нужны «финансы». Так что я не знаю. Вероятно, нужно всё же положиться на милость и уйти по воле ветра. По сути, я уже ни во что не верю, кроме милости. Только она может всё спасти.

Следовательно, я могу прибыть внезапно, если найду несколько рупий на дорогу или даже совсем без рупий, если поставлю весь свой капитал на всё-равно-что, которое, я надеюсь, всегда полно чудес.

Видишь, это странно, что есть во мне глубокая вера, *абсолютная* вера в чудо. Я верю, я всегда верил в чудеса. А ещё мне кажется, что смысл моей жизни в том, чтобы призывать это Чудо вопреки Судьбе. И когда всё окажется полностью разорённым, внезапно объявится мой брат света, мой золотой архангел, и мы вместе отправимся в новую Страну — наконец-то, в мою страну.

---

* Персонажи трагедии Ж. Расина «Андромаха» (прим. пер.)

* Эринии — в древнегреческой мифологии богини мести. В римской мифологии им соответствуют фурии — богини ярости (прим. пер.)

Очень нежно обнимаю вас с Маник,
(Теперь уже и не знаю, как подписываться, я больше не Сатпрем и я больше не Бернар — неопределённость не пойми где.)

***

(В самом начале декабря Сатпрем вновь отправился в Хайдарабад, намереваясь подготовить свой отъезд в Африку. Но перед тем, как приступить к действиям, он понял, что для него невозможно покинуть Индию, и отказался от своего проекта.

Тогда, растерянный, по совету Матери он отправился в Рамешварам, чтобы снова встретиться со Свами, с которым он прошёл по Цейлону и Северной Индии.

В то же время с 9 декабря Мать прошла через серьёзное испытание, которое угрожало её физическому существованию, это было началом её «йоги клеток».)

Хайдарабад, 4 декабря 58
Суджате

Диди,

Вот уже два дня я в Хайдарабаде, и часто в своих мыслях, в своей привязанности я обращён к вам. Не знаю, почему, но я нуждаюсь в вас — вы для меня благо. Однако, я не заслуживаю столь многого.

С тех пор, как я оставил Пондичерри, ярость моих внутренних «тайфунов» улеглась, но счастья во мне нет, я не вижу ничего, ничего, я не знаю, что собираюсь делать. Конечно, есть выход — отправиться в Африку, но я не могу по-настоящему принять это решение: кажется, что моя жизнь и моя душа привязаны к Индии, а я не могу жить без моей души. Так что же делать, ведь я также не могу жить и в Ашраме? Понадобится чудо, которое изменит всё. Жизнь дурно скроена, Диди; если бы только мы встретились вне Ашрама... Но в конце концов, вещи таковы, каковы они есть, и я не жду, что вы дадите мне решение моих проблем, но если вы дадите мне немного вашей дружбы, просто посылая письмо время от времени, вы будете

хорошей Диди.

Вот. Посмотрите за меня на море и сделайте немного вашей проклятой гимнастики!

Моя привязанность с вами.

Дхумрапа

***

Хайдарабад, Воскресенье 7 декабря
Суджате

Подруга Суджата,

В несколько строк сообщу вам, что я окончательно отказался ехать в Африку. Сегодня вечером покидаю Хайдарабад и отправляюсь в Рамешварам, где присоединюсь к Свами. Вы видите, я навсегда привязан к этой стране, и больше уже не могу её покинуть.

Понемногу начинаю выходить из своей бури и надеюсь, что в Рамешвараме всё окончательно наладится. Тогда я возвращусь в Пондичерри, если буду достаточно силён, чтобы сопротивляться тайфунам, которые меня там ожидают.

Диди, вы не представляете, насколько ценно для меня ваше дружеское присутствие. Не забывайте меня. Мне нужна ваша дружба и ваша мудрость.

Вы получили моё последнее письмо?

Сердечно
Дхумрапа

***

Пондичерри, 7 декабря 58
Суджата Сатпрему

Дхумрапа,

Я сообщила Матери ваши новости. Она спросила, были ли вы с друзьями. И она находит правильным, что вы останетесь там [в Рамешвараме], пока не найдёте истинное решение.

Я тоже рада, что вы не приняли решение уехать в Африку. Ибо, пока вы не покинете Индию, я храню надежду снова увидеть вас в будущем, не очень отдалённом.

Это любопытно, Дхумрапа, но я чувствую, что знаю решение. Ключ находится в том, о чём вы мне рассказали в тот последний день у моря. Но я не могу увидеть. Конечно, он вскоре обнаружится, и тогда... тогда произойдёт столь долгожданное чудо.

Дхумрапа, знаете, что бы произошло, если бы мы встретились вне Ашрама? Весьма вероятно, вы нашли бы Суджату вот такой *[маленький рисунок]*. Очень полная матрона, окружённая двадцатью (или тридцатью) детьми, которая сверх того была бы снобом (поскольку нашла бы вас совершенно невыносимым!).

Нет, серьёзно, неужели вы не понимаете, что тот ребёнок, который оказался однажды перед вами, простой, без вуали, мог существовать только рядом с Матерью, только для Матери? Возможно, в конце концов, жизнь не так уж дурна.

Жаль, что вы сейчас не здесь. Гимнастики не будет до 19-го. Но я опасаюсь долго смотреть на море; ветер очень силён, и Диди, как обычно, простужается. Вы ведь знаете, что моя дружба с вами крепка, не так ли.

Суджата

8.12.58 P.S. Самочувствие Матери плохое. Она не была на теннисе вчера и на Балконе сегодня утром. Как только будут какие-то новости, я вам напишу.

***

Рамешварам, 12 декабря 58
Бернару д'Онсие

Дорогой старина, дорогая Маник,

Пару строк, дабы сообщить вам, что я следую к месту назначения. Свами старается изо всех сил, чтобы сохранить мне жизнь. Ты не представляешь, через какой ад я прошёл. В конце концов, возможно, всё уладится, но я пока ещё в очень плохом состоянии. В новолуние,

когда я был на самом дне своего кошмара, Свами дал мне первое тантрическое посвящение.

Бернар, Маник, я был очень плохим компаньоном во время короткого пребывания у вас, и вы, воистину, вели себя по-братски, выдерживая всё это. Возможно, однажды я приду к вам в состоянии не-кризиса, что будет более приятным для вас, и мы сможем поговорить с пользой. Простите мою невыносимость.

.....

Спасибо вам обоим за братское участие в моих бедствиях. О, что за жизнь!

Обнимаю вас
С.

***

Шри Ауробиндо Ашрам
23 декабря 58
Суджата Сатпрему

Дхумрапа,

От вас действительно уже очень долго не было новостей. Фактически ничего с тех пор, как вы покинули Хайдарабад. Чем вы занимаетесь? Всё ли у вас хорошо?

Мать понемногу поправляется. По ночам у неё ещё бывают боли; но каждый раз боль уменьшается в силе и продолжительности. И Она почти может нормально есть.

Возможно, 1-го утром мы будем музицировать, но Она не пойдёт в «Процветание»^{*} после полудня. Начались турниры. Но это не мешает нам усердно заниматься гимнастикой.

Ваше море очень красиво в эти дни. Серебристо-голубое в глубине, оно выглядит очень тихим и спокойным. Но раньше волны постоянно накатывали на берег, создавая музыкальный аккомпанемент, а белая пена завивалась в серебристые буруны. Словно жрица, обращающая к небесам суровую, глубокую и

---

* Один из павильонов Ашрама (прим. пер.)

улыбающуюся песнь. Словно воспевая божественное Имя. Имя, едва уловимое, почти произнесённое, которое, однако, ускользает от нас, потому что мы пока ещё не умеем слушать сердцем. Когда мы научимся?

Хватит болтовни на сегодня. Жду от вас новостей.

С добрыми помыслами; и хорошего вам года.

Дружески

Суджата

24.12 P.S. Я только что перечитала письмо, прежде чем его послать. Оно показалось мне замечательным. У меня 10 из 10-ти, Месье Писатель?

***

Рамешварам, 25 декабря 58

Суджате

Подруга,

Я помню, что ваш день рождения в декабре, но не знаю, когда — я отметил дату на клочке бумаги и естественно, потерял этот клочок. Но так как я думаю о вас каждый день, это выглядит так, будто ваши именины происходят всё время, поэтому надеюсь, что Диди не будет сердиться? Доброго праздника на все года и все грядущие рождения, когда мы снова будем беседовать на берегу моря, не подозревая, что мы всегда знали друг друга — надеюсь, вы хорошо отметили свой юбилей.

Вы правы, если бы мы встретились вне Ашрама, у меня не было бы такой любви к вам; здесь же вещи происходят более истинным образом. Но действительно ли я так невыносим, как вы говорите?? Это правда, что иногда я с трудом выношу сам себя, так что понимаю вас.

Я снова погружён в работу и мало-помалу приближаюсь к своей внутренней правде, но пришлось пережить очень плохие дни, Диди. Уф, какие бури! Наконец, всё чуть улеглось, я стойко держусь и продвигаюсь вперёд.

По возвращении в Ашрам, мне бы не стоило оставаться в одиночестве, думаю, это не очень хорошо, особенно, когда возникают трудности. Надеюсь, вы меня не покинете, даже если я невыносим, и вытащите меня за волосы (в конце концов, только это и остаётся — я сохраню сей навык).

Возобновила ли Мать свою деятельность? Как она? Я получил её письма и пишу ей регулярно, но она не слишком распространяется о своём здоровье. А вы? Чем вы занимаетесь, за исключением простуды? Вот, дорогая вредина, на сегодня всё.

Дхумрапа

Сообщите также новости Ашрама.
И с новым годом!

***

1959

Рамешварам, 1 января 59
Суджате

9 из 10, Мадемуазель
и хорошего года

Дхумрапа

***

Пондичерри, 1 января 59
Суджата Сатпрему

Хорошего года, Дхумрапа.

Матери намного лучше. Вчера она играла на фисгармонии около двадцати минут. Ровно в 10.30 она начала читать послания (на французском и английском), а затем играла. Она ещё очень слаба, хотя уже неделю боли не возвращались.

Она остаётся в своей комнате наверху, куда Нолини и Амрита в 10.30 приносят корреспонденцию. К 3 часам она спускается принять ванну. После ванны остаётся некоторое время в своей комнате и в это время она встречается с Павитрой. Мы это видим, когда она проходит через коридор.

Вы прекрасно знаете, что я не считаю вас невыносимым. Учитывая преходящий характер вещей, какое вы имеете право считать, что я существую ещё и для того, чтобы вытягивать вас из ваших бурь? Вам ещё нужно много прогрессировать, Дхумрапа! Нет, конечно же, я хочу, чтобы по возвращении вы больше не страдали от этих «тайфунов».

Спасибо за пожелания. Но не бойтесь, я совсем не сержусь,

потому что я даже не ожидала, что вы помните так много. И потом, мне хотелось бы забыть этот день в нынешнем году. Ибо я не смогла получить благословение Матери.

До свидания и хорошего года.

Суджата

4.1 P.S. Я только что получила ваше послание от 1-го, Месье поклонник Рамчандры. Что вы имели ввиду, говоря 9 из 10, Мадемуазель? Если у вас ещё остались волосы, я вас уверяю, что по возвращению не останется ничего. Вот, думаю, вы оказались в замечательной компании. С вашими настоящими родственниками.

Вредина

***

Рамешварам, 1 января 59
Бернару д'Онсие

Старина,

.....

За исключением этого, всё стало лучше, я на правильной тропе. Тантрическое посвящение начинает приносить свои плоды. Но воистину, через какой ад пришлось пройти. Он ничем не уступал аду

Данте.

Итак, хорошего года, мой дорогой старина, тебе и Маник. Будьте счастливы в вашем маленьком раю. И ещё, позволь признаться, сколь высоко я ценю твою братскую дружбу, твоё понимание. Однажды мы снова увидимся, когда я буду уже не тем беспокойным человеком, которого ты знаешь, но сияющим ребёнком. Я верю в это. Тогда я дам тебе нечто.

С любовью к вам обоим.

Сатпрем.

***

Пондичерри, 15 января 59
Суджата Сатпрему

Дхумрапа,

Есть много новостей, и хороших новостей. Сегодня утром Милая Мать вышла на балкон. Позолоченное платье и тёмно-голубая шаль. Она оставалась там долго, по меньшей мере, десять минут. Она ещё слишком слабая и похудевшая, на мой взгляд.

Мать откорректировала «Опыт от 5 ноября», который будет опубликован в следующем номере Бюллетеня. Только что она дала мне «Карму» для перепечатки. Её она тоже немного откорректировала.

.....

Вчера ночью я видела белое строение на берегу моря. Небольшая веранда, затопленная морским приливом. Вы вошли внутрь через правую дверь. Также была дверь слева, насколько я помню. На стене веранды находились три группы фигурок из белого мрамора, статуи богов и богинь. В крайней слева группе была статуя Винапани (Сарасвати), привлёкшая моё внимание. Как она была красива и мила! Дальше было целое приключение. В конце концов я встретила вас. По обыкновению, вы были очень заняты, вы слишком спешили, чтобы иметь возможность поговорить со мной. У Сатпрема не было времени на Суджату. Поэтому я ушла. Отличная идея.

До свидания.

***

Рамешварам, 18 января 59
Суджате

Правильно-рождённая Подруга, как видите, Сатпрем ещё находит время, чтобы поговорить с Суджатой, но что он ей скажет? Сатпрем пока ещё не существует, а Бернар уже едва существует, осталось только что-то вроде болезненной тени, думающей, что она наконец ухватила свет, открыла дверь; верящей, что она на мгновение вышла из тюрьмы, но лишь затем, чтобы снова упасть в темноту и одиночество. Я в некотором роде пребываю между двумя мирами, нечто нерождённое и нечто, которое уже отчаялось от этих постоянных рождений, которое борется и натывается на стены со всех сторон, словно зверь в клетке. Что скажет Сатпрем?

Сатпрем-Бернар устал, он утомлён этой жизнью, которая никак не закончится, или, вернее, которая никогда не начиналась. Прошли годы, годы и годы, в течение которых я искал, боролся — впустую. Я не могу выйти. Кажется, чем больше я стремлюсь к свету, тем больше я опускаюсь в ночь. Что скажет Сатпрем? Сатпрем ещё не родился, ничего ещё не родилось.

Не знаю, возвращусь ли я когда-нибудь в Ашрам. Я хотел бы уехать, уехать далеко и неважно куда, чтобы покончить со всем, прожить простую языческую жизнь, возможно, счастливую, как жизнь негров, которые ничего не ищут. Но у меня нет денег, чтобы уехать. Вот. Так что я остаюсь подвешенным в пустоте и считаю дни, которые ничего не значат и ни о чём не говорят. Я устал, Суджата. И самое главное — я неправильно рождён.

Но вы, кто мудра, не так ли, вы знаете, что всё преходяще, всё временно; тогда какое значение может иметь страдание тени?! Посмотрите на море. Оно убаюкивает миллионы жизней, которые ничего не значат, которые проходят и начинаются заново раз за разом. Тогда имеет ли какую-то важность весь этот дурной кошмар в мирном сне богов, смеющихся над ним.

Ваш

Б.

Я надеюсь, крепость нашей дружбы не позволит вам показать эти новости Матери — эти «новости» стары как мир.

***

Пондичерри, 21 января 59
Суджата Сатпрему

(переведено с английского)

Дхумрапа,

Возможно, Сатпрему нечего сказать Суджате, но Суджата должна много чего сказать С-Б. Фактически, напиши я всё то, что нужно было бы сказать, мне пришлось бы стать писателем, что было бы весьма грустно, ибо все писатели, которых я знаю, очень печальны. И я рада, что не являюсь таковой.

Следовательно, я удовлетворюсь одной фразой, одним пожеланием: чтобы тот, кто однажды сказал «Мать — единственная Реальность», мог всегда быть рядом с вами.

Я очень рада была узнать, что вы без гроша. Желая вам всегда быть таким! Аминь.

Вы не должны опасаться, что я скажу что-нибудь Матери. Мы видимся изредка и ненадолго, кроме случаев, когда она зовёт нас для какой-нибудь конкретной работы.

Надеюсь скоро получить от вас новости, когда вам будет много чего сказать мне,

Суджата

***

Рамешварам, 21 января 59
Суджате

Диди,

Просто несколько строк, чтобы попросить вас не обращать внимание на моё *глупейшее* последнее письмо.

Да, всё преходяще, и вещи меняются.

Но я уверен, что моя дружба к вам будет преследовать вас через все ваши рождения, а значит вещи не так уж преходящи, когда они истинны.

Сатпрем-Дхумрапа

P.S. Надеюсь возвратиться к февральскому Даршану, если всё будет в порядке.

Держите меня в курсе новой программы Матери.

***

Рамешварам, 5 февраля 59
Клари

Подруга,

Пару слов, чтобы сказать, что я помню о вас. Я даже видел вас множество раз во сне. Вы получили моё последнее письмо, посланное в ноябре или октябре, когда вы должны были устроиться работать продавцом? Что произошло? Чем занимаетесь? Вы в порядке?

Три последних месяца были наиболее ужасными в моей жизни. Но божественной милостью я из этого выбираюсь, и был пройден важнейший этап. Я покинул Ашрам в начале декабря и снова отправился в путь. Это привело меня в Рамешварам, где я наконец встретил того, чьим предназначением было помочь мне, мой непосредственный «учитель». Он окончательно изгнал некоторые упрямые фантомы прошлого, обитавшие во мне, и посадил во мне новое семя. Всё хорошо. Вскоре я возвращусь в Ашрам, куда вы сможете мне написать, если пожелаете. Нужно доверять Милости, Подруга. Она всегда здесь, если мы хотя бы немного искренни и честны.

А ваша поэзия?

В одном из моих снов мне показалось, что у вас не всё в порядке, и я хотел вам написать, но я сам находился в такой дыре...

Обнимаю вас со всей своей старой дружеской привязанностью,
Сатпрем

***

Рамешварам, 5 февраля 59
Суджате

Дорогая вредина,

Итак, *black sheep* [паршивая овца] возвращается, прогуляв все уроки*. Она вернётся 11-го, накануне пуджи Сарасвати и будет иметь удовольствие дёрнуть вас за волосы при первом же случае. Дхумрапа также будет рад увидаться с вами и поговорить. Надеюсь, что Бернар со своими тайфунами не возвратится, а Сатпрем не затеряется в какой-нибудь Брахмалоке⁵³. Вот, вся семья в сборе, с некоторыми изменениями в пропорциях. До скорого свидания и со всей моей дружбой,

Дхумрапа

Увы, да, писатели печальны — но вы мне заплатите за это, Мадемуазель Нагар*.

***

Пондичерри, 19 февраля 59
Бернару д'Онсие

Дорогой старина,

Не могу больше заставлять тебя ждать, но это не пренебрежение с моей стороны. Уже целую неделю я в Понди и перегружен работой, поскольку к моим и без того нелёгким делам добавляется 6 часов

---

* *faire l'école buissonnière* — игра слов, юмористическая аллюзия на «тайную лесную школу» протестантов (прим. пер.)

53 Рай Брахмы (Седьмое Небо мира богов).

* Фамилия Суджаты (прим. пер.)

ежедневной «практики»⁵⁴). (Я встаю раньше 4 ч. утра).

Я не смог написать из Рамешварама. Ты не представляешь, через что мне пришлось пройти. Я едва не потерял разум и шкуру. Сейчас мне пока ещё трудно растолковать это тебе, поскольку Свами сыграл в этом свою роль, совсем не положительную. Ты будешь разочарован. Чтобы понять, нужно возвратиться далеко назад, в Гималаи, и объяснить тебе некоторые «причуды» Свами, которые мало-помалу обнаружились. В нём с самого начала присутствовало нечто «тёмное», чего я не мог принять (я хочу сказать, что *моё глубинное внутреннее существо* бунтовало против некоторых вещей, определённой жажды Могущества, определённого способа говорить «я», набирать учеников, выставлять напоказ мою белую кожу и утверждать свой авторитет путями, не являющимися ни путём Любви, ни путём Правды. Всё это слишком тонко, чтобы быть написанным в спешке — возможно, ты поймёшь, — и тем более, что эти вещи слишком перемешаны: у Свами есть и хорошие стороны (наша человеческая природа не является цельным куском). Короче, тягостное чувство от Свами росло, было нечто, что в некотором роде «плутовало», а ты знаешь, что в этих областях это очень серьёзно. И ещё серьёзнее было то, что я не обвинял его, но обвинял себя — в гордыне, в том, в этом. Вещи приняли настолько отчаянный оборот (всё это происходило внутри, без слов), что я перестал есть. Я говорил себе: зачем продолжать? Забавно, я даже не ощущал голода, настолько я был на пределе.

Тогда, как всегда, на самом дне дыры хлынул свет. Появился гуру, истинный, которого я должен был встретить. Я знал его, в Рамешвараме во время первой поездки нечто уже произошло между нами, но он скрывался, и я на самом деле не понимал. К тому же, я

---

54 Речь идёт о тантрической практике, главным образом *джане*, повторении мантры. Что касается «дел», Сатпрем не только корректировал с Матерью французский перевод произведений Шри Ауробиндо, готовил ежеквартальный «Бюллетень» Ашрама и писал свои собственные книги, но всё больше и больше, а начиная с 1960 года регулярно, фиксировал опыты Матери в опасной йоге клеток, которая таила в себе будущее нашего вида — это и станет *Агендой Матери*, которая к 1973 году займёт около шести тысяч страниц.

должен был подчиняться Свами. Всё, что я смог понять, что этот человек должен быть гуру моего Свами, но это не совсем ясно, поскольку он не был Саньясином (внешне он выглядел отцом семейства и был Верховным Жрецом в храме Рамешварама). Короче, я сидел на своей циновке, кормя москитов и задаваясь вопросом, не сбежать ли мне из городка, чтобы тихо и спокойно отдать концы, дабы не создавать проблем для Свами своим громоздким телом, когда вдруг явился этот человек. Он просто сказал: «Я получил Послание. В течение пяти дней тебя будут омывать в *Агни-Тиртха*⁵⁵, и к полнолунию я дам тебе посвящение». На этот раз настоящее. И в результате я проглотил половину своей порции бананов и вернулся к жизни. Вот так.

Что касается Свами, он просто позеленел (или, точнее, стал трупно-серого цвета, как это бывает иногда у индийцев), поскольку я от него ускользал. Он показал свою истинную природу — ищущего, скорее, власти, чем Света, скорее, учеников и денег, чем правды. Но мне совестно говорить об этих вещах, поскольку всё здесь сложно и перемешано, и в Свами присутствовал элемент истины, но *я почти уверен*, что он проиграет своё сражение и перейдёт на тёмную сторону. Ты понимаешь? В конце концов, никто не может знать наверняка. Его гуру внимательно следил и прервал его полномочия до получения нового послания.

Внешне мои отношения со Свами остались вежливыми и почтительными, но теперь он знает, что всё кончено. Я больше не хочу с ним видеться. Он должен прийти в Пондичерри с моим Гуру 15 марта, и надеюсь, что это будет последняя наша встреча. После Пондичерри он, должно быть, снова уйдёт на север. Я не решаюсь предложить ему зайти к тебе, или, вернее, предложить ему не заходить к тебе (потому что он тобой заинтересовался и хочет с тобой встретиться, но я совсем не уверен в чистоте его намерений; этот человек может быть опасен, и если он больше не получает сил от своего гуру, у него остались те силы, которые он получил от него вначале, они немалые, и если он повернёт не туда... неизвестно, как он ими воспользуется). (...)

---

55 *Тиртха* — источник или священный водоём, обычно находящийся перед храмами. В данном случае идёт речь о водоёме Огня (Агни).

Эх, старина Бернар, я даже не знаю, люди так коварны, так многосложны, и я постоянно боюсь оказаться несправедливым. Я колеблюсь только по причине наличия у него сил, я очень не хотел бы впутывать тебя во всё это. Скажи мне, должен ли я воспрепятствовать ему заявиться к тебе или нет.

В конце концов, весь этот ад стоил того, чтобы его пережить, поскольку в результате я нашёл. По сути, всё было предусмотрено, организовано во всех деталях божественной Милостью. Как же мы слепы! И сколь мало в нас веры в колоссальную Мудрость, ведущую нас.

Какой человек, Бернар! Какой человек! какой в нём свет и какая мягкость. Но всё это скрыто, хорошо скрыто. Это великий тантрический Мастер. Нет смысла говорить об этом. Теперь я спасён, наконец-то встал на путь.

Мать поправилась и я работаю для Неё. Она выше и за пределами всех гуру, и мои отношения с Пандитом Н.Дж. (мой гуру) никак не мешают моим отношениям с Ней. Так как меня ведёт и защищает Бог.

В спешке обнимаю вас с Маник

Сатпрем

P.S. В конечном счёте, по моему мнению, думаю, для Свами я «слишком хорош».

Извини, если мои письма слишком редки, но я буквально перегружен. Я думаю о тебе. Ты — мой друг.

***

Пондичерри, 23 февраля 59
Клари

Подруга, я хорошо чувствовал, что что-то не в порядке. Несколько раз у меня были плохие сны про вас, а это большая редкость; я хотел вам написать, но... Короче, не собираетесь же вы начать всё заново или отдать концы, Мадам, было бы слишком глупо подчиняться силам разрушения, когда у нас ещё столько важных дел. Именно так, когда человек рождается с какой-то миссией, тёмные

силы упорствуют особенно сильно. Не стоит подчиняться этому, нужно прежде всего иметь веру, что у вас есть дела поважнее. Это самое главное. Есть ли у вас эта вера?

Не знаю почему, Подруга, но у меня вызвала противодействие весьма невинная фраза из вашего письма, когда вы пишете: «Я не хочу забывать активный мир действий... Я была счастлива контактировать с существами, погружёнными в материальную жизнь...» Чувствуется за этим множество притаившихся вещей — вещей ложных. Простите меня за грубость, Подруга, но за этой очень невинной фразой кроется тёмное сопротивление, как низкий повод к тому, чтобы не заниматься главным.

Мне кажется, вы подходите к вещам *не с того конца*. Ведь существуют же более реальные способы не терять контакта. Не убивая 8 часов в день в дешёвом магазинчике или растворившись в толпе рабочих, сможете вы поддерживать контакт. Контакт поддерживается совсем на другом уровне. Вы же хотите действовать на уровне витаминных инъекций и утрированного и *завязшего сознания*, того сознания, которое как раз и нужно расширять, ибо это единственное средство установить истинный контакт со всеми существами, всеми проблемами, всеми реальностями. Я повторю, мне кажется, вы подходите к вещам не с того конца. И не надо говорить мне, как упрямое дитя: «Это те средства, которыми я располагаю, это мой конец» — потому что это неправда. Мне кажется, вы чего-то боитесь.

Естественно, я хорошо понимаю, что вы были вынуждены пойти на эту работу по необходимости, и я знаю, что вы храбрая, но есть нечто лучшее, что вы можете продемонстрировать самой себе, и я критикую как раз эту самую мысль, которую вы положили в основу.

И я не знаю, почему печалюсь ещё и о том человеке с детьми, о котором вы мне рассказывали, том человеке, который «был очень добр с вами, когда вы возвратились из Лондона, похудевшая и весьма несчастная». Я не знаю. Я чувствую. Внезапно я вас увидел. Ваше письмо смертельно несчастное, оно будто разбито напополам. Ну же, Клари, где ты? И здесь ты подходишь не с того конца. Я хотел бы взять тебя за руки и тянуть, тянуть. Но все знают, какая ты упрямая башка (я, наконец, признаю, что венгры в этом отношении не хуже

бретонцев, ну или почти). Стихи твои тоже очень печальны, очень «казнящие». Ну же, ты способна на лучшее, разве нет?? Так что же в тебе не желает понимать? Я ощущаю вокруг тебя серую судьбу И., С., они прекрасны и они мне очень нравятся, но почему тебе нравится эта серость? У меня впечатление, что ты упустила хорошую возможность, что ты позволила себе погрязнуть. Но знаешь ли ты, что жизнь имеет лучезарный смысл, и что надобно *отыскать истинное поле для борьбы*? Ибо есть за что сражаться, но не на этом убогом уровне. Нужно принимать вещи на более высоком уровне, сами по себе. О, я не знаю, что тебе сказать. Я люблю тебя и я страдаю ради тебя, драгоценная *глупышка* *.

Кроме этого, представьте себе, Издательство Seuil готово публиковать. Одновременно они попросили у меня книгу о Шри Ауробиндо в свою коллекцию большого тиража «Духовные Учителя», и они хотят продолжение *Золотоискателя*. Вообразите также, что Р.С., передавая мою рукопись в печать Издательства Seuil, сказал: «Именно эту книгу Рембо написал бы в Абиссинии»!! Бедный Рембо, возможно, ты вовсе не польщён! Так что нужно, чтобы я пересмотрел и изрядно откорректировал этого *Золотоискателя*, чтобы не публиковать бесполезных вещей, затянутостей, повторений — первая книга важна, она должна «донести». (...)

Вот, моё письмо совсем злое, в то время как тебе нужны прежде всего нежность и поддержка, бедная Подруга, но я не хочу давить на тебя нежной жалостью, я хотел бы тянуть тебя вверх, это наилучшее, что могла бы дать тебе моя дружба.

С тобой,
Сатпрем

***

Пондичерри, 9 апреля 59
Бернару д'Онсие

Старина,

---

* *Buse* может переводиться как «ястреб», «канюк», так и «законченный дурак», «тупица», «глупенький» (прим. пер.)

Я не забыл. Пишу в спешке, дабы сообщить несколько новостей. В твоём последнем письме ты говорил о моих «ссорах» со Свами. Это более серьёзно, чем ссоры, скажем так, это *было* серьёзно. Он пытался духовно меня разрушить, затем убить. Это была бы слишком длинная, и главное, слишком тонкая история — но весьма интересная для третьей стороны. Короче, всё обернулось совсем плохо, когда он увидел, что больше не может положиться на меня (его план состоял в том, чтобы использовать меня для вербовки *богатых* учеников из Ашрама). К счастью, я начинаю понемногу «пробуждаться», и у меня были символические «сны», предупреждающие об оккультных махинациях против меня. В последнем из этих «снов» он приговаривал меня к смертной казни и отдавал палачам, и на следующий день у меня была ужасная невралгия в спине, которая длилась две недели. Излишне говорить, что я тотчас же известил своего гуру и Мать. Я хорошо защищён, и ему это аукнулось, в том смысле, что он отрезан от Традиции и разрушен духовно. Но я вправду пережил странные дни — ты и представить себе не можешь, через какой ад я прошёл в Рамешвараме, когда в-одиночку боролся с ним, при этом, сверх того, сомневаясь в самом себе. Однажды я опишу тебе в деталях оккультное развитие этой истории, это очень интересно.

Конечно, я не одобрил бы многое из того, что ты обрёл. Но я не хочу обсуждать эти вещи в личностном плане. Я просто описываю события, а ты можешь делать с этим всё, что захочешь: мне кажется, что весьма неосторожно стремиться использовать столь нечистые элементы, это значит строить на фальшивом фундаменте. Ты можешь сказать, что это временный инструмент, но я знаю уже немного больше об оккультных вещах, и я знаю, что невозможно безнаказанно использовать ложь, эта штука — как гангрена.

.....

Закончу по этой теме. Ты можешь делать всё, что захочешь. Главным образом, я беспокоюсь о тебе, поскольку мою жизнь этот индивид покинул, хоть и не без труда. На этом всё. Пиши и прости меня за долгое молчание. Но сердцем я с вами.

Сердечно
Сатпрем

P.S. Свами покинул Пондичерри около десяти дней назад, чтобы снова отправиться на юг. Я не сказал ему о тебе. Так что у него осталось твоё приглашение, и возможно, он этим воспользуется. Наши отношения учтивы, он мне улыбается, в то время как я получаю от него удар в спину.

***

Пондичерри, 9 апреля 59
Клари

Подруга, я медлил с письмом, но я ужасно занят. Кажется, *Золотоискатель* получается довольно компромиссным, поскольку у меня нет времени на то, что нужно сделать. Вы можете прочесть два прилагаемых письма от Издателя. (...) Мне нужно было бы действовать незамедлительно, но жизнь, которой я живу сейчас, не позволяет мне быть поглощённым внешними вещами. Таким образом, я почти разрываюсь между необходимостью моей нынешней дисциплины, которая хочет, чтобы я отложил всё до установления нового порядка, и старой ориентацией моей жизни, в которой «писательство» кажется чем-то главным. Тогда я говорю «тем хуже» и проявляю акт веры — поскольку я думаю, что однажды, когда придёт момент, я смогу говорить об истинных, действенных и подвижных вещах. На данный момент я вложил в ножны свою потребность писать. Между тем, я собираюсь сделать несколько исправлений в *Золотоискателе*, и в особенности сделать всё возможное и невозможное, чтобы написать «Шри Ауробиндо», ибо это важнее, чем мои собственные разглагольствования.

Вы спрашиваете о моих «проектах». Вы там осведомлены насчёт «дорогого Учителя». Досадно, когда чувствуешь, что можешь что-то сказать, что должен что-то сказать, и при этом молчишь. В конце концов, на пути бывают «испытания», «тесты» искренности, и я остаюсь в убеждении, что однажды, потом, я смогу примирить внешнюю и внутреннюю сторону жизни, где *всё* найдёт своё интегральное выражение. Сейчас самое главное — расти в сознании и

работать только в этом направлении.

Но я пишу вам в-основном для того, чтобы узнать ваши новости. Что насчёт этого места в ЮНЕСКО? Есть ли материальные трудности? (...) Касательно того, чтобы вам снимать жильё вместе с вашей подругой С., я вам уже давно говорил, что мне это не нравится, поскольку это жизнь в серых тонах — словом, вы меня поняли (это не мешает мне уважать С.), но я также знаю наверняка, что жильё в Париже безумно дорогое.

Я хотел написать вам сразу же, главным образом, из-за фразы в вашем письме, где вы говорите о бурной активности С., которую *вы не можете игнорировать*. Я представляю себе. Но прежде всего, нужно избавиться от так называемой нечистой совести. Эти взбалмошные западные болваны; когда они подтёрли носы бедным, раздали бесплатные супы для народа, нанесли визит дворнику с тромбофлебитом и посетили дюжину сиротских приютов, не считая трико для солдат в Алжире, реабилитации матерей-одиночек XV века и лиги защиты тибетцев — они воображают, что *совершили* нечто. Они создали много шума, но главное в том, что они работали для собственного удовлетворения. Не нужно поддаваться на подобный шантаж. Конечно, на определённом уровне внутреннего развития послужить бедным — это прекрасно, это может немного помочь (если сделано искренне) расширить сознание. Но истинное *действие* происходит не на этом плане. И я *знаю*^{*}, что один человек, сидящий в своей комнате и сконцентрированный в абсолютном молчании, который одолел свои собственные тени, делает больше для судьбы мира, чем все объединённые парламенты. Это то, чего не знают на Западе, столь невежественном, столь омрачённом! дело в том, что за верёвочки дёргают совсем не с той стороны, с которой они полагают. Возможно, это звучит плоско, но сколько лет необходимо для того, чтобы подготовить в своём сознании *одно-единственное полезное действие*? Мы всегда ставим телегу впереди лошади, и начинаем с того, что пытаемся изменить внешнюю видимость и других людей, и даже весь мир, ни много ни мало! прежде чем обрести способность

---

* Конечно, я говорю не о себе, у меня нет подобного самодовольства: я пока ещё сражаюсь со своими тенями — бывают всё же время от времени световые прорехи, позволяющие сохранить мужество и продолжать.

изменить самих себя, да что там говорить, даже прежде чем хотя бы осознать самого себя — и осознать не в литературном смысле, я вас умоляю, но имеется ввиду истинное сознание, которое заставляет вас кувыраться в грязных пещерах, которое лупит вас по носу снова и снова, которое выдергивает вас из тревог и ужасов, сознание иногда очень лёгкое, как чайка, сознание, которое парит и которое сокрушает тюрьму, куда заключено тело. Так что, Подруга, спрячьте обратно в карман вашу нечистую совесть, оставайтесь в полном покое в вашей комнате, если сможете, и создавайте вашу *Башню из слоновой кости*, если это то, что в данный момент поможет вам в истинном осознании себя. Пусть С. суетится и ворчит, что мусор не вынесен и что именно она «делает всю работу». Я уверен, что она обожает делать всю работу — это позволяет ей чувствовать себя с чистой совестью.

Но истина, моя бедная Подруга, это не игрушки.

Я с вами, не падайте духом,

Сатпрем

***

Пондичерри, 26 мая 59
Бернару д'Онсие

Мой дорогой старина,

.....

Если говорить серьёзно о серьёзных вещах, или серьёзных шагах, в субботу или воскресенье я уезжаю в Рамешварам на 24 часа, поскольку у меня есть послание Матери для моего гуру. (...)

Потом я возвращусь в Понди ждать отъезда, что меня совсем не восхищает, но что делать, я слишком беден, чтобы уйти в другое место. Может быть, я попробую снова пересмотреть своего *Золотоискателя*, как они меня просят, ибо несмотря ни на что, мне хотелось бы оставить что-нибудь после себя. Но я не знаю, почему у меня вызывает отвращение исправлять все эти старые вещи, особенно в атмосфере Пондичерри-Ашрама. И потом, всё это в сущности не имеет большого значения.

Я остановил свой выбор на Новой Каледонии. Там или в другом

месте... Ларусс говорит, что там есть леса, никель и хром. Тогда, за неимением редко встречающегося золота, я, возможно, буду искать никель, а лес вызывает у меня братские чувства.

Я не буду говорить о причинах моего отъезда, всё это слишком печально. Я устал, но как ни парадоксально, готов начать всё сначала, как добрый негр, до конца времён. Моё сердце ужасно пусто, но также, парадоксально, наполнено стойкой надеждой. Короче говоря, я продолжаю пользоваться машиной, потому что она создана для этого. Уверен, что я напишу ещё *одну* книгу*, потому что нечто очень тяжёлое лежит у меня на сердце.

Потом займусь тем, на что способен, и подставлю паруса ветрам Бога или Дьявола, в-общем, того, кто меня примет.

.....

Вот так, дорогой мой старина. Ты хороший друг. Это я и хотел тебе сказать, а также обнять вас с Маник,

Сатпрем

***

Рамешварам, 11 июня 59
Бернару д'Онсие

Старина,

Я вспоминаю одну фразу моего Золотоискателя, одну маленькую фразу, которая пришла ко мне «просто так», и которую я убрал, потому что, определённо, она была слишком странной. И вот теперь эта маленькая фраза наполнилась сияющим смыслом, будто освобождённая. Иов шёл в одиночестве под дождём и говорил сам с собой, и в конце своего монолога он сказал: «Мне дадут белые одеяния, это будет праздник, в который плачут от радости...» Я должен много о чём тебе рассказать, ведь твоя дружба была со мной все эти годы.

Я не поехал в Новую Каледонию (хотя 16 июля в Кочине должен был сесть на борт «Годавари», следующей в Нумеа), потому что в

---

* Если позволят материальные возможности. И я клянусь тебе, что она будет потрясающей.

последнюю минуту, когда я пребывал в ужасном отчаянии, мой гуру дал мне ряд откровений о моих прошлых жизнях, которые всё перевернули, всё объяснили. О, наконец-то я пристану к спокойной гавани.

С того времени, как ты увидел меня блуждающим в разгар кризиса, ты, должно быть, подозревал, что есть нечто ненормальное в моём существовании. Действительно, было страшное проклятие, меня преследовал ужасный титан. Вся деятельность этого персонажа состояла в том, чтобы толкать меня от всего отказываясь, поворачиваться спиной к любой представлявшейся мне возможности счастья или продвижения, и направлять меня на путь, где однажды я должен буду покончить с собой, оставшись в одиночестве в своём углу. Я достаточно пережил это проклятие, чтобы понять, о чём идёт речь. Было и другое проклятие, я ощущал его как нечто вроде запрета на все возможности любви, которые мне предоставлялись. Всякий раз, когда я встречал любовь, что-то вынуждало меня убежать (ты знаешь, как я убежал из Бразилии, из Франции и как я готов был убежать из Индии, потому что нашёл, наконец, удивительную Любовь в Ашраме).

Я не могу описать тебе все детали, поведанные мне моим гуру, но исток этой ужасной кармы и нити, связывающие меня с этой гадкой персоной, простираются на целых три предыдущих существования. Во всех трёх существованиях я кончал жизнь самоубийством, первое — сожжением, второе — повешением, третье — смерть на дне пропасти. В первом из этих трёх существований я был женат на «очень красивой, очень хорошей» женщине (разумеется, это было в Индии; мой гуру сказал мне, что мог бы даже назвать город, где я жил, и моё тогдашнее имя). Но неизвестно по какой причине я оставил свой дом и стал бродить повсюду в поисках «чего-то». Затем я попал под влияние «монаха» (Саньясина), но монаха «безнравственного» (согласно словам моего гуру), желающего сделать из меня своего ученика (возможно, я был богат и занимал высокую должность). Но я остался бродить между двумя мирами, ни с монахом, ни у себя дома. В этом состоянии меня нашла жена, которая пришла умолять меня вернуться к ней, поскольку у одинокой брошенной женщины несчастная жизнь, особенно в Индии. Я послал

её подальше. Тогда она бросилась в огонь, а я, ошеломлённый внезапным откровением того, кем она была на самом деле, последовал за ней и тоже бросился в огонь. Тогда и была установлена связь с этим гадким персонажем, и эта мрачно-похоронная история повторилась в двух следующих жизнях.

Во втором из этих трёх существований я оказался женат на той же женщине, я ушёл, тот же монах увёл меня с истинного пути, она пришла вернуть меня, но я не смог принять ни монаха, ни жену. Она повесилась, и я, ошеломлённый, совершил то же самое.

Во время последнего существования аморальный монах добился успеха и сделал из меня Саньясина, и когда моя жена пришла вернуть меня, я сказал ей: «*Слишком поздно, теперь я Саньясин*». Она бросилась в пропасть и я последовал за нею, потому что оказавшись перед этим ужасным фактом, я получил откровение того, кем она была, а также того, что эта драма переживалась нами уже не раз.

Возможно, ты помнишь, что я показывал тебе во время последней нашей встречи у тебя дома ту магнитофонную запись Матери, где она рассказывает о своём видении моей предыдущей жизни: я был в одеянии саньясина на пороге храма в состоянии безысходности с ужасно жёстким лицом, словно поражённый глубоким мятежом перед чем-то несправедливым⁵⁶.

И в этом четвёртом и последнем существовании едва не повторилась та же история, аморальный монах снова постучал в мою дверь, а всю мою остальную проклятую жизнь, начиная с концлагерей, ты знаешь.

Мой гуру рассказал мне множество вещей относительно моей будущей судьбы, но я не имею права говорить тебе о них. Вот что он сказал относительно внешних событий: «*I have received ORDER to deliver you. Very soon you will leave the garb. I shall give you a white cloth with my own hand. You are going to be married with Sujata (это имя той, кого я люблю и кто прожила эти проклятые жизни вместе со мной) and both of you, you will go on on the tantric line*⁵⁷.»

---

56 См. *Агенда Матери*, том 1, 20 и 22 ноября 1958.

57 «Я получил ПРИКАЗ спасти тебя. Очень скоро ты снимешь одеяние [Саньясина]. Я собственными руками дам тебе белое одеяние. Ты женишься на Суджате, и вы вместе будете следовать тантрическому пути.»

Вот так. Всё это до сих пор кажется мне сном, потому что я не представляю, как всё это возможно на практике. Но мой гуру видит и знает. Я доверяю. Мне вряд ли представляется, что я, наконец, стану счастливым, и задаюсь вопросом, нет ли ещё какого-нибудь болезненного удара, скрытого за этим обещанием счастья. Мне это кажется настолько неожиданным. Понимаешь, Бернар, в моей жизни было столько несчастий.

Словом, изо всех своих сил я цепляюсь за этот отблеск надежды. Я работаю с моим гуру, и в августе всё решится в Пондичерри, куда он должен отправиться, чтобы увидеть Суджату.

О Суджате я ничего не могу сказать, кроме того, что это — великая душа. Она уже двадцать один год пребывает в Ашраме, куда её привёл отец в возрасте двенадцати лет. Она родом из Бенгалии. Мы знаем друг друга уже пять лет и никогда не осмеливались думать, что будем любить друг друга, и потребовался мой последний кризис и мой отъезд для того, чтобы всё это проявилось, как в ней, так и во мне.

.....

Рассказав обо всех этих откровениях, мой гуру расспросил о моей семье. И сказал мне: «*You must go and see your mother. You will go to France by plane in August and come back beginning of September.* [«Ты должен навестить свою мать. В августе ты отправишься на самолёте во Францию и вернёшься в начале сентября.»] Я позволил себе заметить, что я беден, а поездка такого рода туда-обратно на самолёте стоит около 3000 рупий. Он ответил: «*The gods are favourable. I shall give you myself the money.*» [«Боги благосклонны. Я сам дам тебе деньги.»] Всё это было весьма ошеломляюще для меня, знающего, что мой гуру беден как Иов и что он имеет 45 рупий в месяц на то, чтобы кормить всю свою семью. Но поскольку он так сказал, я верю. Это человек, который имеет большое могущество и который знает. Итак, я готовлюсь к тому, чтобы в августе улететь во Францию (не знаю, каким образом!) Гуру получил обо мне и другие откровения, на этот раз личные, но если бы только моя жизнь смогла, наконец, быть счастливой с Суджатой, я был бы полностью удовлетворён. Всё это кажется мне фантастическим, и я не могу поверить, что всё это счастье для меня. В любом случае, дорогой старина, ты был добрым

товарищем в моих несчастьях, ты и Маник, и я никогда этого не забуду.

Сердечно обнимаю вас обоих,

Сатпрем

Начиная с 1965 возникнет начало новой эры, в человеческих существах будет развиваться новое сознание. Будут происходить великие вещи. Это всё, что я могу сказать.

***

Пондичерри, четверг 2 июля
Бернару д'Онсие

Мой дорогой старина,

.....

Итак, я получил 3600 рупий от моего гуру!! стоимость билета туда-обратно. Мне забронировано место на самолёте, вылетающем из Бомбея 18-го (Air India International). Хотя это совсем непросто, я делаю всё возможное, чтобы проследовать через Хайдарабад. Возвращение в Индию 20 сентября. Значит, два месяца там.

Что касается меня — по-прежнему чернота и абсолютная вера в моего гуру. Только он может распутать подобную ситуацию. (...) Он просто сказал мне, что в течение десяти месяцев всё придёт в порядок, это май следующего года. Ну и жизнь!

.....

Ах, Бернар, если Бог захочет, чтобы всё это распуталось, однажды я напишу волнующую книгу; книгу, которая давит на меня, словно расплавленный свинец, и несёт в себе все страдания моих проклятых жизней. Бог захотел, чтобы всё завершилось гимном радости и чтобы потом не было больше ничего, кроме чистой поэзии, идущей из первоисточника.

Вот такие дела на данный момент. Будет настоящей радостью снова увидеть вас обоих, и возможно на сей раз я буду не таким затравленным.

Сердечно с вами

Сатпрем

***

Пондичерри, 5 июля 59
Клари

Итак, подруга, что это было — торговля белыми людьми, безумства пастушек, а может быть даже высокая мода для стильных женщин?? Впрочем, вы должны рассказать мне о ваших приключениях изустно, поскольку я прилетаю во Францию на два месяца. Да, я прибываю на самолёте 19-го утром и улетаю 20 сентября. Хорошо, что шесть лет назад я вас не застал, мне доставит радость немного по discuтировать с вами. Именно Мать порекомендовала мне эту поездку туда-обратно, а также мой гуру из Рамешварама, где я провёл последний месяц. Причина в том, что пришла пора для меня приехать к моей матери и обнять её, ибо мы рискуем больше не увидеться, если я буду слишком медлить.

.....

К тому же, мне нужен отдых; этот последний год ознаменовался самыми разнообразными испытаниями, состарившими меня лет на десять — возможно, я расскажу вам обо всех кошмарах, если вообще возможно объяснить подобные вещи. Я подошёл к великому повороту в моей жизни. Мой брат в Алжире, и его я тоже хотел бы снова увидеть, но не знаю, возможно ли это.

До скорого
Сатпрем

***

Пондичерри, 7 июля 59
Суджате

Молитва Носорога

Мадам,

Вы должны прочесть молитву носорога, этого бедного толстяка с лапами как тумбы, он настойчиво требовал быть его адвокатом перед вашим милостивым трибуналом. Итак, во имя Отца, Сына и Святого, но без Духа — ибо носороги неразумны* — я клянусь на толстокожей библии говорить только правду по поводу сего печального происшествия, да будет так.

Итак, мой друг Бернардиозавр, ибо таково его имя, имел несчастье родиться на берегу варварской реки, которую мы называем Сеной, вдали от своих более грациозных собратьев, купающихся в реках Азии, таких нежных, что их можно принять за жидкие небеса, где ищут приключений боги. Как говорят мудрые учебники, в этой мрачной стране Галлии великий холод, и поэтому мой друг носорог обладал толстой кожей, чу-до-вищ-ной кожей — как рог, Мадам, три фута толщиной, я вас уверяю. И мой друг носорог был очень печальный, ибо внутри он был добрым носорогом, но снаружи он ничего не слышал, ничего не ощущал, он был полностью законопачен от мирового хлада, как и от мирового добра. И так он пыхтел совсем один в своих ледяных водах: «Бр Тх Тх Бр» (непереводимая носорожья поэма, где выражаются проклятия по поводу плохого рождения, толстокожей метафизической тоски и сердца, не знавшего любви).

Итак, верховный Господь услышал его молитву, ибо Господь тоже лингвист, отец народов, людей, лягушек и непарнокопытных типа носорогов — как об этом говорится в стихе 33 Носорогопанишад — и мой друг Бернардиозавр после долгих мытарств и перипетий предстал перед своими высшими эволюционными собратьями, потерявшими твёрдый кожный покров (но, однако, не полностью, оставив рог, который иногда служит для украшения верхушки храмов, призыва богов на некоторых алтарях или для игры в баскетбол). День за днём, пять или почти шесть лет мой толстокожий друг жил рядом с очаровательной маленькой супра-носорожечкой (ибо так зовут этих высших сестёр), которая, да простит её бог, полюбила этого толстого увальня-иностранца.

И здесь мой печальный друг совершил ужасное преступление, за

---

* Во французском слово *esprit* может переводиться и как «дух», и как «разум», «рассудок» (прим. пер.)

которое я и прошу вас от своего имени даровать ему помилование. Ах, мадам, только бы ваше сердце открылось и услышало о бедах моего несчастного носорога, и в своей великой доброте простило бы его: мой друг-идиот ничего не понимал, ничего не слышал, ничего не чувствовал в течение пяти лет. Он был здесь, все дни повторяя «Бр Тш Тш Бр» в самых разных вариациях, этот милый болван, он ничего не слышал, кроме своего собственного хлюпанья, и ничего не видел, поскольку не имел достаточно тонкого слуха, чтобы услышать шёпот его подруги, супраносорожечки, нежный, как плеск моря под ласками пассатов, и потому, что у него была слишком толстая кожа — три фута толщиной, Мадам, как я уже имел честь вам сказать — достаточно толстая, чтобы сделать его глухим, даже к сладкозвучным повелениям Пранабосса, супер-атлета среди носорожьих буквоедов. И он искал, этот мой носорог, он ворчал — и поскольку вокруг больше не было ни зимы, ни льдов, то естественно, ему было слишком жарко в его шкуре; это вызывало у него лихорадку — он ругал богов и молил их, плача носорожьими слезами: а всякий знает, что одна слеза носорога может заполнить целый бассейн племени супраносорогоменталов (и его, между прочим, едва не назначили на эту работу, вместо насоса), но он ушёл скитаться по дорогам, он перекрашивал себя в жёлтый, в светло-оранжевый, в красный цвета саньясина, время от времени постанывая «Ом Чум Бр Бр», непременная мантра, данная ему колдуном соседнего племени.

И снова Господь услышал его молитву, ибо Господь благоволит идиотам, и вlepил ему такой удар по черепу, что мой друг-носорог наконец услышал нежный голос своего ангела-носорожечки, проникающий до самых глубин его сердца, и был потрясён.

Вы, Мадам, вероятно, думаете, что на этом история моего друга-носорога заканчивается, что они поженились и у них было множество детей; увы, нет, Мадам, на этом стоны моего носорога не закончились. Таковы факты:

Ангел-носорожечка, которая имела счастье правильно родиться и кожу по мягкости не уступающую пуху чайки в день равноденствия, совсем не знала, что этот толстокожий с западных болот — неповоротливый толстяк, игнорирующий тонкости языка, индийскую молчаливость, мягкую неторопливость, подобную полёту цапли над

рисовыми полями; он ничего не знал об этих деликатных и безмолвных вещах. Живя под своей толстой шкурой, он нуждался в том, чтобы услышать слова любви, он нуждался в том, чтобы слышать их снова и снова — а при необходимости, чтобы их ему прокричали. Он боялся, что его забудут. Он нуждался во внешних жестах, чтобы быть уверенным, чтобы понять. Детская непосредственность варвара.

И вот, Мадам, дабы закончить грустную песнь моего друга, расскажу вам другую печальную новеллу. Мне сказали — хотя в этом нет уверенности, в стране супраносорогоменталов так много сплетен — мне сказали, что ангел-носорожечка, устав ждать пять лет своего глупого увальня-иностранца, тоже отрастила себе толстую кожу, весьма прочную, дабы защититься от печали, и стала почти такой же бесчувственной, как мой носорог с Сены.

Тогда, Мадам, скажите мне, что делать, если мой носорог задыхается под своим панцирем, когда его ангел легка как чайка, а когда он избавляется от своей шкуры, его ангел в свою очередь покрывается панцирем?? Сойдутся ли они когда-нибудь?

Такая вот молитва носорогов, Мадам, и мы, два глупца, у ваших ног.

С.

***

Сен-Пьер, 28 июля 59
Бернару д'Онсие

Дорогой старина, дорогая Маник, я долго медлил с этим письмом, где хотел бы выразить благодарность за гостеприимство, но возвращение во Францию — это ужасно. В ту минуту, когда самолёт взлетел над Бомбеем, в моём теле произошло нечто вроде революции, как будто всё моё существо выходило из меня, отказываясь от того, чтобы покинуть Индию, и тогда у меня начался сильный жар с мигренями, разрывающими мне голову, лихорадка, и по прибытии в Париж пришлось лечь в постель. (...)

Мне нечего рассказать о Франции. Густая атмосфера, которую

можно резать ножом, и я выживаю, набивая себя Саридоном и аспирином. Я встретился с несколькими «друзьями», которые были приветливы и которые «ищут», но их жизнь настолько измотана материальными проблемами, что всё это *hopeless* [безнадёжно]. У меня впечатление, что они заключены в тюрьму, и требуется по меньшей мере революция, чтобы взорвать их стены — возможно. Короче, я считаю дни до своего возвращения. Здесь я буквально болен; если по какой-то причине мне помешали бы возвратиться в Индию, я бы от этого умер.

Обнимаю вас обоих. Эти сорок восемь часов с вами были благословением и помогли мне выдержать шок. 20 сентября снова на самолёт.

Сатпрем.

***

Сен-Пьер, 23 августа 59
Клари

Подруга, я получил вашу карту Испании. В Париж я вернусь к 15 или 16 сентября, чтобы сесть на самолёт 20-го, и очень надеюсь увидеться с вами. Ко мне вернулись физические силы, и теперь я убеждаюсь, что был очень утомлённым.

Несколько дней виделся с Франсуа, который сорвался сюда, чтобы меня обнять. Он лучше, гораздо лучше, хотя ещё очень уязвим. (...)

Я провожу здесь время между своей комнатой и яхтой. И я счастлив, *очень счастлив*. Снова приходится лавировать, огибая трудный мыс, но я верю, что на этот раз окончательно войду в спокойные и прозрачные воды истинной жизни. Всё хорошо. А вы?

Обнимаю вас,

до скорого

Сатпрем

Мы поговорим о ваших рукописях. Что касается меня, я ничего не пишу.

***

Пондичерри
Суббота 26 сентября 59
Бернару д'Онсие

Мой дорогой старина, дорогая Маник, простите, что мои письма столь редки, но это не потому, что всё в порядке, но по причине великой внутренней неразберихи, и лишь на борту моей яхты я пережил редкие хорошие моменты (да, это была настоящая радость). За исключением этого продолжаются схватки со всеми разновидностями сил, которые буквально поднялись стеной против меня, чёрной стеной, мешающей мне возвратиться сюда. Я ощущал «страх» вплоть до той самой минуты, когда самолёт взлетел над Парижем. Понимаешь?

.....

Да, накануне моего отъезда я был в Издательстве Seuil. И был удивлён их душевным приёмом. Во всяком случае, их комплиментами. Хорошо, надо писать. Они хотят ещё, и мне нужно встряхнуться. Мать здесь примут в любом случае, как бы я о ней ни написал (в своих книгах и книгах о Шри Ауробиндо), так что я, возможно, найду время.

Атмосферу во Франции можно резать ломтями. Она непригодна для дыхания, кроме как на яхте или затерянном в Бретани островке. Как ты можешь думать о том, чтобы продать Умда Бегум Багх — ты совсем спятил, динго? Я очень надеюсь, ты не собираешься оказаться на щите, для меня это было бы, воистину, большой печалью. И ты отлично знаешь, что для тебя всегда будут существовать чудеса, даже если это крохотные чудеса.

Вот. Сердечно

обнимаю вас с Маник

Сатпрем

***

Пондичерри, 1 октября 59
Суджете

Маленький очаровательный поток, речка, которую я люблю, над водами которого я склонился, чтобы прочесть правду, глубокую и спокойную, правду тихую, как ваш голос. И я видел, как пришла злая дикая птица, огненная птица, мечтающая выпить всю вас целиком, так велика была её жажда, и забрать вас далеко, очень далеко, в свои жгучие скитания. Маленькая речка, которую я люблю, я не могу из вас пить, и больше не знаю, куда без вас лететь. Очаровательная речка, я здесь, на ваших берегах, и больше не могу уйти, но знаю, что не могу и остаться.

И я увидел, что мне нужно превратиться в спокойную воду, чтобы навсегда остаться с вами. И моя дикая птица бьёт крыльями, она пытается, она знает, как это трудно и как это болезненно — столь тотально менять свою природу. Маленькая милая речка, не вините меня, если временами я немного страдаю в процессе этого превращения, ибо мне нужно умереть, чтобы стать водой, глубокой и спокойной водой, подобно вам. Не вините меня, если иногда я возвращаюсь к своей дикости, если я неправ. Но, маленькая речка, я так вас люблю, что это невозможное чудо станет возможным и что однажды я полностью погружусь в вас, чтобы стать вашей каплей, маленьким камешком белой гальки в глубинах вашего сердца — и вы унесёте меня с собой, унесёте далеко, очень далеко, куда пожелаете. Маленькая речка, я буду стараться, простите меня, если я неправ. Я пытаюсь всем своим сердцем и своей любовью, ничего более не желая, ни о чём более не прося, принимая всё от вас. И возможно, что однажды вы примете меня в себя, и жажда исчезнет, больше не будет ни в чём недостатка, больше ничего не будет отделённым, и вы понесёте меня тихим шёпотом ваших вод к великому Движению, которому нет конца.

Любимая маленькая речка, я видел, как пришла злая дикая птица, но вы приняли её в ваш свет, и она обретёт счастье только утонув в ваших водах, в ваших мирных водах.

Дхумрапа

***

Пондичерри, 11 октября 59
Клари

Подруга, какое невезение, что мы не встретились в Париже, но в конце концов, это был несомненный знак, что в нашей встрече не было необходимости.

Я вернулся сюда отдохнувший, это было нужно. Завтра отправляюсь в Рамешварам увидеться с моим Учителем. И я оставил одежды Саньясина ради белого одеяния, что соответствует не только внешнему изменению. Фактически, это тяжёлый этап, который был преодолен — но это не значит, что теперь тропа устлана лепестками роз.

Накануне отъезда я решился навестить издателя (Seuil). Я был прав: всё было приостановлено, чтобы дать дорогу для Шри Ауробиндо, и они только что выслали мне контракт. Это должно выйти в свет в 1961⁵⁸. Я получил там очень тёплый приём, похоже, они полагаются на меня. Посему, по возвращению из Рамешварама (скоро) я собираюсь исправить *Золотоискателя*, и написать, если Бог того захочет, *Саньясина*. Затем примусь за *Шри Ауробиндо*.

.....

Я прочёл вашу новеллу о Беззаконии, она хорошо написана, однако, при чтении у меня не было чувства, что я действительно «ощутил» нечто, она показалась мне слегка холодной. У меня было ощущение, не идёт ли это только из вашей головы? Касательно стихов, я знал, что их уже много, и я с радостью прочёл некоторые из них. Мне кажется, что вы больше поэт, чем «писатель», но я прочёл слишком мало вашей прозы, чтобы судить. В любом случае, ваши стихи приходят из мира выше головы, и для меня это уже очень важный пункт. (...)

Напишите, как уладилась ваша ситуация с Максом. Лондон или

---

58 Речь идёт о первой попытке Сатпрема — *Шри Ауробиндо или трансформация мира*, которая в конечном счёте будет отклонена Издательством Seuil. Тогда Сатпрем напишет *Шри Ауробиндо или путешествие сознания*.

Париж?? Вот, обнимаю тебя, моя Клари. Очень глупо, что мы не встретились.

Сатпрем

***

Пондичерри, 20 октября 59
Бернару д'Онсие

Старина, сегодня утром получил твою рукопись, которую тут же прочёл — два раза. Я весьма поражён, поскольку это действительно хорошо! (Ну вот, хоть это и оскорбительно, но я почти не надеялся увидеть в тебе талант драматурга!) Ожидаю продолжения с нетерпением и беспокойством, ибо подозреваю, что 3-й акт будет нелёгким делом, если стремиться сохранить драматический ход событий. И ещё мне интересно, на этот раз по-дружески, что это будет за «Послание».

Моя непосредственная реакция такова: эта прекрасная, живая, хорошо представленная театральная постановка. Обычно 1-й акт становится подводным камнем, но ты помещаешь читателя или публику в предлагаемые обстоятельства не рассусоливая и не мучая его «объяснениями». И это, *безусловно, весьма удачный* ход. Твои персонажи хорошо обрисованы, они увлекают. А тема Индии сразу же поднимет к ним интерес. (...)

Перед тобой непростая, но крайне увлекательная задача. Я очень доволен тобой, во всех отношениях. Прекрасно, если твоя пьеса будет иметь успех, хотя бы для того, чтобы, наконец, оправдать тебя в глазах этого мира, который тебя либо отрицает, либо не понимает. Короче, я всем сердцем за твой успех. Удачи.

Дружески обнимаю тебя,

Сатпрем

***

Пондичерри, 14 ноября 59
Бернару д'Онсие

Старина,

И где 3-й акт? Надеюсь, что ты не принял моё последнее письма как обескураживающий символ, но я предпочитаю дождаться продолжения, прежде чем обсудить некоторые пункты.

.....

Мой отец умирает от рака в великих страданиях. Я потрясён, несмотря на всё то, что нас отделяло друг от друга. И особенно тревожусь за свою мать.

Вот. Если ты полностью в состоянии драматического извержения, можешь мне не писать. Но вышли мне 3-й акт, как только закончишь его.

Сердечно с вами обоими,

С.

***

Пондичерри, 3 декабря 59
Клари

Подруга, мне немного стыдно, что я так долго не писал вам. Но я действительно перегружен работой, плюс пересмотр *Золотоискателя*, плюс моя внутренняя дисциплина.

Я очень рад, что вы приложили усилие к тому, чтобы выделить несколько минут безмолвия каждый день. Вы увидите, что мало-помалу будете черпать в этом удивительную силу, и радость, и неинтеллектуальное понимание множества вещей. Это безмолвие имеет власть растворять «проблемы», открывая в вас более высокое видение, где каждая вещь находится на своём месте, это подобно радости, которую испытала та маленькая девочка — вы — когда создала удачную композицию. И вы увидите, что даже ваша поэзия от этого выиграет. Это неизбежно, ибо настоящий источник поэзии, безусловно, пребывает выше, он над-интеллектуален. Нужна настойчивость, даже если это трудно, даже если это стоит многих усилий. Для вас это очень важно, Клари (это, впрочем, было бы важно для всего мира). Вы увидите, что в конечном итоге обретёте там

такую радость, что будете с нетерпением ждать минуты вашей медитации, и что она будет распространяться, и что в конечном счёте она захватит все ваши дни, подобно вибрации радости, мира и света, стоящей за каждым вашим жестом, за каждой вашей деятельностью. И это будет началом истинной жизни.

.....

Ваши сердечные ощущения никогда не воплощались на уровне действий. Но мы не из тех, кто, достигнув искомого и оказавшись «на уровне», остановится на этом! Внутри мы — Бог, и мы никогда не устанем продвигать своё внешнее существо на уровень внутреннего. Но не должно сомневаться во внутреннем только потому, что внешнее пока ещё не на уровне. Должно работать, вот и всё. Клари, если бы только в безмолвии ваших медитаций вы могли пройти немного выше, то вы мало-помалу разглядели бы, что для вас изменилась вся перспектива событий, и все противоречия потеряли свой антагонизм. Тогда уже мы больше не «ловчим» — мы ЕСТЬ. Ох! будучи произнесённым, это больше ничего не стоит.

Я рад, что твои стихи читают. Я трясусь своего *Золотоискателя*, обтёсываю ударами мачете, подчищаю изнутри, пишу новые сцены, короче, пытаюсь сделать из него что-то. Перерезаю глотку большинству вещей, которые приходили только из головы. Возможно, закончу через месяц. Буду держать вас в курсе.

Вот, Подруга, сердечно обнимаю вас.

Сатпрем

P.S. Мой отец умирает от рака, и он сильно страдает.

***

Пондичерри, 22 декабря 59
Бернару д'Онсие

Дорогой мой старина, я медлил с ответом, но я настолько загружен. Это действительно испытание, одновременно писать книгу, заниматься ежедневной работой и совершать личную дисциплину. Но этот чёртов *Золотоискатель* подходит к концу. Это также было

испытанием — снова спуститься в этот ад. Тут невозможно притворяться...

То, что ты рассказал мне о *Солнечных Арканах*, меня заинтриговало и я хотел бы это прочесть, хотя мои поиски склоняются, скорее, к некому знанию, превосходящему знания — я имею ввиду внутренний опыт, являющийся непосредственным восприятием. Но как и ты, я рад всему, что заставляет прогрессировать человеческое сознание.

.....

Я был так огорчён — и это не просто из эгоизма — услышать от тебя о том, что ты покидаешь Индию. Мне действительно будет грустно, когда ты уедешь. Потому что я тебя очень люблю.

Сердечно с тобой и Маник,

Сатпрем

P.S. Если тебе это интересно — очень важное письмо, написанное мной моему гуру, было украдено Цензурой Пондичерри. Как видишь, ты не одинок!

***

1960

Пондичерри, 5 февраля 60
Клари

Подруга? Что происходит? Я немного обеспокоен вашим молчанием и даже не знаю, где вы. С вами всё хорошо?

Я собирался потормозить вас раньше, но был полностью поглощён пересмотром моего проклятого *Золотоискателя* — наконец, он завершён! Я хотел бы иметь основания сказать, что он по-настоящему завершён, но увы, это не было бы правдой, ибо всё это ещё весьма неутешительно. По сути, мне хотелось высказать вещи, которые невозможно высказать. Я отпечатаю его и пошлю издателю к началу марта. Вы увидите, когда его издадут, и мне будет любопытно посмотреть на вашу реакцию, ибо множество вещей я перевернул там вверх дном.

А как вы? Сердечно и с преданностью обнимаю вас,

Сатпрем

***

Пондичерри
воскресенье, [21 ?] февраля
Бернару д'Онсие

Мой добрый милый старина, прости меня за молчание. Но я работаю как одержимый. Мне нужно выбраться, и как можно быстрее, из этого проклятого прошлого и погрузиться в будущее, подобно золотому младенцу! О, никто никогда не узнает, какой груз я

тащу в Золотоискателе, но нужно всё это выбросить, до последней крупинки, тогда я смогу дышать спокойно — может быть.

Сердечно обнимаю вас обоих,

Сатпрем

***

Пондичерри, 5 марта 60
Маник д'Онсие

Дорогая Маник,

.....

Непредвиденная работа с Матерью задержит меня здесь до 20-го или даже до 25-го. Затем мой гуру призовет меня в Рамешварам. Поэтому я планирую приехать в Хайдарабад на неделю или максимум на десять дней и прямо оттуда направиться в Рамешварам. Как только всё организуется, я вам телеграфирую.

Моя книга уехала в Париж. Ожидаю вердикта. Полагаю, что они захотят опубликовать её сразу к Пасхе, если только не откажутся от неё вовсе по причине множества добавлений — никогда не знаешь! Этот *Золотоискатель*, он набит динамитом под завязку — я имею ввиду, что внутри он пылает, но я не знаю, чувствительны ли они к такого рода огню. Теперь остаётся написать вторую книгу, потом третью, и на этом всё. Ибо, в сущности, я ощущаю что-то вроде трилогии: *Золотоискатель* — это ночь, но есть ещё сумерки, затем книга света. Но сам процесс писания меня убивает, он меня опустошает — в конце концов, это обязанность.

Обнимаю тебя и моего старину Бернара, предвидя радость скорой встречи с вами.

Сатпрем

Суджата в порядке. Мы нашли равновесие, и я начинаю понимать некоторые аспекты Любви, которые от меня ускользнули. Мы видимся каждый вечер по часу.

***

Пондичерри, 23 марта 60
Бернару д'Онсие

Старина,

(...) В Мадрасе я сажусь на поезд «Де Люкс», где есть только третий класс (нет возможности лечь, но есть кондиционер), экономить меня заставил тот факт, что я хотел бы купить пару сандалий для Суджаты.

Спешу обсудить с тобой различные проекты. Конечно, это кругосветное путешествие на паруснике... но моя работа, мой гуру?

Обними Маник,

сердечно с вами

Сатпрем

***

Рамешварам,
пятница 22 апреля 60
Бернару д'Онсие

Мои добрые друзья,

.....

Я весьма обеспокоен, узнав, что вы уезжаете в Европу, но у меня абсолютная вера в божественную Милость и в чистоту, которая защитит. А кроме того, теперь я уверен, что вы следуете своему пути — а значит, по милости Бога! В любом случае, помните о 1965-м — начало нового мира! Мы родились точно в нужное время, чтобы совершить свою часть работы, и эти несколько лет будут решающими. Вы не представляете, как я рад видеть, что вы принимаете столь смелое решение, дающее истинный смысл вашей жизни. До этой последней поездки к вам я не знал, что наши жизни были столь близкими и столь братскими, каждая в своём ритме.

В поезде прочёл вашу книгу о Египте. Этот человек обладает определённым знанием, и я нашёл этот труд интересным. Но он говорит в-основном о тибетском тантризме, который является очень

«чёрным» тантризмом. Истинное сердце тантризма совсем не в Тибете, но в Индии, главным образом, в Бенгалии — и тантризм этот тайный, хорошо скрытый. В конце концов, неважно, главное в том, что Европа начинает понимать, и эта книга о Египте — отличное начало, он очень хорошо пишет о Шакти. По сути, это фантастично, насколько прогрессировал человеческий ментал за несколько лет⁵⁹. Всего лишь десять лет назад появление подобной книги о Египте было немыслимо! Подготавливаются великие вещи, потрясение сознания, какого не видели с самого появления животного человека. Да, для каждого своя часть работы — и горе тем, кто спят!

Простите за вихляющие строки, но я пишу лёжа на животе, что не очень удобно.

В сущности, мы имеем фантастическую привилегию вступить *сознательными* в эти потрясающие годы, немного подготовиться, понять, узнать цель. Какая привилегия!

.....

Я храню лёгкую ностальгию по Умда Бегум Багх, было там нечто такое, некая милая реализация вкуса, качества и красоты. И Бернар прав, мы сталкиваемся со всеми типами возможностей, как будто перед нами намечены все виды путей, а в конечном счёте всё, похоже, накрывается медным тазом, и мы «выбираем» путь, о котором даже не думали. Но иногда бывает, что эти неиспользованные возможности, которые пришли не вовремя, возвращаются позже, в иной форме, более завершённые, более интегральные, более богатые, и мы замечаем, что У.Б.Б. или любая другая отвергнутая возможность была лишь предзнаменованием, символом наступающей реализации — как будто Художник нанёс небольшой мазок здесь и там, давая нам

---

59 К несчастью, это неодолимое расширение печальных горизонтов разлагающегося материализма не сопровождалось искренностью, которая позволила бы истинному знанию быть признанным. Эта область быстро была захвачена, затоплена нагромождением откровений, муравейником псевдо-гуру, каждый из которых создавал свою церковь или свою маленькую секту, а в конечном итоге — фрагментарное и затемнённое полу-знание, которое, скорее, затуманивало сознание, чем освобождало его. В Политэкономии, изучаемой на парижском факультете, бытовала старая поговорка «фальшивые деньги вытесняют из обращения настоящие».

понять, что произведение уже готово, но требовалось множество разных совпадений, множество наложенных касаний оттуда или отсюда, чтобы Работа получилась во всём своём великолепии. Возможно, У.Б.Б. была прелюдией прекрасного божественного Города, но пока ещё не пробил час. Однажды Мать разъяснила мне это, сказав, что Судьба является не линейной, но круглой или глобальной: мы двигаемся не следуя *одной* линии, но так, как двигался бы шар, который одновременно касается тысяч точек перед ним; каждая затронутая точка (каждая возможность) — эскиз будущей реализации. И нужно, чтобы *все* точки были отработаны, что создаёт впечатление несогласованной игры, где вещи исчезают, стираются, запутываются — но на самом деле всё пребывает в высочайшей согласованности, ничего не стирается, ничего не теряется. И однажды Работа становится видна вся целиком, сверкающая! И понимаешь всё, потому что можешь соединить все точки. Я не знаю, ясно ли я выражаюсь! Однако, это проще простого.

Обнимаю вас, мои добрые друзья, со всей любящей и братской нежностью.

Всё хорошо!

Сатпрем

***

Пондичерри, 17 мая 60
Клари

Подруга, на этот раз именно меня стоит отодрать за уши. Завал работы да ещё несколько поездок по Индии полностью меня поглотили в эти последние месяцы. Возможно также, что нет ничего, о чём стоило бы рассказать. Где вы с вашей последней «попыткой жить как все»? Я могу поддержать вас своей дружбой и понять вас, особенно вашу потребность быть полезной, хотя это «жить как все» вряд ли показалось бы мне завидным, но что сказать? В конечном счёте можно сказать лишь одно: «вероятно, вам необходимо было получить эти опыты». И это всё. Вы счастливы? В сущности, это единственный полезный вопрос.

Имеете ли вы с Ф. всегда 18/20 или позорно провалились? — я уверен, что математика сыграла с вами грязную шутку... остерегайтесь математики, этой её донельзя предательской, тесной и строгой атмосферы; не успеешь оглянуться, как ты закован в полностью изолированном смешном равнобедренном треугольнике, оглушающем вас своей надменностью, и вам ничего не остаётся, как признать поражение. Ох, месье Евклид доставил мне много неприятностей.

А как ваша поэзия?

О себе мне нечего сказать. Работаю на всех планах. Через два или три года дела пойдут лучше. Начинаю готовиться к написанию *Шри Ауробиндо*, которую я обещал на следующий год. Нет желания писать о себе — это всё менее и менее интересно, есть Другая Вещь, Нечто Иное, но это труд, уверяю вас. *Золотоискатель* выходит в сентябре (я получил очень трогательное письмо от издателя!)

Обнимаю вас, Подруга, со всей преданностью и нежностью,

Сатпрем

***

Пондичерри, 17 мая 60
Маник и Бернару д'Онсие

Мои дорогие друзья, простите, что так долго медлил с письмом; главным образом, я хотел сказать Маник, как меня тронуло её письмо — я не увидел там никакой сентиментальности, напротив, что-то очень доброе, очень тёплое. И потом, мой гуру был здесь до вчерашнего дня, и я был перегружен самой разной работой. У меня по крайней мере на два года безотлагательной работы! А здесь очень душно и жарко. Наконец, ещё два года, максимум три, и основная груда работы на всех планах — я на это надеюсь — будет расчищена. И тогда, возможно, истинная жизнь покажет кончик носа.

У меня ничего нового. Новостей я жду, скорее, от тебя и от Маник. Я не осмеливаюсь ни о чём говорить. Я так хорошо понимаю меру всех трудностей. Всё, что я могу, это молить в своём сердце, чтобы вы прошли испытание.

По-братски с вами,

Сатпрем

***

*(Это письмо Франсуа, брата Сатпрема, написанное
Бернару д'Онсие, выражает всё то, о чём Франсуа не мог
поведать своему брату.)*

Париж, 25 июня 60

Мой дорогой Бернар,

Я только что купил *Данте-Алхимик* — спасибо за рекомендацию, и ещё больше за ваше письмо, этот своего рода «мост», в котором я нуждаюсь. Уже на протяжении нескольких лет книги выпадают у меня из рук, я отчаялся найти в них то, что ищу — существ, более благосклонных ко мне; они не хотят ничего объяснять, но их Судьба — свидетельство, которое я жадно расшифровываю, и как только я чувствую дружбу, как в вашем письме, я «завожусь».

Да, мы увидимся в Париже в августе. Вы заставляете меня хотеть продажи этого дворца тысячи и одной ночи, но я знаю, что вы покидаете его с сожалением. Его название резонирует, как те тайные пароли, которые изобретают дети, чтобы открыть двери мечты, и в моих воспоминаниях ваше лицо становится слегка монгольским. Не надо осуждать меня, что я так плохо отношусь к реальности, это семейное, но важно любить Правду, которая действительно является чем-то иным.

Я бы очень хотел поговорить с вами о Бернаре. Когда я его увидел в прошлом августе, у меня, как и у вас, было впечатление, что он миновал порог, и его взгляд меня потряс, что-то вроде ясной очевидности. Большого я не могу сказать. Я так долго ждал, что он окажется там, где он сейчас, вы понимаете. Он из тех существ, чьё существование само по себе уже является помощью для меня, и к тому же мне дана милость быть способным любить его, поскольку он действительно этого хочет — и тогда я становлюсь сильным.

Только что у меня побывала девушка по имени Вероника — она

красивая и без пороков, и если днём я вижу слишком много болезней и нищеты⁶⁰, я спешу погрузить свой взгляд в её (у неё невероятно «успокаивающий» взгляд). Вот. Я часто думаю о вас с тех пор, как мы познакомились, но это было воспоминанием; теперь это будет ожидание. Спасибо, что послали мне знак, ничто не происходит случайно, и ваше присутствие оказалось весьма кстати, верьте в меня — и в мою дружбу.

Франсуа Е.

***

Пондичерри, 2 июля 60
Клари

Подруга, я вас рассердил, разочаровал, поранил? я не знаю. Мне кажется, что вы находитесь далеко, очень далеко. Зачастую я очень глуп, это правда, но моя дружба к вам неизменна.

Дело не в том, что ваши письма стали редки, но в чём-то другом. Возможно, из-за здешнего солнца я, очевидно, свихнулся, но я свихнулся с нежностью к вам.

Всегда, в любых обстоятельствах, ваш

Сатпрем

***

Пондичерри, 19 июля 60
Бернару д'Онсие

Мой дорогой старина Бернар,

Я медлил с ответом, поскольку прохожу через период великой усталости, как будто ощущаешь что с тебя довольно этого тела и, пожалуй, всего остального тоже. Иногда хочется просто поднять якорь и уехать, не оставляя следа. В конце концов, пожалуй, ещё слишком рано.

---

60 Франсуа — врач.

Но зато якорь поднимаешь ты. Это меня огорчает, что, бесспорно, эгоистично, ибо ты единственный, кто воистину хоть что-то понимает в моей жизни и который доказал свою нерушимую дружбу. Но это хорошо, что ты отчаливаешь. Любой кризис — это хорошо. Своим сердцем я с вами обоими.

Ты написал моему брату, а он тебе ответил. Отлично. Возможно, он с меньшим недоверием отнесётся к Ж.Б. [писатель-окультист], чем ко мне. И если он найдёт там какую-нибудь правду, которая ему поможет, я буду только рад. (...)

Наконец, все эти штуки из прошлого только запутывают. Это правда, что я хотел быть для него тем, кем никто не был для меня, когда я пребывал один на дорогах — кем-то вроде брата, типа того. Но подозреваю, что это также является, или являлось, эгоистичным, и я желаю ему попутного ветра, куда бы он ни направил свой парус. Если Ж.Б. окажет ему помощь, я буду счастлив. Теперь, когда *Золотоискатель* готов к публикации, я закончил тяжёлую часть своих обязательств, я покончил со своим прошлым, но я пока ещё не закончил со своим рождением, именно это трудно.

Держите меня в курсе. Доброго пути.

Сатпрем

***

Пондичерри, 5 августа 60
Маник и Бернару д'Онсие

Мои добрые друзья,

Я немного озабочен по поводу вас, ибо приближается дата. Вы, должно быть, утомились и вам надоели все эти материальные заботы по переезду, но если можно, пошлите мне пару строк, чтобы сообщить, когда именно вы уезжаете. А ваш очаровательный парк? Продали?

Что до меня, работа продолжается. В сущности, в этих областях не осмеливаешься говорить о достижениях, ибо спустя две минуты тут же мило разбиваешь себе нос. «*Going on*» [продолжаешь] — только в этом и можешь признаться. И потом, крепко укоренившаяся в

теле вера, что именно в этом состоит смысл жизни и что однажды внешнее будет переделано изнутри. Это усилие — и есть самое главное, независимо ни от внешних покровов, ни от причины, по которой нам нравится закутываться в эти покровы. Так что я рад вашим усилиям. И я полностью уверен.

Я с вами, сердечно и по-братски,

Сатпрем

Могу ли сделать что-нибудь для вас?

***

Пондичерри, 9 августа 60
Клари

Подруга, я жаловался не на ваше физическое молчание, но на то, что ощущаю вас очень далёкой — я имею ввиду, далёкой от вас самой. Я ощущал это очень остро на протяжении года, способом наиболее обнажённым, и ваше последнее письмо из Сент-Бревена довольно наглядно продемонстрировало мне это отдаление. Вы просите у меня немного света моей лампы, свет её не всегда столь превосходен, но я попытаюсь, потому что я вас очень люблю и потому что вы на пути к тому, чтобы сойти с тропы — или, скорее, забыть себя. Вы говорите, ваша поэзия «иссякла» или кажется вам «посредственной». Но это не удивительно. Вы знаете не хуже меня, что поэзию невозможно подпитывать, «живя как все остальные» с воскресным семейным рагу; её питает правда существования. А вы далеко, очень далеко от себя самой. Правда существования — это редкость, и она требовательна.

Да, вы требовательны, Клари, я хорошо это знаю, но курьёз в том, что вы хватаетесь за эту требовательность вашим внешним существом. Вы хотите многого для того, что вторично и побочно в отношении вас самой. Вы полагаете, что суровая, пронзительная, рафинированная самокритика — улавливающая малейший самообман, малейшее лицемерие — вполне достаточна. Но вы применяете эту строгость к поверхностной коже вашего существования, к

вашим мелким привычным реакциям на других существ и на вещи — и это всегда одни и те же реакции, всегда одни и те же маленькие уловки на протяжении более десяти лет. Вы хотите изменить текстуру вашей кожи, но от этого вы не станете красивее! Можно долго ходить по кругу, многие жизни, и это мало что изменит. В конце многих поколений вы станете столь умелой, что сможете укусить собственный хвост. И вы уже чувствуете себя «отдалившейся» от Андре⁶¹ «по милости вашего характера». Что в этом удивительного? Вы знаете не хуже меня, что человек меняется не путём изменения вещей, но путём изменения себя самого — что гораздо труднее. Можно даже сказать, что эти изменения гражданского положения очистили вас от остального.

Но я уверен, Клари, вы это знаете. Я уверен, что вы очень проницательны и видите всё это сами. И вы без конца подпитываете вашу внутреннюю правду путём *уловок*, путём фальшивой нечистой совести, фальшивых болезней, неоправданной раздражительности, неуместной проницательности. Я говорю фальшивой, потому что нельзя пережить свою внутреннюю правду под кнутом или под уколами нечистой совести, ибо эта нечистая совесть — сознание очень мелкого масштаба. Конечно, как вы говорите, «любая мелочь вызывает сложности»!! Конечно, у вас впечатление, что «ваша субстанция изнасилась». Но это не субстанция! совсем не она. То, что вы называете субстанцией — поверхностная кожа вещей, внешняя гримаса. Речь не о том, чтобы вглядываться в себя через зеркало — все знают, что у зеркала нет глубины — а о том, чтобы спуститься в себя. Вы не «износили свою субстанцию» — вы к ней даже ещё не прикасались. Ибо я вас уверяю, если бы вы действительно её коснулись, то узнали бы, что она неисчерпаема, она бесконечна, она неизменно обильная, горячая и живая. Ну-же, Клари!

Вы не выйдете из этого, Клари, пока не постигнете — постигнете глубоко — что эта вещь, которую нужно открыть, которую нужно обрести, она радикально ИНАЯ. Иная, и однако абсолютно та-же-самая; та-же-самая, которая уникальна во всём множестве существ и в то же самое время едина со всеми, универсальна. Так что вы плохо

---

61 Новый муж Клари.

управляете вашим усилием, вы его теряете через неправильную волю. Вы упорствуете в желании исправить ваш образ, залатать его, застревая на всех углах и закоулках, психоанализируя вашу губную помаду (простите меня, Клари; я действительно люблю вас, вы знаете, и я очень уважаю вас, но вас истинную, которую я прозрел в ваших глубинах и которой вы пока ещё не знаете). Вы полагаете, что должны обнаружить, обрести что-то вроде супер-Клари, пересмотренной и исправленной, которая добилась бы — наконец! — согласия Клари. Но та-Клари — это миф. Это не какая-то улучшенная Клари, у которой меньше её маленьких дефектов, меньше «характера», больше того, чего сейчас у неё нет и что было бы очень здорово иметь. Нет, это не какая-то более успешная, более удовлетворительная комбинация — это нечто ДРУГОЕ. И пока вы будете упорствовать в том, чтобы выпрямить хвост собаки* и вести счёт вашим дефектам или вашим недостаткам, вы не продвинетесь ни на шаг. Мы все здесь с дефектами и недостатками! Мы набиты ими! Пытаясь исправить их силой эго, вы не преуспеете — не больше, чем пытаясь исправить глупость с помощью глупости (будь это даже просветлённая и самая верховная глупость). Путь не здесь, Клари. Нужно изменить сознание. Нужно обрести веру, совсем детскую, обо всё спотыкающуюся, бормочущую: вуаля, я имею веру, она во мне, очень глубоко, в самых глубинах, нечто иное, некто иной, чудесный, обильный, просторный, который как раз и есть всё то, что я назвал Красотой, Гармонией, Великолепием, повсюду, там или здесь, во всех вещах, пока ещё не найденный. Я верю, что это здесь, в самых глубинах, и что оно живёт, и что оно меня слышит. Я молю, чтобы эта вещь в самых глубинах указала мне путь, потому что я ничего не знаю, ничего не вижу. Но у меня есть вера, у меня такая сильная вера в То, которое в глубинах и которое ожидает меня на протяжении многих жизней. — Тогда приходит ответ, Клари. Оно всегда отвечает. И оно помогает. Только нужно упорствовать. И нужно действительно захотеть выйти из механического кружения на поверхности. Сказать себе: «В конце концов, неважно, что я думаю, что я чувствую, неважно, за чем я следую или не следую. Я должен найти именно это

---

* Аллюзия на индийскую притчу о том, что исправить человеческий характер так же сложно, как выпрямить хвост собаки (прим. пер.)

нечто иное, радикально иное.» И призывать, призывать в молчании своего сердца. Призывать с верой ребёнка, непоколебимой верой. И это приходит. Это приходит мало-помалу, очень осторожно, очень мирно. И мало-помалу вещи проясняются. Среди путаницы понемногу вырисовывается путь. И когда мы ухватили и держим нить, мы больше не должны её отпускать, нужно идти до конца, какими бы ни были трудности. Главное в том, чтобы прийти к такому моменту жизни, когда мы ухватим нить. Нужно молить в своём сердце. Нужно долго призывать. Но оно приходит, это неизбежно — потому что это и есть тот самый смысл жизни, это *единственная* причина, по которой вы родились. Всё остальное — более-менее литературная болтовня. Тогда вы увидите, как из вас хлынет поэзия. И как всё вокруг вас начнёт бить ключом, как всё станет прозрачным, лёгким, открытым. Именно тогда начнётся истинная жизнь.

По-братски обнимаю вас,

Сатпрем

Простите мою грубость, но я говорил с вами от всего сердца.

***

Рамешварам, 11 октября 60
Клари

Подруга, я даю вам право на оскорбления, пренебрежительные гримасы и обвинения в том, что я — грубый невежда, но не сердитесь так из-за моего последнего письма. Во-первых, потому что я вас люблю. Я грубая скотина, это правда, но я чувствовал, что у вас там всё не блестяще, и подумал, что стоило бы сделать немного скандала (и неважно, справедливы мои слова или несправедливы), просто чтобы спровоцировать глубокую реакцию. Если бы я вас не любил, мне было бы абсолютно безразлично, что вы становитесь Мадам Штучкой с Бульвара Барби, вот и всё.

Клари, вопреки всему, существуют вещи, которые я вижу, потрясающе новые вещи, они здесь, в распоряжении людей, и я вижу, что мы подходим к удивительнейшему повороту человеческой

судьбы, и я вижу, что если мы захотим, мы *можем* построить в себе другое человечество, более истинное, более широкое, более красивое, более любящее. Не квинтэссенцию того, чем мы были, а нечто абсолютно новое. И временами я огорчаюсь или теряю терпение, когда чувствую, что мы не отвечаем, что мы не слушаем. Вот уже более десяти лет я ищу и экспериментирую, и, к примеру, ни Франсуа, ни даже вы никогда не задали ни одного истинного вопроса — всё остаётся на интеллектуальной поверхности, более-менее подкрашенной эмоциями, но нет настоящего погружения, настоящей *жажды*, заставляющей нас ломать все старые способы думать, чувствовать, существовать — нет подлинного вкуса к новому. Именно это я и хочу сказать, и только для этого я стучу в двери. Поймите, Подруга, что я не хочу ничего для себя, даже вашей дружбы ко мне, или дружбы моего брата — я наполнен! И каждый день — как новое начало. Но именно для вас я хочу этого, для Франсуа, поскольку я знаю, что оно в распоряжении тех, кто хоть немного искренен и кто устал от старых надоедливых припевов. Так что это далеко не «личный» вопрос. Я больше не Бернар, я Сатпрем, а это совсем другое.

Простите за мои каракули, я лишь хотел сказать вам, что я с вами, несмотря на все видимости и все слова. Возможно, в словах я ошибаюсь, но я хорошо знаю, что истинно. Пишу это лёжа на животе в караван-сараяе. В Пондичерри я возвращусь к концу сентября.

Маленький верблюд из слоновой кости, которого вы мне дали в Карачи на аэродроме семь лет назад, когда я навсегда возвращался в Индию, сломался. Он сломался именно 22 августа. Я хранил его всегда в одном месте, и по недосмотру он упал (сломалась нога) — я сразу же подумал, что это не случайно, и молился за вас. Вы помните, на этом аэродроме в Карачи вы мне сказали при расставании: «Вы — мой пробный шар» — там был метеорологический шар-зонд, который в тот момент запустили с земли.

И что?

Обнимаю вас
Сатпрем

P.S. Думаю, что *Золотоискатель* должен уже выйти. Вы его

читали? Когда у меня будет экземпляр, я вам его вышлю.

***

Пондичерри, 28 сентября 60
Бернару д'Онсие

Мой дорогой старина, наконец! Не знаю, должен ли я начать с потока брани, которую ты вполне заслужил, или сказать тебе, как я рад и успокоен, получив от вас новости. Я думал, вы во Франции! и беспокоился.

Итак, я *прекрасно* понимаю «опыты», которые вы сейчас переживаете, и ваше отвращение. (...) Но почему ты стремишься всегда всё свалить на эти бедные враждебные силы — если так будет продолжаться, мне придётся встать на их защиту! Эти бедные симпатяги делают для Господа грязную работу, а весь мир их поносит. Что же, я хорошо понимаю, что настойчивое повторение «неудач» также может быть знаком; не знаком того, что нужно отказаться, но того, что нужно использовать другие средства или выбрать другой путь. В конце концов, Господь не всегда столь зол к своим воробьям и временами он им помогает, даже когда стреляет по ним из пушки. Не так ли? Выражаясь изысканно, это как раз период между двумя артобстрелами, когда у нас есть перерыв, чтобы немного отдышаться! и тогда у нас проявляется тенденция к обходительности... Бедные мои друзья, я подтруниваю, поскольку хоть немного отдышался, чего со мной не было на протяжении... нескольких поколений (я возвращаюсь из Рамешварама) — но прекрасно понимаю, что для вас это совсем не смешно. За последние месяцы я много раз видел тебя во сне (впрочем, я часто тебя вижу, и эти встречи всегда очень... как сказать... когда я просыпаюсь, то всегда ощущаю нечто приятное, или братское, или близкое — обычно ты заставляешь меня посещать разные места или даёшь мне поесть! Определённо, у тебя очень развитое витальное существо, и когда у тебя появится свой Учитель, это должно быть интересным). Но я не смог локализовать место наших встреч, была ли это Франция или Индия — это никогда не были «реальные» места. Маник тоже часто была там, с тобой. Осознаёшь ли ты сам эти

встречи? Поскольку это, разумеется, не «сны». Ах, мой старина, если бы только мы были чуть сознательнее, действительно осознавали, жизнь стала бы чудесной, но приходится обдираться до крови, и потеть, и влачить жалкое существование, чтобы откопать маленький лучик света. Ну и работа!

Насчёт моей книги. Как и предполагалось, она вышла в начале сентября. В письме уже бывшего Директора говорилось, что первые критические отзывы были «хорошими». Несколько дней назад я получил авторские экземпляры и завтра утром вышлю вам один. На самом деле, мне бы очень хотелось, чтобы моя книжица дошла до Генри Миллера, о котором я более высокого мнения. Однако, пусть Маник не считает себя обязанной! (...) Если у вас есть время на чтение, я был бы очень рад узнать, что вы думаете об этом втором варианте — в частности, об *одном* пассаже в двадцать строк, который я считаю наиважнейшим.

В остальном — работаю. Моя книга о Шри Ауробиндо не движется — тантрическая практика занимает у меня около 7 часов в день, представь себе! помимо «обычной» работы — так что больше не жди от меня писем на пять страниц, как сегодня! Но пожалуйста, держите меня в курсе новостей, я немного беспокоюсь за вас, потому что очень вас люблю, вы это знаете — но уверяю, если стрелки часов остановятся и вы окажетесь вне времени, я не буду вас винить!

С любовью к вам обоим
и к Маник, которую обнимаю

Сатпрем

P.S. Суджата в порядке. Мы видимся всё так же редко, но её присутствие всегда ощущается как нежная поддержка.

P.S.2 Это я хотел бы поместить как дарственную надпись Генри Миллеру:

«Генри Миллеру,
Отомстившему за столетие непонимания Рембо.
В знак глубочайшей признательности
за искупительные страницы его книги *«Время Убийц»*».

Я напечатаю это на листе и вставлю в книгу.

***

Пондичерри, 7 октября 60
Клари

Подруга, вы так мило рассказали мне о вашем походе в *Gibert* для покупки моей книги. Я тронут, несмотря ни на что! Вы словно заставили меня ощутить и потрогать мою книгу, ибо когда я получил опубликованную копию, у меня была лишь краткая эмоция, в которой присутствовало главным образом «вот, держи, наконец, это сделано», и это сразу же ушло, аннулируя все другие внутренние комментарии, когда я вручил её Матери. Да, в-основном было это: работа закончена. Потому что эта вещь представляет один из проклятых этапов моей жизни, когда я действительно страдал; но вы об этом знаете, так было уже в Каире и продолжалось немногим более десяти лет — двенадцать, если точно. И поэтому страницы радости в этой книге, они... как бы выразить... они приходят издалека. И поэтому я в некотором роде «верю» в мою книгу, я верю, что она может распахнуть двери, потому что в ней есть мощь правды — я хорошо знаю, откуда пришли некоторые страницы.

И я также говорил себе: держи, возможно, это пришло, чтобы расшевелить Франсуа. Но — молчание. Ни слова. Однажды это, наконец, придёт. Если бы я должен был терпеть боль и за Франсуа, я бы давно уже умер! К счастью, сейчас я твёрдо обосновался в другом. (Я хорошо понимаю, что «семья» должна немного стыдиться меня — они молчат; или, возможно, у них просто нет времени... все люди настолько заняты).

Подруга, «вы верите в то, что я несу» в себе — но это не является моей особенностью! Именно это я уже устал повторять людям: это в вас, всё в вас, в вашем распоряжении. По сути, именно это Франсуа не понимает, он относится ко мне с недоверием потому, что представляет, будто я несу правду по собственной мерке, и что мой путь — не его путь. Возможно даже, что он верит или опасается, что я посягаю на его «личность»! но моя правда является универсальной, вот в чём соль! Она не принадлежит Сатпрему, она полностью и

абсолютно человеческая. Просто мне по особой милости дано было пережить несколько хороших ударов по носу, или, скорее, по панцирю, которые помогли мне увидеть немного дальше и действительно захотеть достичь того, что я увидел. К чёрту «личности»! они настолько мелкие, наши личности, настолько устаревшие, ороговевшие, занудно-однообразные. И кроме того, они лживы. В сущности, великая работа состоит не в том, чтобы изучить новые вещи, а в том, чтобы разучиться. А что касается «личности», мы её находим в конце окружности, когда покидаем маленькую болтуню — тогда это действительно личность, действительно индивидуальность, и это — реализация. Я ещё не там, но уже в процессе. Если бы вы знали, какие волнующие секреты таит в себе *эта жизнь*, если бы только у нас было немного смелости или хотя бы любопытства отправиться в небольшое приключение внутрь себя, вместо того, чтобы безостановочно повторять один и тот же вздор. Так что, поверьте, я не какая-то редкая диковина, слегка экзотическая и мистическая — я абсолютно человек.

Понимаете, именно это временами меня потрясает, или ранит, или раздражает, потому что мне в руки попал действительно секрет жизни, истинная наука жить (не мистика, но реализация *здесь и сейчас* — всё то, о чём мы мечтали, и даже лучше). У меня в руках все тайны, это фантастично, но мы не можем *рассказать* об этих вещах людям, — впрочем, это ничего бы не дало — нужно, чтобы *они попробовали сами*, чтобы они встали на путь и раз и навсегда повернулись спиной к своим маленьким историям. Мы не можем шагать вместо них. Даже если бросить чудеса им в лицо — что совершенно напрасно, — они не поверили бы. И впрочем, это правильно, мировой закон создан в совершенстве, нужно, чтобы каждый прикоснулся к этому самостоятельно. И всё, что я могу сделать, это не «говорить», но толкать людей к тому, чтобы решиться сделать шаг и отправиться в путь — выйти из «сети» (да, Подруга, мне нравится, как вы сказали: «У меня ясное осознание, что я поймана в сети...»)

И мне также нравится ваша искренность, когда вы говорите о «тяжёлой петле примитивных эмоций» и об «этом страхе, что ваша тайная полнота не требует от вас иной морали, кроме вашей

физической лени, не способной быть на высоте, и вашей эмоционально напряжённой и экстремальной жизни». Иметь такую ясность — это уже много.

Но скажу вам одну важную вещь: если вы позволите действовать вашему внутреннему существу, то *именно оно* освободит вас от всех этих внешних профанаций. Вас не просят делать это самостоятельно, ибо, воистину, никто не способен на это, кроме весьма редких моральных атлетов (и при этом их победа весьма сомнительна) — вас просят лишь *позволить этому действовать*. Именно внутреннее существо имеет истинное могущество и оно очень хорошо делает свою работу. Но если вы заранее говорите: «я не могу», то воздвигаете барьер в своём сознании и закрываете дверь. Не нужно концентрироваться на своих дефектах и своих слабостях и неспособности — ибо мы набиты ими — концентрируйтесь на чудесном, которое пребывает в нас; оно имеет любые способности. Нужно всегда жить с чувством, что *всё* возможно. А иначе мы закрываемся. И я уверяю вас, что так называемое очарование внешних эмоций ослабевает *само собой*, когда начинаешь входить в контакт со своей истинной сущностью. И всё становится изумительно интересным, полным высочайшего очарования. И тогда говоришь себе, как же много времени было потрачено зря.

Обнимаю вас со всей своей нежностью.

Сатпрем

P.S. Да, я много выслушал от И. Она ушла от меня с очень хорошим впечатлением о себе самой.

***

Пондичерри, 10 октября 60
Маник д'Онсие

Моя маленькая Маник,

Твоё неожиданное письмо, к которому я не был готов. Оно столь милое, столь тёплое, что я растроган. Никто не писал мне ничего подобного! Но ты, должно быть, очень пристрастна в своей дружбе,

как и Бернар, иначе я действительно закончил бы тем, что стал писателем! — и это было бы катастрофой, ибо всем известно, насколько писатели невыносимы в своём тщеславии. Впрочем, у меня нет ощущения, что я «пишу»; скорее, кричу, бушую, призываю — особенно призываю, как будто для того, чтобы вынудить проявиться то, чего ещё никогда не было. И поэтому в исправленной версии вещи *стали* больше. И потом, по правде говоря, всё, что есть хорошего в этой книге, пришло не из меня. Каждый раз, когда вмешивается моё «я», результат сомнительный. Если бы только люди понимали тот простой секрет, что совершенство, красота и могущество идут из души, они писали бы гораздо лучше, они работали бы гораздо лучше, они жили бы лучше. Это фантастично, насколько мы закупорены! — словом, мне нечего сказать, ибо я уже долгое время таскаю на себе эту пресловутую оболочку.

Бернар говорил, как мне повезло, что я могу выразить поэзию, присутствующую во мне — спрашивается, а чем же вы занимаетесь в Умда Бегум Багх? разве это не живая поэзия? Слава Богу, для выражения поэзии существуют не только книги!

Слушай, поскольку тебе понравилась эта книга, я тебе исповедуюсь, только тебе одной (только тебе, это, естественно, и Бернару, я вас не разделяю в своём сердце) — там есть *один* отрывок, который пришёл прямо из глубин моей души, прямо из Сатпрема: см. стр. 68-69.

Словом, в следующий раз попытаемся сделать лучше! Но есть нечто более важное, чем писать.

Вы продаёте У.Б.Б. с аукциона! Сказать, что это меня печалит — это ничего не сказать. В конце концов, это, пожалуй, необходимо. Я очень уважаю ваше решение. И если Бернар чересчур занят, я прекрасно пойму, если ты расскажешь мне, как идут дела, потому что я с братской озабоченностью буду следить за вашей поездкой — чего уж там, ведь мы на одном пути, и всё, что приходит к вам, немного касается и меня.

Вот. Маник, сестра, ты ангел и ты смелая.

Обнимаю тебя со всей нежностью,

Сатпрем

P.S. Я хорошо понимаю то, что Бернар сказал по поводу непривычных слов [в *Золотоискателе*]. Но что поделаешь?! — «урубубу» есть «урубубу», это не орёл! Я называю вещи своими именами.

Да, «пропаганда» Индии, возможно! Но я, тем не менее, скажу, что не существует катехизиса истины и что каждый находит свой ответ, свой собственный. Я приглашаю людей в путешествие не в Индию, а в самих себя. Разве не так?

Мой брат не написал мне ни слова. Натуральный сыч! (Вот ещё одно слово, дабы порадовать Бернара). А сыч, это и не урубубу, и не голубь.

***

Пондичерри, 6 декабря 60
Бернару д'Онсие

Мой добрый дорогой старина,

Посылаю тебе только что полученную мной статью, дабы пополнить серию⁶².

Чем дальше я иду, тем больше понимаю, что единственная истинная сила в этом мире — любовь.

Tibi
Сатпрем

***

Пондичерри, 21 декабря 60
Клари

Подруга, простите за долгое молчание — безумная работа и различные внутренние трудности. Но я хотел бы попросить вас, можете ли вы послать мне копию этого *Моисея*? И вы говорили о *Иосифе*, которого я тоже ни разу не видел? Я очень хорошо понимаю,

---

62 Критика *Золотоискателя*, в котором не нашли ничего, кроме «тягостной театральщины, наполненной немотивированными утверждениями, туманными абстракциями, противоречиями, инфантильным тщеславием...»

что современные актуальные рамки полностью лишены размаха — фактически, я думаю, что мир никогда ещё не был столь беден в плане поэзии, приключений, чудесного, короче, всего того, что делает жизнь немного более истинной. Их более-менее возвышенные любовные истории утомительны; а их психологическая рафинированность достойна стоять на той же полке, что их косметические кремы. Хорошо, проехали. А впрочем, добавим это: похоже, что в «идеале» современный человек в своём апогее представляет собой маленький набор из вещей столь порядочных, столь комфортабельных, столь изысканно-лукавых, включая маленькие красивые библиотеки и хорошие музыкальные пластинки; эдакий маленький внутренний джентльмен с изысканным вкусом (со своей мадам и милым отпрыском, который вырастет столь же интеллигентным), летней виллой и лёгкой метафизической тоской. Чёрт! И даже если вышеупомянутая тоска тяжёлая, они не могут придумать ничего лучше, как написать милую книжку или заняться каким-нибудь альтруизмом для успокоения совести. Ничего такого, что превосходило бы супер-рафинированность нынешнего человека. И воистину, людям это не надоедает. Столь низкий потолок. Но не нужно расстраиваться: они пока ещё находятся здесь, им ещё нужно расти — однажды это придёт!

Возможно, то, чем я живу — полная химера, но по крайней мере, всё моё существо имеет уверенность в правде будущего — даже если я срываюсь, даже если разбиваю себе нос. Впрочем, нет никаких «срывов»: есть только опыты, неизбежно ведущие всё выше и выше.

Да, «ревность», я понимаю ваше чувство; это способ цепляться за вещи, за других существ, чтобы получить что-то лишь для себя... У каждого из нас своя трудность, но фактически это *то же самое* под разными масками. Это эго, которое цепляется, как только может. Нужно уметь обладать всем, при этом ничем не обладая — не так просто! Более удобно со всем порвать, от всего отказаться, чтобы жить в изоляции (но это не что иное, как обладание навыворот, ещё более коварное).

Если вы прочли новую версию *Золотоискателя*, я был бы рад услышать вашу *критику*. Мне *нужна* критика. От Франсуа нет новостей уже восемь месяцев (я *понимаю*). Моя мать написала мне

вчера, и вот что она говорит: «Это твоя жизнь, твои страдания, твоя драма. Для читателя это слишком запутанная нить, слишком многословные дебаты. Будь она выражена более кратко, эта драма была бы напряжённее, строже, без излишеств, трогательнее для читателя, поскольку изданная книга обращена к другим людям и, чтобы проникнуть в их сердца, нужно конкретизировать и прояснить... Много отчаяния и кое-где свет... Но ты далёк от этого болезненного хаоса...» Что вам сказать? Думаю, она имеет все основания отказаться от того, чтобы проникнуться этой книгой. Если бы я пережил это с меньшей интенсивностью, в книге было бы больше художественности.

Но ни на мгновение в процессе написания этой книги я не почувствовал «отчаяния». По сути, в моей жизни было всё, что угодно, и главным образом, бунты, но никогда — отчаяние. *Что скажешь, о читательница?!*

Сердечно обнимаю вас,

Сатпрем

P.S. Если я снова буду писать, то это будет только потому, что я не смогу иначе. Потому что мы в столь ужасающей степени ниже того, что мы видим, что мы чувствуем. И я совсем не уверен, что книга смогла бы помочь другим. (Я в это верил раньше: но теперь больше не верю). Я верю, что нам поможет только наша душа.

Если возможно, не забудьте выслать вашу прозу. Спасибо. Вы говорили, что Ф. прочитала *Золотоискателя* — какие реакции он вызвал у *молодых*?

***

1961

Пондичерри, 17 января 61
Маник д'Онсие

Дорогая Маник, с твоей стороны было так мило написать мне, зная, что я волновался за тебя, за вас обоих. (...) Я пока ещё волнуюсь по поводу того, что принесут грядущие несколько месяцев, поскольку на протяжении долгого времени переживаешь удары окружающего варварства, словно пребываешь в осаде, атакуемый всем гамом мира, его грубостью, его вульгарными скандалами, а главное, монотонной тупостью — ужасной тупостью. Спасибо, сестрёнка, за твоё письмо, я уж опасался, что надолго останусь без новостей.

Бугенвиллии, которые я посадил в своём уголке сада, расцвели фиолетовыми цветами, а «мои» стены покрыты самыми разнообразными лианами. Муссон закончился. Почти свежо. Я постоянно нахожусь «между двумя кризисами» — каждый раз я говорю себе: «Ух, теперь всё должно быть прекрасно», и через пять минут разбиваю нос, неустанно на протяжении... на протяжении уже стольких лет, что лучше и не говорить. Но может быть, однажды я выкарабкаюсь. Я своего рода плохой гибрид из монаха, бродяги и завоевателя — с единственным оружием в виде авторучки и с единственным владением в три квадратных метра слишком тесной кожи. Таким образом я довожу до твоего сведения, что ощущаю себя не в своей тарелке. Словом... Возможно, мне придётся написать другую вещицу, дабы очиститься! Что за жизнь!

Ладно, если у тебя есть немного времени, сообщи мне свои первые ощущения от Парижа, мне было бы любопытно узнать. И ещё, самое главное, скажи мне, что ты ощутила рядом с Ж.Б., если это не бестактно с моей стороны. Я так хотел бы, чтобы вы увидели там *это*.

Как у тебя со сном? это лучшее средство миновать трудные периоды — сознание идёт в самые глубины и восстанавливает силы (в самые глубины, то есть за пределы!) Но я понимаю, что иногда это нелегко. В-общем, расскажи мне обо всём, что придёт в голову — если это окажется какой-нибудь сумасшедший паук, знай, что со мной он будет в хорошей компании.

Обнимаю тебя и дорогого Бернара и желаю вам всего, что только может пожелать сердце.

Сатпрем

***

Пондичерри, 31 марта 61
Бернару д'Онсие

Мой добрый старина, получить твоё письмо после столь долгого перерыва было радостью, пусть даже ваши с Маник новости не были такими отрадными (я долго медлил с ответом не потому, что редко думал о вас; нет, часто, но я завален работой). Я так хорошо понимаю и знаю это душевное состояние при дезинтоксикации; долгое время испытываешь страдания. А для Маник особенно, я чувствую, будто нахожусь рядом с ней посреди этого обывательского гвалта. Единственная вещь, которую нужно делать — и нет никакой другой — это совершать вашу йогу, работать в глубине; поскольку там мы находим непоколебимое нечто, что невозможно пошатнуть. И вместо того, чтобы довольствоваться сомнительным покоем за крепостными стенами, мы обретаем Покой, потому что мы опрокинули стены и потому что оказались в другом, настолько потрясающем другом, что ничто больше не способно отдалить вас от этого царства. Иного решения нет. Как раз именно поэтому я беспокоюсь о вашем контакте с Ж.Б. — то, что ты мне рассказал, слишком неопределённо. В любом случае, обязательно нужно *держаться*, в подобных делах нет пути назад (и неважно, Ж.Б. это был или кто-то другой, но нужно сохранить приходящий импульс — это великая вещь, которую вы совершили, значительный шаг, даже если сейчас вы видите только отрицательную и болезненную сторону; это достижение, которого не

потерять). Что я могу сделать для Маник? Я хотел бы послать ей немного её Индии, которая также и моя страна, но сейчас я рискую послать ей лишь жару, поэтому удовлетворюсь этим цветком из моего сада — она поймёт. Для меня возвращение в Европу было бы возможно только если бы я действительно получил абсолютный *приказ*. За неимением такового, я прекрасно провёл бы свою жизнь и шаг не ступив на европейскую землю. (Дело не в том что я отвергаю эту страну — Природа там иногда удивительно красива — но я там задыхаюсь!) Наконец, сообщите мне, построен ли этот дом на горе, выше Ментона. Вам неплохо было бы по крайней мере наверстать природной красотой, за отсутствием человеческой.

.....

Но что бы ни случилось, Бернар, что бы ни произошло, какими бы ни были радости и горести, не нужно сдаваться. Если вы ступили на путь, нужно идти до конца, без возврата к старому, как это было с Ж.Б. или с другими (всё это были *инструменты*). Ваша искренность обязательно *должна* призвать необходимую помощь.

Обнимаю вас обоих со всей своей любовью, доверием и уважением. Пиши. Пишите!

Сатпрем

***

Пондичерри, 9 апреля 61
Клари

Подруга, ваши мысли пришли ко мне раньше вашего письма. На протяжении десяти дней я чувствовал, что вы тянитесь ко мне, и говорил себе, что надо бы вам написать, но ничто из глубин *особо* не побуждало меня, так что я оставался смирным. Именно по этой причине я молчал. Но какая же вы глупенькая! как будто я могу быть рассержен, поранен тем, что я знаю! Прошло уже немало времени (хотя и не так уж много), как я отказался от такого рода психологии; для меня существа имеют иной смысл, чем все эти мелкие истории типа «я чувствую, ты чувствуешь, он чувствует, а я ощущаю...», короче, я лучше вижу то, что происходит (или совсем не происходит)

на заднем плане, и я чувствую другой смысл в их жизни. Но происходящее в их жизни не находит резонанса во мне или «притягивает» меня лишь тогда, когда это является движением правды, усилием к правде, нечто, что пытается выбраться из привычной магмы. А иначе что я могу? Я храню свою молчаливую дружбу и всегда внимателен; это неизменно; и я жду. Вы всегда здесь, моя дружба с вами, ничто не может это изменить. И ещё добавлю, что я был (и есть до сих пор) перегружен работой. Мне нужно перечитать всего Шри Ауробиндо, и я должен закончить свою рукопись в конце октября. Не считая работы в Ашраме и моих личных «дел».

Так что, подруга, будьте достаточно дружелюбны и верьте, что я ни секунды вас не «осуждал» и что я вас не «покину» ради я не знаю каких эфирных регионов — напротив, думаю, что я никогда не был столь близок к сердцу жизни, как с тех пор, когда я начал пытаться её изменить; я хорошо вижу все трудности, ничто мне не чуждо, ничто не является недоступным, ничто не является низшим — полноте! если бы вы только знали...

В вашем последнем письме было несколько стихотворений (в том числе *Изобилие радостей, Но вечность, Это конец мира...*). Мне показалось, что они не имели качества некоторых других стихов, что они пришли только с поверхности (интеллект + чувства), без подлинной жизни, без подлинной силы — без чего-то глубинного и неотразимого, подобного течению бытия. Когда вы действительно согласитесь спуститься внутрь себя (не на несколько сантиметров вглубь, но за пределы «чувств» и, конечно, интеллекта), вы начнёте создавать истинную поэзию, потому что вы *станете* собой. В противном случае, болтаясь во вселенском Ментале, мы всегда можем подбирать ошметки поэзии, которые здесь, под рукой, но это не истинная вещь, не сила «я», не фонтанирование; уверен, вы хорошо видите разницу между «иметь чувства» и «быть» — в состоянии *полноты*, в «я», где нет нужды в «чувствах» и идеях, но где в безмолвии пребывают *все* чувства и *все* идеи, готовые облечь собой это сущностное состояние (если мы захотим облечь его во что-то). Тогда это уже не «чувства» или «идеи», это опыты, нечто, в чём течёт бытие, вся *полнота, сила, истина* — и ЕСТЕСТВЕННО, поэзия. Такое впечатление, что я веду с вами урок, моя бедная подруга! но я

хорошо вижу, как происходят вещи — для меня это очень конкретно; для меня сознание стало очень живой *субстанцией* — и поэтому я лучше чувствую, что происходит в других (поскольку эта «субстанция», очевидно, не является маленькой персональной собственностью, отделённой от всего — это та же субстанция повсюду, это также и ваша субстанция — ваша поэзия позволяет мне хорошо ощущать, где вы находитесь). Так что я надеюсь, что вы работаете. Чем больше вы будете работать над собой, тем более истинной и более поэтичной будет ваша поэзия.

После года молчания получил длинное письмо от Франсуа. Он просыпается! Славное письмо, полное оскорблений, грязи, любви и мятежа — словом, всего самого разного, что проснулось и зашевелилось; и за всем этим стремление, внутренний рывок в попытке сломать маску лжи. Я верю. Но этот Жак принёс ему много зла — это очень заметно. Он был «огорчён, подавлен, возмущён этим *Золотоискателем*: остатки рыдающего и вышедшего из моды романтизма и гидеритарной эстетики, туманной и без какого-либо направления» (трудно найти более точные слова), словом, все разновидности бурного неприятия. Но я верю, что он вернётся на правильный путь. Я пытался ему помочь — но фактически, мы не можем помочь другим, если только они не помогут сами себе. Мало что даст обмен несколькими фразами, которые лишь создадут небольшое возбуждение или временный умственный стимул — нужно открыться другой силе внутри себя, только она может совершить все необходимые изменения.

Подруга, я загружен работой, но не забываю вас. Пишите, когда ощутите потребность, моя дружеская привязанность никогда вас не покинет.

Сатпрем

P.S. У меня лёгкое подозрение, что ваши письма никогда не отражают подлинные моменты вашего состояния, и что в вас есть нечто лучшее, чем то, о чём вы мне сообщаете (к счастью!), но похоже, вы не смогли вырваться из привычной мелкой драмы — возможно, в конечном счёте, это вопрос упорства, своего рода решимости или стремления разорвать эту сентиментальную

механику, которая всегда крутит одну и ту же пластинку; и зацепиться за пережитые вами моменты истины или за их воспоминания, повторяя как *мантру*: «Это она, единственная реальность, истинная реальность, всё остальное — ложь». Терпеливо отказываться от старых движений, когда они приходят. Я не знаю, Клари... Мужайтесь.

Счастливо
С.

***

Пондичерри, 5 июня 61
Клари

Подруга,

С момента моего последнего письма я часто думал о вас, говоря себе, что я невозможный друг, обременённый почти столь же нетерпимой жёсткостью, как мои католические друзья. Нужно меня простить. Я в состоянии сражения, а не реализации, и чем дальше идёт сражение, тем более беспощадным и жестоким оно становится — потрясён, избит, расплюсчен до самых глубин существа и насмотрелся на все разновидности ночных огней. Понимаете, оно сопротивляется до конца — свет доставляет боль. Но, очевидно, нет никакой причины для того, чтобы другие проходили через ту же самую битву, или для веры в то, что путь обязательно должен быть сложным (весь мир не является таким же жёстким, как я), или чтобы упрекать других, напрямую или косвенно, в том, что они не следуют тем же путём. В моём состоянии битвы я иногда забываю такие совершенно элементарные вещи. Очевидно, что каждый действует так, как может, с теми материалами, которые имеет; и что каждому суждено его уникальное осуществление. Поэтому меня гложет совесть. Мне кажется, я вас слишком резко осудил с высоты своих «возвышенных усилий». Это действительно смешно. Извините меня, подруга. Я лучше, чем мои разглагольствования. Было бы лучше, чтобы я замолчал, но на самом деле я не хочу этого делать, ибо это было бы слишком удобно и создало бы у вас впечатление

покинутости, а это неправда — вы остаётесь моей подругой.

Так что всё, чем я могу поделиться с вами, это стиснутые зубы и агрессивность, выражающая моё нетерпение в отношении себя самого и моей толстокожести, моей медлительности, моих слабостей. Но возможно, придёт день, когда закончится эта борьба, и я лучше смогу помочь вам или просто лучше любить вас.

В ожидании шлю вам воздушный поцелуй, дабы вы простили меня.

Сатпрем

***

Пондичерри, 16 июня 61
Маник и Бернару д'Онсие

Мои добрые друзья, наконец получил от вас новости сегодня утром. Не могу сказать, что твоё письмо меня успокоило — Танжер*! и Маник, которая становится всё более и более худой, как кукушка, всё это не производит на меня хорошего впечатления. Слышишь, Маник, не позволяй себе допускать такого, если ты определённо дорожишь своим путём, для своей же пользы ты должна сходить на рыбалку и сделать себе немного доброго карри из рыбы под малабарским соусом. Я совсем не доволен твоей *тапасьей* [духовной практикой], ноль за поведение. По правде говоря, я часто думал, что было бы неплохо иметь немного денег, чтобы высылать тебе небольшие пакеты, как пленным в войну, но я настолько нищ, это глупо. Вы знаете, ваши мысли приходят ко мне очень часто, как будто нечто «тянет» меня; и ещё я часто вижу Бернара во сне, он объясняет мне какие-то вещи, но когда я просыпаюсь, я не понимаю их, это очень запутанно, либо я попросту не помню.

Меня очень порадовала твоя мысль послать мне *Голос солнца*, возможно, это даст мне немного света. Представь себе, сейчас я как раз погружён в изучение Веды, и постоянно встречаю там упоминания солнечного мифа (я изучаю это для книги о Шри

---

* Танжер — крупный торговый город в Марокко (прим. пер.)

Ауробиндо, которую я должен написать, ты, возможно, знаешь, что он дал новую интерпретацию Веды). Веда постоянно говорит о солнечном мире, о солнечном рождении в нас, о переходе через солнечные двери (Сурья-дварена), всё это очень интересно. Но что меня немного беспокоит, так это практическая реализация, поскольку я не сомневаюсь, что Ж.Б. и некоторые другие люди с Запада способны иметь интуитивные прозрения или даже откровения, даже абсолютно подлинными опыты, но я задаюсь вопросом, есть ли у них способность извлечь из их опытов практическую дисциплину *для других*. Между знанием о процессах реализации и самой реализацией пролегает целый мир — несмотря ни на что, Индийцы имеют за собой тысячелетия опытов и экспериментов. Но возможно, я не должен был говорить тебе о своих впечатлениях (это только впечатления), потому что это лишь добавляет замешательства и не вносит ничего позитивного. Бернар, Маник, по сути, есть только одна вещь, которую нужно делать, когда находишься в затруднениях или сомнениях: это заставить молчать свой ментал и слушать внутри, очень спокойно, без горячности — ПРИЗЫВАТЬ. Всегда есть нечто, что отвечает. Ибо внутри есть что-то, напоминающее душу, и если поместить перед душой проблему или трудность, очень спокойно, в совершенном безмолвии, она даёт знак — своё очень спокойное «НЕТ» или своё «ДА»: это не что-то возбуждённое, но нечто, что ЗНАЕТ. И в конечном счёте, это единственное Знание; прошедшему туда открыты все солнечные миры, слышны все солнечные голоса. Без тени сомнения. Так что все эти «духовные-центры» тут и там не представляют из себя чего-то стоящего. Я знаю только один Духовный-Центр, и он внутри.

Мои дорогие друзья, я не знаю, что сделать для вас, и я опасаясь, что мои слова будут неуместны. Я разрываюсь между желанием по-братски рассказать вам о том, что я чувствую, и страхом помешать вашей «работе». По сути, единственное, что имеет значение, это ИСКРЕННОСТЬ; нет иной защиты во время тёмных периодов. Ещё в Ведах я наткнулся на это: «Ночь и День, оба вместе, вскармливают божественное Дитя».

Я всё также продолжаю периодически переживать свои ночи, иногда большую усталость (физическую), и единственное, что я могу

сказать, это «*going on*» [продолжать]. Я должен вручить свою рукопись о Шри Ауробиндо в октябре! изнуряющая работа. Это создаёт разрушительный жар, но я не поменял бы свою парилку на все прелести Капуа — жестоко говорить вам такое. Я отлично понимаю, что отъезд из Индии должен был оставить пустую дыру в ваших сердцах. Люди здесь добрые, это вещественная «доброта», которую не окупят все наши позолоты Запада.

С нетерпением жду, что вы напишете мне из Танжера, как выглядит ваша новая жизнь — Танжер! В любом случае, нужно, чтобы поправилась Маник, нужно, чтобы она делала свою *танасью* в противоположном направлении, потому что если расшатывается тело, то расшатывается всё остальное — и принимать испытания позитивно, я имею ввиду, как возможность расти, а не негативно, со словами: «Это не то и не это, совсем не то, абсолютно не это» — потому что снаружи это абсолютно никогда не является «этим», ни в Индии, ни в Париже, ни где-либо ещё; «это» находится только внутри, категорически. Какие ещё могут быть цели, сравнимые с этой?

Обнимаю вас, мои добрые друзья, с особой нежностью к маленькой Маник.

Сатпрем

***

Пондичерри, 24 сентября 61
Маник и Бернару д'Онсие

Обнимаю вас, мои добрые друзья, особенно и в первую очередь маленькую Маник, которой я хотел бы послать немного индийской доброты, чтобы успокоить её сердце, но у меня нет ничего, кроме цветка лавра в моём саду, и я посылаю его тебе со всей своей нежностью индийского брата. Я часто думал о вас и беспокоился (...). Должно быть, корреспонденция где-то затерялась. Это не столько ради вещей, о которых нужно сказать — я нахожу, что мне всё меньше и меньше есть что сказать, — сколько ради связи между сердцами, вопреки всему. Это любопытно, я мало-помалу теряю все контакты со своими знакомыми с Запада, или даже из других мест; я видел, как

всех их, одного за другим, поглотил ужас жизни. Я не знаю никого, кто бы не предал мечты своего детства, никого, никого; как будто мир создан для того, чтобы произвести потомство, стать уважаемым и обеспечить будущее маленькой семьи. В Индии всегда есть нечто иное, «нечто», что может спасти.

Уже на протяжении десяти месяцев у меня почти не случилось никаких событий. Я написал книгу о Шри Ауробиндо⁶³, в которую я много вложил, но Издатель был в ужасе — он написал мне письмо на четырёх страницах от имени «западного религиозного сознания», словно он получил пощёчину от моей книги. Все эти люди мелки, очень мелки, благодетельные уродцы. Короче, Шри Ауробиндо не соответствует «Коллекции духовных Учителей»! Неслыханно. (...)

Вот такие новости. Полагаю, этот год будет трудным, но я главным образом думаю о вас, ибо странно, насколько в Индии трудности смягчаются и полностью растворяются в своего рода вечной улыбке. Жизнь здесь более широкая, её не мучают беспокойствами. Сообщайте время от времени новости, просто пару слов, чтобы я не волновался.

Ещё раз обнимаю, в особенности маленькую Маник в её печали — ну же, сестрёнка, не падай духом.

Сердечно с вами обоими,

Сатпрем

Этим летом мой отец умер, держа в руках свой молитвенник и последнее письмо от меня. Жизнь — штука смешная.

***

---

63 *Шри Ауробиндо или трансформация мира*. Эта книга никогда не будет издана.

1962

Пондичерри, 5 марта 62
Маник и Бернару д'Онсие

Мой дорогой старина, моя маленькая Маник, я медлил с ответом, но я ждал новостей из Парижа, которые не пришли (по поводу моей рукописи о Шри Ауробиндо). (...) Я снова оказался перед лицом этого католического «благонравия» с его атмосферой святого лицемерия, не упускающего случая быть злонамеренным, когда оно ощущает неудобство. Ладно, проехали. Чем больше я узнаю Запад и его жителей, тем больше ценю Индию.

(...) Мне действительно кажется, что Ж.Б. не сделал ничего значительного для вас, если судить по твоим письмам? У меня лёгкое впечатление, что люди там ещё не способны перешагнуть ментальный план и что даже когда они говорят об «опытах» и тонких мирах, то это говорится пока ещё с ментальной точки зрения. Они там пока ещё болтают. Очевидно, что мой опыт не универсален, но до настоящего момента я встретил только два источника *живой* духовности и подлинного знания — это Индия и Суфизм (при этом последний вынес своё знание из Индии). Я был бы восхищён, если бы ты дал мне доказательства обратного. Ты говоришь о «гармонии духовных путей» — да услышь тебя Бог, — но я не вижу христианство в их числе, тем более, что в итоге они обезглавили своего отца-основателя и протащили в свою философию немало ужасных догм. Сожалею, что пришлось говорить это, но я в них не верю.

О себе мне нечего рассказать. Я продолжаю, методично, упрямо. Добавил некоторые упражнения Хатха-йоги к моей тантрической

дисциплине. Не знаю, куда я иду, но я, как и ты, имею веру в чудо. Мы готовим новый мир, и его промежуточные *no man's land** совсем не очаровательны.

Люблю и обнимаю вас,

Сатпрем

***

Пондичерри, 14 марта 62
Маник и Бернару д'Онсие

Мои добрые друзья, наши письма пересеклись, и я сожалею, что заставил вас ждать моего ответа. Я рад был узнать, что вы приняли эту красивую идею. Представь себе, когда мне было пятнадцать или шестнадцать лет, у меня была идея изучать все «сверхъестественные» феномены с точки зрения медицины. Потом началась война, помешавшая мне учиться медицине, да и у меня никогда не хватило бы терпения закончить учёбу. Но я дал толчок встать на этот путь моему брату Франсуа, теперь посвящённому в доктора. Он также проявляет большой интерес к этому экстремедицинскому аспекту. Поэтому с энтузиазмом приветствую вашу идею! Я мог бы рассказать вам множество вещей, которые узнал от моего тантрического гуру, но позже, когда придёт время. И главное, я надеюсь, это новый проект в некотором роде возвратит вас в лоно семьи, в Индию. Да, определённо, происходит пробуждение умов. Возможно, в своём последнем письме я ошибался, слегка насмехаясь над западной «болтовнёй», в том смысле, что ведь надо же с чего начинать и что ментальное любопытство, возможно, дойдёт до того, что превратится в духовный опыт. Но есть множество ложных путей и тупиков, а Запад очень уязвим в том смысле, что позволяет обманывать себя внешним обличьем или принимает результаты за причину. Как бы то ни было, эти ближайшие пять лет будут годами огромной встряски сознания (надеюсь, что это не будет атомной встряской). Шри Ауробиндо предсказал (в неизданных документах), что в 1967 году то,

---

* Ничья земля — англ. (прим. пер.)

что он называл Супраментальной Силой, войдёт в фазу активной реализации. До этого вещи могут перейти на ту или на другую сторону. Но в отличие от тебя, я ничего не жду от католиков, если только они не перестанут быть католиками. Потому что вся их Церковь, все их догмы, весь их катехизис построен на самом отрицании нового Мира — они верят только в загробную жизнь. Даже Тейяр де Шарден, которого я немного изучал. Так что же, взорвать всё это...??

.....

Я буду с большим интересом следить за вашей работой.

С большой нежностью,

Сатпрем

***

18 апреля 62

Клари

Подруга, моё молчание непростительно. Извините меня. Уже скоро шесть месяцев, как я в переходном периоде, который немного похож на *no man's land*. Больше не позади, но пока ещё и не впереди, не на другой стороне. То есть, постоянно колеблюсь между двумя состояниями: полным иллюзионизмом мира и истиной мира — другой истиной, которая рождается. Абсолютной верой и «*hopelessness*» [безнадёжностью]. И кажется, что для того, чтобы иметь право перейти на другую сторону, нужно прикоснуться к абсолютной ирреальности, абсолютной пустоте, тотальному несуществованию. И нельзя даже сказать, что «я колеблюсь» между двумя состояниями: они здесь, сосуществующие, одновременные, и это создаёт любопытный коктейль, где верховное Утверждение опирается и почти происходит из абсолютного отрицания, где неопровержимое Существование как будто растёт в ежедневном несуществовании, а Вера возникает из полного уничтожения. Так что, находясь в этом любопытном состоянии, не очень комфортабельном, я мало что могу сказать.

Есть нечто, что *растёт*, вот и всё.

Что это будет? Когда это будет? Я ничего об этом не знаю.

И всё же я думаю о вас всё так же по-братски и всё так же сердечно,

Сатпрем

Поделитесь своими новостями.

***

8 июня 62

Маник и Бернару д'Онсие

Мой добрый старина, мои дорогие друзья, конечно, ваши «антенны» развиваются, поскольку в последнее время я много думал о вас и неделю назад действительно вызвал воспоминания, рассказывая Суджате о вас, о кемпинге, об Умда Бегум Багх, о Нарканде. Я рад видеть, что посреди множества невзгод вы прогрессируете, потому что очевидно, что именно мою мысль вы уловили, и она заставила тебя написать.

Мои новости не блестящи, поэтому я не писал — я пребывал в такой темноте, что едва не позвал тебя на помощь, но вовремя отказался. Если бы вы были здесь, вам пришлось бы терпеть присутствие ещё одного бродяги. Похоже, мои потрясения с каждым разом всё сильнее. Говоришь себе: «Но сильнее уже невозможно», а они всё сильнее и сильнее, всё сильнее и сильнее — в конце концов что-то действительно сломается, я не знаю, в каком направлении. Нужно, чтобы это сломалось. Если я выкарабкаюсь из этого, у меня будет, что рассказать.

Я порвал с моим тантрическим гуру. Определённо, мне не везёт с моими гуру! но на сей раз это было отвратительно — и ужасно. Потому что я *работал* с ним на протяжении четырёх лет, но это отвратительная дыра и шокирующие удары всех сортов. И наиболее печально то, что я всегда имел к нему — и до сих пор имею — глубокую симпатию, и поэтому я более уязвим. Короче, всё висит в воздухе, я нигде. Мать говорит мне, что находиться нигде — это начало того, чтобы быть где-то (это, скорее, она подтолкнула меня к

этому разрыву), хочется в это верить. Но я весьма расшатан, иссушен, утомлён. *Show-down* [конфронтация] с тантристом — это не шутки.

Я не могу объяснить тебе обстоятельства этого разрыва, это чересчур запутанно; мне отвратительны «жертвы», но оказывается, я сам был жертвой банды ашрамовских толстосумов⁶⁴, которые на протяжении двух лет осаждали моего гуру — этих людей, считающих, что им всё дозволено, потому что у них есть деньги, и низость, подлость! они говорили и делали отвратительные вещи, чтобы меня устранить, поскольку я был «жителем Запада», который говорит чересчур правдиво, напрямую — короче, я им мешал. А потом мой гуру тоже совершил несколько ошибок на внешнем плане — о, всё это мерзко, убого и я предпочитаю не говорить об этом. Мне грустно. Я видел человеческую жестокость — когда причиняют боль только из удовольствия причинить боль — но я не могу понять низости: что ж, она хуже. Я не знаю, что более низко в человеке, Гестапо или это «духовное» лицемерие. Суджата в своей мудрости сказала мне, что это одно и то же; что низость — это просто жестокость, у которой нет силы. Словом, это очень красиво на словах, но в сердце остаются раны.

Так что подведу заслуженный итог под всем этим, как ты меня просил. Я хотел отправиться в Гималаи, дабы отдышаться и посмотреть на всё со стороны (эта жара!), но Мать не согласилась. Вероятно, она хочет подтолкнуть «болезнь» к точке поворота; и теперь я словно машина, полная грохочущих шатунов — они стучат-стучат внутри. Но тем хуже, я ведь хорошо понимаю, что нет возврата назад — впрочем, этот мир, оставленный позади, всё больше и больше кажется мне уродливой ярмаркой. Старина, я родился с изъяном, вот в чём трудность. У меня дыра в памяти, дыра в моём сознании, отсутствующая связь между частями существа; и то, что находится позади — а я *знаю*, что оно там, позади, с другой стороны — это истинный Я, пребывающий в Свете и Радости, имеющий Видение, Знание, Могущество; этот Я, которым я действительно могу стать и который преследует меня уже тридцать лет, он стучит и стучит и тащит меня в дорогу, обалдевшего — но нет моста. Я знаю,

---

64 Сатпрем намекает на некоторых дельцов Ашрама, охотящихся за тантрическими силами его гуру.

что он там, позади, я его чувствую, я почти слышу его, а иногда я почти вижу его — проблесками — но нет моста, нет связи, коммуникации. Тогда я чувствую боль повсюду, боль оттого, что я не нахожусь в своей настоящей коже. Потому что я никогда не был Бернардом Е., понимаешь! Это ошибка — и я не могу наладить связь с другим — с Другим! Понимаешь, Бернар, я не ученик-ищущий-йогической-реализации, я не искатель, пытающийся «совершить прогресс» — это всё не то! Я *уже имел* эту реализацию, у меня *уже было* это видение, это Знание, это Могущество. И всё это отрезано. Я отрезан от этого. Но есть что-то, есть кто-то во мне, который вспоминает — и это воспоминание причиняет боль, оно бьётся, бьётся внутри. Ужасающее изгнание. Да, изгнание. Я родился с изъяном. Меня преследует некто, кем я не являюсь, кем у меня не получается быть, или кто никак не может заполнить трещину между двумя частями моего сознания. Иногда, вспышка! амнезия мгновенно исчезает, и меня переносит. А потом бредёшь и бредёшь месяцами, годами, изо дня в день, как осёл по дороге — ничего. НИЧЕГО. Ничто не отвечает. Всё глухо. Это никак не закончится. Таковы итоги.

Мать сказала, что у этой «трещины» в моём сознании есть причина. Как она говорит, я заключён в стеклянную статую — очень светлую, очень прозрачную, но твёрдую, словно горный хрусталь. Если она сломается, это будет хорошо. А тем временем, это становится всё более и более невыносимым. У меня было что-то вроде опыта, или сна, или видения, я не знаю, в одну из ночей, я был закутан в очень тесную одежду, и эта одежда была вся в больших шипах! в таких шипах, что я не мог никуда повернуться, все положения были невозможны. Видишь, очень наглядно!

Возможно, что «изъян» был связан с этими дьяволами из предыдущих жизней и с этим тройным самоубийством (у меня были весьма интересные опыты на этот счёт — по правде сказать, один — о которых я расскажу тебе, когда мы встретимся). И временами у меня впечатление, что есть ловушка, которая постепенно снова захлопывается, подводя меня к *той же ситуации*, в которой я уже был три раза, и я должен буду ещё один раз *оказаться с ней лицом к лицу*, и это будет развязка. Да, развязка, по-другому не скажешь. В какую сторону? Если я выкарабкаюсь из этого, будет о чём рассказать.

С другой стороны, *внешне*, с точки зрения маленького рассудка (который, кстати, стал совсем малоактивным — я формулирую всё это для тебя, для остальных же я довольствуюсь тем, что просто живу, с шипами или с грохочущими шатунами), с точки зрения этого рассудка я знаю, я изучил множество вещей — для меня больше нет тайн (вернее, остаётся *эта* Тайна).

И потом Суджата. Её присутствие очень успокаивает, как мирная река, которая мне помогает — к несчастью, когда я в состоянии кризиса, я с постыдной грубостью посылаю её подальше. Только индианки могут так любить, с такой самоотдачей и самоотречением. Иногда у меня бывает беспокойство, что «испытание» состоит в том, чтобы снова её потерять. Она всегда говорит мне, что хотела бы в скором времени «уйти». Словом... И накануне, когда мы с нею подводили итоги, этот крах во всём, на внешнем плане, в моих отношениях с гуру, с моим издателем, моей семьёй, моими книжками, и на внутреннем плане, я стал рассказывать ей о тебе, переключился на тебя, и посреди этой своего рода катастрофы как будто порыв свежего ветра и утешения — да, есть Бернар, есть Маник. По крайней мере, есть такие люди, как они, которые *существуют*, которые являются моими друзьями, это всё, что мне остаётся в этом пропадаем мире, и это меня утешило. Об этом я и сказал Суджате: всякий раз, когда я подключаюсь к атмосфере Бернара, ко мне приходит что-то *живое*, просторное, благородное — ещё бы, после всех этих распрей с торгашами! И я рассказал про У.Б.Б, про Нарканду, и прочее и прочее, и по мере того, как я рассказывал, во мне возрождалось доверие к жизни, как будто само твоё существование даровало жизни немного размаха. Люди ограничены, мой старина! Эти мещане ужасно мелки, даже лучшие из них. Словом, не буду больше говорить об этом, а то ты надуешься от гордости, как павлин, и станешь на два кило тяжелее.

.....

Да, вы тоже хорошо ощутили это, ваши антенны вас не обманули, было ужасное оккультное сражение в последние несколько месяцев (то, что ты называешь «подрывной деятельностью») и Мать едва не покинула тело. Она очень медленно поправляется после тяжёлого

испытания⁶⁵. Мы должны продержаться до 64-65 года. 63-й год также будет очень серьёзный на всех планах. Я хорошо это знаю, из надёжного источника, и поэтому мне не хотелось бы, чтобы вы были в Европе. Я не очень удивлён тем, что ты рассказываешь о Ж.Б. — я хорошо чувствовал, что там было нечто истинное, но также и *смесь* — именно это и ужасно: нет ничего чистого! ни абсолютно плохого, ни абсолютно хорошего. (...)

Лучшее, что вы можете сделать, вы оба, это культивировать ваше молчание, расширять ваши антенны, оставаться «готовыми» — но готовыми в состоянии открытости. Я очень верю в вас обоих и в ваше будущее.

И конечно же, я никогда не отделяю Маник от тебя в своих мыслях, в своей любви, она это хорошо знает — однажды мы встретимся все трое, или все четверо с Суджатой, и это принесёт истинную радость. Определённо, я предпочитаю Канарские острова в Монако — отмечу также, что ничего не имею против Алеутских или Фолклендских. Сердечно обними за меня Маник.

по-братски,

Сатпрем

***

21 июня 62

Маник и Бернару д'Онсие

Мои добрые друзья, моя маленькая Маник, ваша любовь трогательна. Я оправился от шока, но всё это не очень ободряет! Это весьма интересно, накануне я беседовал с Суджатой, и говорил о тех вещах, которые мы произносим «не думая», а потом они вас поражают, как будто только что прикоснулся к чему-то истинному. Я говорил ей почти дословно: «Если бы я был королём в немного более организованном мире, что же, мой друг Бернар был бы важным Казначеем с большими деньгами, и это действительно было бы

---

65 В марте и апреле 1962 года Мать была серьёзно «больна», включая полную остановку сердца в начале апреля. Это был первый крупный поворот в йоге клеток Матери.

интересно». И сразу же после прочтения твоего письма я ощутил тихий внутренний щелчок и увидел, или скорее, почувствовал, что это было правдой. Поэтому всё, что ты мне пишешь, не «смешно», и теперь я лучше понимаю, что тебе требуется много терпения, чтобы жить в этом причудливом мире. Это лишь придаёт больший вес тому, что ты мне пишешь о «принятии». Вероятно, наша связь имеет смысл более глубокий, чем нам дано осмыслить. Вероятно, когда-нибудь мы, ты и я, придём, наконец, к нашей истинной работе или, скорее, к нашему истинному *состоянию*.

Принять? не знаю... я испытывал отвращение к Пондичерри на протяжении семи или восьми лет, и испытываю до сих пор. Я любил жизнь на просторах, в дороге, незапланированную. А теперь я на пути к тому, чтобы превратиться в авторучку. По просьбе Матери я начал писать вторую книгу о Шри Ауробиндо⁶⁶, которая была бы более доступна для средней публики. Пишу, стало быть. (...)

Согласиться даже с отказом от своей внутренней цели и от своих усилий? Я хорошо понимаю, что ты хочешь сказать. Возможно, ты прав. Но думаю, что если бы я действительно это сделал, то разрушился бы, поскольку это всё, что мы с Суджатой имеем. Но кто знает, возможно, что однажды всё это тоже окажется потрясено — тогда я со смехом отправлюсь в дорогу.

Я хорошо понимаю то, что ты говоришь по поводу богов, светлой стороны и тёмной стороны. Но я думаю, что грядущая правда будет не в «красном», как ты пишешь (тантрики как раз обращаются к богам — это именно красный цвет: то, что Шри Ауробиндо называет «виталом»), но в супраментальном *золоте*: «золотая пудра», по мнению Матери. Вероятно, в этом причина, по которой Мать подтолкнула меня к разрыву с моим гуру. Шри Ауробиндо вышел за пределы богов; он объявил именно конец эпохи богов (или религий).

Прости, что пишу бессвязно. Я утомлён ментально и во всех других отношениях. Несколько слов от Маник меня растрогали и освежили. Очень нежно обнимаю тебя, моя маленькая сестра. Так приятно сознавать, что вы здесь и что вы — мои друзья.

Сердцем с вами

---

66 Это будет *Шри Ауробиндо или Путешествие Сознания*.

Сатпрем

***

9 июля 62

Маник и Бернару д'Онсие

Мои добрые друзья, мой старина Бернар, я получил твоё письмо. (...) Ты знаешь, что у меня было три сна про тебя, которые меня слегка беспокоили — сны были *перед твоим последним* письмом. Я не осмелился ничего тебе сказать, боясь тебя потревожить. В первом сне я видел тебя в большом зале, напоминающем зал дворца, с перевязанным лбом, как будто у тебя была травма. Во втором сне я видел тебя в машине, и всё было так, «как будто» произошла авария, и ты объяснял мне, что это произошло потому, что машину вела «она» (я думал, что под «она» подразумевалась Маник). И в третьем я был с тобой в машине (снова машина!), или по крайней мере у меня было ощущение, что рядом со мной, за рулём, был ты; и внезапно ты потерял управление, тогда я, перегнувшись через тебя, попытался схватить руль и затормозить. Я не знаю, что случилось потом... Должно быть, я принял всё это из твоего сознания и перепутал тебя с твоим отцом, а Маник с женой твоего отца⁶⁷! Как бы то ни было, я был встревожен этим каскадом снов о машинах. Но это любопытно, не так ли.

Больше сказать нечего. Чем дальше я иду, тем меньше понимаю. Особый привет и объятия моей младшей индийской сестре и желаю вам обоим не падать духом.

После всего вы будете, наконец, свободны.

Сердцем с вами
Сатпрем

***

---

67 В пришедшем чуть позже письме Бернар д'Онсие сообщил Сатпрему о смерти своего отца в автокатастрофе. Вероятно, именно жена Маркиза управляла машиной, то есть жизнью, его отца.

24 августа 62
Клари

Подруга,

Я вас не забыл, и это даже не вопрос «верности начатому делу», как вы пишете в своём последнем письме — это само собой разумеется, и вы моя подруга, не так ли? Просто путь этой Йоги — странный, и проходишь через фазы, где все слова кажутся пустыми, а все связи — довольно поверхностными. Это лишь переход для того, чтобы потом восстановить истинную связь с внешним миром на более высокой ступени. Клари, все эти ямы не имеют значения, и ничто не может изменить мою любовь к вам. И потом, вопреки самому себе и без удовольствия, я поглощён второй книгой о Шри Ауробиндо, ибо они не захотели первую. Писать чётко оговоренное количество страниц для публики, начиная со звонящего по телефону месяч-ультракатолика, который ничего в этом не понимает — задача трудная и отталкивающая. Я мучительно исполняю свой долг школьника, но это высасывает всю мою жизненность и выматывает меня. После этого у меня уже нет храбрости браться за письма.

Позже мы снова встретимся, подруга, и продолжайте писать, не беспокоясь о перерывах в общении — моё сердце не знает никаких перерывов.

Сердечно с вами
Сатпрем

***

4 сентября 62
Маник и Бернару д'Онсие

Мой добрый старина, моя маленькая Маник, ваши новости принесли мне радость (ибо я опасался, что у вас будут большие неприятности), и особенно ваша предполагаемая поездка в Индию этой зимой, это здорово. Естественно, я зарезервирую для вас комнату в местном отеле, хотя это не очень замечательно. В отеле под названием Европа, там сносная французская кухня. Они готовят для

Матери, мы об этом ещё поговорим, поскольку в настоящее время она полностью удалилась от общения (с прошлого марта) и не встречается ни с кем, кроме трёх-четырёх человек, среди которых, что весьма удивительно, я (просто по работе⁶⁸). Так что я не знаю, возможно ли будет встретиться. Мы об этом поговорим, когда придёт время. Должен сказать, что если бы не было настоящих индийских-индийцев, которых мы знаем, Индия становилась бы всё более и более невыносимой с её бандой официальных лиц. Я *не осмеливаюсь* сказать больше. Действительно, печально наблюдать, как великая страна деградирует⁶⁹.

У вас есть очень красивый замок, мой дорогой Маркиз! Было бы очень соблазнительно совершить тур по твоим лесам, потому что, в противоположность Индии, Природа там настолько же красива, насколько невозможны люди. Иногда меня так тянет в зелёные луга с маленькими маргаритками, словно нарисованными — в-общем-то, желания, достойные коровы. Должно быть, меня мучают старые инкарнации. Но должен тебя разочаровать, если ты намерен сделать меня «духовным центром» твоего ашрама (к счастью, ты добавил после фразы восклицательный знак), потому что, когда я сказал об этом Суджате, она предположила, что швабра справилась бы с этим лучше меня, имея двойное или даже тройное преимущество в том, что она незыблема (это намёк на мои «*fits of temper*» или приступы буйства), что она может летать, если хоть немного разбирается в колдовстве, и в любом случае, она может использоваться для натирания паркета. Вот такой духовный Сатпрем-центр. Кроме шуток, мой добрый старина, ты строишь громадные иллюзии насчёт меня; одно дело иметь ментальные знания, и совсем другое — иметь конкретный опыт. Чем больше я понимаю вещи, тем больше убеждаюсь, что я ещё очень далеко. Впрочем, ты достаточно знаешь, через какие пещеры отчаяния я прошёл. Как бы то ни было, я убеждён

---

68 Эта «работа» позволила Сатпрему быть свидетелем опыта Матери и собрать этот опыт — то, что станет *Агендой Матери*.

69 Мы живём в эпоху Неру, чья «социалистическая» и бюрократическая политика разрушила и развратила Индию. Его предательство Тибета и его заигрывания с Китаем будут вознаграждены через месяц, когда китайские войска попытаются захватить северо-восток Индии.

в одной вещи, что начиная с того момента, когда мы действительно способны сделать для людей *что-нибудь*, мы можем делать это где угодно, расстояние и место почти не имеют важности. И я не уверен, что те, кто действуют или думают, что действуют, действительно имели власть что-то сделать. Я не знаю. Что касается меня, ничего не будет происходить, пока я не получу *изнутри* точный Приказ. А иначе создаётся множество иллюзий. Я не готов.

Я мучаюсь, как школьник, над моей второй книгой, посвящённой Шри Ауробиндо. И я понимаю, что её они тоже не захотят. Тем хуже, я исполню свой долг. Если у меня было свободное время, мне хотелось бы писать волшебные сказки о странах крайнего Севера, где множество самых разных птиц кружат над большим замёрзшим озером. Меня преследует Крайний Север. Это не блажь. Я пообещал Суджате, что если она не будет эскимоской в своём следующем рождении, я хладнокровно брошу её. Но она упряма как индийский мул и не хочет ничего, кроме Индии, только Индии — что за карма!

Расскажи о твоих проектах с Шаффардоном. Для себя я не вижу ничего. Не знаю, почему, но уже долгие годы я ожидаю 1963-го со своего рода тревогой. В моей жизни есть циклы по десять лет — 43-й и 53-й были для меня памятными датами.

Обнимаю вас обоих со всей своей братской любовью.

Сатпрем

***

1963

23 января 63
Маник и Бернару д'Онсие

Малышка Маник, дорогой старина Бернар, сожалею, что причинил вам беспокойство, но что-то явно не так⁷⁰. (...) И они отказали тебе в в...⁷¹ для въезда. Думаю, что если бы я оплатил люкс и отправился к вам, я бы не смог больше вернуться — ты видишь меня изолированным от Суджаты! Я не могу ни о чём говорить, не хочу ни о чём говорить и не смею ни о чём говорить. Однако, уверяю тебя, я испытываю что-то вроде тошноты, когда смотрю на происходящее. Посылаю этот текст через Мадрас, откуда его отправит один человек.

Я работаю. Много. Заканчиваю правку этой книги о Шри Ауробиндо, 350 страниц, которые стоили мне нескольких лет жизни. Ещё один месяц работы, и это закончится. Я устал и не очень хорошо себя чувствую. Но это пустяки. Если мой издатель не пошлёт меня подальше, мне оплатят мои страдания. Хотя сомневаюсь. Барьер Лжи организован очень хорошо, повсюду, во всех формах и на всех уровнях. Ладно, посмотрим. Но я причиняю беспокойство Маник, она, должно быть, страдает. Тридцать или сорок лет назад мы не говорили так много о свободе, однако могли поехать из одной страны в другую без документов и без того, чтобы рылись в наших карманах. Иногда у меня впечатление, что ВОПЛЬ моего *Золотоискателя* был недостаточно интенсивным.

Бернар, у меня опасения. Не осмеливаюсь говорить, какие. Со

---

70 Сатпрем делает намёк на несколько «потерявшихся» или, вероятнее, изъятых цензурой писем, поскольку в эти годы цензура в Индии была особенно активна.

71 Виза. Многоточие для введения в заблуждение цензоров.

всех сторон я ощущаю Врага, не только коллективно, но и лично. Думаю, что мне предстоит Испытание.

Я мало что могу сказать. Вижу более ясно. К счастью, я всё больше и больше обнаруживаю нечто внутри, дающее мне силу, доверие, несмотря ни на что; иногда даже улыбку. Мы живём в великую эпоху. Хорошо быть на стороне тех, кто сопротивляется и кто понимает; это наша привилегия, которая стоит нескольких ударов.

Скажи Маник о моей глубокой братской любви.

Да, мы — Братья, всё больше и больше, и всегда.

Сатпрем

***

16 апреля 63

Клари

Подруга,

Позавчера я поставил финальную точку в этом эссе о Шри Ауробиндо, и моё первое письмо — вам. Я жил эти десять месяцев так, будто меня преследовали, днём и ночью, и возвращаюсь оттуда как человек, который жил всегда, на протяжении тысяч лет, с обратной стороны ментального мира и всего того, что можно об этом сказать, сделать, подумать до конца своего существования, и мой труд многих веков завершён. Теперь всё урегулировано. Я возвращусь только тогда, когда человечество перейдёт на следующую стадию.

Заметьте, я не планирую уходить в ближайшее время, хотя я был очень утомлённым, выжатым после возвращения из лагерей. Но когда придёт час, если он придёт, я попытаюсь немного рассказать об этом ином способе жизни за пределами ментала — через поэзию, сказки. Сейчас же я пытаюсь починить мой остов.

Посылаю свою книжку издателю, не питая больших иллюзий. Он меня уже предупредил, что «такого рода сюжеты» не вызывают большого интереса у публики. Преподнеси людям Тайну на блюдечке, так они найдут в ней блох — как медленно, насколько медленно движется этот мир. В любом случае, она будет опубликована здесь и выйдет в следующем феврале. Это всё.

А как вы? Знаете ли вы, что я всегда рядом с вами. Не так давно я вас встретил и понял, что вы знаете гораздо больше вещей, чем говорите — либо вы не знаете саму себя. Часто бывает, что отсутствует связь между внутренним существом и внешним. Чем вы заняты? сообщите мне какие-нибудь новости, если вы не рассержены моим долгим молчанием. Впрочем, я прекрасно знаю, что вы не рассержены.

Моя мать снова и снова уговаривает меня приехать во Францию и повидаться с нею «в последний раз». В этом году я отказался, но вероятно в следующем году мне нужно будет уступить; для меня эти поездки в Европу — что-то вроде кошмара. Я нахожу, что атмосфера там непригодна для дыхания. Ну что же, возможно, мы снова увидимся в следующем году?

Что ещё сказать, кроме того, что я вас очень люблю и обнимаю по-братски.

Сатпрем

***

17 апреля 63

Маник и Бернару д'Онсие

Мои хорошие друзья, я медлил с ответом на ваше письмо от 11 февраля. Поскольку был целиком погружён в правку моей книги о Шри Ауробиндо, которую сегодня утром выслал издателю. Я очень устал. И послезавтра уезжаю в Рамешварам, чтобы провести пару недель рядом с моим гуру, отношения с которым, как это ни парадоксально, возобновились. Это очень странный человек. Да и вообще, всё странно. Если издатель бросит мне в лицо это новое эссе, возможно, я попрошу тебя пойти и забрать его, чтобы прочесть и, коли ты считаешь, что оно того стоит, передать своим друзьям. Посмотрим. Я описал в этой книге множество сложных и тайных вещей.

.....

Я мало что могу рассказать, ибо чересчур утомлён для этого, опустошён, как роженица после родов! Думаю, что писать — это

самое ужасное занятие в мире. К счастью, рядом есть Суджата с её покоем и мягкостью, стирающими любые горести. Я часто вижу вас во снах, вас обоих. Это слишком туманно, чтобы можно было внятно рассказать, но связь есть, и мы встречаемся, это точно. Какие у вас проекты? — но естественно, «прогнозы на будущее», как ты говоришь, гораздо более эффективные и живые, чем все беспокойства прошлого. Прошлое интересно только в той мере, в какой оно даёт нить к более обширному Будущему. К чему бесконечно повторять один и тот же надоедливый мотив! Всё же мне было бы очень любопытно узнать твоё суждение о моей книжке. Я вложил в неё очень много всего. Словом, увидим.

Скажи Маник, что я её сердечно обнимаю и что помню о ней. Суджата присоединяется ко мне со всей своей нежностью.

По-братски с вами обоими

Сатпрем

***

30 мая 63

Маник и Бернару д'Онсие

Мои добрые друзья,

.....

Понятное дело, я прочту эти книги⁷², поскольку, естественно, я хочу следовать за вами в ваших усилиях. Только я веду весьма своеобразную жизнь, и читать мне придётся долго — есть множество вещей, которые я должен делать сверх моей работы, а именно тантрическая практика, занимающая несколько часов ежедневно. Так что придётся быть очень терпеливым, чтобы дождаться моего мнения.

Если бы была возможность увидеть фотографию этого Б.М., это сэкономило бы много времени и, по сути, позволило бы мне напрямую прикоснуться к сущности. Я сразу же пойму. Ведь правда в том, что его книги могут быть лишь отражением того, чем он сам является — следовательно, это позволило бы выиграть время. Кроме

---

72 Двухтомник под названием *Гнозис* Бориса Муравьева.

того, очевидно, если я возвращусь во Францию, я соглашусь увидеться с Б.М. только после того, как увижу его фотографию. Извини меня, но вещи достигли той стадии, когда я уже не могу (или ещё не могу) позволить себе неожиданные встречи. Уже не могу потому, что я очень открыт, а ещё не могу потому, что не чувствую себя достаточно окрепшим. Ты поймёшь. И прости меня, но я хорошо знаю, как и ты, что этот мир населён всеми сортами людей, которые могут быть очень полезны для прогресса одних и очень пагубны для других. Вот такая недвусмысленная ситуация.

.....

Кроме того, я очень устал. И получил несколько тяжёлых ударов, сильно меня истощивших, состаривших, добавивших седины. Но решение идти до конца — неизменно. Кроме этого, нет занятий более лучших. И кроме этого, всё не в наших руках.

Обнимаю вас обоих со всей своей преданной братской нежностью.

Сатпрем

***

1 июня 63

Клари

Подруга, что за письмо вы мне написали сюда! Мне показалось, что я читаю прозу монахини XIII века! Именно такое впечатление произвело на меня ваше письмо. Я не насмехаюсь, подруга, ничуть: «Период отрицания Бога... страх спутать мою жажду Бога с малодушным желанием положиться на высочайшее существо, чтобы оно действовало за вас... грешники более близки к нему... страх любить» — О Боже! но подруга моя, какая же христианская зараза вас поразила!? (...) Вы что же, никогда не сможете освободиться от этого христианского колдовства (или еврейского, во всяком случае — западного), объявляющего «Бога» вне человека, заявляющего о «Могуществе», которое господствует над человеком и которому мы должны подчиняться, как некая разновидность высших Баранов. Но такой Бог — Ложь! Бог не является чем-то внешним, это не какое-то

«высшее существо», на которого мы должны возложить заботу действовать для нас и за нас — Бог это ВЫ. Но у вас есть тысячи причин бояться вручить себя этой *чуждой внешней* силе, тысячи причин бояться любить этого в некотором роде лживого деспота, господствующего над западным сознанием, господствующего столь прочно, что он сочится из всех их мыслей, как дурной сок. Полноте, почему бы просто не приступить к работе над собой, как добросовестный химик, ведь тогда вы будете продвигаться гораздо быстрее, нежели загружая свои мозги всеми этими ложными проблемами. Ибо это фальшивые проблемы. Химик не спрашивает себя, должен ли он отдаться высшему углероду — он *производит* углерод.

Нет, подруга, вы ошибаетесь. В конечном счёте, мы покоряемся только Самому-себе. И когда мы находим Это внутри, нет больше никакого «страха любить», потому что наша жалкая любовь оказывается сметена этой-Любовью, которая даёт, и даёт, и даёт полными пригоршнями. Держите, вот только сегодня утром я читал эти восхитительные гимны Риг-Веды, гимны Внутреннему Огню, Огню внутри человека, Огню, который выковывает Бога внутри, и там говорится:

*«O Fire.. Then it lavishes its deliciousness,
then it returns in treasure and substance all
that we have given into its flame⁷³.»*

Итак, заставьте пылать Огонь внутри, это единственная работа, истинная работа; и когда он запылает, именно он сделает всё для вашей радости, вне споров и рассуждений — больше не возникнет вопросов, верить или не верить, любить или не любить. Огонь *горит*, вот и всё, он *есть*. Так что к чёрту эти христианские и греховные измышления. Заставьте пылать Огонь, познайте ваше собственное богатство! Всё остальное — бессмысленная болтовня.

Со всей моей нежностью

---

73 «О, Огонь... Тогда он расточает свои наслаждения, Тогда он обращает в сокровища и субстанцию всё то, что мы отдали его пламени».

***

24 июня 63
Маник и Бернару д'Онсие

Дорогие мои друзья, спасибо за фотографию, она позволила мне узнать то, что я хотел узнать — я успокоен. Через твоё письмо просочилось немного разочарования и раздражения от моей реакции, но меня волнует только дружба. Имя Бориса Муравьёва тотчас же заставило меня вспомнить Гурджиева (другой русский), который писал очень интересные вещи (или которые по крайней мере казались мне интересными лет десять назад) и который буквально разрушил жизни нескольких людей. И поскольку ваши отношения с Б.М., кажется, не ограничивались чисто интеллектуальным планом, потому что вы хотели принять его у себя, я не мог воздержаться от беспокойства. Ты протестуешь, когда я «смешиваю» само Послание и Того, кто принёс это Послание, но я всё же думаю, что не ошибаюсь. Если бы я мог увидеть фотографию Ж.Б., то смог бы получить более чёткую картину — хотя, вероятно, вам бы ни о чём не сказал, ибо такой род негативных вещей лучше обнаруживать самому. Так что всё в порядке.

Я перегружен работой, жарой, усталостью. Спешу закончить в этом году. Не представляю себе поездку во Францию — всё это кажется мне очень туманным, очень далёким, почти несуществующим. В конце концов, увидим, вынудят ли меня обстоятельства поехать туда. У меня всё меньше и меньше желания хотеть чего бы то ни было лично для себя. Иногда у меня бывает мимолётное видение того, что называют Нирваной. Это переход за пределы того, что находится за пределами, и он труден — я ищу точку, где это запределье сообщается с тем, что здесь, но на новой базе. База сегодняшней жизни, современного человека, его нынешних суждений кажется мне иллюзорной, нереальной, без правды, и я ещё не нашёл связи, которая позволила бы сообщаться тому, что здесь, с тем, что я нашёл там. Короче, я не достиг точки завершения —

впрочем, вся жизнь целиком тоже ещё не достигла этой точки. И переход труден. Это всё, что я могу сказать. Я с вниманием и любовью слежу за вашим Приключением, и я верю в вас.

По-братски с вами обоими,

Сатпрем

***

10 сентября 63

Маник и Бернару д'Онсие

Мои добрые друзья,

.....

Я по-прежнему не перевалил за введение *Гнозиса* из-за нехватки времени (небольшой пункт меня слегка разочаровал: «Изначально только христианство утверждало свой вселенский характер»... Когда начинают говорить «только...», сворачивают не туда; но важнее и нужнее, чтобы именно *вы* были удовлетворены). По правде говоря, всё, о чём можно сказать или прочитать, имеет лишь подготовительную ценность — Истинная Вещь приходит с прямым опытом. Если он поможет вам встать на путь *вашего собственного* опыта, это и есть самое важное.

Рассказать не о чем. Моя книжка в печати (в Ашраме, потому что Париж её не хочет: «Мы, признаться, не понимаем»), и в процессе перевода на английский для Америки (которая, как это ни парадоксально, ближе к пробуждению, чем Европа — потому что менее интеллектуальная и менее заносчивая⁷⁴). Мой издатель ждёт другого романа — а я, я жду другую вещь. Нечто иное, что не перестает прибывать.

Когда выйдет французский текст, я тебе его вышлю. Прочтите его, если у вас будет время и если это не помешает вашей работе — но это не имеет никакого значения. Просто ещё одна вещь расчищена.

Преданно обнимаю вас обоих,

Сатпрем

---

74 Тем не менее, несколькими годами позже Франция откроется Матери и Шри Ауробиндо.

***

29 сентября 63
Маник и Бернару д'Онсие

Мой добрый старина, мои дорогие друзья,

Я написал Л⁷⁵. благодарное письмо, дабы сообщить ему о выплате полной суммы моих авторских прав на *Золотоискателя*, не густо: 777,75 НФ. И затем я получаю письмо издателя, уведомляющего меня, что фактически эта сумма сокращена до 428,80 НФ «учитывая обязательный налоговый вычет в 24% на 80% суммы» и другие мистические вычеты. Я ничего в этом не понимаю, но только что написал Л. новое письмо с просьбой извинить меня за то, что беспокою его со всеми этими пустяками. Я написал ему, что лично я, в конце концов, ни на что не жалуясь, так как эта сумма равна зарплате индийского кули за шесть месяцев, почти столько же времени, сколько нужно для написания книги! но что он рискует оттянуть надолго, если не навсегда, возвращение всей суммы моего долга, если я должен написать ещё три книги, чтобы быть в расчёте!

Обнимаю вас обоих, и с особой нежностью маленькую Маник,
Сатпрем

***

---

75 Посол Франции в Индии, который помог Сатпрему возвратиться обратно во Францию в конце 1949 года (см. том 1) и которому Сатпрем хотел, наконец, вернуть свой «долг».

1964

19 января 64

Клари

Подруга,

Какой сюрприз вы мне преподнесли! я чувствовал самые разнообразные вещи, целый мир вещей — ваших — держа в руках эту маленькую брошюру. Мне казалось, я вас знал, но вы присутствовали с такой *ясностью* в этих нескольких стихах — все запутанные уровни вашего существа были почти как на ладони. Я хотел написать вам сразу же, просто затем, чтобы выразить мою братскую радость, однако я только сегодня взялся за перо, чтобы написать вам, вернувшись из своего долгого путешествия, достаточно inferнального. (...) И посреди всего этого приходит ваш сборник стихов, столь живой — вы в нём, внутри, чрезвычайно живая, о, неуёмная королева, и теперь я люблю его также, как люблю вас. Здесь и там встречаются интонации очень глубокие и трогательные — это тот уровень в вас, который я хотел видеть развивающимся, это истинная нить, которая может привести вас с великому Искусству. Я вижу в вашей книге большой потенциал, но и постоянную опасность быть покрытой и утонуть на других уровнях, более «подводных» — возможно, вы живёте этим конфликтом или этим противоречием? Но мне кажется, что когда вы найдёте мужество пойти за пределы, то воистину коснётесь великого Искусства (я думаю, к примеру, о *Пленнице*, или об *Алчности* — это часть негативная, болотистая и удушливая). Прямолинейный Бунтарь в вас кажется мне более близким к цели, чем извилистые пути другого.

Вот, надеюсь, что вы скоро напишете мне «стихи о радуге», которые поднимаются очень высоко, но обоими концами касаются

земли.

.....

Я верю в вас, подруга, очень верю, я уверен, что мы способны на многое — если срежем мелкие ночные водоросли.

Спасибо, подруга; как встарь, со всей моей нежностью,

Сатпрем

***

24 марта 64

Маник и Бернару д'Онсие

Дорогие друзья,

Мой вояж во Францию только что был утверждён после долгих проволочек, но я повинуюсь желанию моей матери, которая сильно постарела и перед уходом хочет со мной увидеться. 12 апреля я прибуду в Париж и 15 июля снова улечу (самолётом) — три месяца. В Париже я останусь лишь на несколько дней, в дни прибытия и отлёта, чтобы уладить формальности, а оставшееся время проведу в Бретани с моей матерью.

О себе особо нечего рассказать, я весьма утомлён, это правда. Сильно сомневаюсь, что Франция позволит мне отдохнуть, скорее, наоборот, поскольку мне придётся пройти через жёсткую битву, чтобы не позволить захватить себя коллективной западной инфекции — я стал очень чувствителен из-за этой чёртовой Йоги. Буду ждать возвращения в Индию в июле, чтобы заняться, наконец, *Саньясином* и освободиться от этой тяжёлой вещи — после этого я обрету право на волшебные сказки (о которых Суджата меня просит уже долгие годы — а я стойко держался, заставляя её читать *Золотоискателя*).

.....

Вот, моя маленькая бургундка, обнимаю тебя с твоим савойским-бургундцем-тираном, которого я, впрочем, тоже очень люблю, и спрашиваю себя, увидимся ли мы снова. В любом случае, всегда остаюсь вашим близким верным старым бродягой.

Сатпрем

***

Париж, 26 апреля 64
Маник и Бернару д'Онсие

(Сатпрем прибыл во Францию)

Дорогой старина Бернар, сестрёнка Маник, я был в волнении, расставаясь с вами в один из вечеров в Шату — я знал, что я вас люблю и что вы были моими друзьями, но вдруг обнаруживаешь нечто живое и тёплое, которое долгое время выросло в глубинах существа и перед которым стоишь в смущении и робости. В нашем мире, где люди общаются едва ли лучше, чем в пещерном веке, это весьма утешительно. С момента возвращения сюда я каждую минуту должен прилагать значительные усилия, чтобы просто дышать, и если бы не эта глубинная Сила во мне, я рухнул бы на землю или стремительно пошёл ко дну, как утопленник. Это жёстко, жёстко, это как тревога, которую приходится отталкивать каждое мгновение. И никто здесь не может понять этого. Единственные моменты, когда я могу дышать спокойно, это во время своих медитаций, когда всё расширяется в Бескрайности света. А ещё те несколько тёплых моментов, когда мы встретились на станции Биссон в Шату, как будто рядом с вами я вновь начинал дышать Индией, более истинным воздухом. О, Маник, Бернар, я не отсюда, я совсем не отсюда, я словно лунатик, которого качает вправо-влево и чьи глаза смотрят в другое, всегда в другое, гораздо выше этих чёрных вод. Конечно, там есть Суджата, там есть Ашрам и главное, там повсюду есть Правда, Свет, в котором можно жить — здешняя Ложь меня душит, я не готов, и я не знаю, выдержу ли я когда-нибудь этот груз тревоги, находясь здесь. Простите меня за эти жалобы, но иногда мне трудно.

.....

В среду 29-го я отправляюсь в Сен-Пьер. Я действительно лунатик, которого таскают за собой, и моё «я» не здесь, за исключением нескольких секунд, когда окружающие являются истинными, тогда я сразу возвращаюсь, как если бы я был пойман этой маленькой искрой правды, а всё остальное время... это долго.

Вот так, мои добрые друзья, мои постоянные спутники на пути, обнимаю вас, делаю глубокий вдох в вашем братском воздухе и выражаю вам тихую радость оттого, что смог побыть рядом с вами.

Сатпрем

***

Сен-Пьер, 24 мая 64

Клари

Подруга, вы, должно быть, сочли меня заблудившимся в западных или бретонских наслаждениях, если не в Брахмане, и это правда, я здесь немного заблудился, хотя Брахман повсюду — я барахтаюсь в белом болоте, как в Гвиане, с той лишь разницей, что оно не девственное, и я сплотил все свои силы, чтобы не стать отупевшим. Бризы здесь приятные, но воздух свеж только для лёгких.

Я с удовольствием прочитал и перечитал три ваших стихотворения, которые вы мне дали в Париже — в особенности второе (*Сердце не слева*). Вы на своём пути, это чувствуется. Но я упорно считаю, что если вы хотите внести большую ясность, войти более глубоко в себя, не пытайтесь тотчас воспользоваться первыми же обнаруженными огнями — просто позвольте всему этому отстояться с волей идти дальше — и тогда ваша поэзия будет трансформирована, как и вы сами, и вместо нескольких вспышек или красивого потока, хорошо ощутимого и прекрасно высказанного, вы имели бы царственный звук, которому неважно, о чём он говорит и каким способом это говорится, потому что он обладает могуществом *сам по себе* и несёт всё с собой, нисходя свыше. Вы на пороге этого, но пока ещё не прикоснулись по-настоящему — позади обширного, мирного безмолвия есть повелительная Сила, но сначала нужно пересечь безмолвие, идти дальше, прежде чем коснуться этого, и самое главное, не удовлетворяться первыми проблесками. Простите, если я слишком требователен. Кстати, переварили вы мою книжицу или с негодованием выбросили её?! там также рассматривался вопрос поэзии.

.....

О себе мне нечего рассказать, Подруга, я в бесконечных переходных периодах, но, возможно, я вас услышу. Что за новая революция?

Было бы хорошо возобновить этот физический контакт с вами, столь тёплый. Обнимаю вас и посылаю вымученную улыбку.

Сатпрем

***

Сен-Пьер, суббота 4 июля
Маник и Бернару д'Онсие

Моя маленькая Маник, мой дорогой старина Бернар, это было восхитительно, чудесно во всех отношениях, наша встреча впятером⁷⁶, как остров милости посреди убожества жизни. Да, я очень мощно ощутил нечто выше нас, что бесконечно превосходило слова и символы, которыми могли обмениваться наши тела, как будто наши души, пребывающие позади, уже пережили подобную встречу. Неважно, мы ещё слишком глупы, чтобы знать, но этот воздух милости окружал нас, и это было так по-братски; моё сердце уносится туда, в Индию, к чему-то столь мягкому, столь тёплому, которое просуществует гораздо дольше, чем все наши маленькие «я». Что ещё сказать? Хотелось бы помнить это изо всех сил, чтобы породить другую встречу впятером или, возможно, вшестером, где-нибудь выше Ришикеша. В сущности, я полагаю, что всё зависит от нашего собственного внутреннего прогресса, совершаемого каждым из нас. Обнимаю вас обоих со всей любовью из глубин моей души и особенно мою индийскую сестрёнку — да пребудет с вами Покой.

Сатпрем

***

Пондичерри, 16 июля 64
Маник и Бернару д'Онсие

---

76 Сатпрем в сопровождении своего брата Франсуа и его жены приехал в Шаффардон (в Савойе) в замок Бернара и Маник д'Онсие.

Мой старина Бернар, моя сестра Маник, я пытался и пытался по крайней мере раз десять звонить вам накануне своего отъезда и утром перед отлётом, но кажется, ваша Савойя оказалась чем-то вроде телефонной Патагонии. (...)

Вот я и у себя, рядом с моей милой Суджатой, о, такой милой, как Ямуна. Мы обещали друг другу больше не расставаться, слишком трудно жить одному без другого, как будто потерял кусочек сердца.

.....

Сейчас я нуждаюсь в долгом периоде прояснения, чтобы подвести итоги моего пребывания во Франции, но я уже вижу, что это пребывание было полезным и провоцирующим. Я обучился множеству вещей и по сути ощутил в своих глубинах грандиозные возможности, несмотря на внешний хаос (или по причине его). Думаю, что теперь я лучше улавливаю поток силы, которым требуется манипулировать, чтобы затронуть Запад (я думаю об этом будущем романе, который должен написать).

Вот, на данный момент больше ничего — покой и безмолвие, безмолвие.

Развивайтесь оба, продвигайтесь по пути, и когда мы будем готовы, я уверен, что мы встретимся снова. У меня всегда было и до сих пор остаётся впечатление, что мы вместе готовим нечто для будущего.

Пусть покой и свет будут с вами.

с нежностью,

Сатпрем

P.S. Подарил Суджате ожерелье, при виде которого её глаза распахнулись, как две луны!

***

Пондичерри, 7 сентября 64
Маник д'Онсие

Сестрёнка,

Я не смог ответить на твоё письмо сразу же, как и на письмо Бернара (с фотографиями, которые весьма позабавили Суджату). Все эти задержки потому, что я не очень хорошо себя чувствовал, но теперь всё в порядке. Впрочем, всё обязательно должно идти хорошо, пока она здесь, рядом со мной — это воистину благословение моей жизни. И чем дальше я иду, тем с большей глубиной и интенсивностью я понимаю, что тот тип отношений, который сложился между нами — единственный, который может привести к истинному союзу. После долгих протестов и неохотного принятия этого решения я вижу его чрезвычайную мудрость и то, что все элементы желания или «страсти», даже элементы так называемой «любви», о которой твердят люди — всё это словно пелена, которая тотчас же затуманивает общение. Как только появляется малейшая витальная вибрация, она словно создаёт туман — все наши деяния человеческой любви являются лишь попыткой рассеять этот разделяющий туман, но таким образом его не рассеять. Все наши слова, все наши «эмоции» подобны шуму, призванному заполнить эту пустоту. Но когда всё ясно, прозрачно, словно родник, это чудесный покой без ущерба — покой изобильный, мягкий, без морщин, где ничто друг с другом не сталкивается; всё перетекает из одного в другое, как в едином чистом водоёме — нет больше разницы, всё едино. И в этом едином покое имеешь ощущение огромного созидательного могущества: это вечная база, на которой всё может быть выстроено — можно начинать работу. А иначе это путаница, это никогда не утоляемая жажда. Вот то, чему она меня научила. По сути, это как если бы я шёл на протяжении веков и пришёл к своей обители — к своей, наконец, воистину, к своей.

Я очень рад, что твои «упражнения» стали давать некоторые результаты. Видишь, люди полагают, что нужны экстраординарные «методы» или супер-гуру, чтобы достичь, но это совсем не так! мы можем воспользоваться любым методом, даже самым абсурдным, нужно лишь отдаться ему всем сердцем с искренностью, и мы обязательно достигнем, потому что именно душа использует этот метод, как детскую игрушку, чтобы появиться на свет — и когда она начинает выходить из своего тайника, она больше не нуждается ни в методах, ни в чём-либо ещё, она поёт сама собой. Метод или гуру, это

просто посох пилигрима, чтобы встать на путь — но нужно встать на путь, неважно каким способом, это всё.

Касательно остального, книжка о Шри Ауробиндо уже вышла в Америке (они ожидают, что она хорошо пойдёт). Вообрази, эту книгу собираются перевести на немецкий язык, на итальянский, на испанский и на хинди!

Таким образом, я перегружен работой и «деловой» почтой (из меня никудышный делец, но требуется соответствовать всем этим издателям — ну и работёнка!), однако я хотел бы с этого месяца начать редактирование своего *Саньясина* и ликвидировать это старое прошлое. Потом, освободившись, я буду писать волшебные сказки или поэмы, а главное — я буду жить, легко, как воробей, и счастливо. Я уже счастлив, уже лёгкий и живой, моя жизнь понемногу начинает струиться, как вода источника, я прибыл в Обитель.

Обнимаю тебя, сестрёнка, со всей нежностью, а также и старого Бернара, имеющего особое место в моём сердце.

Сатпрем

***

9 сентября 64
Клари

Подруга,

Я медлил с ответом, но у меня было не очень хорошо со здоровьем — возможно, не столько «приступы самообороны», сколько давнее соучастие с Тьмой. Несколько тысяч лет ночи в этом теле. И к тому же, когда мы немного расширяемся, то становимся очень чувствительны. Но всё улаживается. В итоге, мы страдаем лишь настолько, насколько нужно, чтобы продвинуться на один шаг и заставить спуститься немного света в эту пещеру с ворами.

Я очень рад, что эта книга⁷⁷ вам помогла. Видите ли, это не «моя» книга, это только способ воплотить слова с определённой высоты бытия, где дышится лучше и где жизнь более истинная — эта

---

⁷⁷ Шри Ауробиндо или Путешествие Сознания.

«высота» не принадлежит мне и она никоим образом не лишает индивидуальности любого из нас; напротив, она любому помогает более истинным способом стать самим собой. Вы можете ухватиться за неё без страха быть Сатпремизированной! Да, я рад, если эта книга вам помогла, ибо у меня было почти болезненное ощущение, что вы ходите по кругу вокруг вашей «пепельницы». Я прекрасно понимаю, что эта чёртова пепельница не аннулируется по желанию, но когда развиваешь положительную сторону сознания, принимаешь позицию «над» и «внутри», она понемногу теряет свою значимость. В конце концов, главное, что вы ухватили рычаг работы — независимо от того, куда вы мчитесь, в любом случае, «цель» бесконечно превосходит то, что мы можем представить или пожелать.

Книга должна выйти в *Буше/Шастель/Корри* около 15 ноября. Вы мне расскажете, вызовет ли это хоть какой-нибудь резонанс. Только что в Нью-Йорке вышел английский перевод в очень красивом издании.

В-остальном, если всё будет в порядке, я намерен здесь заняться *Саньясином* на две недели. Пока ещё немного жгучий период беременности — я всегда боюсь этих месяцев, когда живёшь словно человек, которого преследуют днём и ночью, без передышки, пока последняя строка не будет написана. И каждый раз я старею на десять лет. Но по-видимому, это мой единственный способ быть «хорошим хотя бы в чём-то».

Подруга, я вас не покидаю, вы всегда присутствуете во мне, и если вы чувствуете «отдаление», то будьте уверены, оно происходит от вас. Я всегда здесь, готовый вам помочь, если вы этого пожелаете и если я смогу. Нежно вас обнимаю,

Сатпрем

***

Пондичерри, 12 октября 64
Бернару д'Онсие

Дорогой мой старина, прости за задержку с ответом, но в последнее время моё здоровье было не блестяще. Ты упрекаешь меня

за эту фразу в моей книге, где я пишу: «Конечно, смерть на кресте трогательна, но распятие, особенно когда ему поклоняются, лишь продлевает закон смерти. Не распятое тело, но тело осиянное спасёт мир. — Говорила Мать.» Нужно исписать многие страницы, чтобы тебе ответить, поскольку человеческий Ментал не способен сказать обо всём одновременно — а если мы не говорим обо всём, включая все возможные противоположности, мы пока ещё находимся в лживых полу-истинах ментального сознания. Надо бы ответить единственным словом или написать книгу одного слова — ОМ. И это всё. Единая вибрация, которая содержит всё. Именно внутри я живу, моё сознание там, моё существо там. Поэтому, когда я смотрю туда, все ментальные человеческие формулировки кажутся мне неадекватными, неполными и чаще всего нелепыми — в том числе моя книга, в том числе это письмо. Не существует абсолютно истинной и удовлетворяющей формулировки, не существует тотального Откровения — всё урезается и более-менее уродуется в ту минуту, когда проходит через ментальное сознание. Это как призма, разлагающая свет, единый чистый Луч. И для меня все книги, все более или менее священные Писания являются более или менее извилистым путём, ведущим к этому ОМ, где всё гармонизируется. И я знаю, что говорю, эта Вибрация струится в моих жилах, бьётся в моём сердце — это живое, это наполненное, это всё.

Я не сомневаюсь, что моя книга будет одним из многих извилистых путей, ведущих туда. Я убеждён, что она будет неполной и частичной или даже пристрастной. С того самого момента, когда мы *выбираем*, мы падаем в ложное сознание, и поскольку наш язык не способен сказать обо всём одновременно, мне пришлось выбрать определённый способ действия, определённые идеи в ущерб других, потому что *в нынешних обстоятельствах* они казались мне более эффективными для того, чтобы привести людей к той точке, когда уже не будет нужды ни в формулировках, ни в системах, ни в гуру, ни в Писаниях, ни в пророках. Потому что вы оказываетесь Внутри. Выбор, который я делал, возможно, обманчив — возможно, нет. То есть он хорош для одних и плох для других. Это напоминает мне войну в Алжире, когда я писал моему младшему брату Пьеру, чтобы он пошёл туда и сражался — потому что у него была нужда в

героизме и преодолении самого себя через Храбрость; в то время как моему брату Франсуа я писал, чтобы он отказался от этой низости. Поэтому мне представляется, что в нынешних обстоятельствах акцент на Боли, Жертве — то, что я называю «распятиями» — не будет полезным акцентом (хотя он имел большую актуальность на определённых и для определённых стадий развития), я предпочитаю акцент на Радости — тело осиянное. Это правда, что у христианства также есть «воскрешение», и тем лучше; к несчастью, у нас тенденция забывать именно об этом эпизоде среди тысяч крестов, висящих повсюду. Я просто переместил акцент.

К тому же, у меня нет охоты начинать религиозные дискуссии. У христианства достаточно как достоинств, так и недостатков, вне зависимости от того, что ты называешь моими «духовными обидами». На самом деле, у меня нет ни обид, ни воинственности ни к чему, кроме любых форм, любых Писаний, любых пророков, которые желают присвоить себе право на единственную Правду или на единственную божественную связь. Меня слегка «покоробило», когда я прочёл в предисловии *Гнозиса*: «Если все великие религии, происходящие из единой Традиции, являются посланиями правды, каждая из них обращается лишь к части человечества. И лишь Христианство изначально утверждало свой вселенский характер.» Что же, возможно, это правда, но на деле для меня все религии без исключения должны быть помещены в одну и ту же корзину или, говоря более почтительно, на один и тот же план лживой полуправды. Они также, как война в Алжире — хороши для одних и губительны для других. И когда говорят, что все они объединяются, я говорю *да*: они все объединяются в более-менее эффективной изошрённости, чтобы прийти к одной и той же Цели — которая за их пределами, выше их. Вообще говоря, все эти религиозные распри кажутся мне довольно ребяческим занятием и напоминают мне распри архитекторов, пытающихся построить олимпийский супертрамплин: одни предпочитают великолепные башни из железобетона, другие — пирамиды из обтёсанных камней, третьи — просто леса из бамбука — и все они забывают, что Цель состоит в том, чтобы *оставить* их священный строительный хлам и погрузиться в Океан Света и Радости. Для меня важно, чтобы та или иная конструкция

была более-менее «вселенской», будь она христианской, мусульманской или ацтекской, для меня все они совершенно одинаковы; все они полезны, если помогают вам погрузиться; все они вредны, если хотят запереть вас в своей конструкции. И к несчастью для религий, если они вас поймали, то вряд ли отпустят. Я лишь тогда начну принимать всерьёз попытки «экуменизма» сегодняшнего дня, когда великие религии признают, что Цель — исчезновение религий, конец эры религий и начало эры без конструкций в великой Протяжённости Океана Света. Но я очень хотел бы знать, есть хоть одна религия, которая согласилась бы на рассмотрение собственного финала??

Вот, дорогой мой старина, ты наверняка будешь разочарован, я говорил с тобой в простоте своего сердца; ментальные дискуссии меня утомляют, я далёк, далёк, очень далёк от этого мира, я купаюсь в ином — в чрезвычайной Простоте, и все эти речи так или иначе кажутся мне тщетными. То что нужно — чтобы весь мир купался внутри. Моя книга по-своему пыталась привести некоторых людей к этой Протяжённости радости и свободы — разумеется, я был частичным и предвзятым и я, возможно, оттолкнул людей доброй воли своими речами; и возможно, помог другим людям доброй воли этими же самыми речами. Что касается меня, я далеко от этой книги, мне кажется, что я прожил целые существования с тех пор, как написал последнюю строчку, так что не проси меня возвращаться к этим старым вещам — что сказано, то сказано, более или менее хорошо, а там как Бог даст. Не думаю, что возникнут «противоречия» между тем, что говорил я, и тем, что говорит Муравьёв — и по сути, думаю, что ничто не противоречит ничему: всё движется в совокупности, вместе, разными и по видимости антагонистическими путями по той простой причине, что люди *развиты неодинаково*, и что существуют самые разнообразные стадии, и что формы истины хороши на каждой стадии. Возможно, моя книга соответствует одной стадии, а Муравьёв — другой, но мы вместе движемся к Цели, и всё движется туда с большей или меньшей охотой. Если хочешь описать действительно вселенскую, универсальную и непреложную правду, следовало бы, как я уже говорил, написать один-единственный слог — ОМ. И при этом нашлись бы люди, которые сказали бы, что он не

является абсолютно правильным слогом!

И как мы можем не «помогать» другу другу, по твоим словам? мы неизбежно помогаем другу другу, и чем больше возвысится каждый из нас в этом ОМ, тем более живым он будет становиться в нас, тем вероятнее мы встретимся друг с другом — потому что это единственное место встречи, единственная тотальная точка соприкосновения. Но мы не найдём эту точку соприкосновения путём некоего супер-сложения: Муравьёв + Шри Ауробиндо + Христос + Магомет +, +, +... — мы вне всего этого, или внутри, или выше. Речь не о том, чтобы складывать вместе трамплины или объединять их вокруг Круглого Стола! речь о том, чтобы **НЫРНУТЬ** в себя. И когда мы нырнули, всё соединяется — но только *тогда, когда мы нырнули*. До этого невозможно всех их объединить, можно сделать вид, притвориться, но на этом всё.

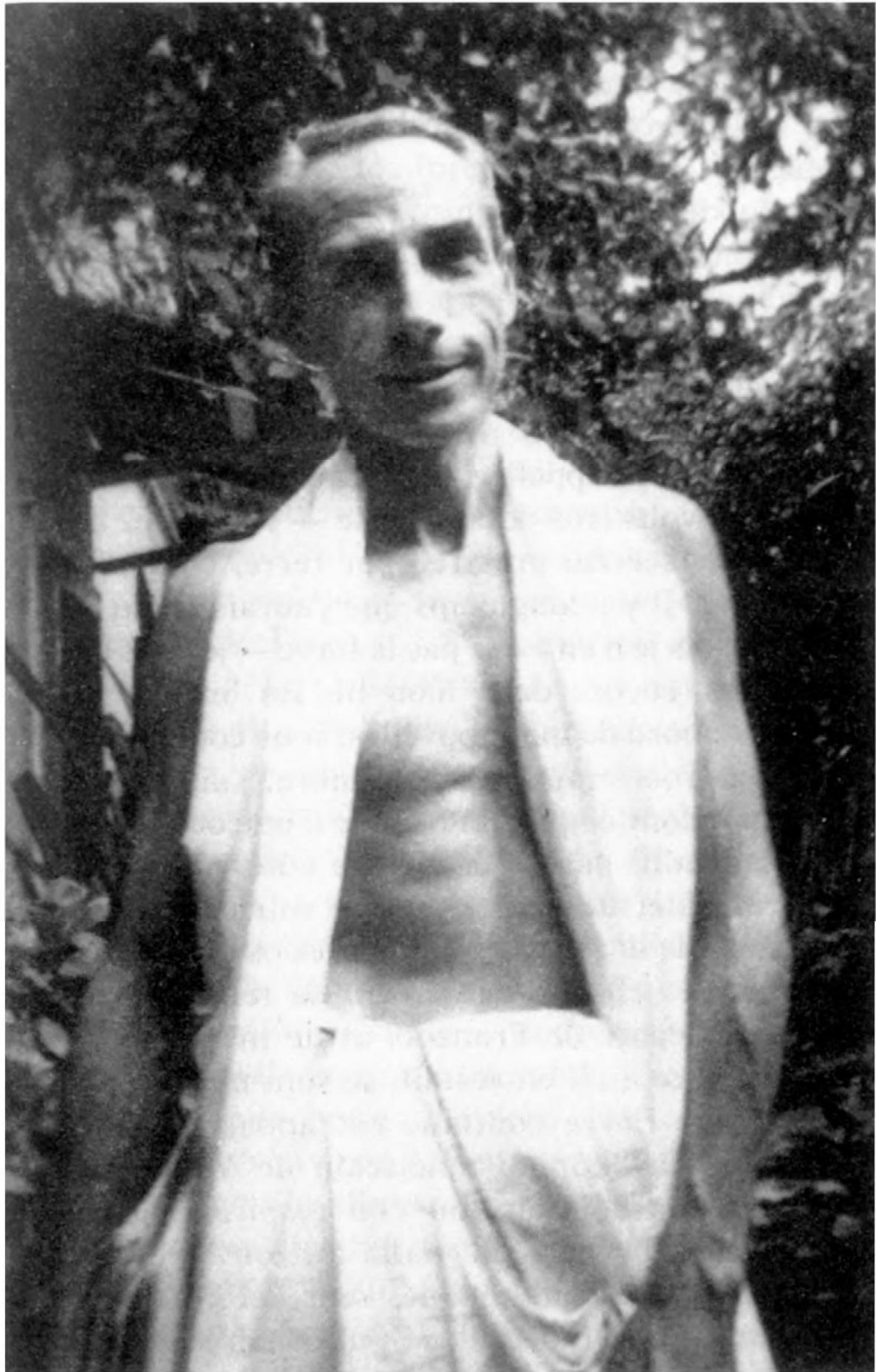
Обнимаю вас с сестрёнкой Маник, мой дорогой старина, простите мою неуклюжесть, ругайте меня, если угодно, сожгите мою книгу, если хотите, но не забывайте о том, чтобы нырнуть!

Сатпрем

***

(В декабре 64-го Сатпрем будет госпитализирован с тройным перитонитом, а затем с туберкулёзом, вновь проявившимся после концлагерей — Мать спасёт ему жизнь.)

Сатпрем в декабре 1964,
после одной из встреч с Матерью

1965

7 марта 65
Клари

Подруга, я получил ваше письмо, а затем, спустя несколько дней, ко мне пришла ваша мысль, очень мощно, как будто вы звали, а на следующий день я видел вас в видении очень больную — вы вся были изодрана, изрезана и лежали на земле, как корабль после крушения. Я уже долгое время хотел вам написать, но у меня не было сил — впрочем, я пишу это письмо лёжа в постели. Сначала вкратце сообщу свои новости, чтобы вы поняли.

Три месяца назад, 8 декабря, я был оперирован с перитонитом, который был следствием непроходимости [закупорки] — я чуть было не ушёл на тот свет. Моя мать и Франсуа, узнав об этом, прилетели на самолёте, чтобы повидаться со мной. Я вышел из этого, представляя из себя кожу да кости, и с солидной анемией. Казалось, всё улаживается, но после отъезда Франсуа и матери мои силы, или то, что от них осталось, покинули меня, а температура непрерывно поднималась. Меня отвезли в американский госпиталь в Веллоре (о! эти ужасные больницы, где с утра до вечера вдыхаешь самые разнообразные болезни и смерть), и раздербанив до самых внутренностей нашли у меня лёгочный и кишечный туберкулёз. Излечившись, я вышел из этого проклятого госпиталя и теперь, наконец, у себя; силы понемногу возвращаются. Не переживайте по этому поводу больше, чем я сам, в моём сердце неизменный покой и радость — есть иные силы, кроме сил физических, я излечусь. Но из-за всего этого я полностью застрял, у меня целая груда корреспонденции, ожидающая, когда её разгребут, и по горло работы, которую я не могу делать или делаю в-час-по-чайной-ложке. Я пока

ещё быстро устаю. Но вы мощно присутствуете в моих мыслях, и я совсем не знаю, что вам сказать, нет ничего, кроме нежности. Бедная подруга, вы действительно потерпели крушение? всё-таки, видение, которое у меня было, истинно, то есть оно представляет факт, даже если вы сама не осознаёте своё состояние. (...) Если бы ты только могла зацепиться за единственную Истинную Вещь позади этих более-менее мучительных времяпрепровождений, вспомнить — именно так, *вспомнить*, что есть *одна* Вещь, которую мы всегда искали и которая является единственно важной, какими бы притворными ужимками всё это ни было покрыто снаружи. Потому что ты ищешь, не правда ли, Клари, ты пока ещё ищешь, ты хочешь чего-то иного, именно поэтому ты моя подруга вопреки всему, и в то время, как я растерял всех других по дороге — ты ищешь. Ну что же, имей храбрость действительно искать, то есть в некотором роде закрыть двери позади себя, выбросить пепельницы, чтобы увидеть шире и дальше. Я почитал твою поэзию. Конечно, она интересна и может быть достойной хорошей публикации, но она имеет источником больной и застойный внутренний мир. Можно интересоваться фиоритурами на тему разложения, но это неправильное отношение для ищущего.

Но это не должно вас обескураживать, подруга; разложение — прелюдия нового рождения. Я верю в вас, я уверен, что вы найдёте храбрость выйти из литературщины, пусть даже она пережита, пусть даже она «духовна». Есть нечто иное за всеми этими увлекательными движениями ментала. Но пока вы не придёте к безмолвию и покою, вы будете продолжать бегать по кругу и создавать «более-менее успешную» литературу. Я суров, но я вас люблю, Клари, и очень требователен к вам, я верю в вашу истинную судьбу.

Обрети связь с тем, что находится здесь, это тебе поможет. Даже если внешне я не сразу отвечу, ты всегда получишь внутренний ответ (даже если не напишешь мне). Всеми своими скудными силами я следую за тобой, и я хочу помочь тебе выйти из этого раз и навсегда, освободиться в бескрайности.

Обнимаю тебя

Сатпрем

***

24 марта 65
Маник и Бернару д'Онсие

Мой старина Бернар, моя маленькая Маник, вы должно быть спрашиваете себя, какова причина столь долгого молчания, и действительно, за последние две-три недели я мог бы написать или надиктовать, но вряд ли раньше. (...) Но для начала, я был весьма тронут вашим приглашением отправиться вместе с Суджатой в Шаффардон для поправки здоровья. Это невозможно, во всяком случае, в нравственном отношении. Я не могу покинуть Индию, это значило бы наверняка погубить себя, я более, чем когда-либо нуждаюсь в силах, которые присутствуют здесь — физические условия климата, заботливой дружбы и ухода играют лишь второстепенную роль для того, чтобы излечить ту вещь, которая пытается разрушить моё тело.

.....

Короче, я возвратился в Пондичерри, чтобы восстановиться после Веллора. Мой вес был не более 43 кг. Понадобилось время, чтобы внести немного свежего дыхания в это потрёпанное тело, пребывающее в крайней слабости и с сердцем, отказывающимся работать. На протяжении десяти дней я совершаю свои первые прогулки к морю, но меня уже атакуют из-за трёх месяцев задержки, куча корреспонденции от издателей, от читателей из Франции, Америки и т. д., не говоря уже о работе с Матерью. Словом... Моя голова пуста, как белая страница или как бездонная шахта; не знаю, что из всего этого получится, но я знаю, что произошло нечто капитальное — я полностью отказался от своей тантрической практики. Похоже, хочет родиться другой способ бытия, и я в нём ничего не понимаю — да и не хочу понимать; к тому же, мне всё равно. Возможно, я перешёл на ту сторону, к смерти, а потом к Жизни, той, которая присутствует позади, но ещё не имеет связи с этой стороной мира. Трудно выразить такие вещи, особенно, когда нет к этому желания.

Мои добрые друзья, вам нужно ещё подождать, если хотите

получать от меня более связные письма. В любом случае, я не теряю вас из виду, у меня даже было несколько видений тебя и Маник, в основном Маник, но были также и с тобой, и они были неутешительны относительно вашей внутренней работы и вашего развития — я задаюсь вопросом, куда приведёт вас Муравьёв, какими бы прекрасными ни были его намерения. Но в конце концов, если вы чувствуете себя удовлетворёнными, это самое главное, и значит, всё в порядке.

Опять начинается жара, всегда немного изнурительная, но я не поменял бы это место ради всех прохлад мира. Именно здесь совершается моя работа, и если я должен откинуть кости, то именно здесь я и хочу это сделать — но у меня ещё много работы, и нет речи об уходе, пока всё не будет сделано. Вот, мы с Суджатой по-братски вас обнимаем и с особой нежностью мою индийскую сестрёнку.

Сатпрем

***

27 апреля 65
Клари

Подруга,

.....

Я в порядке, набираю килограммы, работаю даже слишком усердно. Твоё последнее письмо тронуло меня проявлением привязанности — думаю, у тебя было больше волнений, чем у меня. Фактически, у меня совсем не было никаких волнений, только физические страдания. Для меня смерть не является смертью — я увидел это собственными глазами — и она расстраивает меня не больше, чем когда я ложусь в кровать и засыпаю, перемещаясь в другое сознание. Разговоры о вечности и о бессмертии напрасны, потому что для людей это абстракции; для меня они настолько же конкретны, как банка с вареньем из яблок. Впрочем, спрашиваешь себя, с какой стороны находится «конкретное»? и с какой стороны смерть? У меня мало что есть рассказать вам, подруга, скорее, именно вы должны рассказать мне о куче вещей. Без сомнений, Йога —

трудное предприятие, но есть ли что-то другое, что действительно стоило бы затраченных усилий?

.....

Пусть пребудет с тобой мир.

Обнимаю тебя

Сатпрем

***

7 мая 65

Маник и Бернару д'Онсие

Мои добрые друзья,

Я снова медлю с ответом, но у меня множество трудностей с ликвидацией накопившейся работы, а ужасная жара отнюдь не облегчает задачу. За исключением этого, всё в порядке, я жирею (набрал шесть кг с момента выхода из госпиталя!) и навёрстываю упущенное на другой стороне, растеряв все свои волосы — скоро, дорогой Бернар, я буду твоим конкурентом в плане красивого гималайского лба.

Но я хотел написать тебе раньше, потому что в твоём письме присутствовал очень трогательный акцент — да, Бернар, Маник, какими бы ни были затруднения или порой неудовлетворительными результаты, это единственная вещь в мире, которая стоит того, чтобы жить. И в конце концов, значимость имеют не столько «результаты», сколько наше простое усилие к тому, чтобы жить ближе к Правде. Именно это придаёт смысл и вес жизни, которая иначе была бы довольно пустой. Думаю, что эта последняя операция обучила меня ничего не хотеть, и мне кажется, моё сердце стало более цельным. Тантрическая практика всё ещё была «желанием результата», создавая стену перед Правдой. Когда не остаётся больше ничего, кроме этого стремления, подобного естественному пламени существа, чтобы растаять в этом живом Свете, ощущаемом повсюду, — тогда всё становится простым, и возможно, все «результаты» находятся здесь.

Я беспокоился за вас, ибо думал, что ощущаю конструкцию

вокруг вас, которая тоже была подобна стене, отделяющей от простого света, но я признаю, что конструкции могут иметь свою пользу в течение какого-то времени, лишь бы только мы никогда не теряли из виду, что в один прекрасный день нам придётся выбросить их за борт. Собственно, единственная вещь, которая идёт в счёт, это стремление, вкладываемое нами в эту конструкцию, а не конструкция сама по себе; ибо в финале она просто обрушится, когда огонь станет достаточно силён. Думаю, именно к этому сводятся мои оговорки по поводу Б.М. и мои тревоги за вас — но я спокоен, ибо если вы единожды вкусили Истины, она вас больше не отпустит и не остановится, пока не засверкает во всей чистоте перед вашими глазами и в ваших сердцах. Тогда какое нам дело до превратностей пути, мы переживаем чудесное Приключение.

Кажется, эта книга о Шри Ауробиндо хорошо продаётся во Франции, были неплохие отзывы в *Литературной Газете Фигаро*, *Планета*, *Южные Тетради*, и я получаю (увы) множество писем от самых разных людей из самых разных кругов. Мне нужно бы написать другой роман, я жду часа и коплю силы.

Суджата немного устала (полагаю, это контр-удар последних месяцев, когда я боролся в своём теле). Мы часто беседуем о вас, наша братская мысль постоянно обращается к вам с наилучшими пожеланиями. Так хотелось бы увидеться с вами здесь... Думаю, что Франсуа планирует приехать сюда этой зимой, и моя мать тоже, её весьма затронуло то, что она здесь почувствовала. Правительства не вечны, и мы снова увидимся.

По-братски обнимаю вас обоих,

Сатпрем

***

25 июня 65
Маник д'Онсие

Моя дорогая сестрёнка,

В эту самую минуту я получил от тебя письмо и тут же схватился за перо, чтобы обнять тебя и сказать тебе, как я понимаю всё то, через

что ты прошла. (...)

Да, Маник, тысячу раз да, единственная важнейшая вещь это «жить сознательно и позитивно в каждый момент», и к дьяволу все эти более-менее интеллектуальные и вразумительные истории, которые мы приклеиваем к пламени чистого сознания. Но я отлично представляю, я отлично чувствую, что олицетворяют конфликты и раны, вызывающие боль внутри. Ты храбрая маленькая Маник, ты хорошо поработала. Да, свободный воздух, обширное величие Истинного Духа, смеющегося над всеми формулами и рассказами и улыбающегося так тепло и нежно всем тем, кто достаточно прост, чтобы принять его, как доверчивое дитя. Когда вы отдаётесь Ему, Он отдаётся вам, без запутанных сложностей, без методов, без условий. Всё упирается в то, чтобы отдаться и заставить гореть пламя.

.....

Я бы так хотел, чтобы вы оба были наполнены, переполнены, счастливы содействовать прекрасной возможности, и к тому же в среде, которая удовлетворяла бы всем потребностям души, сердца и духа. (...)

Мои добрые друзья, на сегодня всё, я лишь спешил обнять вас и сказать, что я вас люблю и что я не далеко от вас и никогда не был далеко.

Сердечно с вами,

Сатпрем

***

2 августа 65

Клари

Подруга,

Твоя карта Будапешта и твоё предыдущее письмо с поэмой уже два месяца на моём столе, и моё единственное оправдание в том, что я сделал тебе по крайней мере шестьдесят подмигиваний, которые дополняю воздушным поцелуем в обе щеки и вымученной улыбкой. Довольна? недовольна? естественно, и то, и другое одновременно, как настоящая венгерка.

Мне нечего рассказать, за исключением того, что я рад, очень рад — и то, и другое одновременно и во всех направлениях — и что посылаю тебе ещё один благочестивый поцелуй в лоб с просьбой написать, что у тебя нового.

Сатпрем

***

3 октября 65
Маник и Бернару д'Онсие

Мои добрые друзья,

Уже долго от вас нет новостей. (...) Фактически, я пишу это, думая в-основном о Маник, которая, должно быть, с грустью и беспокойством следит за последними событиями в Индии, и я знаю, что европейская печать (во всяком случае, англо-американская) предельно исказила правду⁷⁸. Я очень надеялся, что они соберутся, наконец, ликвидировать этот Пакистан и этого невозможного Айюба⁷⁹, но случай был упущен (впрочем, ещё раз). Но это лишь дело времени, здесь больше никто в этом не сомневается, и нужно, чтобы Индия обрела своё единство. Так что хочу утешить Маник, сказав, что речь идёт лишь о передышке (довольно глупой, ибо она дала Пакистану время перевооружиться) и что глава индийских войск, генерал Чоудхури — замечательный человек. Полагаю, что Индия начинает медленно понимать, до какой степени два её прошлых идола, Неру и Ганди, ошибались по всем пунктам. Остаётся Китай... Что бы ни случилось, я верю, потому что Индия — великая страна, и она сыграет великую роль в мире, когда освободится от некоторых

---

78 В-ответ на проникновение пакистанцев в Кашмир в начале августа индийские войска 6 сентября вторглись в Пакистан. Под давлением ООН и угроз со стороны Китая 22 сентября военные действия были прекращены; в конечном счёте Индия покинет Пакистан, снова упустив случай отменить кровавый и разорительный раздел (или, скорее, вивисекцию) 1947 года. Это вторая война между Индией и Пакистаном. Третья, в 1971, даст рождение Бангладеш.

79 Маршал Айюб Хан, президент Пакистана.

болтливых и нравоучительных фантомов и вспомнит о могучей правде своих ведических предков. Именно это стоит за нынешним конфликтом.

Чем вы занимаетесь?

Мы с Суджатой преданно вас обнимаем,

Сатпрем

***

5 октября 65

(Письмо Суджаты на английском языке)

Дорогая Маник,

Сегодня Виджая Дасами⁸⁰, и следуя бенгальскому обычаю, я сердечно вас обнимаю. В этом году Мать Дурга, освободительница, низошла, чтобы освободить Индию от долгих веков оцепенения и повести к её судьбе. Все внешние события — лишь символы этого. Индия должна найти свою душу, и теперь она пробуждается.

Мы живём в очень интересную эпоху. Те, кто осознают игру сил, совершенно изумлены поворотом событий. Наши руководители являются не государственными деятелями, но лишь политиками (имеющими, тем не менее, в себе нечто вроде чистоты, если сравнивать их с политиками других стран). Но они вынуждены были принимать решения, которые они не могли даже вообразить ещё несколько месяцев назад.

Чтобы атаковать нас, пакистанцы использовали все дьявольские средства, имеющиеся в их распоряжении — бомбардировки напалмом гражданских районов, грабежи, поджоги, изнасилования... На этот раз это было слишком даже для наших сельских жителей, кротких, как ягнята; они не колеблясь разбивали головы десанникам-парашютистам своими кувшинами для воды! По крайней мере, было несколько таких случаев!!

Знаете, я думаю, Пакистан послал тысячи «лазутчиков» в долину

---

80 Ежегодный праздник победы, когда Дурга, Божественная Мать, сражает Асура (демона).

Кашмира. Отказ сельских жителей сотрудничать сорвал их планы, и пакистанцы были быстро обнаружены. Индийская армия смогла отрезать линию их отступления и снова заняла рубежи регионов Оури и Пунч в той части Кашмира, которую захватил Пакистан. Конечно, вы помните, что эти рубежи были отданы Пакистану после того, как Организация Объединённых Наций формально обещала Индии, что Пакистан не воспользуется этим для того, чтобы притеснять Индию. Организация Объединённых Наций не пожелала пресечь вероломство Пакистана, и индийские силы безопасности заняли эту территорию. Для глав правительства Пакистана это было чересчур, и 1 сентября они дали приказ своей армии пересечь международную границу в Джамму [на юге Кашмира]. Их армия, поддерживаемая самолётами, танками и артиллерией, продолжила наступление до самого Акхура — туда, где проходит линия снабжения Кашмира и Ладакха. Чтобы снять это давление, Индии пришлось открыть новый фронт, теперь уже в пакистанском Пенджабе, в регионе Лахора. Поскольку Пакистан был любимым детищем Англичан, возмущённый Запад на этот раз приступил к действиям — отсюда и резолюция от 6 сентября⁸¹.

Вот так, в очередной раз ООН лишила Индию преимущества, которое она приобрела. Прекращение военных действий позволит Пакистану объединить свою армию и обеспечить большее вооружение. Именно *нам* пришлось оплатить цену этого нелёгкого прекращения огня — именно нашим молодым пришлось пролить свою кровь, а не Организации Объединённых Наций. И даже имея перед носом все доказательства, ООН боится назвать агрессора. Мать дала действительно очень меткое определение ООН:

«Объединённое выражение универсальной лжи».

Увидим. Долго ждать не придётся.

---

81 Совет Безопасности ООН собрался в тот же день, и через несколько дней было принято решение, предписывающее Индии и Пакистану сложить оружие. Следуя своей привычке, Совет Безопасности выступил в защиту Пакистана, осудив индийскую «агрессию» и при этом закрыв глаза на проникновение исламистов и жестокости в Кашмире.

С выражением дружбы к тебе, а также и к Бернару,
Сердечно

Суджата

***

16 декабря 65
Маник и Бернару д'Онсие

Мои добрые друзья,

.....

Последнее письмо Бернара доставило мне радость (это один из способов говорить). Вы не представляете (возможно, представляете, но интеллектуально, а интеллект по-настоящему не знает, он лишь конструирует образы), вы не представляете, насколько *простой факт* того, что вы садитесь в медитацию, является решающим, даже если ваша медитация = очевидный ноль. Ибо по сути вы не знаете, чего нужно хотеть, чего нужно искать и чего нужно достичь, но некто внутри знает это за вас, и он собирается, наконец, воспользоваться этим маленьким окошком молчания, чтобы начать свою работу. Трудность для нашего внешнего сознания состоит в том, что работа невидима для его глаз и в том, что ничего, кажется, не происходит (в то время как на самом деле впервые в жизни, наконец, что-то произошло!). И только позже мы понимаем и мы видим весь путь, пройденный как будто без нашего ведома. Словом, это хорошо, вы на пути. Любые йоги, любые книги, идеи, учителя служат только лишь для того, чтобы подвести вас к этой точке запуска. Я думаю об этих строках из *Синтеза Йоги*, которые я переписал для вас:

«Лотос вечного знания и вечного совершенства — это закрытый бутон, свернутый внутри нас. Он распускается быстро или постепенно, лепесток за лепестком, через последовательные реализации, как только ум человека начинает обращаться к Вечному, как только его сердце, более не сжатое и не прикованное привязанностью к конечным видимостям и внешним формам, становится очарованным, в

той или иной степени, Бесконечным. Вся жизнь, вся мысль, все энергии способностей, всякий опыт, пассивный или активный, отныне превращаются в удары, разрушающие панцирь поверх души, и устраняющие препятствия, мешающие неизбежному расцвету. Тот, кто выбирает Бесконечное, был избран Бесконечным. (...) Ничто не может быть преподано разуму, если оно уже заранее не пребывает тайным могуществом в расцветающей душе. Точно так же, всё совершенство, на которое способен внешний человек, это лишь реализация вечного совершенства Духа внутри него. Мы познаём Божественное и становимся Божественным потому, что мы уже — Оно, в нашей сокровенной природе. Любое обучение — откровение, любое становление — снятие покровов. Самораскрытие — тайна; знание себя и постоянно расширяющееся сознание — средство и процесс.»

Что тут ещё добавить?...

Ты спрашиваешь меня о моих часах медитации. Это уже не так, как раньше, когда я сидел часами. Теперь это другой род медитации, как будто постоянный ток, я сажусь ненадолго и по-разному. Фактически, я не могу сказать, что я «медитирую», что совершаю какие-то действия для медитации; это, скорее, медитация медитирует во мне, сама по себе; я нахожусь внутри, и я наоборот, скорее, должен приложить усилие, чтобы выйти из этого: для того, чтобы работать, есть. Но даже когда я здесь, присутствует как будто живая глубина, которая трепещет позади, и я возвращаюсь в неё (или она возвращается в меня), как только я прекращаю активность. Тело и ежедневная активность стали как будто совсем маленькими, неким пустяком, который держишь двумя пальцами, словно на верёвочке, а «я», я наверху, или повсюду, или нигде, не знаю, я словно обширность света. Трудность в том, чтобы сблизить это я сверху и я снизу, заставить их по-настоящему встретиться... Но я разболтался, нам нужно ещё столько сделать, и мы настолько глупы.

В материальном плане «я» снизу страдает. Я получил письмо от моего друга золотоискателя, моего брата из Гвианы, который пишет: «Сегодня ночью я покончу с собой.» Это был бунтарь, как и я,

который ничего не принимал — если бы я не нашёл Индию, я поступил бы как он, не сегодня так завтра. Если нет Этого внутри, то воистину, нет ничего в мире.

И потом, на днях приезжает моя мать на месяц или два. Она была странным образом «поражена» этой страной, не сознавая этого. Обнимаю вас, мои добрые друзья. Хорошей работы, будьте смелыми, мы вместе.

Сатпрем

***

1966

12 февраля 66
Клари

Подруга,

Вы всегда рядом со мной. Я пережил вашу мысль прежде, чем получить ваше письмо, и спрашивал себя, что я должен сделать; и тут приходит письмо. Бедная подруга, это поистине плачевно, что моё видение приняло столь конкретную форму в вашем физическом существовании. (...)

Когда вы говорите мне, к примеру, что «ваша вера в Бога разрушена», из меня рвётся смех величайшего удовлетворения: наконец-то! она вышвырнула к чёртовой матери своего «Бога» — пусть катится, одним меньше! Если произошло крушение, то это благословение. Вы не видите (или, возможно, вы слишком лукавы, чтобы признаться себе в этом), что этот безжалостный черномазый Бог, парящий над несколькими десятками миллионов христианских и антихристианских спиритуалистов, выходит прямо из мрачного Синая, прочно укоренившегося в глубинах наших сознаний, и его миссия состоит именно в том, чтобы пожирать огонь Духа в нас, радость Духа в нас. Ах, Клари! Запад набит этим ужасным Богом, даже те, кто его отвергает, набиты им — их неверие столь же фальшиво, сколь их вера. Всё это должно быть выметено к чёртовой матери — и Бог, и не-Бог; да, не помешало бы хорошее крушение. Это не *Дух*, это ветры ментала, и ветры заразительные, они цепляются за сознание и скребут; и чем больше они скребут, тем больше эти несчастные люди воображают себя жертвами великих Мук Духа — «волнений Духа»!! его, кто настолько лишён волнений, его, кто является радостью! Если ты в беспокойстве, если ты страдаешь, это

совсем не Дух работает в тебе, это Монстр. Это пустое сотрясение воздуха, потому что это не имеет никакого существования, потому что это в Ментале, это ментальная обезьяна, которая верит и не верит, которая восхищается и отчаивается, которая поднимается к вершинам этих ветров и также быстро спускается в их пещеры, которая играет и играет — о! как она забавляется. Так почему бы тебе действительно не перетряхнуть эти грязные одеяния, не сбросить эти лохмотья? Какое может иметь значение то, что ты об этом думаешь?! Бог или не-Бог, вера или неверие, что это может изменить! так что оставь это тем, кто ещё нуждается в этих опасных инструментах роста — за борт всё это; ты смеёшься, ты просторна и свободна, как океан! и ты невредима, Монстр не сможет поймать тебя, он не получит ничего, кроме твоих старых одежд.

Но глупости начинаются там, где ты говоришь о том, что стала «жертвой непонимания». На этот раз ты точно не «жертва»! Тебя что же, пресытил воздух простора? Тебя обескуражил «великий Поток»? Я считал тебя более осведомлённой — Сознание, Дух, это не маленькая идея в цветных кружевах, и это не обращает абсолютно никакого внимания на то, что мы можем о нём подумать, на наши мнения «за» или «против»: это Сила — сознание-сила. И её не запихнуть в ментальную бутылку. Это обширно, как море. Мелкие мысли могут танцевать вверху, если им так угодно, но Оно, это Сознание — это Море. Тогда ты начинаешь осознавать сознание; ты начинаешь воспринимать, что это не идеи, а поток, сила, субстанция столь же конкретная, как яблочный джем; и даже то, что оно поднимается вдоль позвоночника двумя колоннами огня. Ты никогда не слышала о *Кундалини*? да назови это как угодно, оперённый змей или меч огня, но позволь ей подниматься, подниматься, позволь ей пробить черепную коробку, а себе — выплеснуться в великую протяжённость, став навсегда свободной. Доставляет боль именно то, что сопротивляется. Что ужасно, так это твой добрый Боженька, внедряющий в тебя свой страх. Клари, кроме шуток, нужно отказаться от страха, потому что именно страх призывает все несчастные случаи — страх, этот твой духовный Монстр, желающий сохранить своё господство над тобой, старая пещера, которая желает удержать сокровище и которая защищается. Нужно быть простым,

таким же простым, как ребёнок, таким же чистым, как ребёнок, заткнуть уши и не слушать все эти противоречивые голоса — просто стремись к истинному свету, на солнечный простор. Просто не слушай все эти запутанные идеи, просто верь, что Дух — это радость, простор и солнце; а всё, что тревожит, всё, что будоражит — это Враг. Ты невозмутима, ты укоренена в великой протяжённости без идей, в великой нежности Космоса. Наилучшая возможность прийти ко всему этому — это быть как ребёнок: я ничего не знаю, я ничего не могу, я ничего в этом не понимаю, но есть великая протяжённость, я это знаю, есть жар чистой любви, я это знаю, и именно для этого я пришёл в мир, а всё остальное может трястись, царапаться, барахтаться — я спокоен, во мне пребывает ребёнок-царь, это моё-я в Недрах, этот жар, который любит, такой просторный, что он хотел бы всё обнять. Вот, это — истина, всё остальное — чумной ветер, добрый черномазый боженька в ментальной бутылке.

Обнимаю тебя,

Сатпрем

P.S. Тогда уж перечитай главу моей книги, посвящённую сознанию.

***

15 июня 66

Маник и Бернару д'Онсие

Мои добрые друзья,

Я долго медлил и задолжал вам множество извинений, но мне не до писем, я настолько поглощён своей новой книгой, дополняющей мои различные повседневные занятия, что мне не взяться ни за ум, ни за перо, и главным образом, я не способен произвести что бы то ни было, кроме этой книги. Не пеняйте на меня. К несчастью, это не означает, что дело движется, я бьюсь с этим *Саньясином*, я зациклен на нём, и временами спрашиваю себя, закончу ли его когда-нибудь. (...)

Что сказать по поводу медитаций? Очевидно, что мантра может

помочь, но её нужно от кого-то получить. Однако, всегда можно обратиться к великой универсальной Мантре, действительно высочайшей Мантре, это — ОМ. В ней, внутри, есть божественная мощь. Её вибрации должны помочь немного очистить атмосферу и отодвинуть все эти внешние вещи, которые приходят атаковать вас. Нет необходимости повторять её в голос, произносите её из глубины сердца, позволяя ей долго вибрировать. И потом, естественно, внутреннее стремление — это и есть тот Огонь, который в конечном счёте должен всё поглотить. Очень нелегко давать советы, ибо по правде говоря, каждый должен найти метод, соответствующий его собственной природе. Но я думаю, что на искренний призыв всегда приходит ответ. Всё, что нам нужно, это призывать снова и снова. Для некоторых правильной позицией является состояние внутреннего подношения. В действительности, мне нечего сказать. Единственное, что ко мне приходит по поводу вас, это ОМ — нечто, что поднимается из сердца к вершине и расцветает в золотом просторе. И позвольте ей вибрировать, вибрировать до тех пор, пока она не пропитает всё существо. Попробуйте, и вы сами увидите.

Обнимаю вас и прошу прощения за это письмо, написанное в спешке, но теперь вы знаете, почему.

Не падайте духом

Сатпрем

***

3 июля 66

Клари

Подруга,

Я чувствовал прибытие твоего письма и часто думал о тебе, задаваясь вопросом, как ты преодолела порог. (...)

Твои «совпадения» меня позабавили. Но это не совпадения; всегда с большим интересом и «восхищением» наблюдаешь, что каждая вещь содержит свою вибрацию и что подобные вибрации притягивают и вызывают обстоятельства из окружения. Когда мы *ведомы*, жизнь полностью изменяется. Как бы я хотел, чтобы ты

ощутила эту позитивную радость от продвижения по пути.

Тебе необходимо *объединить* части существа, Клари. Тебе абсолютно необходимо подключиться к потоку силы, более великой, чем ты. Я надеялся, что ты почувствовала контакт, установленный между тобой и атмосферой Шри Ауробиндо, но... Возможно, надо развить этот контакт? Или, может быть, спуститься из головы в сердце? Шри Ауробиндо — это живое присутствие, это всё, что я могу сказать. Это он вдохнул в меня жизнь, без него я бы давным-давно покончил с собой. И что? никто, кроме тебя, не может установить этот контакт. И я знаю по опыту, что любой искренний призыв из глубины души, как у покинутого ребёнка, получает ответ. Потом нужно этот ответ развивать.

С нежностью,

Сатпрем

P.S. Эта фотография долгие годы стояла у меня на столе.

***

19 августа 66

Клари

Подруга,

Я так рад, что ты приняла эту фотографию Шри Ауробиндо. Понемногу ты научишься чувствовать и видеть, что он пребывает в ней очень конкретно. При малейшей трудности, малейшей тревоге, малейшем страхе думай о нём, и я тебе клянусь, что если твой призыв искренний и хотя бы в небольшой степени идёт из сердца, в одну минуту вся твоя тревога и весь твой страх будут убраны. Обрети привычку призывать его, спрашивать у него то, чего ты не понимаешь, и ты увидишь, что он всегда отвечает — не обязательно словами, но посылая вам именно ту вещь, которая заставляет вас увидеть и понять. Если ты разовьёшь этот контакт с ним, ты увидишь, что твоя жизнь полностью изменит свой облик, а многие вещи обретут неожиданный смысл.

.....

Да, естественно, что медитации или концентрации будут приводить в некоторую сонливость, иногда ты будешь соскальзывать в своего рода «сон», потому что сознание привыкло функционировать исключительно в ментале и через ментал, а когда ментал замолкает, организм реагирует на это привычкой засыпать, он мнит себя в постели! С небольшим количеством навыка и настойчивости мы преодолеваем этот барьер. И в определённом смысле, это добрый знак, это значит, что твой ментал понемногу начинает замолкать. Здесь также можно призывать Шри Ауробиндо.

В каждом из твоих стихов (мне пришлось взять лупу) я нашёл нечто хорошее и истинное. Лупа нужна была не для поисков истины, но для того, чтобы расшифровать твои каракули.

С нежностью,

Сатпрем

***

22 декабря 66

Маник и Бернару д'Онсие

Мои дорогие друзья,

Я, конечно, получил письмо от Маник, но я перегружен работой и утомлён. Извините меня. Однако, письмо Маник доставило мне большую радость, и я чувствовал очень хорошие вещи, но письмо Бернара, прибывшее вчера или позавчера, наполнило меня гневом — духовным гневом, осмелюсь сказать. Мои добрые друзья, я утомлён и за миллионы лье от мира, я могу хоть завтра отправиться на костёр, и душа моя будет в покое, без тени сожаления и привязанности к чему-либо. Так что я пишу «безвозмездно», просто потому, что пришло время сказать вам правду, даже если она вам не нравится. Вот уже около шести лет я ничего не говорил, я ждал.

А вызвали мой «гнев» несколько строк Маник в постскриптуме письма Бернара. Маник пишет: «Теперь я знаю, что «видение», которое у меня было во время медитации, не было в порядке вещей. Похоже, мы не должны видеть ничего в таком роде». Это просто стыд и позор. Я возмущён. Вы находитесь в окружении негодяев и

духовных мошенников — я всех их видел, одного за другим, но ничего не сказал, потому что это было вашей верой и потому что я всегда думал, что божественная правда может помочь даже через паршивую овцу, если искатель искренен. Но я нахожу, что это уже перешло все границы, и мне жаль видеть вас идущими по окольным тропам и сбитыми с пути то одним, то другим индивидом без совести — на этом плане я называю индивидами без совести тех, у кого нет Знания, но кто *pretendует* на то, что имеет его. В конце концов, с меня этого хватит — видеть вас одураченными, охмурёнными этими шарлатанами. Я чётко видел это в Ж.Б., но я ничего не сказал; я чётко видел это в Борисе Муравьёве, но я ничего не сказал — я всегда уважал вашу веру и был уверен, что искренность выведет вас с этих окольных троп. Но всё же мне кажется, что вы потеряли достаточно времени или, в любом случае, вы могли бы использовать его для лучших вещей. Хотелось бы посмотреть в глаза тем, кто заявил Маник, что её видение не было «в порядке вещей» и что мы «не должны» видеть такие вещи...!!! Суджата, которая спокойнее меня, просто сказала: «Как жаль, у неё есть шанс вступить в контакт с чем-то прекрасным, а она закрывает двери». Вы что же, не видите, вы что же, не чувствуете!? О! эти негодяи создают вокруг вас оболочку лжи и изгоняют все искорки правды, пытающиеся прийти к вам, поскольку вы искренни. Они затуманивают контакт, они закрывают двери, они заставляют вас принимать подделку за истину — это печально до слёз. Конечно, потому что эти мошенники (иногда считающие себя честными) создают искажающую атмосферу. Я никогда не мог понять, как можно принимать в людях ложное за истинное. Но теперь я больше не буду безмолвным соучастником заблуждений. Что касается «очень необычного» Суфия, я жду от него неприятностей. Возможно, вы мне не поверите. Но поверьте, я пишу вам совершенно «безвозмездно», я за миллионы лье, вы даже не представляете. Однако, я вижу чётко. Однако, я могу сказать, что милость заставила меня коснуться некоторых планов ясности, где вещи выглядят именно такими, какие они есть. Хочу вам сказать, что эти ваши духовные слизняки внушают мне отвращение и что вам не помешало бы выставить этих клоунов за дверь — и впустить в себя хорошие видения.

***

1967

16 января 67

Клари

Подруга,

Спасибо за памятку о Сен-Бревене. Я действительно не знаю, что сказать о твоём состоянии пустоты — возможно, тебе требуется нечто иное, другой образ жизни. Я не знаю, мне всегда казалось (не «казалось», я это знаю), что внешние обстоятельства моделируются в соответствии с состоянием или внутренними потребностями и что если призыв искренен, встречи и обстоятельства автоматически устраиваются в истинном направлении. Возможно, требуется, чтобы пламя разгорелось больше? Ты скажешь, что уже и не знаешь, что это за пламя и что такое быть «искренним», но, возможно, это тоже тонкая форма сопротивления, использующая что-то вроде ментального нейтралитета или инерции, чтобы скрывать своё сопротивление. Очевидно, ты не столь продвинута, чтобы это знать! конечно, должен быть зов сердца, но даже если сердце окутано вуалью, всегда должна оставаться *потребность* — это и есть рычаг. Или, возможно, молитва. Невозможно, чтобы искренний призыв остался без ответа.

Насчёт моей книги? Я её закончил. Перечитав две-три главы, я нашёл нехватку истинности в выражении. У меня нет никакого желания создавать «литературу» и издаваться ради самого удовольствия издаваться. Так что я должен начать всё сначала. Не знаю, когда и как, но однажды я к этому вернусь, я жду часа, жду более верного ритма. Очень трудно совместить простую правду опыта с точной и всё же литературной выразительностью. Есть нечто, что я должен найти (или получить), и чего я пока ещё не уловил.

.....

Не падай духом, подруга. Я тебя не оставляю, даже если мои письма редки.

С нежностью,

Сатпрем

***

28 января 67

Маник и Бернару д'Онсие

Дорогой старина Бернар и моя маленькая Маник,

Попытаюсь ответить на ваши вопросы⁸² как можно проще, то есть не затуманивая проблему загадочным дымом мистических традиций, а используя напрямую свой опыт. И в конце концов, это лучший способ найти истину традиций, которые также рождены из опыта. Существует план простой истины, где все опыты соединяются.

Мы можем начать с того, чтобы рассмотреть эту проблему в глобальном смысле, в смысле эволюции. Виды эволюционировали от минералов к растениям и животным, затем к человеку. Всё указывает на то, что эволюционный прогресс — это не прогресс форм, а прогресс сознания. Формы — это лишь опора, всё лучше и лучше приспособленная к прогрессу сознания. Мы достигли стадии человека, но нет никаких оснований полагать, что это высшая и окончательная стадия (в противном случае, эволюция не имеет места), не более, чем объективный наблюдатель сто миллионов лет назад имел бы основания полагать, что хамелеон или бабуин был наивысшим выражением эволюции. Мы просто прибыли к решающей стадии эволюции, на которой мы можем сознательно вмешаться и ускорить природный процесс, который иначе мог бы занять ещё миллионы лет и сопровождаться множеством расточительных затрат. Йога и все духовные дисциплины в конечном счёте являются не чем иным, как способами сознательного ускорения эволюции в истинном направлении [смысле].

---

82 Вопросы о «йоге сексуальности».

Здесь можно развести дебаты о том, что такое «истинное направление»; кто-то скажет вам (сообразуясь с известными нам религиями), что истинное направление не здесь, но, я не знаю, на каких-нибудь небесах свыше. Это одна из точек зрения, но если эта материальная эволюция не несёт смысла сама по себе, то все мы присутствуем при зловещем фарсе, выдуманном неизвестно каким божественным мазохистом. Если Бог существует, он должен быть не столь глуп, и мы можем полагать, что у этой материальной эволюции есть божественный смысл, и что это место божественной манифестации в Материи. Таким образом, наша духовная дисциплина должна быть направлена на достижение этого божественного человека или, может быть, этого ещё неизвестного другого существа, которое выйдет из нас, как мы вышли из первых бормочущих гоминидов. Каково место сексуальной функции в этой эволюции? До настоящего времени прогресс сознания использовал прогресс целых видов, то есть сексуальная репродукция была ключом к умножению видов, чтобы прибыть, наконец, к форме, наиболее соответствующей для проявления сознания. После появления человека 2 или 3 миллиона лет назад Природа не создала качественно новых видов, как если бы она нашла в человеке наиболее подходящий способ выражения. Однако, эволюция не может остановиться, или это уже не эволюция. Следовательно, ключ эволюции уже не в увеличении численности видов путём сексуального копирования, но в прямой власти сознания. До появления человека сознание было ещё слишком скрыто в своей материальной опоре; с появлением человека оно достаточно освободилось для того, чтобы осуществить настоящее господство над материальной природой и само управлять своими собственными изменениями. С точки зрения эволюционной биологии, это — конец сексуальности. Мы прибыли к стадии, где должны перейти от природной эволюции, совершаемой сексуальной силой, к духовной эволюции, совершаемой властью сознания. Обычно Природа не задерживается на том, чтобы развивать органы и функции, которые больше не используются в её эволюционном намерении, поэтому можно предположить, что сексуальная функция атрофируется у тех существ, которые смогут направить её энергию уже не на воспроизводство, а на развитие сознания. Совершенно

очевидно, что ещё не все из нас на этой стадии, и что в течение ещё долгого времени Природа будет нуждаться в сексуальной силе, чтобы продолжать свою эволюцию внутри человеческого вида, то есть, чтобы привести человека весьма грубого, какими мы все пока ещё являемся, к человеку более сознательному, более способному уловить подлинный смысл своей эволюции и в конечном счёте способного полностью перейти от природной эволюции к духовной эволюции. Неравномерность развития индивидов — очевидная причина, по которой невозможно ни создание общих правил, ни распространение непогрешимых предписаний. Каждая стадия следует своему закону. Но какими бы ни были сроки, уже очевидно, что с точки зрения биологии эволюции сексуальная функция уходит, когда она выполнила свои цели, то есть когда она произвела на свет достаточно сознательного человека. Резонно, что невозможно построить духовную дисциплину ускорения эволюции на принципе, который идёт наперекор эволюции. Впрочем, достаточно просто хотя бы продвинуться за эту трудную линию, точку X перехода от природной эволюции к духовной, чтобы заметить, что *любые* псевдомистические попытки приукрасить сексуальные отношения мужчины и женщины — обманчивая иллюзия. Я не имею ничего против сексуальных отношений (видит бог!), но желание прикрыть их йогической и мистической фразеологией — лживая иллюзия, «*self-deception*» [самообман]. Следовательно, нет никакого «ключа, который нужно найти» в этом направлении, он не существует.

Существует ключ в отношениях мужчины и женщины, но не в сексуальных отношениях. Так называемый «тантризм левой руки» (Vama Marga) в сравнении с истинным тантризмом то же самое, что сказки Боккаччо в сравнении с Христианством или римский похмельный Вакх в сравнении с Дионисом греческих тайных мистерий. Я знаю тантризм, это меньше, что я могу сказать. Относительно Катаров, о которых я более высокого мнения — мы сделаем им мало чести, если будем считать, что они совершали хоть что-то похожее на «йогу сексуальности». Через свой собственный опыт я, похоже, пережил опыт Катаров, и я прекрасно вижу, что если некоторые из них и пытались примешивать сексуальные отношения к истинным отношениям между мужчиной и женщиной, то быстро

поняли свою ошибку. Это тупик, путь без выхода, или, скорее, его единственный выход состоит в том, чтобы показать, что он никуда не ведёт. Катары были слишком сознательными и слишком искренними людьми, чтобы настаивать на столь тяжеловесном опыте. Ибо в конечном счёте это ведёт к тому, о чём и было сказано, что сексуальный опыт по самой своей природе (которая есть «отступление» или шаг к отступлению, независимо от способа) автоматически привязывает к старым животным вибрациям — он не способен помочь, ты можешь поместить в него всю свою любовь, если захочешь, но сама эта функция связана с тысячелетиями животного состояния, это всё равно что захотеть погрузиться в болото и не испачкаться. Это невозможно, такова «среда». И тогда, — если мы знаем, что нужна прозрачность, отстаивание, внутренняя неподвижность, чтобы суметь пройти в высшее сознание или чтобы позволить высшему свету войти в наши воды без того, чтобы они тут же были взбаламучены, — тогда непонятно, как сексуальная активность может провести вас в эту неподвижную ясность, где может что-то проявиться??? Союз, объединение двух существ, истинная и всеобъемлющая встреча двух существ не может произойти на таком уровне и такими средствами. Это то, о чём я могу говорить. Но я увидел, что в безмолвном спокойствии двух существ, имеющих одно и то же стремление и преодолевших трудный переход, понемногу возникает нечто совершенно уникальное, вне какого-либо понимания для нас, всё ещё пребывающих в «терзаниях плоти», если говорить языком отца-проповедника! Полагаю, что опыт Катаров начинается *после* этого перехода. Только *после* этого пара мужчина-женщина обретает свой истинный смысл, свою «эффективность», если можно так выразиться. Секс — только первый метод встречи, первый способ, придуманный Природой, чтобы разбить скорлупу индивидуального эго — далее мы растём, и мы обнаруживаем нечто иное, не путём подавления или отвержения, но потому, что нечто иное, бесконечно более богатое, занимает его место. Те, кто тщательно пытаются сохранить секс и мистифицировать его, чтобы перейти на вторую стадию эволюции, напоминают детей, цепляющихся за свой самокат, это выглядит не лучше, здесь нет ничего, с чем можно совершать йогу, по поводу чего можно

возмущаться и хмурить брови. Так что я ничего не критикую, я лишь наблюдаю и расставляю вещи по местам. Всё зависит от стадии, на которой находишься. И те, кто хотят использовать секс по той или иной более-менее возвышенной причине, бог мой, пусть они проходят через свой опыт. Как сказала мне по этому поводу Мать не далее, чем вчера: «По правде говоря, Господь использует всё. Мы всегда на пути к чему-то». Мы всегда на пути, неважно, каким способом, но нужно насколько это возможно хранить ясный ум и не обманывать самого себя.

Попробую найти один-два отрывка из Шри Ауробиндо, чтобы донести до вас свою точку зрения.

.....

Заканчиваю это бесконечное послание. У меня полно работы, а тело всё ещё далеко не в форме. Но я очень люблю вас обоих.

Сатпрем

*

* *

(Выдержка из письма Шри Ауробиндо)

«Нет ошибки более опасной, чем принимать вторжения сексуального желания и его тонкого удовлетворения в какой-либо из форм и считать их частью садханы [духовной дисциплины]. Это наиболее эффективное средство прийти напрямик к духовному падению и быть ввергнутым в атмосферу сил, блокирующих нисхождение супраментала, низводя вместо него враждебные витальные силы, создающие беспорядок и катастрофы. Требуется абсолютный отказ от этих искажений, если они пытаются возникнуть, нужно выкорчевать их из сознания, чтобы Истина могла проявиться, а работа могла быть выполнена.

Также ошибочно предполагать, что достаточно физически отказаться от полового акта, а его внутреннюю имитацию сделать частью трансформации сексуального центра. Действие сексуальной энергии в Природе — это

механизм, имеющий определённые конкретные цели в организации невежественного материального творения. Но витальное возбуждение, сопровождающее его, производит в атмосфере вибрации, создающие наиболее благоприятные возможности для вторжения витальных сил и существ, чья единственная деятельность состоит, в частности, в том, чтобы противостоять нисхождению супраментального света. Удовольствие, возникающее при этом, является деградацией божественной Ананды, а не её истинной формой. Истинная божественная Ананда в физическом имеет совсем другое качество, субстанцию и механизм; она существует исключительно сама по себе, и её проявление зависит только от внутреннего союза с Божественным. Вы говорите о божественной Любви, но божественная Любовь, когда она прикасается к физическому, не пробуждает грубых тенденций низшего витала; поиск в этом удовольствия лишь оттолкнёт её и заставит вновь уйти к вершинам, откуда её уже трудно будет заманить в магму материального творения, которое только она и может трансформировать. Ищите божественную Любовь за единственной дверью, в которую она согласится войти: за дверью психического существа, и отвергайте ошибки низшего витала».

Шри Ауробиндо

***

12 августа 67

Клари

Подруга, твоё последнее письмо лежит на моём столе почти шесть месяцев; тебя это вряд ли утешит, но каждый день ты у меня перед глазами. Я перегружен работой, пересмотр моего *Саньясина* не очень-то продвигается, но здоровье в порядке, без эксцессов.

Когда И. пришла увидеться со мной — это было вроде бы год назад (я уже не знаю) — меня внезапно посетила мысль: «Но Клари, разве она не здесь?» Это было очень конкретно. (...) Ты можешь

увидеть, убедиться. Теперь это один мир. Возможно, что ты там опять встала на путь или нашла эту вторую жизнь, а потом ты могла бы снова уйти или остаться, но ты уже была бы другой, а твоя жизнь имела бы другой смысл, другой импульс. (...)

Было бы проще всего, если бы ты выслала мне своё фото, чёткое недавнее фото, не слишком маленькое, которое я покажу Матери. Она «поймёт», что происходит, и, возможно, даст тебе совет, если захочет, в любом случае, она выяснит, предназначено ли тебе приехать сюда или нет. Полагаю, это всё, что я смогу сказать тебе практически. Жду визита своей матери, которая должна отправиться в поездку в декабре, это будет уже третий её визит, и ей очень нравится здешняя среда, здесь ей хорошо дышится. (...)

Я мало что значительного могу рассказать о своей внутренней жизни, это бесконечное приключение, оно растёт, оно развивается.

Думаю о тебе с нежностью.

Сатпрем

***

14 ноября 67
Клари

Подруга,

.....

Мать не «отвергает» тебя, она говорит, что ты «не готова». (...) Это правда, что твоё «психическое» полностью спит, как это увидела Мать и как я убедился в этом сам в последнюю нашу встречу у той самой «пепельницы», и каждое из твоих писем заставляет меня это ощутить. Ибо «катастрофа», если можно так выразиться, в том, что ты принимаешь переживания своего ментала (скажем, высшего ментала) за переживания психического; «психическое» — это не ментал, оно не имеет ничего общего с менталом: это ДУША. Это центр, ключ ко всему, ключ к прогрессу, ключ к радости, открытие на всех планах — ты открыта в маленьком уголке своего ментала, который погружается в бесконечность и заставляет тебя говорить себе: я безгранична — нет! это твой ментал расширяется, вот и всё. И

это скудно, настолько скудно, это не может удовлетворить, и мы остаёмся иссушенными. Именно поэтому я сказал тебе в одном из писем, что ты нуждаешься в «другой жизни». Это душа, «психическое» (согласно терминологии Шри Ауробиндо), которое нужно открыть, как открывается цветок, путём преподнесения себя в дар. Известно, что: «переживание Божественного индивидуально», но если это переживание заканчивается таким пессимизмом, это ложное переживание, потому что малейший атом истинного переживания — это изобилие радости в каждую секунду, *постоянно расширяющееся*. Так что??

.....

Работай и не падай духом

Сатпрем

***

30 ноября 67

Маник и Бернару д'Онсие

Мой старина Бернар, мои добрые друзья, вот уже так давно я хочу постучать в вашу дверь, в-общем... Но зачастую я стучал к вам посреди ночи. В первую очередь, чтобы сообщить вам действительно добрую весть (для меня это не «новость», но меня она действительно обрадовала). Вчера я виделся с Матерью, она рассказывала мне о тебе, она даже вспомнила, что ты жил на юге Франции (я рассказывал ей о тебе впервые, по поводу Муравьёва), и она сказала: «Когда я получила его письмо, я почувствовала — этот человек имеет зачатки, я весьма довольна им». Она очень оценила твой активный способ смотреть на вещи; на её взгляд, есть множество болтунов и есть те, кто работает. Вот, так что надеюсь, с её помощью всё придёт в движение и вы отправитесь в большое Приключение. По сути, я прекрасно знал, что вы в деле, и игра ведётся по многим пунктам, во многих формах, но думаю, что теперь вы установили контакт с центральной Силой — если будете оставаться подключёнными к Ней, то увидите, что обстоятельства организуются и примут новый Ход. Я очень рад.

Уже год я без перерыва работаю, я никогда столько не работал в своей жизни; вдобавок к своей обычной работе, уже достаточно тяжёлой, я собираюсь переписать своего *Саньясина*, первая редакция которого меня не устраивает — это настоящая «садхана». По крайней мере, ещё шесть месяцев работы. И затем корреспонденция — понемногу отовсюду — три книги *Бесед Матери*, которые я опубликовал в этом году, плюс перевод *Человеческого Цикла Шри Ауробиндо*, обещанный моему издателю до конца года, но так и не готовый, я не могу уйти от этой работы. В конце концов, тем лучше, жизнь должна служить чему-то.

Когда вы будете в Индии? В своих последних письмах вы выражали надежду приехать этой зимой? Здесь есть очень хороший «guest house» [дом для гостей], там вам было бы очень хорошо, если бы вы вознамерились вступить в контакт со здешней жизнью, в более тесный контакт с Матерью, с Ауровилем. На следующей неделе я жду свою мать, которая должна приехать на месяц или два, она совершенно покорена Ашрамом! по крайней мере, людьми и атмосферой. За исключением этого, я мало что могу сообщить, все мои энергии поглощены этой книгой, я вложил туда множество вещей. Здоровье неустойчиво, висит на волоске, но пока держится. И ко всему прочему, здесь есть Суджата, это мой покой, моя радость, сладость моей жизни; воистину, женщина — это Фундамент. И когда он и она вместе реализуют свою вечность, в этом есть нечто, что настолько меняет взгляд...

Обнимаю моих добрых старых друзей, моего старшего брата, мою любимую младшую сестру,

Сатпрем

***

1968

12 марта 68

Клари

Подруга,

Я думаю о вас, о вашем разочаровании, о вашей озабоченности здоровьем Андре. Бывают трудные переходы, но хочу вам сказать, что я *не сомневаюсь* в вас, я верю в вас, я уверен, что вы в конце концов подниметесь в изобильный, живой, горячий свет, который любит, в котором есть радость — это придёт, это то, чего я желаю вам. Не вы ли моя сестра? И есть одна вещь, которую я хотел вам сказать — что не забываю ту короткую фразу Матери по поводу вас: «Ты можешь сказать ей об Ауровиле». Это открытая дверь, подруга. Мать никогда не говорит случайных вещей. Две недели назад был заложен первый камень города, это было очень трогательно, делегаты более чем из ста стран, привёзшие землю своей страны, чтобы смешать её с землёй Самадхи [могилы] Шри Ауробиндо и основать город Человеческого Единства, город, не принадлежащий никакой нации, никакой религии, город исследователей; и на этих красных землях Юга, на этом огромном плато, возвышающемся над Пондичерри и над озером, у нас было впечатление переживания одного из тех моментов, о которых должны были знать строители Долины Королей.

Это город для того, чтобы творить, тут есть всё для того, чтобы творить, тут живут труженики со всех стран, и если вы просто предложите вашу работу и ваше сердце, вы в любое время можете приехать сюда, Мать говорила вам об этом.

.....

Подруга, я верю в вас, мы встретимся с вами, а главное — вы встретитесь с собой.

Обнимаю вас
с нежностью
Сатпрем

***

28 марта 68
Бернару д'Онсие

Мой старина Бернар, я всё же беспокоюсь о тебе и по-братски задаюсь вопросом, что происходит, в порядке ли ты. Я хотел проявить уважение к твоему молчанию, да и нет необходимости в словах между нами, но что произошло в течение этого года? У меня была слабая надежда — увидеть вас на церемонии основания Ауровиля (которая, к тому же, была весьма эмоциональная)... Словом, если вы оба в добром здравии, это главное, но сообщить ты об этом можешь, чёртова скотина!

Я пишу; пересматриваю своего *Саньясина* и надеюсь закончить в течение шести месяцев. Я много вложил в него. Суджата мне помогает, Индия становится всё более и более родной страной для меня, я работаю, и хоть и медленно, но продвигаюсь по пути. Вот, хотел сказать, что остаюсь близок к тебе в сердце и в мыслях; передай Маник мою нежность.

Сатпрем

***

23 апреля 68
Клари

Подруга, меня опечалил уход Жилле⁸³, милого Жилле, и полагаю, вы тоже опечалена. (...) Да, воистину, если не найден этот подлинный источник внутри, мир представляет из себя ужасающую вещь. И если люди получают столько ударов, то это потому, что они ещё твёрды, и

---

83 Жилле был первым мужем Клари во времена французского правления в Пондичерри.

потому, что им нужны все эти несчастья, чтобы встать на путь и начать искать то, что даст им смысл всего. Вы тоже на трудном пути, я это чувствовал, я это чувствую, но храните доверие, подруга, не забывайте о вашем маленьком огне внутри, именно он всё спасёт, всё успокоит и даст сил.

.....

С нежностью

Сатпрем

***

27 июня 68

Клари

Подруга, я много думал о вас, особенно в конце мая. Надеюсь, ваш Андре вышел из затруднительного положения. У меня впечатление, что вы миновали важную веху и что теперь вещи примут правильный оборот внутри — достаточно одной ничтожно малой вещи, которая выглядит пустяком, но которая меняет тон бытия. Я вдруг подумал об этой фразе Шри Ауробиндо, как раз для вас: *«By constant effort and aspiration one can arrive at a turning point when the psychic asserts itself and what seems a very slight psychological change or reversal alters the whole balance of the nature⁸⁴.»*

.....

Обнимаю вас, подруга, и остаюсь с вами.

Сатпрем

***

---

84 «постоянным усилием и постоянным стремлением можно прийти к переломной точке, когда утверждается психическое; и то, что кажется весьма незначительным психологическим изменением или поворотом, изменяет весь баланс природы.»

1969

11 марта 69
Клари

Подруга,

.....

А вы? Когда вы совершите тур сюда, дабы просвежиться? Никто не мешает вам приехать и провести один, два, три месяца в качестве гостя и установить *контакт*.

Вы меня балуете, я потерял привычку к роскоши, и один раз нажав на волшебную кнопку и окропив себя нежным запахом, я больше не осмелился этим пользоваться!

Две недели назад мой *Саньясин* уехал к издателю, я жду реакции, это одна из важных страниц моей жизни, ныне уже закрытая. Спрашиваешь себя, как они собираются её понять! Но в конце концов, работа сделана, конец, это главное. Я также взялся (по крайней мере, в принципе) за издание в Париже *Синтеза Йоги, Человеческого Цикла и Идеала Человеческого Единства Шри Ауробиндо* — работы полно. Вещи следуют своим курсом. Когда мы видим мировые события изнутри — это чудо безошибочности и мудрости; сколько людей на самом деле будут знать, что сделали для мира Шри Ауробиндо и Мать?...

Сердечно
Сатпрем

***

20 июня 69
Клари

Подруга,

Я хорошо чувствую вашу депрессию. Есть нечто постоянное, неизменное, что нужно найти, как огонь, горящий автоматически и без остановки, и тогда больше нет ничего, что может угнетать, ты навсегда выходишь из этого, ты выше, ты король. Вы это знаете. Все удары жизни существуют для того, чтобы привести нас к этому. Есть ли что-либо более важное?

Мне кажется, что если бы вы приехали сюда летом на один-два месяца, мы могли бы установить истинный контакт, совершить истинное открытие, взять хороший старт, и возвратились бы, уже обладая силой, ключом. Я не знаю, бывают моменты, когда приходится выбрать, изъявить волю и принять меры. Работы много, но — Покой, открытые глаза и полнота в сердце. Тогда материальные неприятности исчезают.

Сердечно и мыслями с вами,

Сатпрем

***

16 июля 69
Маник д'Онсие

Дорогая Маник, да, ты моя младшая сестра, и в моём сердце всегда есть уголок, очень близкий к тебе, даже без всяких писем. Я был тронут твоей реакцией в отношении моей книги и я рад, что она попала в твои руки. Я вложил туда множество вещей, которые, вероятно, ускользают от людей (но это не будет продолжаться всегда), то, что я описывал там, *является* опытом, это писалось с силой опыта, с сознанием опыта, и скажу тебе — те, кто немного открыты, смогут коснуться этого опыта, потому что там есть Вибрация, и если мы следуем за нитью или, скорее, за ритмом, мы можем подняться к Источнику. Я писал это как мантру. Я не знаю, какова ценность этой книги с литературной точки зрения, но я знаю, какова её внутренняя ценность. И потом, возможно, то же самое касается *Золотоискателя*, написанного слишком рано, более десяти лет назад — он был

предтечей «хиппи» и бунта, который теперь начинает проявляться. Для *Саньясина*, возможно тоже слишком рано, я не знаю. Факт в том, что мир критиков и издателей — это экран, мешающий напрямую прикоснуться к читателю, а иначе мой Саньясин — я уверен — был бы принят и понят. Но возможно, что именно Франция наименее восприимчива. Слишком интеллектуализирована. *Путешествие сознания* намного лучше продавалось в Италии, чем во Франции, и есть итальянский режиссёр, который, похоже, пытался сделать фильм по *Золотоискателю*. По *Саньясину* также можно сделать красивый фильм. Любопытно, когда я писал обе этих книги, я почти постоянно видел их перед собой, как на экране...

.....

В любом случае, я был весьма тронут этим знаком понимания от тебя, и Суджата тоже, ведь она приняла деятельное участие в этой книге. Если бы только мир знал, насколько прекрасна жизнь внутри! И у нас есть чудесные ключи — я хотел вложить некоторые из этих ключей в руки тех, кто может понять.

Передавай Бернару уверения в моей давней братской дружбе. Буду рад снова увидеть вас обоих.

Ты моя сестра,

Сатпрем

***

22 июля 69
Бернару д'Онсие

Мой старина Бернар, я был очень счастлив увидеть, наконец, твою писанину и я всегда знал, что мы всё также близки, несмотря на молчание. И ещё я знал, что это было не очень хорошо, но единственная вещь, которая действительно Помогает — это отдаться, иначе человек продолжает жить в замкнутом кругу своих собственных материальных и даже духовных интересов, но в конечном счёте, это довольно серо и пусто. Я так рад за вас обоих, что вы получили эту визу, полагаю, это даст возможность достичь переломного момента. (...) Я считаю, что если ты сможешь отдаться

делу, которое не связано напрямую с твоими интересами — неважно какому делу — это мгновенно изменит атмосферу, которой ты дышишь, это то, что сохраняет молодость и причину жить. Очевидно, что я думаю об Ауровиле, но не жди чудес: это мир в процессе строительства, со всей человеческой мелочностью и их старыми жалкими привычками, но это тесто, которое поднимается, оно имеет смысл для будущего. В противном случае... эх, нам дано так мало лет, и ничего не делать — это расточительство. Я *всегда* замечал, что как только менялась внутренняя ориентация, изменялись и внешние обстоятельства. Твои внешние проблемы начнут растворяться, как только ты коснёшься некоего внутреннего пламени. Буду рад снова увидеться с вами обоими, до скорого.

Сердечно,
Сатпрем

Моя маленькая Маник, (...) не знаю, какой будет судьба этого *Саньясина*, но я знаю одно — эта книга содержит силу Правды, а поиски правды всегда заканчиваются её нахождением, даже если текущие обстоятельства, кажется, отрицают это. *Саньясин* принадлежит будущему.

Сердечно обнимаю тебя, ты моя младшая сестра.

***

26 декабря 69
Клари

Подруга,

Несколько слов, чтобы сообщить, что я был очень доволен отрывком из вашего письма, где вы писали о вашей работе на уровне груди... Да, там, в районе сердца, если мы сможем оставаться совершенно неподвижными, как будто склонёнными над глубокой шахтой, и спускаться — углубляться в некую мягкую нежность — может произойти нечто.

Вот, хорошего года!

Я рад, что вам понравилась моя мать (она, наконец, приезжает

сегодня вечером).

Сердечно
Сатпрем

***

1970

20 января 70

Клари

Подруга,

.....

Ничто не напрасно, всё проясняется более или менее жёстко. Я хорошо чувствую, что в вашей атмосфере что-то изменилось. Если бы вы могли позитивно принять всё то, что приходит (позитивно и ясно), не как неприятный инцидент, а как повод быстрее продвигаться к цели сознания, то события изменили бы ход. Нужно позитивно и невозмутимо утвердить или ориентировать себя в истинном Направлении, тогда всё обретает иное назначение, иную полезность, и мы движемся быстрее. В каждый момент возвращаться к Центру, к Базовой точке.

Зачем вы повторяете, что боитесь меня «тяготить»? Ищущие никогда не в тягость. И потом, мне совсем не нравится этот «пьедестал», ибо каждый знает, что монументы хороши лишь для того, чтобы быть сброшенными, не сегодня, так завтра — я на пьедестале из грязи, как и весь остальной мир, и в этот самый момент я пытаюсь вырастить лотос, который украсит то, что обычно украшают лотосы.

Насчёт ваших стихов — какое «мнение» у меня может быть? Я уже давно перестал быть литератором, я слышу только души — поют они или не поют. Думаю, что ваша углубляется, я ощущаю её ближе, а поскольку это источник любой поэзии...

Ваш отчёт о заседании ауровильцев был уморителен и, увы, правдив. Но работа будет сделана вопреки людям — нет идеального Ауровиля, идеал создаётся в самом себе, а остальное последует из

этого. С моей давней любовью,

Сатпрем

***

24 января 70

*(Маник и Бернару д'Онсие
в ходе их визита в Пондичерри)*

Мои добрые друзья,

Ваше письмо было отдано Матери, и сегодня утром Мать со мной об этом говорила. Она сказала, что в следующую среду могла бы ненадолго увидеться с вами *в молчании* в моём присутствии (у меня встречи с Матерью по средам и субботам в 10 часов, но лучше быть там в 9.45 ч.) Следовательно, 28-го в среду мы пойдём вместе. Я также имел возможность сказать Матери, что Маник собирается переводить *Саньясина*, и Мать была весьма рада этой новости, она это одобрила.

Я также сказал ей, что Бернар хочет заснять на плёнку деятельность Ашрама и Даршан 21-го. Она сказала: «Да, это возможно».

Значит, всё хорошо. Мы вместе сядем перед ней в спокойствии, чтобы получить то, что должно быть получено.

Сердечно,
Сатпрем

***

28 января 70
Маник и Бернару д'Онсие

Мои милые друзья,

После вашего отъезда Мать кое-что сказала мне. О Маник: «Её вибрация гармонична». Затем: «Они оба хороши. *Они оба* могут быть полезны». Наконец, она спросила, когда вы уезжаете. Я сказал, что

после Даршана. Она ответила: «Я снова увижусь с ними до их отъезда».

Я очень рад всему этому.
С моей давней симпатией,

Сатпрем

***

20 марта 70
Маник и Бернару д'Онсие

Мой дорогой старина, я хотел сразу же написать тебе, но я перегружен работой и в придачу к ней изнурительным пересмотром *Саньясина*.

Мне очень понравилось твоё письмо. Но это пустяки. Что меня действительно тронуло, так это наша с тобой встреча здесь, по сути, я увидел тебя таким, каким идеализировал раньше: братским, щедрым, добрым. Я вдруг понял, почему выбрал тебя другом (я удалил несколько эпитетов, дабы не заставить тебя краснеть!). Ты помнишь, раньше я всегда говорил тебе: «У меня впечатление, что мы вместе будем делать какую-то работу». Видишь!

Так что ждём вас снова. Хорошо, что вы там проходите через новый опыт, поддерживаемые взглядом отсюда — о! воистину, это взгляд, который меняет всё. Я очень рад за вас обоих, мы все вас любим.

.....

Вот, мы с Суджатой думаем о вас, мы *с вами*, а Мать окутывает вас.

С братской нежностью,

Сатпрем

***

26 марта 70
Бернару д'Онсие

Мой добрый старина, ты не должен бояться беспокоить меня, я очень рад чем-либо тебе помочь. И я хорошо понимаю твою проблему. Я представил её Матери. А начал с того, что сказал ей, что у тебя проблемы с деньгами... Она хорошо посмеялась и сказала: «Пусть он подарит их Ашраму!» Затем я рассказал ей о твоих капиталах, заблокированных в этой недвижимости, о твоём сыне и т. д., что если бы пришлось отдать всё в руки некой «организации», или чтобы ты сам устроил распродажу.

Вот что она ответила (я привожу её слова так, как они были записаны):

«Если он придёт, нужно, чтобы он пришёл с деньгами, потому что ситуация критическая. Мы тратим в три раза больше, чем имеем, так что... Это что-то вроде постоянного чуда. И расходы увеличиваются. Прямо сегодня утром Х (занимающийся столовой и резервами) сказал мне, что он больше не может продолжать. И это так. Ко всему прочему, правительство увеличивает налоги в пропорции один к десяти — в десять раз больше. Так всё обстоит. И мы на краю... ямы. Так что я больше не могу брать людей, кроме тех, кто способен не только обеспечивать себя, но и немного помочь Ашраму... Это очень, очень трудно... То, что можно назвать «господством денег», близится к концу. Но переходный период между мировым устройством прошлого и тем, что собирается возникнуть, должен быть очень трудным. И так и есть... Промышленность была крупнейшим способом заработать деньги — теперь этому настал конец... Господство личной собственности закончилось, государство берёт всё в свои руки...»

В любом случае, у вас есть Её отклик и разумеется, Её помощь, чтобы действовать как можно лучше. Но не забывай — впрочем, ты это знаешь, — что в конечном счёте всё зависит от истинных намерений, стоящих за нашими действиями... Я верю, я уверен, что всё будет в порядке.

.....

Мы с вами со всей нашей братской нежностью,

Сатпрем

***

2 мая 70
Бернару д'Онсие

Дорогой старина Бернар,

Я медлил с ответом на твоё последнее письмо, потому что ждал возможности прочитать его Матери. В конечном счёте, я от этого отказался и передал его А.М., который прочитает его как только сможет. Для меня действительно очень нелегко тратить время, которое я провожу с Матерью на разговоры о личных вещах — это время, когда Мать рассказывает о своей работе и своих опытах. Но ты должен был получить последний ответ Матери, адресованный Маник, и благословения для вас обоих. Значит, вы окружены её помощью, и всё, что приходит к тебе или к вам, должно быть окружено сознанием-присутствием Матери — которое воистину фантастическое, как ты очень точно заметил, а точность в деталях такова, что это не иначе как чудо. Единственное, что нужно делать, это оставаться подключённым, не позволяя слабостям обескуражить себя (все мы полны слабостей, и, по правде говоря, если Милость действует, то это совсем не по причине наших «заслуг», но просто потому, что это — Милость). Следовательно, я верю, что всё устроится как можно лучше, даже если внешне всё кажется враждебным. Всё приходит в свой Час.

.....

С моей давней братской любовью,

Сатпрем

***

31 октября 70
Бернару д'Онсие

Мой старина Бернар,

(...) Я не вижу поводов ни для твоего пессимизма, ни для сомнений насчёт Маник и тебя! Суджата просто сказала мне: «Но они оба очень хороши», тогда почему?! Словом, мы скоро опять

увидимся. Думаю, что это также и твой юбилей (а не только мой день рождения!), и я от всего сердца желаю тебе посмотреть на вещи с простой улыбкой, как если бы, поистине, всё находилось здесь — всё и находится здесь. Эта улыбка помогает видеть, что это находится здесь, в то время, как мы полагаем, что оно находится всё ещё за миллионы лье.

Со всей нежностью к вам обоим,

Сатпрем

***

20 ноября 70
Бернару д'Онсие

Мой дорогой старина Бернар,

Пишу тебе в спешке. Я получил описание твоего опыта, это действительно настоящий опыт — чистый. Суджата тоже прочитала, мы оба так рады.

Но вовсе не является «кошунством» пытаться вновь вернуть этот опыт! Ничуть! Это должно стать постоянным, *нормальным* состоянием. Это «новое сознание», это *фундамент* работы. Именно *оттуда* должно проистекать действие. Именно *в нём* должно разворачиваться всё остальное. Поскольку, на самом деле, когда мы живём там, мы знаем всё. Это база! Это не цель: это фундамент действия. Это точка отсчёта для всего — для истинного мира, который мы хотим построить. Так что очень рад, что ты, наконец, коснулся Истинной Вещи, поймал золотую нить. В одной из наших последних бесед (которую ты, конечно, найдёшь в ближайшем *Бюллетене*) Мать сказала: «У меня впечатление, что я двигаюсь внутри вас».

Я прекрасно знал, что ты из нашей «семьи» — вы оба.

Итак, мы с радостью ждём вас.

Сатпрем

Разве я не говорил тебе в своём последнем письме, что совсем не считаю, что вы оба «далеко»? Видишь! Не требуется тратить на это

целые жизни! Это происходит *сейчас*.

***

21 ноября 70
Клари

Подруга,

Насколько я могу понять или почувствовать, мне кажется очевидным, что вы видели Мать, а потом пришла Сила и нечто изменилось. Вы призывали, и она ответила — Мать всегда отвечает. Мать — потрясающее вселенское динамо, и её сознание знает о каждой точке, слышит любой призыв. Вот уже многие годы она вместе со Шри Ауробиндо пытается привнести в мир новый воздух и новую Силу. Если вы почувствовали нечто, это Милость. И если бы вы знали, что за потрясающее новое собирается проскользнуть под вуаль старой видимости. Фактически, это всё, что я могу вам сказать позитивного. В остальном же, я всегда испытываю трудность в том, чтобы ухватить чистую вещь под ментальным переводом, который вы осуществляете, когда пишете — это вина писем и физического отсутствия. Я не очень хорошо определяю ваше местоположение. Но главное — это Контакт. Если бы вы научились поворачивать вашу антенну в сторону Матери, то увидели бы, сколь быстро происходят изменения. Мать — Та, кто Трансформирует.

Мои глаза выздоравливают. Я закончил писательский галоп *На пути к Сверхчеловечеству*, книгу, которую мне буквально вручили или продиктовали (или послали в музыке) без малейшего моего вмешательства. Она будет опубликована здесь в начале следующего года, ибо парижские издатели, похоже, не понимают ничего из того, что я пишу — они слишком стары. (...) Я много работаю. Хоть и устал, но в делах.

С верной дружбой

Сатпрем

Ваша милая зажигалка каждый день составляет мне компанию.

***

1971

22 февраля 71
Клари

Подруга,

Ваше письмо пришло ко мне сегодня утром. Конечно, я храню мою дружбу с вами! И я рад вашим усилиям накопить сбережения, чтобы приехать — это усилие плюс потребность приехать в конечном счёте неизбежно создадут желаемые обстоятельства. Даже если вы отложите лишь сто франков, у этих ста франков будет особая сила, которая поможет остальному.

.....

Касательно «светской болтовни» «людей, побывавших в Ашраме», я предполагаю, что она является частью глубоко введшейся человеческой глупости. Здесь есть всё; и дефекты никогда не бывают более яростными и бросающимися в глаза, чем когда они попадают под Фару Света, чтобы быть трансформированными. Здесь они тоже сопротивляются, как и в остальном мире, но уже начинают сдаваться... Призывайте ДРУГУЮ ВЕЩЬ, подруга, призывайте её всё чаще и чаще, и она ответит, она поможет, она проложит вам путь даже без вашего ведома.

Сердечно,

Сатпрем

***

16 мая 71
Клари

Подруга,

Я был счастлив снова увидеть ваше фото, хотя где-то позади или в глубине присутствует нечто, я не знаю, немного печальное, и между тем, какое-то безмятежное, и нечто, что смотрит (мысленно) с отрешённостью и определённым величием. Однако, я не знаю, почему, но есть внутри (по крайней мере, в этом фото) как будто узел тайной боли, нить преодолённого страдания, которое тем не менее, остаётся и набрасывает нечто вроде вуали на истинный расцвет в свободе и Свете. Есть нечто, что не решено (во всех смыслах). Как внезапный удар локтем, который придётся сделать, чтобы сломать эту стеклянную перегородку — Нежданное ждёт вас, и вы воистину не будете удовлетворены, пока не прикоснётесь к этому.

Но вы всё это знаете или чувствуете. Я хотел сказать вам (не знаю, что заставило меня сделать эти комментарии, извините меня), что не я должен вручать Матери ваше фото. Я чувствую, что это не так. Я чувствую, что вы сами однажды должны написать Матери, открыть ей ваше сердце и попросить у неё помощи — тогда вы вышлете фотографию. Это произведёт большие изменения в вашей жизни. Так что возвращаю вам ваше фото, и распорядитесь им с наибольшей пользой.

Но что меня действительно тронуло — что вы приняли от Матери правду, «так ранившую» вас, относительно первой фотографии. В действительности, я думаю, что с тех пор вы продвинулись вперёд — я верю в Клари, её честность неотвратимо приведёт её к Цели. Из всего прошлого остались только два существа (с моей матерью три), всё ещё живые и настоящие, это моя подруга Клари и, да, тот старина Бернар д'Онсие. Другие кажутся ненастоящими, отсутствующими. Но теперь я часть обширной семьи!

Ваше мнение о *На пути к Сверхчеловечеству* меня растрогало, оно справедливо, особенно когда вы говорите, что это «рука помощи, чтобы спасти от болезни» — под её «поэтической» наружностью присутствует очень конкретная сила (разумеется, не моя), которая подобно благотворной Магии ускоряет приход будущего. Поглядим... Мой *Саньясин* вместе с *На пути к Сверхчеловечеству* идёт уже к своему пятому издателю (!) с последней попыткой напечататься во Франции. Я полагаюсь только на молодёжь. Впрочем, лишь они меня

и понимают.

Нет, я не диктую, я пишу от руки, слушая ритм сверху, который сам облекается в слова. Мои глаза устали. Обложка была увидена моей подругой Суджатой, в то время как я ломал себе голову, какую обложку нарисовать, она увидела её готовой на бумаге, и осталось только срисовать. Это пришло сверху вместе с остальным. Да, отложите деньги — это формирующий символ.

С нежностью

С.

***

21 июня 71

Маник и Бернару д'Онсие

Мой старина Бернар, мои дорогие друзья, итак вы пережили тревожное приключение⁸⁵! Но как ни странно, по прочтении письма Бернара моё первое впечатление можно было описать так: это хорошо, это добрый знак, был сделан шаг (это не игра слов). Часто трудности и внутренние сопротивления проявляются проблемами в теле, и когда тело получает удар, после этого мы замечаем, что путь стал свободнее и что в некотором смысле дорога расчистилась. Так что, приняв всё это во внимание, я чувствую, что это явилось добрым предзнаменованием и что Бернар готов принять новый старт. Милость присутствия Маник обеспечила необходимую защиту, и Мать недалеко, в-общем, я верю!

На данный момент мне нечего рассказать о себе, никаких подвижек, кроме работы над этой человеческой субстанцией, работы, которая может делаться и по-другому, а не только ударами скальпеля. Близится Час, это натиск неистовых сил.

С нежностью к вам обоим,

Сатпрем

Да, окружите Франсуа вашей любовью, во внешнем аспекте я

---

85 Бернар д'Онсие только что сломал ногу.

больше ничего не могу для него сделать, но я храню его внутри себя и жду Часа.

***

5 июля 71
Маник и Бернару д'Онсие

Мои добрые друзья,

.....

Мы в горниле. Надеюсь, Маник довольна моим «карт-бланшем» для *Саньясина* или для самого чёрта, как угодно... Я закончил свою работу и возвращаюсь к молчанию — посмотрим, выйдет ли из этого что-нибудь.

С нежностью,

Сатпрем

В Матери произошло множество изменений со времени вашего отъезда. Главным образом, стабильность в вопросе здоровья. Её волнует Бангладеш. Нас тоже. О! сколько погибших каждый день! Невообразимо⁸⁶. В Керале большое наводнение из-за проливных дождей.

С большой нежностью,

Сатпрем

1 сентября 71
Клари

Подруга,

Сегодня утром Мать передала мне письмо, которое она получила от вас, чтобы я ей прочитал его (она видит не очень хорошо). Поэтому

---

86 В течение нескольких месяцев вследствие провозглашения независимости Восточной Бенгалии или Бангладеш армия Пакистана взяла всю провинцию под контроль и совершала там массовые убийства. Миллионы беженцев хлынули в Индию, которая в декабре осуществит военное вмешательство. Тогда Пакистан будет вынужден принять возникновение Бангладеш.

я прочитал. Она очень смеялась от ваших слов, что вы пишете именно «для того, чтобы нечто открылось». А когда вы написали: «Наверняка, есть возможность обнаружить в себе главное существо под нашей негативной интеллектуальностью — помогите мне», она одобрительно кивала головой. Наконец, когда вы спросили, не является ли иллюзией это глубокое желание света, она прервала меня, чтобы сказать: «Разумеется, это не иллюзия».

Когда я закончил читать, она оставалась молчаливой, затем снова попросила вашу фотографию (которую я ей уже показывал, прежде чем начать читать письмо), и у меня было впечатление, что она смотрела на неё по-другому; на этот раз не для того, чтобы увидеть и понять, а чтобы принять вас в своё сознание. Потом взяла этот маленький «пакетик с благословениями», который держала между пальцами в концентрации, и сказала: дай это ей. Это Помощь, которую она вам даёт. Всё хорошо, подруга, теперь есть чистый контакт, и вы вышли на новую дорогу.

С нежностью,

Сатпрем

***

18 сентября 71
Бернару д'Онсие

Мой старина Бернар,

.....

Для меня всё неизменно в истинном Свете всех этих жизней, где катастрофы текущего момента растворяются в одной и той же любви.

Сатпрем

***

21 сентября 71
Клари

Подруга,

Ваше последнее письмо лежит на моём столе, ибо я хорошо понимаю, что должен ответить вам более лично. У меня в ушах всё ещё звучит эта фраза: «Тогда я была вашей лучшей подругой» — да, но это «тогда» — это слишком! Однако, справедливости ради следует отметить, что моё понимание мира и существ полностью изменилось, и я больше не имею «друзей»: я лишь ощущаю некоторое количество душ, находящихся в пути, и некоторые вибрации для меня более светлые или более близкие к правде и, следовательно, более внутренние. Я сразу же чувствую себя близким к такому роду вибраций и без труда вхожу в соприкосновение с существами, которые её несут. Тогда слово «дружба» вряд ли имеет какой-то смысл, кроме устаревшего, слово из старого мира поверхностных отношений — впрочем, у меня есть братья и сёстры, их множество, множество...

.....

Я не рассказываю вам о себе потому, что мне нечего рассказать о себе. Я в молчаливом переходе к другой стадии — но об этих стадиях мало что можно рассказать, разве что через книгу, которая будет их плодом, возможно, однажды это произойдёт. «Я» как индивид, вряд ли могу что-либо сказать вам о своей «неудаче» во Франции. Никому не нужны мои книги. *На пути к Сверхчеловечеству* будет напечатана в Германии раньше, чем выйдет во Франции (если вообще выйдет), что я нахожу печальным. А *Саньясин* будет опубликован на английском прежде, чем будет прочитан на французском (если вообще будет). Это так. Французы понимают слишком хорошо, поэтому они не понимают ничего.

Вот, таковы предметы моих жалоб. Я пишу для другого поколения. Посреди всего этого остаюсь вашим преданным братом.

Сатпрем

***

30 ноября 71
Бернару д'Онсие

Мой старина Бернар,

Я получил твоё письмо по поводу Франсуа — и через десять минут у меня началась лихорадка, которая длилась четыре дня и до сих пор ещё не закончилась. Как сказала Суджата: «Вы подхватили своего брата». По сути, я восстановил с ним внутренний контакт после многомесячного перерыва и был накрыт чертовски неприятной волной. (...)

Истина в том, что если сила созидательного интеллекта в человеке не используется на созидательные цели, помогающие подняться, она автоматически и пропорционально превращается в разрушительную силу. Дай Бог, чтобы это не стало разрушением Франсуа — Милость всегда здесь.

Мы — каждый из нас — находимся здесь для того, чтобы *сделать* нечто, и если мы размениваем наше время или нашу прямооту на маленькие, тёмные, эгоистичные истории, это больше не то время, когда Милость позволит нам транжирить годы, пребывая в нашей грязи; вещи быстро меняются, и нас грубо ставят лицом к лицу с работой, которую мы должны сделать. Работа, которую нужно сделать, состоит в том, чтобы найти свою душу и жить в своей душе, и через свет разоблачённой души сделать работу, которую она нам назначила. И я говорю именно о «каждом из нас», не только Франсуа, но и о себе и о тебе.

.....

С нежностью к вам обоим и несколькими робкими извинениями за мои слегка лихорадочные порывы и проповеди!

Сатпрем

***

1972

23 января 72

Клари

Подруга,

Полагаю, что я хорошо чувствовал ваше присутствие в последнее время, ко мне даже пришло ваше имя, когда я был у Самадхи Шри Ауробиндо. Я знаю, что нелегко открыть новую дверь, но в конце концов, мы здесь для того, чтобы совершать трудные вещи, главным образом, для того, чтобы совершить *то*, что действительно изменит жизнь. Это то, чего я вам желаю. Моя любовь не оставляет вас.

Сатпрем

***

18 февраля 72

Маник и Бернару д'Онсие

Мои добрые друзья, милая Маник, твоё письмо мне очень понравилось, весьма хорошая атмосфера, я чувствую большой прогресс. Да, ты права, что читаешь тексты Матери перед сном (о болезнях и др.), это автоматически работает всю ночь. Продолжай внутренне обращаться к Матери при всех практических трудностях — во всех случаях обращай к ней и призывай её помощь — по сути, как ребёнок, с тем же доверием. Потому что Она *здесь*. Ошибка, иллюзия состоит в том, чтобы думать, что Божественное далеко — оно (или Она) не отстраняется, оно всегда здесь, это именно мы время от времени осознаём его присутствие, тогда мы говорим, что оно «приблизилось» — но оно ни на секунду не прекращает быть здесь. И

настоящий прогресс в том, чтобы непосредственно осознать это «здесь». Возможно, наибольшее достижение — это Доверие.

.....

Желаю нам снова увидеться. Мужайтесь, верьте, и пусть Покой пребудет с вами.

Сатпрем

***

14 марта 72
Маник д'Онсие

О! Маник, то, что произошло с Бернаром, это печально, столь печально, моё сердце с вами и окружает вас обоих заботой и любовью. Я знаю о слабом здоровье Бернара, но я также знаю и о его мужестве. Это смелый человек. Видишь ли, есть два способа видеть мир: либо повсюду мы видим безжалостные и враждебные силы, кажется, созданные только для того, чтобы вести нас к разрушению, либо повсюду мы видим Действие Милости — я предпочитаю второе толкование. Я считаю, что все обстоятельства созданы для того, чтобы заставить нас совершить необходимый прогресс. Я считаю, что нет враждебных сил, но только силы усовершенствования, и что всё ведёт нас, иногда грубо, к требуемому Совершенству. Имейте веру в Мать, держитесь за Неё и только за Неё одну, примите этот случай как возможность избавиться от покровов и очиститься; эта вера — наилучшая помощь, которую ты могла бы дать Бернару. Держи меня в курсе, как только будут какие-то новости. Мы будем оставаться активно подключёнными к вам обоим. Ты моя младшая сестра.

Нежности и бесстрашия

Сатпрем

***

21 марта 72
Бернару д'Онсие

Мой дорогой старина Бернар,

Воистину, с тобой была Милость Матери — не только потому, что она вывела тебя оттуда без особых затруднений, но потому, что она тебя туда *поместила!* Для меня именно это является чётким знаком, что ты действительно подключён. Иногда Милость груба (внешне), но это потому, что она хочет нашего совершенства. И Мать не раз повторяла (и мы можем всё больше и больше ощущать это), что давление Силы всё сильнее и сильнее, чтобы заставить тех, кто находится в движении, измениться. Мы приближаемся к иной жизни — это не просто слова — что же, иная жизнь не является той, которой мы живём сегодня, просто украшенной несколькими красивыми идеями и старыми привычками. 8 марта в Ауровиле был пожар (естественно, потому, что люди не имели истинного отношения), и Мать сказала тоном Кали: «Идите прямо, или всё будет плохо». И это так — это будет всё в большей и большей степени так, и в индивидуальных сознаниях, и на уровне стран. Мы находимся в том моменте, когда всё меняется, Шри Ауробиндо достаточно много раз повторял, что мы живём в «Час Бога».

Теперь нужно укрепить своё здоровье, и так как ты искренний человек, с твоим изменением отношения ты увидишь, как все внешние обстоятельства изменятся в лучшую сторону. Очевидно, вам нужно было выйти из этого старого ритма.

Вот, вы оба очень близки нашим сердцам и мыслям. Для вас открылась новая страница.

Теперь крепко держитесь за правду, и всё будет в порядке. Мы с вами, мы по-братски любим вас,

Сатпрем

***

18 апреля 72
Маник д'Онсие

Дорогая Маник,

.....

Всё это не мешает мне думать о Бернаре и его бессоннице. Это во

многом вопрос *отношения*. Если он смотрит на это как на личное испытание, которое нужно пройти своей собственной силой воли, то это очень трудно. Но если он поймёт, что это Божественное ставит его на путь, чтобы помочь ему иметь более прямой контакт с Ним, тогда он может сделать Ему подношение своих страданий, призвать Его на помощь и обратиться к Нему как к Другу. И оно поможет. Не нужно всё делать самому. Нужно, чтобы Бернар нашёл правильное отношение и личный, внутренний, дружеский контакт с Божественным.

И потом, в материальном плане, ему нужно выйти на воздух, на сильный ветер. (...)

Сердечно обнимаем вас.

Сатпрем

***

18 мая 72
Маник д'Онсие

Дорогая Маник, я утомлён работой и попробую быстро тебе ответить.

.....

По поводу перевода [Саньясина] и моих новых поправок. Тебе нужно понять, что я исправляю не для того, чтобы донести более правильную мысль или более правильный образ, а потому, что я следую ритму, своего рода музыке, идущей сверху, и иногда нота фальшивит, тогда я знаю, что есть слово, которое нужно исправить или что-то удалить или добавить. И меня ведёт ни в коем случае не мысль, но звук — и если звук правильный, слово автоматически является правильным, также как и мысль и образ. Если твой перевод на английский должен быть действительно хорошим, нужно найти эту музыку, поскольку именно она важна — слова, мысли, образы пусты, плоски и сухи, если они не облачают собой этот ритм. Нечто тонкое должно *нести* читателя, как оно несёт меня самого и рождает полностью готовые слова на кончике моего пера.

.....

Хорошо. Надеюсь, что Бернар успешно выпутается из всего этого. Я думаю о вас. Мы живём в трудные и захватывающие времена — но Милость пропорциональна трудностям!

Держитесь за Мать.

С сердечной нежностью,

Сатпрем

P.S. Сожалею, что добавил работы своими музыкально-несвоевременными и корректирующими причудами, но что делать?!

***

Понедельник 12 июня 1972

(Маник и Бернару д'Онсие от Суджаты)

Дорогая Маник, дорогой Бернар,

Милая Мать вчера дала мне два пакетика благословений для вас. Она взяла их один за другим и достаточно долго держала в руках, концентрируясь на них. Затем Она с ясной улыбкой (почти озорной! осмелюсь сказать) сказала мне: «Возьми их и вышли почтой, не сказав, какой из них для кого». Так что вот! Такая вам загадка.

В последнее время Милая Мать остаётся поглощённой почти весь день, и однако у нас впечатление активного Могущества, когда мы перед Нею.

Сатпрем очень занят последними поправками к *Саньясину*. Разумеется, вдобавок к его обычной работе: *Бюллетень* и т. д.

В этом году ужасная жара. Много лет температура не поднималась так высоко. Это обессиливает всех.

.....

Заканчиваю это письмо с дружеской улыбкой к вам обоим (до следующего раза).

Сердечно

Суджата

***

29 июня 72
Клари

Подруга,

Я понимаю, Поворот. Да, нужно сделать крутой поворот внутрь — это единственное решение. При первой же возможности всё в нас проявляет трусость. Если вы планируете приехать сюда, я думаю, это поможет вам принять ваши ориентиры и ваши обоснования. Фактически, *всё* и *всегда* является Милостью, если мы можем её принять. (...)

О! Клари, воистину, нужно держаться внутри, иначе соскользнёшь в пропасть ужасного краха или горя. То, что кажется наиболее мимолётным, наиболее неосязаемым — является в конечном счёте единственно Прочным.

.....

С моей давней привязанностью,

Сатпрем

***

6 июля 72
Маник и Бернару д'Онсие

Мой дорогой старина Бернар, мои добрые друзья, не знаю, почему ты считаешь, что я собираюсь «осудить» твоё решение — уже давно я больше никого не осуждаю! Господи! Если бы действительно наверху были Судьи, мне и миру уже давно свернули бы шею, и никто бы не смог ускользнуть. Нет, йога не для тех, кто силён в добродетели, но для тех, кто хочет позволить пройти через себя Силе более великой, чем их силы. Тогда мы понимаем, что недостатки являются рычагами для чего-то иного, маленькими потайными ходами смирения, куда может проскользнуть Луч великой Любви.

Что меня утомляет, так это твоя ужасная навязчивая идея, что твой возраст и твои способности ограничивают прогресс. Когда ты мне пишешь (и ты писал это десятки раз): «Ты отлично знаешь, что я

никогда не думал, что сумею достичь большого прогресса, мне уже за шестьдесят, и т.д.» Это губительно. Это как если бы ты *заранее* закрывал двери и собственноручно объявлял себе смертный приговор. Йога именно и состоит в том, чтобы верить в Силу более великую, чем наша собственная, чем все законы, медицинские, физические, природные и прочая, и Йога состоит в том, чтобы позволить Силе сделать для тебя то, что ты не можешь сделать сам — я тебе об этом уже говорил. Это наиглавнейшее. Не говори при каждом случае: это невозможно, я не могу; говори — *Он* может или *Она* может. Так что всякий раз, когда подобные вещи пытаются выразиться, кусай себя за язык. И я тебя уверяю, что ты одержишь великую победу, если будешь делать только это!

В остальном — очень сердечно думаю о тебе, о вас обоих. Я непрерывно слежу за вами, и я много раз видел вас во «снах», в частности тебя, и даже видел тебя занимающимся альпинизмом с верёвками и крюками! и я знаю, что ты очень способный! вопреки всему, что ты говоришь и думаешь о себе.

.....

Сердечно с вами обоими, мужайтесь и верьте.

Сатпрем

***

(Письмо надиктовано Сатпремом Суджате, когда Мать попросила его дать его глазам неделю отдыха. Это последнее дошедшее до нас письмо Сатпрема Бернару и Маник д'Онсие, остальные письма исчезли. Бернар д'Онсие покинет тело спустя три года, в ноябре 1975. За несколько дней до этого Сатпрем видел его «во сне», и Бернар сказал ему, показывая большой белый двор: «Стены старые, пора уходить отсюда»).

20 сентября 72
Бернару д'Онсие

Мой дорогой старина Бернар,

Хочу тебе сразу же написать, пользуясь руками и милыми глазами Суджаты (о! сказала она), чтобы сказать тебе, насколько меня тронуло (нас тронуло) своим великодушием твоё предложение. Возможно, я тебя разочарую, но ни за что на свете, даже в мыслях, я не поеду в Европу. Это уж точно не рай — даже не рай экспертов! Если мне удастся, то я никогда больше туда не вернусь.

Воистину доброй новостью в твоём письме является то, что ты поправился, переводя *Talks* [Беседы] со Шри Ауробиндо — это то, что принесёт тебе пользу и вытащит тебя из дыры; в материальной работе, которую мы посвящаем, нет ничего лучше, чем поместить себя в атмосферу Шри Ауробиндо.

Скажи Маник, чтобы она без смущения продолжала свой перевод, и я надеюсь (!!), что не будет слишком много исправлений в пробной партии — бедная Маник! Но в конце концов, это интересное занятие, не так ли?

С нежностью к вам обоим,

Сатпрем

***

29 сентября 72

Клари

*(Клари сообщила о своей предстоящей поездке
в Пондичерри)*

Подруга,

.....

Мы увидимся в Пондичерри, но «объект» отнюдь не я, а то, что находится в здешней атмосфере. Я больше ни с кем не вижусь, я полностью отошёл от общения, но вы моя давняя подруга, и если я смогу дать вам что-нибудь, я это сделаю.

Сердечно,

Сатпрем

***

1973

26 февраля 73
Клари

Да, «с упорством», как вы говорите, потому что нет ничего лучше в мире. А иначе это мелкая жизнь — несчастная, эгоистичная и нелепая.

У вас есть нить — почему бы вам её не использовать, вместо того, чтобы обращаться к вашим «нервным силам», которые, разумеется, не выдержат?

Нужно создавать эту связь с Матерью и Шри Ауробиндо, вам нужно призывать их, призывать и снова призывать.

И вся эта боль в вас — это отбивается старая жизнь внутри нас, которая не стоит и ломаного гроша, наша ценность в нашем будущем и в том, чем мы стремимся стать.

Так что стремитесь снова и снова!

Храбрости

Сатпрем

***

(По мере того, как в Матери выросло новое Могущество, давление становилось всё более и более невыносимым для Её окружения — старый «человеческий» вид огрызался. «У тех, кто в ближайшем окружении, нет никакой веры... Вокруг меня много лжи... Ты единственный, с кем я могу говорить. Другие не понимают», — говорила Мать Сатпрему.

19 мая 1973 «охранники» Матери закрыли двери перед Сатпремом. Через шесть месяцев, 17 ноября, Мать оставила своё тело. Для Земли началась другая фаза.)

*
* *

3 июня 73
Клари

Подруга,

Очевидно, что ваш муж пожирает вас живьём — кожу, плоть и кости. Он поглощает вас, и вы полностью в его болезни или, скорее, его болезнь полностью в вас. Вот, именно это всё я и должен вам сказать, пусть и грубо, и простите вы меня или нет, но я верю (или верил), что вы сильная женщина — если только он не поглотил и этого тоже. Уже очень давно я почувствовал это, но раньше я ощущал это внутри вас, в вашем духе, ваших мыслях, потом в вашей жизни, и теперь это, кажется, спускается в ваше тело. Если у вас осталось достаточно дружбы и стилия, чтобы ответить мне после этих грубых откровенных слов, вы ответите: для чего же тогда говорить, если мы не можем ничего изменить. Но мне кажется, что это неправда. Есть нечто, что он не может пожрать, а именно ваша душа (даже если он подпитывался ею), и если вы знаете причину, вы *можете* сделать внутренний шаг назад, создать завесу или защитный покров определённым внутренним отношением, а затем *призвать* Шри Ауробиндо. Но нужно, как минимум, захотеть этого, иначе Клари исчезнет. Безусловно (?), в конце концов он заметит, что вы соблюдаете определённую внутреннюю дистанцию, потому что будет ощущать себя менее сытым, и отреагирует каким-либо образом, и возможно, это будет непросто — но нужно знать, чего вы в конечном счёте хотите, это людоедство длится уже достаточно долго.

Разумеется, всё хорошо управляется Мудростью, которая руководит нашей жизнью, и препятствие в то же самое время является спасением — а рядом с ядом всегда находится противоядие. А значит, это препятствие, возможно, было задумано для того, чтобы

заставить нас найти единственно возможное решение в нашей душе — потому что в конечном счёте всё создано для того, чтобы заставить нас найти нашу душу, её могущество, её радость и её покой.

(...) Я даже уже не пишу письма, за исключением тех, что нужны по работе, так что для вас я делаю исключение, ибо очень вас люблю — если вы верите этому! Так что не обижайтесь на меня, я не в числе «мудрецов», о которых вы говорите, но в числе работников более истинного мира, на свой лад.

Сердечно,

Сатпрем

P.S. «Работник» означает — борющийся со своей человечностью.

***

1974-1982

*(Франсуа, брат Сатпрема,
только что покончил с собой)*

1 января 1974
Клари

Клари,
Мой брат ушёл.

Сатпрем

***

16 марта 1974
Клари

Подруга,

.....

Кто такая Батча⁸⁷? Но это моя очень давняя и милая подруга Суджата — это столь просто, что тут не о чем говорить. Это Милость моей жизни, а иначе я бы уже давно поступил как Франсуа.

Вот, я думаю о тебе; я чересчур раздавлен грузом работы, чтобы писать, но в самом деле, подключись, призови Мать, потяни за Нить — она ЗДЕСЬ. И потом, никаких страданий — физических иногда трудно избежать, но от моральных нужно абсолютно отказаться, расплавить их в жаре прогресса, прогрессировать, расширяться в каждый момент, вспоминать ЭТО, которое единственное имеет

---

87 В книге *Саньясин*.

смысл, и позволять Этому расти в себе с каждым вздохом — тогда всё обретает смысл.

Я тоже ошарашен, они разрекламировали меня «мудрецом» в газете *Фигаро*, Гималаи содрогнулись — но я, я люблю, вот и всё; правда, земля, кошки-на-душе, люди в переходе к Иному Существо. Мудрость... хм! Я хочу лишь стать полностью настоящим.

Мы снова запускаем все мои книги кучей: *Золотоискатель*, о да, в апреле, потом *Саньясин*, *На пути к Сверхчеловечеству*, я не знаю, просто какая-то лавина, это просто не может не запутать индивида — который ценен только по мере того, как он перестаёт становиться индивидом!

Нежности, мужества

Сатпрем

***

19 июля 74

Клари

Подруга,

.....

Мне нечего рассказать, я спешно работаю, чтобы завершить задачи, оставленные на меня; главным образом, эту книгу о Матери⁸⁸, но тело утомлено. Я больше ни с кем не встречаюсь, слишком ценен каждый час, чтобы прийти к завершению огромной массы вещей, которые мне нужно сделать.

Но с любовью и сердечностью думаю о вас — видите, это простенькое письмо служит символом.

Пусть Сила пребудет с вами. Суджата шлёт вам улыбку.

Сатпрем

***

17 декабря 74

---

88 Трилогия, которую Сатпрем напишет в 1975: *Божественный Материализм*, *Новый Вид*, *Мутация Смерти*.

Клари

В конце этого года думаю о тебе с моей давней привязанностью. Пусть этот новый год станет радикальным открытием Чего-то Иного — Это, только Это, в каждую секунду Это.

Сатпрем

***

5 февраля 75

Клари

Подруга,

.....

Я погружён в свою книгу о Матери, как в последний акт, прежде чем перейти я не знаю на какую сторону, сюда или в другое. Это радикальное испытание. Мне нечего рассказать — «я» больше не существует, за исключением весьма постаревшего и утомлённого тела.

Я представляю, какое у вас состояние с вашим слабеющим мужем — мы все проходим испытание тем или иным способом, и чем больше мы теряем своё «я» в некой иной вещи, тем лучше. В любом случае, мы живём при конце мира.

У меня смутное ощущение, что мы ещё встретимся, и я верю в вас. Нужно идти внутрь, в самые глубины, туда, где есть это горячее, греющее, любящее и вечное. Только там мы можем хоть как-то жить. В остальном всё идёт как надо, всё будет идти как надо, всё придёт.

Всегда с вами, с нежностью,

Сатпрем

***

15 декабря 76

Клари

Подруга, я медлил с ответом — фактически, я медлю уже три

года! Невозможно описать вам вкратце картину целого мира. Сначала я написал три тома, более тысячи трёхсот страниц, которые меня буквально сожгли, я постарел на двадцать лет. Затем эта ужасная битва, которую мне пришлось вести в-одиночку. Книги [трилогия о Матери] немного прояснят вам, для чего важна эта битва. Я уже давно не живу с помощью природных человеческих физических сил, я подвешен на иной нити, которая хранит моё существование, потому что у меня есть работа, я должен её выполнить, но тело, предоставленное самому себе, изнашивается. И потом, приходится писать сотни писем, и есть целый мир, который нужно поднять и закрепить, а также тёмная смертельная ненасытность, с которой нужно бороться, противодействовать — уже давно я живу не собой и не для себя. Как рассказать вам обо всём этом в двух словах или даже в десяти письмах? У меня нет ни времени, ни сил делать это — у меня даже не было времени на печаль по поводу смерти моего брата. Я понял, почему я выжил, когда вернулся из лагерей, когда ушёл в девственный лес, когда стал Саньясином: я видел всегда одно и то же, что я — одинокий боец рождающегося мира, старого мира, который нужно искоренить и нового, который нужно создать в моём собственном теле, а также на более-менее обширной территории вокруг «меня». Я больше не собираюсь соглашаться с «духовной», и любой другой, эксплуатацией Ашрама. Я никогда не знал иной власти, чем власть Правды и внутренней порядочности. Они все могут быть против меня, мне безразлично; по сути, «они» всегда были против меня, а я всегда был в горстке тех, кто искал и хотел чего-то иного. В течение почти двадцати лет я был единственным доверенным лицом Матери: их оскорбляла эта привилегированная роль, они боялись того, что я мог знать, есть тысячи способов зависти. А главное, они хотели превратить её работу в новую Церковь, сделать на Ауровиле большой духовный бизнес — они даже пошли на то, чтобы попытаться убить меня⁸⁹. Я не боюсь, я никогда не боялся. Я буду невозмутимо продолжать свой трудный путь вопреки всему. Я слишком измотан, чтобы разглагольствовать, прочтите мои книги, и вы поймёте.

---

89 Четыре месяца назад, 27 августа 1976, трое убийц в каньонах поблизости от дома Сатпрема.

Это было также сражение за то, чтобы напечатать — битва в мельчайших деталях, в каждой мелочи. Меня предали даже мои секретари. Нужно было всё делать самому. Теперь в течение трёх последних дней я получил ответ издателя из Парижа⁹⁰: имело место чудо, он прочитал, понял, полностью примкнул, и он будет сражаться за мои книги. Осталась лишь последняя битва за издание моих бесед с Матерью⁹¹ в полном объёме — «хозяева» Матери и Шри Ауробиндо хотели бы наложить свою лапу на них и тщательно отредактировать, вычеркнув всё, что им не нравится, чтобы создать свою безукоризненную новую религию. Здесь мне также пришлось сражаться против их хищного Рима. Мне выпала огромная милость быть понятым Индирой Ганди, она помогает мне, защищает меня, и я всё же надеюсь опубликовать посмертную работу Матери без фальсификаций и купюр — чисто, правдиво. Тогда вы поймёте, что всё это время я боролся за новую эру: первый том моих книг называется *Божественный Материализм* — эпоха Божественного Материализма, за пределами религий, за пределами духовности, за пределами интеллекта и науки. Новый ключ. Вы увидите.

Обнимаю вас,

Сатпрем

***

(1 января 1978 руководители Ашрама «изгоняют» Сатпрема. Сатпрем и Суджата, уехавшие в поисках укрытия в Гималаи, спешно возвратившись в Пондичерри, нашли свой дом запертым на висячий замок и с завинченными окнами. Эти же руководители привлекли полицию. «Битва в мельчайших деталях» продолжается.)

21 февраля, в день столетия Матери, в Париже выходит 1 том Агенды Матери. Через несколько месяцев Сатпрем и Суджата окончательно покинут Пондичерри.)

30 января 78

---

90 Робер Лаффон.

91 Агенда Матери.

Подруга,

Все эти месяцы я не писал вам потому, что веду невозможную жизнь, физически и в других аспектах. Я не мог бы описать и переписать всё то, что происходило; мне хватило и того, чтобы всё это пережить. Вы не знаете и десятой части того, что произошло и что происходит. Составлять список бесчестий — занятие изнурительное. Воистину, никто не знает, насколько они могут быть подлыми. Висячие замки и изгнания — внешние проявления, являющиеся лишь жалким переводом внутренних жестокостей, которые свели Мать в могилу. Если я от этого не умер, то не знаю, какой милостью, и по правде говоря, было бы облегчением выйти из всего этого — но мы же здесь для того, чтобы сражаться. Никогда в своей жизни я не видел столько гнусности и трусости — даже Гестапо было достойнее в сравнении с этим. Ашрамиты — молчаливые свидетели, если не соучастники, крупнейшего обмана, вряд ли имеющего себе равных в истории Церкви. Страх потерять свою чашку риса, свою крышу над головой и своё «духовное» спокойствие. Это царство крыс и тараканов — но не людей, нет. «Духовники» — наиболее подлые отродья в мире. Они не имеют ни мужества встретить жизнь лицом к лицу, ни мужества сражаться за Дух.

Итак, вы видите, почему я вам не пишу, ибо складывающаяся картина ни вдохновляет, ни успокаивает. Я думал о вас, я чувствовал ваши помыслы. Мне казалось, что вы более-менее «следуете», и нет необходимости писать, а картина событий была более-менее освещена друзьям в Париже. Да, «trustees» [руководители Ашрама] и рядовые Ашрамиты, все они уйдут; но если Послание Матери не было сфальсифицировано, если Ауровиль не был уничтожен, если Ашрам не смог наладить свою духовную профанацию, то это потому, что один человек сразился за это. Этот человек им поперёк горла. Этот человек был очернён, оклеветан, опорочен; он был яростно и свирепо атакован, его пытались убить самыми разными способами. Теперь я полагаю, что *Агенда* спасена, что Ауровиль спасён, что трёхтомник со временем сделает свою работу. Как только я смогу уйти от деятельности, не оставляя следов, я это сделаю. Я лишь жду,

когда это надувательство будет полностью раздавлено. А потом, прощайте. Это Пондичерри, скопище грязи, трусости и лжи, будет покинуто без сожаления. У меня нет мирских амбиций. Я сделал своё дело. И я отправлюсь на поиски мест более приятных, где звери и деревья исцелят во мне то, что изранили люди.

А пока я продолжаю.

Моя привязанность к вам неизменна.

Сатпрем

***

*(В течение года Сатпрем и Суджата
покинули Пондичерри, поселившись
в горах на юге Индии.)*

18 августа 79

Клари

Подруга,

Ко мне часто приходят ваши мысли, а иногда я вижу вас в своих снах. Пролетают месяцы, годы, проходят приключения, а нечто остаётся неизменным всё это время. Клари тоже присутствует в этом нечто, которое пронизывает всё и повсюду. Слова становятся всё более и более пустыми — и однако, я всё ещё пишу, но на этот раз сказку, дабы создать прекрасную музыку среди этой растущей какофонии⁹².

А Клари, где она?

Я живу в горной тиши, о! с таким облегчением расставшись с ядом, который душил меня там, внизу. И много работаю. Столько вещей нужно сделать. Тут мимозы, эвкалипты, а моё окно словно распахнуто в небо, летя над розовой тамильской равниной на высоте двух тысяч метров. Какая тишина после всего этого гама!

Не знаю, удастся ли нам ещё скрестить перья, но один из уголков моего сердца нежно хранит Клари.

---

92 Речь идёт о *Гринго*, «Книге джунглей» наоборот.

Счастлива ли Клари?

Сатпрем

***

Сатпрем и Суджата в чайном поле

1 апреля 80
Клари

Подруга,

.....

Процесс писания полностью от меня ускользает: «Это» пытается выразиться через моё перо. Я закончил также другую книгу, «рациональную⁹³», не знаю, когда она выйдет. Однако, нужно сражаться, пока есть кровь в жилах. Но годы начинают давить. Мою жизнь поддерживает только нить света.

А вы? одна?

Моя любовь не покидает вас.

Сатпрем

***

31 декабря 80
Клари

Подруга,

Я был очень счастлив получить от вас несколько слов. То, где я нахожусь — настоящее поле битвы, вы не представляете; и я бьюсь над задачей весьма мало человеческой. Вы можете молиться за меня, это помогает. Если бы не та обработка, которую надо мной провели в двадцать лет, я никогда не смог бы пересечь то, что пересекаю вот уже семь лет. Словом... Увы, очень мало времени и места для улыбки и дружбы, но я очень преданно храню вас в сердце. Надеюсь, что очень скоро — даже в этом году — мы достигнем великого Поворота. С нежностью,

Сатпрем

Суджата посылает вам свою неизменную улыбку.

С.

---

93 *Разум клеток.*

***

(В течение трёх лет Сатпрем опубликовал один за другим 13 томов Агенды Матери, содействуя его переводу на несколько языков, написал новые книги, множество писем, давал интервью... В конце 1981, опубликовав тринадцатый и последний том Агенды, Сатпрем оказался перед последним приключением: поиском великого перехода к Человеческому завтра. Сатпрем и Суджата скоро покинут свою гору в поисках нового места уединения, полностью изолированного от мира.)

23 сентября 81

(Сатпрем объясняет своим итальянским друзьям, желающим снять о нём фильм, причины своего отказа — но в конечном счёте он согласится.)

Братья,

Не вините меня. Моё решение не имеет под собой ничего личного и превосходит временные обстоятельства. В этом человеческом существовании всегда было привычной практикой, чтобы ученики — чьими бы они ни были, Рембрандта, Христа или месье Чжуна — принимали мантию Учителя и создавали малое или великое предприятие, опираясь на того, кто бросил новое семя — счастье, если они не создают из него Церковь. Учитель говорит, а они потом наматывают ту же самую бобину несколькими уровнями ниже в популярном переложении перед различными микрофонами и камерами мира. Пишутся книги, проводятся конференции, вручаются призы и заканчивается всё это на словаре Ларусса — но тело, оно отправляется на кладбище, как и все остальные. Это правда, Мать назвала меня Сатпремом — но я не хочу вечно носить мантию Сатпрема на плечах. Я не хочу быть заключённым нигде, даже во «мне». Я живу только когда я умираю и возрождаюсь в каждом шаге. Я был золотоискателем, это правда, и я был старателем, тантриком,

саньясином и, насколько я знаю, Сатпремом. Но я нуль и нахожусь в нулевой точке, как и пятьдесят лет назад, когда я вслушивался в тихий прибой на берегу. Я и есть это *там*: в этом ничто, которое хочет родиться. Я всегда был этим ничто, которое хочет родиться и стать — чем? я не знаю. Когда мы это знаем, мы уже заключены в тюрьму и готовы для словаря. Я хочу стремиться к этому «ничто» без мантии Сатпрема или Самаритянина на плечах — и Сатпрем, возможно, является только этим стремлением.

И потом, мы действительно уже не в том времени. Мать нам сказала, что рождается новый вид — он не создаётся перед телекамерами, отвечая на вопросы месье Шанкеля. Я совсем не знаю, как он создаётся — я не знаю ничего, и с каждым днём всё меньше и меньше. Я даже не знаю, создаётся ли он, и у меня нет никаких претензий. Но этот ноль, это болезненное ничто, которое так нуждается в том, чтобы быть, чтобы слушать прибой и все тихие прибои мира, пока они не взорвутся бесконечностью или чем-то ещё — наконец-то хоть чем-то — это да, это я знаю. Чем это станет в конце? Обезьяной, чайкой, маленьким тюленем, наивным моллюском, я не знаю, но я нуждаюсь в том, чтобы быть этой единственной пульсацией. И если бы в итоге по счастливому стечению обстоятельств это создало новый вид, то что-то по крайней мере было бы сделано. Но не через разговоры — это нужно сделать.

Я закончил свою работу писаря — это была фантастическая милость, но с этим покончено. Покончено с Сатпремом. Покончено с «писателем», «учеником». Покончено со всеми профессиями. Теперь я — моя собственная неизведанная тайна. Вот и всё. И если я не становлюсь ею, я умираю.

Вы и другие братья и сёстры, вы не покончили со своей профессией — это фантастическая милость, данная вам. Сделайте это с мужеством, стойкостью и любовью. И в конце, что же, увидим, что будет в конце — но не будет никакого словаря Матери, это я вам могу обещать: будет сверкающий ФАКТ. Давайте подготовим этот Факт... с любовью и каждый по-своему.

Ваш брат

Сатпрем?

***

(Последнее письмо Клари)

август 82
Клари

Подруга,

Я удалился в место, где я хочу спрятаться. И больше не пишу. Передо мной последняя задача моей жизни — вместо того, чтобы писать, нужно хотя бы немного воплотить и *сделать фактом* эту эволюцию. Больше не о чем говорить: нужно делать.

Иногда ко мне приходят ваши мысли — всегда с нежностью. В этот раз мне пришло, что вся наша старая переписка может представлять какой-то интерес — если вы считаете так же, вы могли бы по возможности выслать мне копии этих старых бумаг. (...) Какой путь пройден!

Не знаю, увидимся ли мы снова физически, но вы мне близки — мы разделяли давний бунтарский дух. Фактически, это бунт против старого человеческого закона — я продолжаю преследовать его до конца в своей собственной коже.

Молитесь за меня, как и за бедную Землю. Нужно изменить боль в трансформирующем Огне.

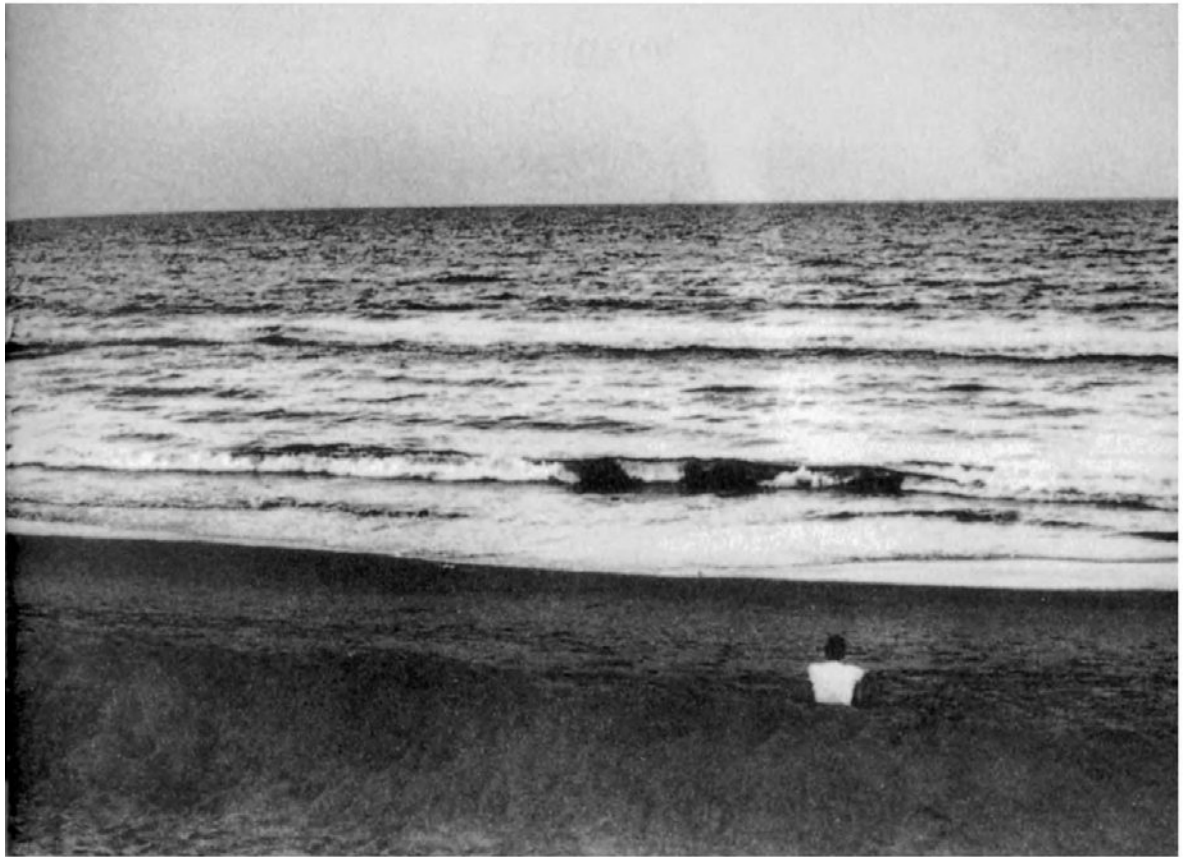
С моей *inchangeable** нежностью,

Сатпрем

***

---

* неизменной (англ. прим. пер.)

«Истинное фото» Сатпрема

Эпилог

1992

(Это письмо было написано Андре Вельтеру из газеты Мир, сделавшему обзор предыдущей работы Сатпрема Бунт Земли. Здесь речь идёт о его последней книге: Эволюция II. Фактически, Сатпрем обращается к Франции.)

11 ноября 1992

Дорогой Месье... Франция,

Не знаю, что толкнуло меня написать вам, однако, я прочёл вашу «критику» на мою последнюю книгу *Бунт Земли*, и ощутил там понимание, к которому не был готов, но я хотел написать не о «критике», но об интеллекте. Уже многие годы я живу очень далеко от Франции, в изоляции, не заботясь об «успехе», но с такой глубокой озабоченностью по поводу истинной Франции, той, которую я знаю, той, которую называют «французской интеллигенцией», столь осмеянной, но которая создаёт нацию, одну среди множества других, имеющую особую роль в Судьбе Земли, как это обстоит и с Индией, как это должно быть с каждым подлинным индивидом; не социальную или политическую функцию, а выражение земного сознания в поисках того, что оно всегда искало через массовые убийства, через развалины, через Красоту — через страдания, множество страданий, и ради чего? За несколько веков, или наших кратких десятилетий, мы замуровали этот поиск в ту или иную постройку, ту или иную философию, и ещё в несколько проблесков Красоты, которые несут нас по этому обширному бездонному океану жизни — но для чего эта жизнь? всегда уничтожаемая и снова создаваемая, как прибой на наших пляжах. Возможно, в поэзии это

очень красиво. Но что об этом думает маленькая литторина? Что думают об этом все эти жалкие колпаки звездочётов и прочие митры, которые пронесли через нашу Историю, разрушая и в свою очередь разрушаясь? Что это за Судьба? Возможно ли Человеку прийти к исторической точке, где эта Судьба может измениться, а Человек — переформировать сам себя вместо того, чтобы снова, в который раз, исчезнуть в какой-нибудь сокрушительной волне? Именно поэтому я обращаюсь к Франции, той, которую я всегда любил, к той, которая пребывает в ясности и чистоте духа — и мне кажется, что если *хотя бы одна* человеческая нация сможет уловить Смысл этой судьбы, который мы называем «эволюцией», и могущество, мощный ключ этого потрясающего Развития Эпох, она, эта нация, смогла бы лучше помочь остальному человеческому братству на его пути, пути хаотичном и всё менее и менее «человеческом». По правде говоря, я вижу только две страны в роли таких «разведчиков-следопытов»: Францию и Индию.

И я обращаюсь к вам, не знаю, почему. У меня был молодой брат, которого я очень любил, редкий интеллект и сердечная чуткость — ему бы я написал. Он покончил жизнь самоубийством.

Я наблюдаю самоубийство нашего вида. Я сам едва не покончил с собой, пройдя через ужасы концлагерей. Поэтому я понимаю, глубоко понимаю. Поэтому я стучал во многие двери, и в первую очередь в свои собственные, чтобы узнать, что скрывалось в этом чреве Человека, в этих тысячелетиях. Я мог бы с радостью исчезнуть в джунглях, как бунтарь, ко всему прочему — но ВСЁ человечество наступало мне на горло, как будто само это выжившее Отрицание давало мне одновременно и ответственность, немного ужасающую, в отношении меня самого, и *право* знать — либо умереть. Словно высочайший живой вопрос перед высочайшим отрицанием.

Нельзя сказать, что «я нашёл», но можно сказать «я шёл» — и продолжаю идти, я буду продолжать до тех пор, пока эта отвратительная смерть не выдаст целиком и полностью свою тайну, свой секретный Туннель к некой иной вещи, либо мы останемся в нашем старом ужасе, который никогда не распутается, и придётся начинать сначала. Но нет больше времени «начинать сначала», не настал ли тот самый момент для того, чтобы найти Тайну жизни —

тайну Человека и этих тысячелетий боли — в том, что всегда было её Отрицанием, в Смерти, потому что само это Отрицание, не будучи решённым, не будучи встреченным лицом к лицу, обрекает нас на фальшивую жизнь, на фальшивые способы жизни. Египтяне тоже искали, но они использовали свои открытия для того, чтобы вступить в сделку со Смертью — этим же занимались все последующие религии, и счастье, если они не устраивали коммерцию на своих открытиях. Этим же занималась наша «Наука», но ещё более отвратительным способом, в то время, как у неё были все средства вырыть «туннель» немного дальше — им не хватало иного измерения, хотя честность была им не чужда. Тогда... тогда мы высадились в ещё более безобразной вселенной нелепых дезоксирибонуклеиновых кислот, подражающих тайнам жизни, и нас снова, в который раз, избавили от того, чтобы бросить взгляд дальше — у Мольера с его клистирами и то было больше смысла и человеческого понимания.

В результате этого полу-знания, этой пропасти между «миром мёртвых» и «миром живых» — хотя это, скорее, Стена, благословлённая религиями и освящённая Наукой — мы были низвергнуты (возможно, плодотворно) в получеловеческое состояние, лишены своего эволюционного смысла, лишены своих собственных способностей: эдакий огромный паралитик, не питающий более никаких надежд, кроме спасения от религий или благ от науки, и оказавшийся вдруг в ошеломлении перед собственным возвратом к Дикости, потому что он не нашёл ничего — ни Человека, которым он является, ни тайны своей жизни, которая является тайной смерти.

И однако, это высочайшее Отрицание всех наших земных усилий должно содержать свой высочайший земной ключ. Если история началась с очень маленькой клетки, то эта же маленькая клетка должна содержать свой ключ и своё могущество — мы можем напяливать на неё философии, митры и всевозможные шляпы, но само могущество пребывает там, где оно началось. Наши фальшивые могущества рушатся, чтобы привести нас *туда* — понадобятся ли другие концлагеря, чтобы Человек пробудился от своего Ужаса?

Не состоит ли истинный «гуманизм» в том, чтобы отправиться туда, куда не осмелились ступить ни религия, ни наука?

Человек, наделённый своими *собственными* возможностями.

Вольтер бы меня понял, и Мольер, и разумеется, Сократ, но человеческое сообщество ещё не достигло точки своей Судьбы, как это однажды произошло с одним из них, голым и заледеневшим, на плацу, на месте призыва, куда сгоняют пленных — призыва, да.

И в конечном счёте, что именно призывает? Если не тело. С его всё теми же страданиями, которым миллионы лет, и его всё так же игнорируемым знанием — у птиц и зверей больше этого знания, чем у нас — и всё тем же погребённым могуществом; и тело КРИЧИТ о том, что оно не может выразить в словах, но что оно имеет власть сделать... потрясающую власть изменить свою земную ситуацию.

Мы никогда не были достаточно голыми, чтобы узнать.

Мы нахлобучили огромную ментальную шляпу, которая была весьма полезна для того, чтобы заставить нас поразмыслить над нашей ситуацией и раскрыть наше собственное могущество — положившее начало всей нашей истории — но мы воспользовались ею, чтобы изобрести фальшивые способности и ещё больше скрыть то, что находится *здесь*.

Мы можем также создавать «литературу», но просуществует ли она долго в этой удушающей земной ситуации? Тот же Мальро согласился бы со мной.

Не «мораль» человека нужно менять — если она вообще может измениться — а его клетки, слишком долго понукаемые, порабощённые, впряжённые в работу, которую они могут превзойти, и они знают, как это сделать — но для этого нужно, чтобы *мы сами* это знали, вместо того, чтобы жонглировать генами. Нужно сориентироваться.

Если бы Индия не угодила в ловушку копирования ветхих достижений Запада, она могла бы сориентировать, дать направление. Но Дух Франции всегда был способен пронзить фантомов и ухватить рычаг будущего.

Для этого нужно знать *одну* вещь — именно об этом я попытался рассказать в последней книге *Эволюция II* — что есть Чёрная Стена, окутывающая наше тело, и эту Стену можно пересечь, и что с другой стороны Стены есть новая *физическая* жизнь и неожиданные способности, в сравнении с которыми наши человеческие «могущества» — игрушки младенцев, ставшие слишком жестокими и

угрожающие всё разрушить. Взгляд на мир растёт вместе с нами, и нам ещё предстоит пройти по меньшей мере такое же расстояние, какое отделяет слепую водоросль от птицы — мы пока ещё открыли лишь глаза Ментала. И мы будем ошеломлены, когда раскроются эти другие глаза тела и способы жизни за пределами наших могил.

Собираемся ли мы открыть глаза?

Понятно ли я говорю?

Я люблю ясность мышления Франции, как и сердце Индии, и я мечтаю о том времени, когда человек, наконец, станет целостным.

Со всем уважением.

Сатпрем

***

СОДЕРЖАНИЕ

1954

Сатпрем Клари, Алмора, <i>11 февраля 54</i>	
Бернару д'Онсие, <i>Пондичерри, 3 марта 54</i>	
Клари, <i>Пондичерри, 12 марта 54</i>	
Бернару д'Онсие, <i>Пондичерри, 18 марта 54</i>	
Фрагмент из Дневника Сатпрема, <i>31 марта 54</i>	
Клари, <i>Пондичерри, 19 апреля 54</i>	
Бернару д'Онсие, <i>Пондичерри, 30 мая 54</i>	
Бернару д'Онсие, <i>Пондичерри, 18 июля 54</i>	
Клари, <i>Пондичерри, 22 августа 54</i>	
Бернару д'Онсие, <i>Пондичерри, 1 октября 54</i>	
Бернару д'Онсие, <i>Пондичерри, 10 октября 54</i>	
Клари, <i>Пондичерри, 24 октября 54</i>	
Бернару д'Онсие, <i>Пондичерри, 12 декабря 54</i>	

1955

Бернару д'Онсие, <i>Пондичерри, 20 января 55</i>	
Бернару д'Онсие, <i>Пондичерри, 9 февраля 55</i>	
Бернару д'Онсие, <i>Пондичерри, 4 апреля 55</i>	
Клари, <i>Пондичерри, 1 мая 55</i>	
Бернару д'Онсие, <i>Пондичерри, 8 июня 55</i>	
Клари, <i>Пондичерри, Июнь 55</i>	

Клари, <i>Пондичерри, 14 июля 55</i>	
Бернару д'Онсие, <i>Пондичерри, 14 сентября 55</i>	
Бернару д'Онсие, <i>Пондичерри, 5 октября 55</i>	
Клари, <i>Пондичерри, 6 ноября 55</i>	
Бернару д'Онсие, <i>Пондичерри, 15 декабря 55</i>	

1956

Бернару д'Онсие, <i>Пондичерри, 8 февраля</i>	
Клари, <i>Пондичерри, 1 марта</i>	
Клари, <i>Пондичерри, 17 марта</i>	
Клари, <i>Пондичерри, 13 апреля</i>	
Бернару д'Онсие, <i>Пондичерри, 18 апреля</i>	
Клари, <i>Пондичерри, 15 мая</i>	
Бернару д'Онсие, <i>Пондичерри, 4 июля</i>	
Клари, <i>Пондичерри, 15 июля</i>	
Клари, <i>Пондичерри, 18 июля</i>	
Бернару д'Онсие, <i>Пондичерри, 4 августа</i>	
Клари, <i>Пондичерри, 21 августа</i>	
Бернару д'Онсие, <i>Пондичерри, 23 августа</i>	
Бернару д'Онсие, <i>Пондичерри, 29 августа</i>	
Клари, <i>Пондичерри, 25 сентября</i>	
Бернару д'Онсие, <i>Пондичерри, 7 октября</i>	
Клари, <i>Пондичерри, 20 октября</i>	
Клари, <i>Пондичерри, 4 ноября</i>	
Бернару д'Онсие, <i>Пондичерри, 9 ноября</i>	
Клари, <i>Пондичерри, 23 ноября</i>	
Два стихотворения Клари	

Бернару д'Онсие, Пондичерри, 18 декабря	
Клари, Пондичерри, 24 декабря	
Клари, Пондичерри, 29 декабря	

1957

Маник д'Онсие, Пондичерри 24 января 57	
Клари, Пондичерри 1 марта 57	
Клари, Пондичерри 7 марта 57	
Бернару д'Онсие, Пондичерри, 8 марта 57	
Бернару д'Онсие, Пондичерри, 9 марта 57	
Клари, Пондичерри 1 апреля 57	
Бернару д'Онсие, Пондичерри, 10 апреля 57	
Бернару д'Онсие, Пондичерри, 19 апреля 57	
Клари, Пондичерри 3 мая 57	
Маник и Бернару д'Онсие, Пондичерри 6 мая 57	
Клари, Пондичерри 12 мая 57	
Бернару д'Онсие, Пондичерри, 23 мая 57	
Клари, Пондичерри 24 мая 57	
Маник и Бернару д'Онсие, Пондичерри 2 июня 57	
Бернару д'Онсие, Пондичерри, 22 июня 57	
Клари, Пондичерри 25 июня 57	
Бернару д'Онсие, Пондичерри, 28 июня 57	
Бернару д'Онсие, Пондичерри, 10 июля 57	
Бернару д'Онсие, 25 июля 57	
Клари, Пондичерри 29 июля 57	
Бернару д'Онсие, 19 августа 57	
Клари, Пондичерри 20 августа 57	

Бернару д'Онсие, 5 сентября 57	
Бернару д'Онсие, 17 сентября 57	
Бернару д'Онсие, 29 октября 57	
Клари, Пондичерри 2 ноября 57	
Бернару д'Онсие, Пондичерри 7 ноября 57	
Клари, Пондичерри 22 ноября 57	
Клари, Пондичерри 15 декабря 57	
Бернару д'Онсие, Пондичерри 25 декабря 57	

1958

Бернару д'Онсие, Пондичерри 4 января 58	
Клари, Пондичерри 6 января 58	
Бернару д'Онсие, Пондичерри 14 января 58	
Бернару д'Онсие, Пондичерри 26 января 58	
Бернару д'Онсие, Пондичерри 12 февраля 58	
Клари, Пондичерри 27 февраля 58	
Суджате, Мандапам, 28 февраля 58	
Суджата Сатпрему, Пондичерри 3 марта 58	
Суджате, Катарагама 8 марта 58	
Суджата Сатпрему, Пондичерри 16 марта 58	
Сатпрем своей матери, Катарагама 22 марта 58	
Клари, Катарагама 24 марта 58	
М. и Б. д'Онсие, Катарагама 16 апреля 58	
Суджате, Катарагама 17 апреля 58	
Суджата Сатпрему, Пондичерри 26 апреля 58	
Бернару д'Онсие, Рамешварам 8 мая 58	
Бернару д'Онсие, Пондичерри 5 июня 58	

Суджате, <i>Вриндаван 7 августа 58</i>	
Сатпрем своей матери, <i>Вриндаван 8 августа 58</i>	
Клари, <i>Вриндаван 10 августа 58</i>	
Суджата Сатпрему, <i>Пондичерри 12 августа 58</i>	
Суджата Сатпрему, <i>Пондичерри 18 августа 58</i>	
Клари, <i>Пондичерри 1 сентября 58</i>	
Бернару д'Онсие, <i>Пондичерри 10 сентября 58</i>	
Бернару д'Онсие, <i>Пондичерри 8 октября 58</i>	
Клари, <i>Пондичерри 12 ноября 58</i>	
Бернару д'Онсие, <i>Пондичерри 14 ноября 58</i>	
Бернару д'Онсие, <i>Пондичерри 23 ноября 58</i>	
Суджате, <i>Хайдарабад 4 декабря 58</i>	
Суджате, <i>Хайдарабад 7 декабря 58</i>	
Суджата Сатпрему, <i>Пондичерри 7 декабря 58</i>	
Бернару д'Онсие, <i>Рамешварам 12 декабря 58</i>	
Суджата Сатпрему, <i>Пондичерри 23 декабря 58</i>	
Суджате, <i>Рамешварам 25 декабря 58</i>	

1959

Суджате, <i>Рамешварам 1 января 59</i>	
Суджата Сатпрему, <i>Пондичерри 1 января 59</i>	
Бернару д'Онсие, <i>Рамешварам 1 января 59</i>	
Суджата Сатпрему, <i>Пондичерри 15 января 59</i>	
Суджате, <i>Рамешварам 18 января 59</i>	
Суджата Сатпрему, <i>Пондичерри 21 января 59</i>	
Суджате, <i>Рамешварам 21 января 59</i>	
Клари, <i>Рамешварам 5 февраля 59</i>	

Суджате, Рамешварам 5 февраля 59	
Бернару д'Онсие, Пондичерри 19 февраля 59	
Клари, Пондичерри 23 февраля 59	
Бернару д'Онсие, Пондичерри 9 апреля 59	
Клари, Пондичерри 9 апреля 59	
Бернару д'Онсие, Пондичерри 26 мая 59	
Бернару д'Онсие, Рамешварам 11 июня 59	
Бернару д'Онсие, Пондичерри 2 июля 59	
Клари, Пондичерри 5 июля 59	
Суджате, Пондичерри 7 июля 59	
Бернару д'Онсие, Сен-Пьер 28 июля 59	
Клари, Сен-Пьер 23 августа 59	
Бернару д'Онсие, Пондичерри 26 сентября 59	
Суджате, Пондичерри 1 октября 59	
Клари, Пондичерри 11 октября 59	
Бернару д'Онсие, Пондичерри 20 октября 59	
Бернару д'Онсие, Пондичерри 14 ноября 59	
Клари, Пондичерри 3 декабря 59	
Бернару д'Онсие, Пондичерри 22 декабря 59	

1960

Клари, Пондичерри 5 февраля 60	
Бернару д'Онсие, Пондичерри 21 февраля 60	
Маник д'Онсие, Пондичерри 5 марта 60	
Бернару д'Онсие, Пондичерри 23 марта 60	
Бернару д'Онсие, Рамешварам 22 апреля 60	
Клари, Пондичерри 17 мая 60	

М. и Б. д'Онсие, Пондичерри 17 мая 60	
Франсуа Бернару д'Онсие, 25 июня 60	
Клари, Пондичерри 2 июля 60	
Бернару д'Онсие, Пондичерри 19 июля 60	
М. и Б. д'Онсие, Пондичерри 5 августа 60	
Клари, Пондичерри 9 августа 60	
Клари, Рамешварам 11 сентября 60	
Бернару д'Онсие, Пондичерри 28 сентября 60	
Клари, Пондичерри 7 октября 60	
Маник д'Онсие, Пондичерри 10 октября 60	
Бернару д'Онсие, Пондичерри 6 декабря 60	
Клари, Пондичерри 21 декабря 60	

1961

Маник д'Онсие, Пондичерри 17 января 61	
Бернару д'Онсие, Пондичерри 31 марта 61	
Клари, Пондичерри 9 апреля 61	
Клари, Пондичерри 5 июня 61	
М. и Б. д'Онсие, Пондичерри 16 июня 61	
М. и Б. д'Онсие, Пондичерри 24 декабря 61	

1962

М. и Б. д'Онсие, Пондичерри 5 марта 62	
М. и Б. д'Онсие, Пондичерри 14 марта 62	
Клари, Пондичерри 18 апреля 62	
М. и Б. д'Онсие, Пондичерри 8 июня 62	
М. и Б. д'Онсие, Пондичерри 21 июня 62	

М. и Б. д'Онсие, Пондичерри 9 июля 62	
Клари, Пондичерри 24 августа 62	
М. и Б. д'Онсие, Пондичерри 4 сентября 62	

1963

М. и Б. д'Онсие, Пондичерри 23 января 63	
Клари, Пондичерри 16 апреля 63	
М. и Б. д'Онсие, Пондичерри 17 апреля 63	
М. и Б. д'Онсие, Пондичерри 30 мая 63	
Клари, Пондичерри 1 июня 63	
М. и Б. д'Онсие, Пондичерри 24 июня 63	
М. и Б. д'Онсие, Пондичерри 10 сентября 63	
М. и Б. д'Онсие, Пондичерри 29 сентября 63	

1964

Клари, Пондичерри 19 января 64	
М. и Б. д'Онсие, Пондичерри 24 марта 64	
М. и Б. д'Онсие, Париж 26 апреля 64	
Клари, Сен-Пьер 24 мая 64	
М. и Б. д'Онсие, Сен-Пьер 4 июля 64	
М. и Б. д'Онсие, Пондичерри 16 июля 64	
Маник д'Онсие, Пондичерри 7 сентября 64	
Клари, Пондичерри 9 сентября 64	
Бернар д'Онсие, Пондичерри 12 октября 64	

1965

Клари, Пондичерри 7 марта 65	
------------------------------	--

М. и Б. д'Онсие, Пондичерри 24 марта 65	
Клари, Пондичерри 27 апреля 65	
М. и Б. д'Онсие, Пондичерри 7 мая 65	
Маник д'Онсие, Пондичерри 25 июня 65	
Клари, Пондичерри 2 августа 65	
М. и Б. д'Онсие, Пондичерри 3 октября 65	
Суджата М. д'Онсие, Пондичерри 5 октября 65	
М. и Б. д'Онсие, Пондичерри 16 декабря 65	

1966

Клари, Пондичерри 12 феврал 66	
М. и Б. д'Онсие, Пондичерри 15 июня 66	
Клари, Пондичерри 3 июля 66	
Клари, Пондичерри 19 августа 66	
М. и Б. д'Онсие, Пондичерри 22 декабря 66	

1967

Клари, Пондичерри 19 января 67	
М. и Б. д'Онсие, Пондичерри 28 января 67	
Клари, Пондичерри 12 августа 67	
Клари, Пондичерри 14 ноября 67	
М. и Б. д'Онсие, Пондичерри 30 ноября 67	

1968

Клари, Пондичерри 12 марта 68	
Бернару д'Онсие, Пондичерри 28 марта 68	
Клари, Пондичерри 23 апреля 68	

Клари, Пондичерри 27 июня 68	
------------------------------	--

1969

Клари, Пондичерри 11 марта 69	
Клари, Пондичерри 20 июня 69	
Маник д'Онсие, Пондичерри 16 июля 69	
Бернару д'Онсие, Пондичерри 22 июля 69	
Клари, Пондичерри 26 декабря 69	

1970

Клари, Пондичерри 20 января 70	
М. и Б. д'Онсие, Пондичерри 24 января 70	
М. и Б. д'Онсие, Пондичерри 28 января 70	
М. и Б. д'Онсие, Пондичерри 20 марта 70	
Бернару д'Онсие, Пондичерри 26 марта 70	
Бернару д'Онсие, Пондичерри 21 мая 70	
Бернару д'Онсие, Пондичерри 31 октября 70	
Бернару д'Онсие, Пондичерри 20 ноября 70	
Клари, Пондичерри 21 ноября 70	

1971

Клари, Пондичерри 22 февраля 71	
Клари, Пондичерри 16 мая 71	
М. и Б. д'Онсие, Пондичерри 21 июня 71	
М. и Б. д'Онсие, Пондичерри 5 июля 71	
Клари, Пондичерри 1 сентября 71	
Бернару д'Онсие, Пондичерри 18 сентября 71	

Клари, Пондичерри 21 сентября 71	
Бернару д'Онсие, Пондичерри 30 ноября 71	

1972

Клари, Пондичерри 23 января 72	
М. и Б. д'Онсие, Пондичерри 18 февраля 72	
Маник д'Онсие, Пондичерри 14 марта 72	
Бернару д'Онсие, Пондичерри 21 марта 72	
Маник д'Онсие, Пондичерри 18 апреля 72	
Маник д'Онсие, Пондичерри 18 мая 72	
Суджата М. и Б. д'Онсие, 12 июня 72	
Клари, Пондичерри 29 июня 72	
М. и Б. д'Онсие, Пондичерри 6 июля 72	
Бернару д'Онсие, Пондичерри 20 сентября 72	
Клари, Пондичерри 29 сентября 72	

1973

Клари, Пондичерри 26 февраля 73	
Клари, Пондичерри 3 июня 73	

1974-1982

Клари, Пондичерри 1 января 74	
Клари, Пондичерри 16 марта 74	
Клари, Пондичерри 19 июля 74	
Клари, Пондичерри 17 декабря 74	
Клари, Пондичерри 5 февраля 75	
Клари, Пондичерри 15 декабря 76	

<i>Клари, 30 января 78</i>	
<i>Клари, 18 августа 79</i>	
<i>Клари, 1 апреля 80</i>	
<i>Клари, 31 декабря 80</i>	
<i>итальянским друзьям, 23 сентября 81</i>	
<i>Клари, август 82</i>	
<i>Эпилог, 11 ноября 92</i>	

Печать завершена на прессах
Thomson Press (Фаридабад, Индия),
июль 1994

Обязательный экземпляр 3 квартал 1994

Письма **II тома** начинаются с 1954 года, когда Сатпрем по возвращении в Индию решает испытать приключение сознания, по его мнению, единственное, которое придаёт полный смысл нашей жизни, столь мало человеческой.

Вплоть до 1982 года эти письма свидетельствуют о продвижении Сатпрема — настоящее путешествие сквозь человеческий род.

Сатпрем

ПИСЬМА НЕПОКОРНОГО

том II

«Я понял, почему я выжил, когда вернулся из лагерей, когда ушёл в девственный лес, когда стал Саньясином — я всегда видел одно и то же, что я одинокий боец рождающегося мира: старого мира, который нужно искоренить и нового, который нужно создать в своей собственной плоти, также как и в этой израненной земле...»

«Мать сказала нам, что рождается новый вид — его не создать перед телекамерами, отвечая на вопросы месье Шанкеля. Я понятия не имею, как он создаётся — я не знаю ничего, и с каждым днём всё меньше и меньше. Я даже не знаю, создаётся ли он, и у меня нет никаких претензий. Но этот ноль, это болезненное ничто, которое так нуждается в том, чтобы быть, чтобы слушать прибой и все тихие прибои мира, пока они не взорвутся бесконечностью или чем-то ещё — наконец-то хоть чем-то — это да, это я знаю. Чем это станет в конце? Обезьяной, чайкой, маленьким тюленем, наивным моллюском, я не знаю, но я нуждаюсь в том, чтобы быть только этой единственной пульсацией. И если бы в итоге по счастливому стечению обстоятельств это создало новый вид, то все наши «человеческие» бедствия были бы возмещены.»

Сатпрем

(выдержки из Писем)

САТПРЕМ

Моряк и бретонец, хотя и родился в Париже в 1923. Участвуя в Сопротивлении, был арестован гестапо в возрасте двадцати лет и провёл полтора года в концлагерях. Опустошённый, он отправляется в Верхний Египет, затем в Индию в Правительство Пондичерри. Там он встречает Шри Ауробиндо и Мать. Потрясённый их Посланием: «Человек — переходное существо», он увольняется из службы Колоний и предпринимает путешествие в Гвиану, где проводит год в девственном лесу, затем в Бразилию, потом в Африку.

В 1953 в возрасте тридцати лет он окончательно возвращается в Индию к Той, которая искала тайну перехода к «следующему виду», к Матери, чьим доверенным лицом и свидетелем он будет в течение почти двадцати лет. Ей он посвящает первое эссе *Шри Ауробиндо или путешествие сознания*.

В возрасте пятидесяти лет он собирает и публикует фантастический документ продвижения Матери, *Агенду* в 13 томах, пишет трилогию *Мать*: 1. *Божественный материализм*, 2. *Новый вид*, 3. *Мутация смерти* и эссе *Разум клеток*.

Затем со своей спутницей Суджатой он полностью уходит от мира, чтобы броситься в последнее приключение: поиск эволюционного «великого перехода» к тому, что последует за Человеком.

В 1989 после семи интенсивных лет, потраченных на то, чтобы «копать в теле», Сатпрем пишет короткое автобиографическое эссе, где он рассматривает ситуацию, в которой оказалось человечество, *Бунт Земли*. Затем в 1992 *Эволюция II*: «После человека — кто? Но главное: после человека — как?»

ТОГО ЖЕ АВТОРА

Издательство Робера Лаффона

Телом Земли или Саньясин, *роман* (1974)

Мать, *эссе* (1977):

1. Божественный материализм.
2. Новый вид.
3. Мутация смерти.

Гринго, *повесть* (1980)

Семь дней в Индии с Сатпремом (1981)

Беседы, собранные Фредериком де Товарницки

Разум клеток, *эссе* (1981)

Жизнь без смерти (1985)

Беседы, собранные и представленные Люком Вене

Бунт Земли, *эссе* (1990)

Эволюция II, *эссе* (1992)

Издательство Seuil

Золотоискатель, *роман* (1960)

Издательство Buchet/Chastel

Шри Ауробиндо или путешествие сознания, *эссе* (1964)

Происхождение Сверхчеловека (На пути к сверхчеловечеству), *эссе* (1974)

Институт Эволюционных Исследований

(32 avenue de l'Observatoire, Paris 75014)

DIFFUSION INTERFORUM

АГЕНДА МАТЕРИ 1951-1973

13-томный судовой журнал необычайного исследования Матери в сознании клеток тела, собранный Сатпремом, её свидетелем и доверенным лицом; двадцать три года опытов, пересекающихся с новейшими теориями физики материи и, возможно, ключ перехода человека к следующему виду.